

Николай Березовиков

Дачный рождество

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
Б48

Березовиков Н.Н.

Рясный дождь (Воспоминания, экспедиционные рассказы и размышления)/
Николай Николаевич Березовиков. - Алматы, 2024. - 392 с.

Николай Николаевич Березовиков (1956–2022) – крупный казахстанский учёный, орнитолог и зоолог, опубликовавший более 800 научных работ. Неутомимый и увлечённый исследователь - он был и одарённым краеведом, и популяризатором зоологических знаний.

Литературное творчество – отдельная грань таланта Николая Николаевича: заметки, очерки о разнообразии птиц и поведении животных, истории о приключениях и испытаниях охотников, егерей, научных работников публиковались во многих газетах и журналах. Живой язык, передающий колорит местного диалекта, тонкое знание повадок птиц и зверей, искусно и очень точно описанные ландшафты сразу погружают читателя в мир повествования.

К сожалению, при жизни Н.Н. Березовикову не удалось издать сборники своих произведений. Представленные вашему вниманию две книги выпускаются его друзьями и сыном. Книга «Таёжная заповедь» была подготовлена самим автором ещё в 2009 году, её структура выдержана в авторском варианте. Книга «Рясный дождь» – сборник воспоминаний, размышлений и рассказов, которые были ранее опубликованы в тех или иных изданиях в разные годы.

Обе книги пронизаны уважением к людям, которые в суровых и экстремальных условиях проявляют мужество, взаимопомощь и заботу о тех, кто оказался также во власти природной стихии. Но звучит и горечь об уходящих временах, когда традиции бережного отношения к природе неуклонно соблюдались.

Книги будут интересны краеведам, научным работникам, всем любителям природы, которым безразлична судьба родного края.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-80473-2-9

Рясный дождь

Когда я вышел из усадьбы Маркакольского заповедника и отправился по делам на метеостанцию, расположенную на горке в конце деревни Урунхайка, для себя мысленно отметил, что за последнюю декаду июня не было ни одного дождика, и стояла исключительно тёплая солнечная погода.

На метеостанции я пробыл не более часа, выписывая данные по температуре и осадкам за последний месяц. Эта работа закончилась традиционным чаепитием, в конце которого хозяин, отодвинув цветастую занавеску и, выглянув в окошко, вдруг воскликнул: «Ой бай! Тучи зашли, дождище будет, а у меня вся одежда и сбруя в ограде разбросаны». Быстренько обувшись и выскочив на крыльцо, он бросился собирать своё имущество. Наскоро попрощавшись, я спустился по тропинке с горки к озеру и сразу понял, что сухим до своего дома дойти не успею. Всё вокруг вдруг помрачнело. По Маркаколю под порывами шквального ветра с гулом ходили тёмно-зелёные волны, а тяжёлые чёрные тучи как пиратские каравеллы грозно надвигались на деревню. Обычно дождик начинает вначале моросить, гром гремит, молнии сверкают, однако в этот раз он случился так, как будто меня ведром воды сверху окатили. Дождь обрушился лавиной, и я вмиг стал мокрым до нитки. Накатанная дорога сразу же превратилась в мутный ручей с большими лужами. Закрывая лицо и голову руками, шёл я по ней, а точнее брёл, уже не обходя грязные места. Шёл я и удивлялся этому поистине тропическому ливню. Был он и вправду какой-то необычный и непривычный для этих мест, тёплым и даже приятным.

Дождь прекратился внезапно, как и начался, когда я уже подходил к дому. Под навесом конторы стоял сторож Алексей Филиппович и, покуривая сигарету, довольно улыбался.

- Чего смеетесь? - спросил я.

- Дождю радуюсь. Ты, погляди, какой рясный был! Даже капли падали прямо вниз, шлёпались и аж пузырились на воде и земле, - продолжая улыбаться, ответил наблюдательный старик, поглядывая на небо. — Не дождь, а радость какая-то! Говорят, когда такое случается, картошка хорошая урождается.

Помнится, удивился я тогда столь меткому определению, которое дал дождю Филиппыч. Слово «рясный» в народе обычно говорят, когда бывает богатый урожай ягод на малине, смородине или черёмухе. А вот про рясный дождь ни разу слышать ещё не приходилось, поэтому и запомнился он мне на всю жизнь!

Электронная газета «Ремез» №99. 2020

Птицьи острова

У всех моих друзей, чьи юннатские годы прошли на Иртыше, самыми любимыми и заветными местами наблюдений за птицами были речные острова. У семипалатинских птицеловов и юных натуралистов таким был Полковничий остров, у усть-каменогорских — Комсомольский остров. Мои школьные годы прошли в селе Берёзовка на Иртыше, где на протяжении пяти километров находилось шесть островов: Корабликов, Долгий, Кругленький, Гомзов, Ефимычев и Нижний. Первый из них начинался у Поповских скал, последний оканчивался у обрывов Калиткинских скал у нижнего края села, где Иртыш круто заворачивал на запад, в сторону посёлка Таврия. Они тянулись друг за другом цепочкой, разделяя русло реки на две части: протоку вдоль правого скального берега и широкую пароходную, вдоль левого. На каждом из островов были высокоствольные тополевые и ивовые рощи, труднопроходимые урёмы из черёмухи, крушины и тальников, перевитых хмелем, ломоносом и ежевикой. Местами имелись луга, поросшие жимолостью и шиповником. Все острова отличались друг от друга размерами и формой. Самым большим и лесистым из них был Долгий остров, в виде полумесяца протянувшийся на полтора километра. Каждый из них имел свою историю и тайну, и, конечно же, легенды о спрятанных кладах.

Мой родительский дом стоял на обрывистом берегу Иртыша напротив острова Ефимычев. От нашего дома начиналась улица Кирова, тянувшаяся до самого центра посёлка. Каждый день я видел из окна судоходную часть Иртыша с мигающими на ней бакенами, летающими чайками и проплывающими

речными кораблями, тянущими гружёные баржи. В семидесятые годы эту картину живописно дополняли быстроходные суда на подводных крыльях с названиями «Метеор» и «Беларусь», которые мы именовали «ракетами». Они стремительно проносились по реке, лихо заворачивая на излучинах.

Все школьные годы у меня были связаны с рекой. Каждую весну я встречал ледоход на Иртыше, а в начале зимы — ледостав. Хорошо помню, как в пору майского половодья на Иртыше я впервые попал с друзьями на остров Гомзов. В это время буйно цвела черёмуха, пели соловьи, азартно куковали кукушки и раздавались флейтовые голоса иволги. Из кустарниковых зарослей отовсюду доносилось пение разных птиц. Я тогда был шестиклассником и только начинал интересоваться птицами, поэтому долго бродил по кустам, прислушиваясь и рассматривая птичек, но опознать большинство из них не мог. -«Наверное, никогда я в них не разберусь», - в отчаянии думал я тогда. Но прошло несколько лет, и к десятому классу я уже знал почти всех птиц, которые водились в окрестностях Берёзовки. Я обошёл все окрестные сопки, скалы, лога и степные речки, но настоящим птичьим раем для меня стали иртышские острова. Это была замечательная школа юного натуралиста и я всегда с благодарностью вспоминаю эти места, подарившие мне радость общения с природой и птицами.

Пойма Иртыша входила в водоохранную зону, поэтому на островах была запрещена всякая хозяйственная деятельность, включая рубки леса, сенокосение, выпас скота, строительство. Эти правила строго соблюдались, поэтому на них не было построек, огородов, не случалось пожаров и не припомню случаев, чтобы жители окрестных деревень заготавливали там дрова. Большую часть года острова были безлюдными, лишь в жаркую летнюю пору на галечниковых и песчаных пляжах двух ближайших к селу островов появлялось много отдыхающих и купающихся людей. К концу лета, когда протоки мелели, через некоторые из них вплавь или вброд нередко переходили лошади и коровы. Они чаще всего устраивались на дневной отдых - отстой на продуваемых ветром мелких островках, где спасались от назойливых комаров, мошек и слепней. Попасть на острова, особенно дальние, было не просто. Имев-

шаяся в общем пользовании большая деревянная лодка была мало пригодна для подобных поездок — слишком уж тяжела и громоздка она была, и требовалось много времени и сил, чтобы загнать её вверх по реке, а потом грести тяжеленными вёслами. Для плавания на ней требовалась целая команда гребцов. Поэтому в качестве плавсредства я стал использовать объёмные резиновые камеры от грузовых машин и колёсных тракторов. Укладывал поперёк туго накачанной камеры две гладкие доски, ложился на них и грёб деревянными лопатками с короткими ручками. Укатив такое колесо до верхнего острова, переплывал на нём протоку, прятал в густых зарослях и отправлялся на экскурсию. Осмотрев один остров, перебирался на соседний и так с утра до вечера путешествовал от одного к другому, занимаясь поиском птичьих гнёзд, их описанием и фотосъёмкой. С этой целью у меня был небольшой походный рюкзачок со всеми необходимыми принадлежностями: записной книжкой, восьмикратным биноклем, фотоаппаратом, линейками, складным метром, штангенциркулем, аптечными весами, набором разновесов, а также связками алюминиевых колец. Постепенно я разведал все потайные уголки островов: затоны, озёрки, густо заросшие ивняками и тростниками проточки и старицы.

На островах в семидесятые годы обитало множество птиц — я нашёл на них свыше 40 гнездящихся видов. По густым зарослям татарской жимолости и шиповника я особенно часто находил гнёзда чечевиц, европейских жуланов, ястребиных и серых славок. В ивняках можно было увидеть поющих самцов варакушек, тростниковых овсянок, дубровников и камышевок-барсучков. На лугах часто встречались жёлтые трясогузки, а среди высокотравья черноголовые чеканчики и малые бормотушки. Однажды удалось обнаружить гнездо болотной совы. В ивовых и тополевых рощах всюду жили серые вороны, сороки, пустельги, иволги, дрозды-рябинники, полевые воробьи, изредка вертишейки, зелёные пеночки и обыкновенные овсянки. Иногда под корягами и валежинами удавалось находить гнёзда куличков-перевозчиков, лесных коньков и маскированных трясогузок. Практически на каждом острове жило по паре луговых луней, занимавших обширные за-

росли шиповника. В одно засушливое лето на кочкарниковом болотце, густо поросшем цветущей ромашкой, поселилась пара степных луней, успешно выкормившая четверых птенцов. В норах обрывистых берегов поселялись зимородки и ласточки-береговушки.

Самыми увлекательными были посещения колоний речных крачек. Первая из них находилась на галечниковых буграх, поросших колючим дурнишником, у верхней оконечности острова Корабликов. Вторая, самая крупная, насчитывающая несколько десятков пар, располагалась на песчано-галечниковом пляже излучины Долгого острова. Вместе с ними всегда гнездились до десятка малых крачек и несколько пар малых зуйков. Один раз на песке среди камней в колонии крачек устроил своё гнездо козодой. Два года подряд на краю этой колонии особняком гнездилась пара сизых чаек. Ежегодно вместе с ними поселялись беспокойные и крикливые кулики-сороки. А вот гнездо большого кроншнепа отыскать не повезло. Беспокойные голоса этих куликов, доносившиеся с лугов левого берега Иртыша, я частенько слышал во время пребывания на островах. Однажды не удержался и сплавал туда через широкую реку, но сколько не выслеживал, найти не смог — слишком уж осторожными они были. Но зато нашёл выводок белокрылых крачек с докармливаемыми птенцами. В те годы эти крачки были большой редкостью и только начинали расселяться, и эта находка была первым подтверждением их гнездования в верхнем течении Иртыша.

В начале лета я совершал пешком дальний маршрут на острова Иртыша до села Предгорное, в 8 км выше Берёзовки. Там было два острова — Элеваторный и Вороний. На последнем находилась большая колония грачей, птенцов которых я ходил кольцевать. Перевалив несколько степных увалов, спустился на берег Иртыша у колхозного сада и переплыл на Вороний остров, поросший густым лесом. Кроме грачей он интересовал меня ещё по другим причинам. Здесь я нашёл на гнездовании ремезов и белых лазоревок, которых не было у Берёзовки. А на одной из глухих проточек среди высокоствольного ивового леса увидел парочку необыкновенно эффектных уток — лутков. Первый раз я встретил их во время

майского посещения, затем в июне. Поэтому была у меня тайная надежда найти их выводок с птенцами. Пока выслеживал лутков, отыскал и описал гнёзда чирка-свистунка, коршуна, ушастой совы и кулика-сороки.

Плавание на надувной камере иногда проходило с приключениями. Один раз во время весеннего паводка вернувшись после осмотра острова к месту, где было спрятано «колесо», я обнаружил, что оно наполовину «похудело» - спустило. Пришлось спрятать рюкзак с вещами в укромном месте и отправляться через полноводную реку налегке, но это оказалось не просто и рискованно. Стоило мне сесть на камеру, как я сразу же погрузился в воду по самую грудь. Чтобы продвигаться вперёд, пришлось усиленно грести руками под водой. Когда добрался до противоположного берега, вода была уже мне по самые плечи. После этого случая стал я брать с собой насос, чтобы иметь возможность подкачивать камеру в критических ситуациях. Другой раз, переплыв широкую судоходную часть Иртыша, я вытащил «колесо» на песчаный берег и в этот момент оно оглушительно лопнуло. Такое случилось, скорее всего, потому, что камера была слишком туго накачана и долго находилась на солнце. Если бы она лопнула в глубоководной части реки с быстрым течением запросто можно было бы утонуть или утопить бинокль, фотоаппарат и другие ценные для меня вещи. Тем не менее, особого страха перед рекой я не испытывал, так как с детских лет хорошо плавал и был уверен, что в любом случае смогу добраться вплавь до берега.

В восьмом классе школы у меня состоялось знакомство с орнитологом Борисом Васильевичем Щербаковым, сразу изменившее мою жизнь деревенского юнната-одиночки. Во время первой же экспедиции с ним я освоил препараторское дело и довольно быстро научился делать тушки птиц, необходимые для научных целей. Вскоре обзавёлся ружьём и стал собирать орнитологическую коллекцию. Это занятие увлекало меня своей охотничьей романтикой, сложностью выслеживания и добывания птиц, научной ценностью некоторых экземпляров. Коллектирование помогало быстрее осваивать полевое определение птиц, так как бывали такие сложные виды, опознать которые можно было только держа птицу в руках. Конечно

же, хотелось сделать хотя бы небольшое научное открытие — найти новую для наших краёв птицу, которую раньше здесь никто не отмечал. И такие радостные события у меня нередко случались. Так в моей жизни увлечение птицами юного натуралиста незаметно переросли в серьёзные занятия орнитологией.

Были у меня тогда свои заветные охотничьи уголки, где всегда можно было встретить уток и других интересных птиц, особенно куличков. Одним из таких мест было Берёзовское озеро, другое — Глусарёвка, густо поросшие ивняками островки напротив Долгого острова. С виду они были ничем не примечательны, но стоило забраться туда и очутиться на мелководьях между ними, всегда можно было отыскать и добыть в коллекцию что-нибудь интересное. Именно здесь моя коллекция в те годы пополнилась такими редкостями для Верхнего Иртыша как гусь-гуменник, шилоклювка, лесной дупель, азиатский бекас, плосконосый плавунчик и другие интересные птицы. Тушки большинства этих птиц сохранились до сих пор и находятся сейчас в орнитологической коллекции Института зоологии в Алматы.

Электронная газета «Ремез» № 115. 2022 г.

Красная утка – священная птица

В казахской мифологии почетное место среди птиц по количеству легенд, сказаний и преданий занимает красная утка - огарь. Спросите про нее любого жителя аула и вам обязательно расскажут, что это священная птица, которую по законам предков нельзя убивать и использовать в пищу. Пожалуй, это одна из немногих птиц, святость которой не подлежит сомнению и заложена в сознание народа. Любой разговор об этой птице чаще всего сводится к обсуждению мифов, связанных с ней. Мне же хочется начать свой рассказ с народных легенд, посвященных красной утке.

В восьмидесятых годах, когда я работал в Маркакольском заповеднике, как-то за вечерним чаем в семье моих друзей Давлетовых в Алексеевке довелось мне услышать трогательную

К содержанию

историю, связанную с этими птицами. Хозяин дома рассказал про своего близкого родственника, который в молодости был заядлым охотником. Однажды ранней весной он отправился на охоту. В этот день ему не повезло и обратно возвращался он без добычи. Уже перед деревней, когда с речки взлетела пара красных уток, он не удержался, вскинул ружьё и метким выстрелом убил одну из уток, так как не привык возвращаться без добычи. Угрызений совести по молодости лет он не чувствовал, потому, что был уверен, что в эту весеннюю пору оставшаяся птица образует себе новую пару. Удивило тогда его то обстоятельство, что она сопровождала его до самого дома, а в последующие дни прилетала и кружилась над усадьбой, подолгу оглашая тоскливыми зовущими криками. Иногда по несколько раз день. «Не к добру это», - говорили старые люди, слыша её надрывный и чуть ли не плачущий голос. И вскоре беда пришла в дом. Неожиданно заболела и умерла у него любимая дочь. Похоронив её, он потом всю жизнь считал себя виновным в её смерти. Охотиться он после этого перестал, а свое ружьё отдал знакомому пастуху, взяв с него клятвенное обещание, что тот никогда не будет стрелять в огарей. Перед смертью он собрал всех родных и, покаявшись в том, что когда-то принял на душу большой грех, убив красную утку, завещал своим внукам беречь этих птиц. И это его завещание с тех пор выполняется не только родственниками, но и всеми односельчанами.

Во многих местах бытует поверье о том, что красные утки - это души умерших предков. Это постоянно подкрепляется в сознании людей встречами красных уток, сидящих на надмогильных сооружениях — мазарах и кумбезах, древних могилах из камней и на вершинах курганов. Порой эти встречи имеют прямо-таки мистический характер. Не раз, проезжая по степной дороге, приходилось видеть, как на могилу, одиноко стоящую среди степных сопок, с заунывными криками прилетает и усаживается пара красных уток. Конечно же, они так беспокоятся при появлении людей в районе своего гнезда, но каждый раз невольно создается впечатление, что так они встречают, приветствуют и провожают всех путников от имени человека, чей прах здесь покоится, и их голоса, полные

необъяснимой печали, долго звучат в степной тишине, пока люди не скроются из виду. У всех тюркских народов и буддистов она считается священной и неприкасаемой птицей, приносящей покой и умиротворение. Этих уток можно часто увидеть на выгонах и тырлах рядом с юртами на стойбищах как в монгольских степях, так и в горах Алтая и Тянь-Шаня. Особым почтением красная утка пользуется в Тибете, где считается оберегом, избавляющим человека от окружающих его злых демонов. По киргизским легендам атайка произошла от снохи пророка, испугавшейся в запретном озере и превращённой за это в птицу.

Огари распространены по всему евразийскому континенту от Атлантического до Тихого океана, встречаясь от пустынь до высокогорий. На озерах Памира и Гималаев, к примеру, их можно увидеть на высотах от четырёх до пяти тысяч метров над уровнем моря, уже в зоне вечных снегов и ледников. Эту птицу знают и почитают во всех странах мира, чаще всего называя ее красной уткой. Она является рекордсменом среди птиц по числу имен, которые ей даны и по количеству мифов вокруг неё. Её научное название *Tadorna ferruginea* дословно переводится с латинского языка как рождающийся из пламени, то есть огненный.

А вот происхождение русского названия «огарь» не совсем ясно. В славянских языках есть совсем забытое слово «угор», которым называли любые небольшие возвышенности на равнине. В старину в некоторых местностях Руси бытовало выражение «пойти на огар», то есть на гору. Возможно, так и назвали этих уток из-за их любви сидеть на вершинах холмов и курганов. Не случайно, что местами ее называют бугровой уткой.

Казахское же название сарыалаказ означает рыжий пёстрый гусь, хотя в разных частях Казахстана можно услышать другие ее имена. Так, бывая в Тянь-Шане, вы с удивлением услышите, как местные жители зовут её атайкой, в казахстанской части Алтая — варнавкой, в соседних районах Сибири — красным турпаном. А ещё иногда казахи её зовут италаказ, что переводится как собака - пёстрый гусь. С этим её необычным именем связана история о происхождении казахской

борзой собаки — тазы. По народным преданиям считается, что тазы произошли от атайки. Примерно раз в тысячу лет в одном из гнёзд красной утки из яйца рождается щенок тазы — «священный подарок Аллаха». Найти его во все времена считалось большой удачей, потому что он приносит человеку богатую и счастливую жизнь. Одна из легенд, которую мне довелось услышать на Каркаре, гласит, что однажды бедный пастух, потерявший в горах овец, нашёл в старом волчьем логове гнездо атайки, в котором среди вылупившихся из яиц утят лежал светло-жёлтый щенок. Он забрал его, привёз в свою юрту и выкормил. Из щенка выросла красивая быстроногая тазы, которой не было равных в округе в быстроте бега и в охоте. С тех пор в семью пастуха пришло счастье, а его охоту стала сопровождать удача за удачей. На его столе каждый день теперь было мясо, кумыс, айран и зажил он весело и благополучно.

Многое в жизни этих птиц загадочно, непонятно и странно. По виду они представляют собой что-то среднее между утками и гусями, Ученые до сих так и не решили к кому их отнести, выделив в отдельное подсемейство земляных уток, потому что они устраивают свои гнезда в старых норах волков, лисиц, корсаков, барсуков и сурков, расширяя их в случае необходимости. Но не только в звериных логовищах живут они. Нередко селятся в нишах под каменными плитами, в трещинах скал и береговых обрывов, в дуплах старых деревьев. Находили их гнезда даже в старых стогах сена, на чердаках брошенных домов, среди развалин саманных кошар и в пустотах обвалившихся древних могил в степи. Это объясняется тем, что подыскать подходящее место для устройства для гнезда не так-то просто. Поэтому и поселяются они порой в пустынных чинках, каньонах, глухих непроходимых ущельях, иногда далеко от воды.

Иногда можно услышать казахскую быль, более похожую на сказку, о том, что красные утки, живущие в норах, проводят в них всю зиму, будто бы впадая в спячку. С этой легендой у меня была забавная история, случившаяся в Северном Тянь-Шане. Однажды в мае, во время поездки с группой швейцарских туристов - бёдвотчеров, остановились мы на окраине села Жалаулы у подножия хребта Кулуктау. Оставив машину

с водителем на деревенской окраине, я повёл гостей показать птиц, живущих на речке Кеген. Едва мы дошли до неё, как увидел, что от оставленной машины в нашу сторону торопливо спешат два пожилых местных мужика. Подошли, поздоровались. Один из них, в тубетейке, поинтересовался:

- Мне сказали, что из Алматы учёные приехали, которые птиц изучают?

- Да, мы орнитологи, - подтвердил я.

- Утку-атайку знаешь, которая в норах живёт?

- Знаю, - кивнул я.

- Скажи мне тогда, где они зимуют?

- В Индии, Средней Азии, но часть из них остаётся у нас на юге Казахстана, а в тёплые зимы даже в Алматинской области.

- Я не про это спросил. Мне надо знать, где они всю зиму спят?

- Птицы в спячку не впадают, они же в тёплые страны на зиму улетают,

- Неправда. Я с детства точно знаю, что они зимой спят в своих норах. Мне про это отец говорил, а ему его отец рассказывал. А дед мой мугалимом был, он всегда только правду говорил. — Это же легенда, сказка, - попытался я переубедить его.

- Я тебе тоже говорил, что такого быть не может, а ты споришь со мной всю жизнь, - поддержал меня вдруг всё время молчавший и слушавший наш разговор второй мужчина в кепке.

- Да ну вас всех, ничего вы в птицах не понимаете, - не на шутку рассердился мужик в тубетейке, развернулся и быстрым шагом пошёл в сторону деревни.

- Не обижайтесь на него, - пожимая руку на прощание извинился его товарищ, - это мой друг детства, я с ним со школьных лет на эту тему спорю. А тут узнал, что вы приехали, вот и позвал его, чтобы рассудили нас.

Красные утки живут неразлучными парами. Пока самка насиживает яйца, самец охраняет гнездо и сопровождает ее во время полетов на кормежку. Семьи у них бывают большие - до 12 птенцов. А так как они «усыновляют» всех потерявшихся и осиротевших утят, их выводки могут увеличиваться до двух

и более десятков. Птенцы с первых дней жизни проходят тяжелейшие испытания. Из гнезд, устроенных в скалах, им приходится выпрыгивать на землю с высоты до десятка и более метров, а затем совершать дальние и полные опасностей пешие переходы до ближайших водоёмов, иногда удаленные до десятка километров. От пернатых хищников и зверей родители защищают своих детей с небывалой самоотверженностью, вызывающей восхищение у людей. У бухтарминских казахов на Южном Алтае даже есть поверье, что в самцов красных уток переселяются души погибших в бою батыров, потому что в случае опасности, когда самка остаётся при птенцах, самец же бесстрашно летит на встречу приближающейся опасности и готов пожертвовать своей жизнью ради их спасения.

Журнал «Зелёный мир». Выпуск № 12, лето 2018.

Страх

Дождливым октябрьским вечером ко мне домой в Урунхайке зашел в гости старый друг Спиридон Филиппович Копылов, сутки назад вернувшийся с охоты. Скинув промокшую фуфайку и шапку, присел у жарко натопленной печки, поеживаясь и растирая озябшие руки. Выглядел уставшим и мрачным.

Лишь за ужином, после нескольких стопок спиртного, старик оживился и рассказал о злоключениях своей охотничьей поездки в горы. В тот день, когда поднялись на вершину одного из дальних белков, попали под проливной дождь, который ночью перешел в сильный снегопад, продолжавшийся весь следующий день. Двое суток бедовали под лиственницей в шалаше из кусков коры, а потом кое-как выбрались по бездорожью домой.

— Обидно, готовился столько. Думал, съезжу на свою последнюю охоту и на этом все, хватит. Здоровья уже нет по горам ходить. Погода все испортила. Придется ждать следующей осени.

После ужина присели у печки, закурили и, как всегда, разговор перешел на излюбленные охотничьи темы. Я люблю слу-

шать Спиридона Филипповича. Рассказчик он изумительный и каждый, казалось бы, обыденный случай из своей охотничьей жизни, может изложить как самое увлекательное событие. А поохотился он немало и среди маркакольских охотников его по праву включали в первую тройку бывалых медвежатников. Сам же он весьма скромно оценивает свои успехи.

— Двадцать медведей точно взял, остальных не считал.

Расспросив меня о недавней поездке в Кабинские горы и, выслушав восторженный рассказ об охоте за маралами, Филиппыч, как-то задумчиво, словно стараясь не обидеть, сказал:

— Знаешь, охота за маралами, конечно, увлекательная, интересная, особенно в горах, во время гона. Я сам охотился на них, но понимаешь, все равно в ней нет того азарта и риска, как при охоте на медведя. Это трудно объяснить, но, когда берешь один на один здоровенного зверя, чувства испытываешь особые. Их ни с чем не сравнить. Я же охочусь с одностволкой тридцать второго калибра и беру зверя скрадом, с расстояния в пятьдесят, а порой и в тридцать метров. А это уже поединок — кто кого! А вот такую охоту, когда зверя бьют из карабина, да еще с оптикой, с безопасного расстояния за триста-пятьсот метров, не понимаю и не признаю. Это просто заготовка мяса и истребление зверя без шанса ему выжить.

Разговор постепенно перешел к критическим случаям на медвежьих охотах, на которых немало охотников погибло и еще больше покалечено. Медведь — зверь особый, не прощающий человеку ошибок. При сравнительно плохом зрении он обладает исключительным обонянием. В случае беспокойства встает на задние лапы, мордой водит из стороны в сторону — «нюхтит», пытаясь по запаху и на слух уловить источник опасности. Используя эту медвежью слабость, бывалые охотники обычно скрадывают его с подветренной стороны, но обязательно с верхней части склона, выжидая момент, когда он увлеченно копает корни. Подкрадываются как можно ближе, затаиваясь за камнями и кустами и, бьют наверняка, в самое убойное место, под лопатку, чтобы свалить с первого выстрела. Некоторые же, по неопытности, подходят и стреляют по нему снизу, что и приводит к роковым последствиям. Напуганный выстрелами зверь всегда бросается бежать вниз или вдоль по склону и если ему подвернется на пути человек, то не

миновать беды. Порвет в ярости. Убежать и спастись от него в такие моменты невозможно. При всей внешней массивности и неповоротливости, он, в действительности, обладает исключительной скоростью бега и легко настигает на короткой дистанции любую лошадь. Даже смертельно раненый, с пробитым пулей сердцем, он может пробежать более двухсот метров. На поиски раненого знающие охотники идут только со зверовыми собаками, которые отыскивают и задерживают его до подхода хозяев. Уходящий подранок обязательно залегает, затаивается и ждет возможных преследователей. И нет большей глупости для погорячившегося охотника, который в азарте бросается следом за зверем, пытаясь его отыскать и добить. Вспоминается сразу трагическая гибель усть-каменогорского охотоведа и опытного таежника Семена Ожегова, который пошел по следу раненого медведя, один, без собак, и был растерзан зверем.

— Сколько угодно таких случаев, — махнул рукой Филиппыч, — чаще всего по глупости или в горячке.

— Ну, а у тебя были случаи, когда бывало страшно?

— А как же без этого. Бывало и такое. Но один был особый случай. О нем я мало кому говорил, но тебе расскажу.

Наступления осени Спиридон Филиппович всю жизнь ждал с особым нетерпением. В этом году, в середине сентября, он, как всегда, взял в лесхозе положенный трудовой отпуск и, отложив все домашние дела, дважды объехал на лошади ближайшие к Маркаколю горы, но не удачно. Сразу же решил ехать в одно из заветных своих мест — горы Кокжита, что у самой китайской границы. Хоть и далековато от дома, зато медведь там непуганый. Была и другая причина спешки — дошли слухи, что туда же собирается поехать известная в деревне охотничья семья. А после их посещения со зверовыми собаками другим охотникам в тех местах делать уже нечего.

Собирался спешно. Своя лошадь захромала, пришлось выпрашивать кобылу у родственника. Не было в этом году и толкового напарника, поэтому пришлось ехать одному. Когда седлал и вьючил лошадь, как назло, зашла в гости соседка.

— Никак на охоту? — поинтересовалась она.

Спиридон даже выругался сгоряча. Худшей приметы не бывает, когда перед выездом на охоту повстречается баба, да еще с таким вопросом.

Тайком, огородами, выехал на окраину деревни и вскоре уже поднимался тропой в горы. Пока ехал, понял, что с выбором лошади ошибся. Молодая кобыла была не привыкшей к дальним поездкам по горам, и Спиридон долго не мог приноровиться к ее характеру и повадкам.

До Кокжиты добрался поздним вечером. Тропой, по лесистой гриве, уже в глубокой темноте поднялся почти до верхних лиственниц и под одной из скал остановился на ночевку. Перекусил всухомятку и устроился спать по-походному — на потнике из кошмы, подложив под голову седло. Лошадь оставил рядом, привязав за длинный повод узды к седлу.

Проснулся рано — едва начало светать. Ночью был заморозок — трава вся в инее. Спросонья поискал рукой повод, но не нашел. Вскочил, осмотрелся — лошадь, оказывается, отвязалась и ушла. Вначале не придавал этому значения и, захватив ружье, стал подниматься в гору. Места знакомые и нужно было успеть до рассвета подняться наверх, чтобы загодя, до выхода медведя на кормежку, выбрать хорошее место. Пока поднимался по крутяку, согрелся.

— Куда же я иду, — осенила его мысль, — убью медведя, а что буду делать без лошади. Вдруг ей вздумается и уйдет домой. А еще хуже — заблудится и потеряется, не считаешься потом. А ведь до деревни полсотни километров.

Выкурив сигарету, Спиридон решил вначале отыскать лошадь. Скорее всего, она ушла вниз под гору, на широкую долину, где переезжали ручей. Лошадь обычно хорошо запоминает пройденную ею дорогу и, особенно, место последнего водопоя. Вернувшись обратно, стал спускаться по тропе, идущей по гриве, по обоим краям которой рос темный лес. Прошел метров двести или триста, когда сзади, на крутом спуске, послышались приближающиеся шаги. Земля была подмерзшая и все звуки в такую пору хорошо слышны. Показалось, что кто-то бежит следом. Оглянулся, но никого позади в утреннем сумраке не было видно. Двинулся дальше. Вдруг звук нарастающих шагов донесся уже отчетливо, и Спиридон даже спиной по-

чувствовал приближающуюся опасность. Обернулся и увидел бегущего вниз во весь мах медведя. Сдернул с плеча ружье, выстрелил в стремительно надвигающуюся темную махину, заорал не своим голосом и отлетел в сторону от сильного удара. Когда вскочил, то сразу увидел, что медведь, пробежав по инерции еще метров пятнадцать, остановился и повернулся в сторону охотника.

— А-а-а-а, — вырвался из груди охотника страшный от смертной безысходности крик.

На миг замерли друг напротив друга — свирепый зверь и обезумевший от страха человек.

Медведь мотнул из стороны в сторону головой, перешагнул через колодину и молча скрылся в темноте леса. Спустя минуту-другую, уже оставшись в одиночестве, Спиридон пришел в себя и ощутил, что его всего трясет от страха. Вспомнил, наконец, про ружье и торопливо перезарядил его. Отошел в сторону, почувствовал в ногах слабость и опустился на землю.

Выкурил подряд несколько сигарет, пока не начал успокаиваться и оценивать случившееся. Что же случилось? Зачем следом за ним бежал медведь и почему он не напал на него. В

чем дело? За многие годы охот подобного ему не приходилось видеть и слышать от других медвежатников.

Вскоре начал понимать, что их встреча была просто роковой случайностью. Медведь, поднимавшийся вверх на гору, вероятнее всего, вышел на место его ночевки и, учуяв запах человека, бросился бежать вниз по тропе. На крутом спуске он, видимо, не успел его сразу рассмотреть, поэтому и не проявил агрессии, оставив насмерть перепуганного охотника живым.

Спиридон поднялся, собираясь с мыслями. Состояние было как с горького похмелья. Обнаружил, что на груди нет бинокля. Вернулся к месту столкновения и в нескольких шагах нашел его в траве. Ремешок был разорванным и это породило новую загадку. Значит, медведь на бегу все-таки хватанул его лапой или пастью?!

Вспомнил про выстрел. Стрелял почти в упор и промаха быть не могло. Подошел к месту, где в последний раз стоял медведь. Крови на траве не было, однако на колодине, через которую он перебирался, нашел буроватый мазок. Значит, все-таки, обранил зверя, но не сильно.

Держа ружье на изготовку и осматриваясь по сторонам, не спеша отправился вниз по тропе, обходя все подозрительные места.

Лошадь увидел издалека. Она действительно ушла в долину и теперь паслась в одиночестве на лужайке около ручья. Однако радость от встречи оказалась преждевременной. Заметив его приближение, кобыла стала уходить в сторону, не подпуская человека ближе, чем на сто метров. Пришлось применять все известные ему способы. Спиридон подолгу лежал в стороне от нее, ласково называя ее по имени и постепенно, метр за метром, приближаясь к ней. Только спустя два часа удалось оттеснить строптивую кобылу к развалинам старой заставы и там, наконец, он смог схватить конец повода. Кое-как усмирив и сев на нее верхом, поехал обратно. Предстояло вернуться к месту ночевки, чтобы забрать седло и переметные сумы.

Еще когда был у ручья, слышал со стороны гривы звук одиночного выстрела. Теперь, поднимаясь вверх, внимательно

осматривал все лощины и распадки в надежде увидеть охотников. Вскоре донесся лай собак и оживленные голоса людей. Подъехал и узнал троих знакомых мужиков из соседней деревни. Они, стреножив лошадей, разделявали медведя.

Поздоровались, разговорились. Оказалось, утром они приехали из Успенки в Кокжету и, когда начали подниматься вверх по склону, собаки сразу же отыскивали след и подняли медведя, которого удалось взять с первого выстрела. Когда начали разделявать, к своему удивлению, обнаружили в нем две раны.

— Наверное, это твой подранок? — высказали они предположение. Спиридон молча кивнул. На предложение взять свою долю, он наотрез отказался и вкратце рассказал о происшедшем утром случае.

— Не могу я, мужики, после этого.

Добравшись до места стоянки, Спиридон Филиппович заседлал лошадь и отправился обратно домой. После пережитого всякое желание продолжать охоту в этот день у него как отшибло. На полпути повстречал шумную ватагу урунхайских охотников со зверовыми собаками.

— Спиридон едет с Кокжеты и без медведя. Где это видано?! — обступили они его с расспросами.

— Расстрелял все патроны, за новыми еду, — отмахнулся он. Пересказывать пережитую утром трагедию ему не хотелось.

— Вот такая история приключилась, — закончил свой рассказ Спиридон Филиппович. — Теперь я точно знаю, что от сильного испуга и страха человек при встрече с медведем может рассудок потерять. Так кричать, как я орал, можно только перед смертью. Не дай бог, кому такое испытать!

Самсон

Из всех лошадей, на которых пришлось ездить в годы работы в заповеднике, мне больше всего запомнился Самсон. Однажды осенью мы срочно собрались в поездку на Курчумский хребет и мне выделили жеребца, принадлежавшего одному из егерей.

— Владимирский тяжеловоз, — первое, что подумал я, когда увидел его.

По всей его чрезвычайно упитанной фигуре было видно, что жеребец все лето жил на вольных хлебах и не знал седла. Проблемы с ним начались в первые же минуты сборов, как только я начал его седлать. Самсон, почувствовав, что его готовят в дальнюю дорогу, стал пускаться на разные хитрости. Он раздувал свой огромный живот при попытке застегнуть подпругу, и она не сходилась. После долгих усилий с трудом удалось застегнуть ее на последнем отверстии ремня.

Вскоре мы собрались и тронулись в путь. И тут я обнаружил, что не могу сидеть в седле нормально. Непомерное раздувшийся бока лошади не давали возможности вставить обе ноги в стремяна, что необходимо для сохранения равновесия и безопасной езды при подъемах и спусках. После долгих мук, пришлось ехать, оставляя в стремяни лишь одну ногу, а другую подгибать.

На выезде из деревни Самсон заупряился и ни в какую не хотел идти дальше. Он не желал переходить на быстрый шаг, семенил, а при попытке применить кнут, возмущенно взбрыкивал и начинал идти рысью. В таких случаях приходилось сдерживать его, так как в моем положении это вызывало болезненные ощущения в области копчика. При этом он принимался отфыркиваться и издавать звуки, напоминающие непрерывный чих. На одном из крутых спусков он умудрился так поджать живот и ослабить подпругу, что седло и все навьюченные сзади вещи съехали на бок. Пришлось останавливаться, и с руганью заново седлать упрямого жеребца.

Видя, что я не могу управиться с упрямым Самсоном и нахожусь на грани нервного срыва, мой напарник Сергей предложил на время поменяться конями. Зная, что он прекрасный

наездник и может укротить нрав любой строптивой лошади, я с радостью согласился. Какое счастье было сесть в седло нормальной и послушной лошади. Однако все мое удовольствие закончилось через километр.

— Забирай этого изверга, или я его убью, — сказал мне разъяренный Сергей, сел на свою лошадь и уехал вперед на сотню метров, чтобы не видеть и не слышать моих страданий.

Обратно на Самсона я садился как на дыбу и электрический стул вместе взятые. Каждый, много ездивший на лошадях, поймет мое состояние, когда двадцать километров пути мне пришлось сидеть в седле на «пятой точке», широко раздвинув ноги, а каждый лошадиный шаг отдавался болью во всем моем теле.

Вечером мы добрались до места первой стоянки на берегу горной речки. Я к этому времени уже с трудом передвигал ноги по земле. Кое-как установили палатку и начали готовить ужин. Вскоре, сидя у костра, чаевничали и вспоминали прошедший день. Вдруг Сергей изменился в лице и закричал:

— Ты только посмотри, что он вытворляет!

Я оглянулся и обмер. Позади нас, упершись передними ногами в землю, словно собака, сидел Самсон и скалил зубы. Так обычно делают лошади, выражая чувство радости. Мне же показалось, что он просто смеялся над нами.

Сергей схватил палку и прогнал его в сторону.

— Сколько живу, но такое вижу впервые. Он же издевается над нами!

Я был полностью с ним согласен.

Весь следующий день прошел в очередных муках езды по горам. На третий день мы отправились в обратный путь. Почувствовав, что едем домой, Самсон преобразился. Он беспрекословно слушался каждого движения повода, шел превосходным шагом и легко переходил в рысь. Я его не узнавал и уже не сердился на него как прежде. У каждой лошади свой характер.

Козы на деревьях

На краю усадьбы заповедника стоял густой пойменный лес из старых ив и берез, в котором у меня развешаны искусственные гнездовья — синичники, используя которые, я каждый год вёл наблюдения за гнездовой жизнью птиц. Этим утром, перейдя по бревну на другую сторону шумной речки, по тропинке углубляюсь в этот лес. Останавливаюсь под раскидистой ивой, на которой висит первый по счету скворечник и, замираю от удивления при виде мистической картины. Под самой вершиной дерева, упершись копытцами в развилки ветвей, стоит... коза и преспокойно щиплет листву. На соседней иве замечаю вторую, а дальше — третью... Оказывается, целое стадо из десятка ангорских коз, демонстрируя чудеса альпинизма, «пасется» под вершинами ив.

Заинтересовавшись необычным поведением «бородатых альпинистов», я вскоре убедился, что они без особого труда взбираются по наклонным стволам старых ив на высоту трех-четырёх метров, с завидной лёгкостью перемещаются по всей кроне деревьев, перешагивая с ветки на ветку. При этом, стараясь дотянуться до свежей листвы, они, упершись копытами задних ног в прочные развилки ствола, а передними в боковые и верхние ветки, принимают почти вертикальную стойку. Мне оставалось только позавидовать их ловкости, так как самому, предстояло всё утро взбираться поочерёдно на несколько десятков деревьев, занимаясь осмотром птичьих гнезд.

Вообще, коза — одно из самых удивительных домашних животных: умных, смелых и выносливых. И хотя за ними уже давно закрепилась печальная слава «разрушителей ландшафтов, предвестников опустынивания земель и обнищания народов», тем не менее, они являются постоянными спутниками человека вот уже около десяти тысяч лет. Будучи прирожденным скалолазом, коза в поисках корма может забираться на отвесные скалы и невероятные кручи. А одна из увиденных мной в лесу коз, спустя несколько дней отличилась тем, что во время стрижки сумела убежать от хозяйки со связанными ногами. При этом она поднялась по ступенькам лестницы на крышу дома и весь день простояла там около телевизионной антенны на самом недоступном месте.

Игра в прятки

В тишине прохладной лунной ночи, когда кругом замирают все звуки и лишь доносится глухой гул озерных волн, скрипучий крик коростеля на лугу вызывает необыкновенное чувство прелести. Каждый звук его песни звонко разносится по лугам, гулко отдается в глухом лесном распадке и, создается впечатление, что одновременно кричат два дергача, стараясь перекричать друг друга.

Так я думал вечером, лежа в палатке на берегу Маркаколя у самого истока Кальджира. Однако на рассвете мое мнение о вокальных способностях коростелей резко изменилось. Чуть свет меня разбудил оглушительный, режущий слух скрип, раздавшийся рядом с палаткой — словно кто-то со злостью водил рашипелем по ржавой жести. Как я не пытался вновь заснуть, но так и не смог. Невольно вспомнил, что маркакольские острословы иногда в шутку называют эту птицу «гвоздодёром». Пришлось вставать. Одевшись потеплее, я выбрался на бугор, присел на сухой ствол дерева и осмотрелся. Было сыро, над озером висела туманная дымка, птицы еще молчали.

И вдруг чуть не вздрагиваю — в метрах двух от меня в густой осоке в полную силу опять заскрипел дергач. Решив его вспугнуть, встаю и подбегаю к зарослям, откуда доносился голос. Он сразу же стих, но саму птицу я так и не увидел. Делаю бегом два круга, но никого не нахожу. Возвращаюсь и присаживаюсь на лесину, но через минуту, с того же места, где я только что был, опять раздается резкий крик. В несколько прыжков оказываюсь там, откуда исходит звук, но дергача там опять не нашел, хотя осмотрел все невысокие заросли травы. Вновь возвращаюсь, и опять крик. Так продолжалось еще несколько раз, но все мои попытки отыскать птицу-невидимку так и не увенчались успехом. Скрипун победил в этой игре в прятки, оставив орнитолога в полном недоумении своей способностью прятаться.

Самосуд и сорок

- В поведении птиц порой случается такое, что не объяснишь с первого раза, - начал разговор Борис Васильевич Щербаков во время чаепития у вечернего костра около лесной избышки. И поведал нам несколько интересных историй из жизни птиц, вызвавших у всех живейший интерес. — Но если большинство случаев хоть как-то укладывается в какие-то поведенческие схемы и гипотезы, - продолжал он, - то вот, то, что я наблюдал недавно среди сорок, привело меня в полное недоумение.

И рассказал, что однажды в Ульбинских горах он увидел сорок, слетевшихся на склон и устроивших шумное сборище с громким стрекотанием, во время которого они вдруг напали и заклевали одну из сорок, находившуюся среди них. Убив её и пострекотав, разлетелись. Что за судилище они устроили и за что с такой жестокостью убили свою несчастную родственницу, осталось непонятным и не объяснимым. Ничего подобного никому из нас видеть не приходилось. Долго мы обсуждали этот случай и, в конце концов, сошлись на том, что в сорочьём коллективе случилось явление, напоминающее самосуд, хотя все понимали, что здесь было что-то более серьёзное, совсем не известное по сей день в науке.

И вот спустя многие годы в одной из бухтарминских деревень произошло событие, заставившее меня вспомнить эту историю. Было раннее октябрьское утро с морозящим дождём. В одной из усадеб в капкан, установленный у курятника на крыс, случайно попала сорока. Бьющаяся птица своими истошными криками привлекла внимание ещё нескольких сорок, которые со стрекотанием стали летать поблизости, присаживаясь на забор и постройки. Пострадавшая была освобождена хозяином и выпущена на свободу. Улетала она вихляющим полётом, с болтающейся сломанной лапкой. При этом пыталась набрать высоту, чтобы долететь до стога сена в дальнем углу огорода. Следом за ней со стрекотом сразу же устремились находившиеся поблизости три сороки, одна из которых, настигнув её, неожиданно нанесла удар в спину. Сорока комком упала на землю. Атаковавшие её сородичи тотчас опустились рядом и, нанося удары клювами в

голову, дружно убили её, издавая визгливые крики. К этому избиению подключились ещё три прилетевших на крики сороки. Более десятка других слетелось на поднявшийся шум, расселись по изгородям и, наблюдая за происходящим, громко стрекотали. Совершившие самосуд птицы ещё некоторое время ходили рядом с высоко поднятыми хвостами и каждый раз набрасывались на жертву, когда она начинала шевелиться в предсмертных судорогах. Возвращались и клевали даже тогда, когда под порывами ветра шевелились перья её оперения. Когда она затихла, убийцы одна за другой разлетелись, расселись на заборе и вскоре успокоились, не предпринимая попыток приблизиться к убитой, даже когда рядом с ней появился хозяйский кот, обнюхавший мёртвую птицу и, брезгливо отряхивая лапы, ушедший дальше. Попыток расклёвывать убитую сороку они не предпринимали в течение всего этого и следующего дней.

Что же случилось среди сорок и почему они с такой жестокостью убили себе подобную? Со всей очевидностью можно сказать, что причиной нападения была полученная птицей тяжёлая травма и вид крови. Могу предположить, что её добились, как не способную жить. Вроде бы из жалости, чтобы не мучилась!? Говоря научным языком, произошло явление, называемое «элиминацией нежизнеспособных особей». Надеюсь, что со временем всё же появятся новые наблюдения и факты, подтверждающие или опровергающие такой вывод. Других объяснений этому у меня пока нет.

Электронная газета «Ремез» № 55. 2015 г.

Современная собака

Жизнь в урбанизированном мире для окружающих нас животных с каждым годом усложняется, меняется их поведение и порой в самых неожиданных формах.

В одном из усть-каменогорских домов, на восьмом этаже, семья держала небольшую собачку по кличке Жучка, которую приходилось ежедневно выводить на прогулку. При этом пожилые хозяева постоянно пользовались лифтом. Со време-

нем собачка привыкла самостоятельно ходить на прогулки, но непременно пользуясь лифтом.

По утрам кто-нибудь из членов семьи обычно выводит ее на лестничную площадку, вызывает лифт, собачка привычно вбегает в кабину, хлопает дверь, и она уезжает на первый этаж, где выскакивает на улицу. Возвращаясь обратно, она терпеливо поджидает у дверей лифта, пока кто-нибудь из жильцов не поедет вверх. Не всегда ей сразу приходится добраться до своего этажа, поэтому она подолгу катается вверх и вниз, пока дверь не откроется на нужном этаже, который Жучка всегда узнает безошибочно. Каждая такая поездка, несмотря на бесконечные приключения, приносит собаке несравненное удовольствие. А вот подняться по лестнице на восьмой этаж или спуститься по ней на улицу у нее нет никакого желания. Как и большинство горожан, она предпочитает подолгу толкаться у дверей в ожидании лифта...

Сообразительная кошка

В нашем доме многие годы жила кошка по имени Райка — мохнатая красавица с желтыми выразительными глазами. Одной из ее странностей была полная молчаливость. Родилась ли она немой или по каким-то причинам потеряла голос, но, с тех пор как ее принесли несмышленным котенком, мы ни разу не слышали от нее характерного мяуканья.

Молчаливость создавала для нее множество трудностей в жизни, но она постепенно к ним приспособилась. Когда Райка была голодна, она подходила к кому-нибудь из членов семьи и, привстав на задние лапы, передними упиралась в ногу человека и выжидательно смотрела, пока не получала еду. Если же ее желание долго не выполнялось, она выпускала когти, но никогда этим не делала больно. К этому вскоре все привыкли и понимали кошку «с полуслова». Когда она по каким-то причинам оставалась вечером на улице, то в отличие от других кошек не отсиживалась до утра на холоде. Она прибежала к кухонному окну, вспрыгивала на завалинку и когда кто-нибудь появлялся в комнате, принималась требовательно царапать

когтями по раме или стеклу. Если же свет на кухне не горел, она перебиралась к другому освещенному окну и вновь «стучалась». Ее сигнал хорошо знали в нашей семье и шли открывать ей дверь. Кошка сразу же мчалась вокруг дома и встречала хозяина на крыльце. Освоившись, она в дальнейшем уже «просила» впустить ее в дом даже тогда, когда все ложились спать и в комнатах уже давно не горел свет.

Волги ноги на Тентеке

Это была моя пятая весна в Алакольском заповеднике, когда я отправился в дельту Тентека для наблюдений за весенним прилётом птиц. Ранним морозным утром десятого марта мы выбрались с вещами на северную окраину Ушарала, где нас поджидали инспектора заповедника на двух снегоходах. К одному из них были прицеплены длинные сани со стальными полозьями и кузовом с деревянными бортами. В их передней части лежали канистры с бензином, коробки с продуктами, мешки и сумки, а в нижней на соломе устроился я со своим напарником Султаном Амаевым - инспектором обхода «Кокпекты», куда мы и направлялись сегодня. Взрели моторы и скрежеща гусеницами и полозьями по асфальту и грейдеру снегоходы доползли до железнодорожного переезда, преодолели его, вырвавшись в заснеженную степь. Замелькали убеждённые инеем кусты чия, чингила и жигиды. Мы взяли курс на озеро Сасыкколь, точнее, в верхнюю часть дельты реки Тентек.

В прежние вёсны, выезжая в эти же сроки на учёты, мы уже встречали по обтаявшим обочинам дорог и проталинам в степи первых прилётных птиц — огарей, чибисов, степных и полевых жаворонков. В этот раз вокруг простиралась мёртвая равнина в туманной пелене, поэтому создавалась полная иллюзия глухой зимы. Через два десятка километров по бездорожью добрались до переезда через Тентек, съехали на лёд и помчались вниз по реке по накатанной санной дороге. Вдоль берегов высокой стеной тянулись жёлтые тростниковые заросли с кустами тальников, которые постепенно сменились густым

тополевым и ивовым лесом, белым от обильного пушистого инея. Картину зимнего пейзажа иногда дополняли кошары и домики крестьянских хозяйств, над мазанками которых высоко в небо поднимались столбы дыма.

Наконец после долгой езды свернули вправо и преодолев сугробы в тополевом лесу, выехали на обширную поляну среди тростников, на которой около старых раскидистых вётел стоял белый домик кордона Алакольского заповедника. Располагался он в его охранной зоне, на границе с лесхозными землями. Заповедная территория находилась в нескольких километрах ниже по реке, откуда начинались водно-болотные угодья дельты Тентека, простирающиеся до озера Сасыкколь. Позади кордона возвышалась добротная бревенчатая кошара, в которой этой зимой содержался частный скот, а на кордоне временно жил Марат с женой Гулей, маленькой дочкой и двумя братьями, которые помогали ухаживать за хозяйством. Такая ситуация возникла из-за небывалого многоснежья этой зимы, когда все дороги, ведущие сюда, оказались перемертвены и проехать можно было только на снегоходах и гусеничных тракторах. По этой причине Султан, ответственный за охрану этого участка, не стал зимовать на кордоне, выбираясь сюда от случая к случаю.

Выгрузив свои вещи и почаяёвничав, мы попрощались с ребятами, которые привезли нас. Они отправлялись на дальние кордоны в южной части дельты. Мы устроились в дальней комнатке кордона, а после обеда по санной дороге сходили на берег Тентека. В тополевом лесу на берегу реки ещё лежали непроходимые снега и стояла звонкая тишь — ни единого птичьего голоса и звука. Лишь со стороны проруби доносилось приятное журчание воды. Правда, на обратном пути на ивах около кордона видели несколько чёрных ворон и сорок, а у кошары — больших синиц.

Вечером был традиционный ужин с бесбармаком, и мы сиделись допоздна при свете двух керосиновых ламп. Когда вышли перед сном на крыльцо, стояла лунная ночь и в её свете серебрились заснеженные вёглы и тростники. Вдали, за чёрной полосой пойменного леса, послышался протяжный вой волка, торжественный и наводящий жуть. Он провёл не-

сколько раз и смолк. Из дальнего угла дельты ему отозвался ещё один.

— Наши тентекские соловьи, каждый вечер поют и наводят страх на еликов и кабанов — пошутил Марат. — Первый, который выл сейчас, из соседней с нами пары, у них нора где-то рядом на соседних гривах среди камышей. У меня с ними нейтралитет, я к ним не лезу, а они мой скот не трогают.

Между тем волчья переключка закончилась. В ответ на неё от дальних кошар и крестьянских хозяйств по окраинам дельты послышался тревожный собачий лай. Теперь до утра они будут поочередно лаять, как бы делясь между собой новостями о том, что происходит около их хозяйств. А по интонации их голосов можно легко понять, спокойно там или нет. Наступала ночь — покровительница волков.

Так начались наши орнитологические будни. С утра мы отправлялись на берег Тентека и, сменяя друг друга через три часа, проводили учёт птиц, точнее записывали в дневник всё что удавалось увидеть. Первыми, как бывает каждую весну, потянулись на север стаи грачей, ворон и галок, затем появились стайки зябликов, юрков и зеленушек. С каждым днём количество весенних гостей увеличивалось и появление каждого нового вида радовало нас и живо обсуждалось.

Каждый раз отправляясь на Тентек, я удивлялся множеству зайцев-толаев. Их следы и тропы были не только в лесу и тростниках, но и всюду по усадьбе. Особенно много их я видел под вётрами у дома, где лежал привезённый воз нарубленного тальника и стояла чурка для рубки дров. На многих ивовых стволах кора была сплошь обглодана, а тонкие ивовые веточки объедены. Всюду валялся круглый заячий помёт.

-Марат, эти зайцы все твои запасы дров уже скоро доедят и ручку у топора отгрызут, - пошутил я как-то над хозяином, - куда только твои собаки смотрят?

-А они у меня дружат с коянами, по ночам в прятки играют, а то Жуку нашему скучно совсем, - отшутился он.

В хозяйстве Марата было две собаки. Одна из них — черно-белая дворняжка, у которой все обитатели кордона были в друзьях. Она была дружелюбной и деловитой, целыми днями бегала по каким-то своим собачьим делам, сопровождала хо-

зяина, встречала и провожала гостей, первой предупреждая залиivistым лаем о чём-то приезде. Самое интересное, что хозяин называл её Жуком, а хозяйка и дочка — Жучкой. Но на обе клички собачка всегда радостно отзывалась. Когда я поинтересовался у Гули почему они так по-разному её зовут, она развела руками и рассмеялась.

- Когда мы осенью сюда переезжали из Ушарала, моя сестра подарила нам эту собачку и сказала, что зовут её Жучкой. Ну мы и стали её тоже так звать. А через месяц приходит как-то Марат и говорит, что наша Жучка вовсе не Жучка, а кобелёк, а потому он переименовал её в Жука. Я же по-прежнему зову её, как привыкла.

Второй собакой был большой чёрный пёс Карабас, злобный, коварный и нелюдимый. Большую часть времени он проводил за кошарой и запомнился мне следящим за всем происходящим из-за угла. Отношения между нами сразу не сложились. В первый же день он попытался молчком напасть на меня сзади и укусить. Кое-как отбившись от него, в дальнейшем стал я брать с собой суковатую палку, которую при возвращении оставлял около крыльца.

Как-то передав свой наблюдательный пост пришедшему на смену Султану, решил я пройтись вверх Тентеку. Лёд на реке был ещё крепким и поэтому по ней ещё ездили на конных санях. Этот путь зимующие здесь обитатели крестьянских хозяйств между собой называют «дорогой жизни», так как во время затяжных буранов только по ней можно бывает выбраться до Ушарала. Пройдясь до излучины, я задержался немного, наблюдая за большим пёстрым дятлом, обрабатывающим сухую ветлу, склонившуюся над рекой. Пока рассматривал и фотографировал его, из тростников на заснеженный лёд выбрался огненно-красный петух фазана и, звонко цокая, как жар-птица пробежал по кромке зарослей и скрылся в них.

Через несколько километров санная дорога вывела меня к большой проруби посередине реки, истоптанной вокруг лошадьми, коровами и баранами, приходящими на водопой. Над обрывом возвышался добротный дом, который крепостной стеной опоясывали сараи и кошары. По тропке, натоптанной скотом, я выбрался на крутояр к одной из них и остановился

отдышаться. Осматриваясь, обратил внимание, что в одном месте вдоль стены кошары среди кустов виднеются следы еликов — косуль. Ошибиться я не мог, так как тут же валялся их характерный помёт разной давности. Пройдясь дальше вдоль стены, обнаружил что к ней снизу через густые заросли тянется несколько тропок, оставленных косулями. Видно было, что приходили они сюда всю зиму. Предположение, что их появления связаны с большими снегами и бескормницей этой зимы было не убедительным, так как ни сена, ни чего другого съестного, кроме сухого бурьяна, здесь не было.

Размышляя об этом, я обошел кошару и выбрался к дому. На лай выбежавших собак на крыльце появилась хозяйка, сообщившая, что все мужики с утра на лошадях срочно уехали за сеном и показала на санную дорогу, ведущую на кордон Кокпекты и аул Бесагаш.

- Зима затянулось, сено кончилось, а скот совсем кормить нечем, - пожаловалась она мне. - А тут ещё проклятые волки появились, боимся лошадей в степи оставлять.

Когда я вернулся домой, около кордона стояли три чужие лошади, запряжённые в сани, доверху нагруженные сеном. Оказывается, заехали ребята, содержащие скот в хозяйстве, около которого я только, что побывал. Они чаёвничали и о чём-то оживлённо разговаривали с Маратом и его братьями.

- Рассказывают, что вчера в наших местах появилась стая из семи волков, - пересказал мне суть разговора Марат. — Это проходные волки, не наши. Пришли со стороны Алаколя и около одной кошары, где скот тебеневал на лугу, порвали лошадь. Предупреждают меня, чтобы осторожнее был и загонял на ночь скотину во дворы. Чужие волки ведут себя как бандиты и рвут любой беспризорный скот, который попадётся им на пути.

- А что делают елики прямо на краю вашего хозяйства? — поинтересовался я у них.

- От волков спасаются, - удивлённые моей осведомлённостью объяснили мне.

- Так там же несколько собак?

- Собаки по ночам всегда в ограде, а елики с обратной стороны кошар, как в нейтральной зоне. Уже несколько зим спасаются так. Мы их не трогаем, пускай живут.

Ночь с 20 на 21 марта 2003 года запомнилась мне навсегда. В десять часов вечера, перед сном, вышел я на крыльцо. Был сыро, из-за чёрных разрывов туч тускло светила луна, в высоких тростниках у дома с шумом гулял ветер. Подбежавший ко мне Жук неожиданно тревожно тьякнул и бросился в сторону двора. Я чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету и в этот миг раздался шум и душераздирающий предсмертный визг. Мельком я успел заметить в отсветах луны, как через поляну от двора к ветле метнулись тени и чисто интуитивно понял, что случилось.

-Волки, - распахнув входную дверь в дом громко крикнул я, - выходите быстрее.

Торопливо обуваясь и одеваясь, сразу же выскочили Марат и Султан. Я коротко объяснил им, что только, что на кордоне побывали волки и кого-то задрали. Впрочем, объяснять уже ничего и не надо было, так как со стороны кошары нёсся рёв перепуганного скота. Вооружившись вилами, мы отправились ко двору, распахнули двери и, освещая помещение фонариками, вошли внутрь. Там творилось невообразимое — в загородках тревожно ржали и бились лошади, мычали коровы, блеяли овцы. Животных охватил всеобщий страх и истерика, многих из них трясло от нервного возбуждения.

Никого постороннего внутри мы не обнаружили, не нашёлся и предполагаемый подкоп с наружной стороны. Но животные продолжали реветь. Чтобы хоть как-то успокоить их, повесили внутри двора горящий фонарь «Летучая мышь».

-Кто же издал такой страшный крик, когда я был на крыльце? — поделился я с Маратом мучившим меня вопросом. Освещая фонариком всё вокруг, мы стали обходить и осматривать территорию кордона. И вскоре под раскидистой ивой нашли мёртвого Жука, у которого было вырвано горло, а весь снег вокруг оказался забрызганным кровью. Теперь стало понятным, что ценой своей жизни и предсмертным криком он предупредил об опасности. Получилось так, что я вышел из дома в тот самый момент, когда волки были у кошары.

Всю оставшуюся ночь мы почти на спали. На кухне постоянно горела лампа. Марат с братьями время от времени уходил для осмотра хозяйства. Султан тоже несколько раз вставал,

выходил покурить и ворчал, что не взял с собой служебный карабин. Утром поднялись не выспавшиеся и после молчаливого чаепития, оделись и вышли на крыльцо. Я уже собрался отправиться на берег Тентека, когда подошедший Марат, только что похоронивший Жука, поинтересовался у меня, не видел ли я чёрного пса. Только тут я вспомнил, что во время ночного происшествия он ни разу не попался мне на глаза. Не видел я его и утром.

- Странно, - встревожился Марат, - давай сходим, посмотрим, я знаю место, где он прятался, когда что-нибудь натворит.

Мы отправились к кошаре и за её углом остановились около кучи строительных материалов: брёвен, досок и горбылей, сложенных в кучу около стены. Марат присел и заглянул в щель под досками.

- А ну, вылезай, подлый трус, - вдруг сердито крикнул он, - маленький Жук не побоялся волков, а ты предатель спрятался со страху.

Вскоре оттуда боязливо выбрался Карабас. Жалкий, трясущийся, он подполз и попытался лизнуть сапог хозяина.

- Кет, уходи, совсем уходи из дома, чтобы я тебя никогда больше видел, а то убью, - мешая казахские и русские слова гневно закричал Марат и оттолкнул его ногой. Пёс поднялся и поджимая хвост, трусливо убежал за дом. Когда мы вернулись к крыльцу, он стоял вдалеке на санной дороге, ведущей в сторону соседнего посёлка. Больше мы его никогда не видели.

Павлиноглазка, прекрасная и такая страшная

На майские праздники, когда в алтайских урёмах буйным цветом зацвела черёмуха, начались вдруг обложные дожди с ночными заморозками и инеем, а по вершинам гор выпал снег. После нескольких дней похолодания наступила долгожданная теплынь. С утра над мокрыми долинами погулял тёплый ветер, пригрело солнышко, земля стала быстро просыхать и всё вокруг сразу ожило. Из стоящих в саду ульев выбрались наружу пчёлы и, отогревшись, стали разлетаться по цветущим яблонь-

кам. На просохшую тесовую крышу дома слетелись погреться голуби, на подоконнике и резных наличниках окна расширились воробьи. Ласточки-касатки, с щебетом покружившись в небе, расселись на проводах. Старый рыжий кот Философ, в быту называемый просто Фил, важно прошёлся по тропинке на солнечную сторону дома и улёгся на теплой завалинке. Его одолевала сладостная дремота, поэтому он даже ухом не повёл, когда у него чуть ли не под самым носом несколько воробьёв устроили шумный свадебный танец около самочки. Иногда было заметно как вздрагивал кончик его хвоста и как во сне он сжимал лапу в кулачок и разжимая её, выпускал коготки. В ограду прилетела и стала кружиться над зелёной лужайкой крупная тёмная бабочка необычной окраски. Пережившая холода, она была ещё полусонной, поэтому её полёт казался медленным и неуверенным. Вскоре она уселась на небольшой камешек, пытаясь согреться на солнце. Пока сидела неподвижно, плотно сомкнув крылышки, казалась серенькой и неприметной, но стоило ей распахнуть их, как миг изменилась до неузнаваемости, став похожей на голову гремучей змеи - щитомордника. Этому преобразению способствовал своеобразный рисунок на верхней стороне её широких бархатистых крыльев, на которых имелось по белому пятнышку, в центре которых выделялся круг, удивительно напоминающий глаз. К тому же кончики крыльев были розовыми, а по их краям имелась широкая светлая полоса и тёмная кайма, ещё более усиливающие зловещее сходство со змеиной головой. При каждом, даже легком движении переливы на глазках придавали хищное и даже пугающее выражение. Подобная окраска хорошо известна под названием покровительственной, имеющей защитное значение для отпугивания хищников. Это прекрасное создание называлось павлиноглазкой, а своё необычное название она получила за сходство с глазчатым узором на павлиньем хвосте.

Её появление вначале оставалось незамеченным. В это время поблизости от неё у изгороди прогуливался большой огненно-красный петух с двумя молоденькими курочками — любимыми жёнами из его гарема. Он усердно скрёб лапами землю и одаривал любимиц найденными червячками и букаш-

ками. Остальные куры-несушки разбрелись по ограде и, разгребая мусор, тоже искали съестное. Одна из них, увлечённая поисками, остановилась около камешка, на котором грелась бабочка, замерла и оторопела на миг, когда павлиноглазка раскрыла крылышки. Перепуганная курочка истошно заорала и с кудактаньем отбежала в сторону. Видя это, панически заголосили другие курицы, бродившие рядом. Во дворе начался всеобщий переполох, перекинувшийся на все соседние усадьбы. Примчался огненный петух, но его геройство вмиг улетучилось от увиденного, и он как вкопанный остановился в метре от бабочки. Под его защиту сразу сбежались курочки, и они все вместе стали боязливо рассматривать страшное существо. Между тем бабочка пошевелилась, хищно блеснули «глаза» на её на крыльях, при виде которых куры вместе с петухом попятились назад и опять дружно заорали на всю округу. Примечательно, что этот петух несколько лет назад смело набросился и заклевал обнаруженную в огороде змею, а перед этой невиданной бабочкой с ужасным «взглядом» испугался. Между тем, не видя явной угрозы, куры успокоились, любопытство взяло вверх над страхом, и они стали приближаться к павлиноглазке. Первым шёл, а точнее передвигался на «цыпочках» петух. Подняв одну ногу, он внимательно вглядывался в сторону бабочки и, опустив её, только тогда поднимал другую. Тоже самое, как по команде, повторяли куры. Это молчаливое наступление закончилось в полуметре и встав полукругом около павлиноглазки, куры стали рассматривать её, не зная, что предпринять дальше. Впрочем, над двором прошёлся слабый порыв ветерка, бабочка вспорхнула и улетела в огород. Куры опять закричали и в панике убежали следом за петухом. Спустя некоторое время, он по-хозяйски прошёлся по лужайке и, не найдя на ней перепугавшую всех бабочку, встряхнул огненным оперением, хлопнул крыльями и громко прокукарекал, объявив общий отбой тревоги. Затем он взлетел на забор и с десятков раз торжественно и победоносно пропел на всю округу. Отовсюду, со всех улочек деревни, донеслось ответное пение других петухов. Во дворе вновь наступил мир и покой.

Журнал «Зелёный мир». Выпуск № 7, весна 2017 г.

На гусиных перелётах Кулькола

Осенью 1998 года состоялась международная экспедиция по изучению численности мигрирующих гусей в Костанайской области. Так было положено начало многолетнему мониторингу гуся-пискульки, который с тех пор ежегодно осуществляется вот уже на протяжении двух десятилетий. Поэтому есть прекрасный повод вспомнить о том, с чего всё началось и в каких условиях проходила эта поездка, а также рассказать о работе орнитологов, занимающихся учётами гусей и оценкой их численности.

Утро 5 октября было по-зимнему студёным, на заснеженных улицах Костаная гулял пронизывающий ветер. О такой погоде в народе говорят: «хозяин собаку на улицу не выгонит». Весь вчерашний день в городе бушевала снежная пурга, утихшая только к вечеру, а ночью был сильный заморозок. Несмотря на непогоду единодушно решили не откладывать с выездом, поэтому сразу же началась погрузка в машины вещей, оборудования и коробок с продуктами.

Выезжаем двумя группами. Первая едет на мощном вездеходе «ЗИЛ» с кунгом — будкой, оборудованной для житья в зимних условиях и некоторыми удобствами — газовая плита, кухонный стол, лежанки и, главное, металлическая печь. В ней едут четверо финских специалистов, сопровождаемых московским орнитологом Константином Литвиным и охотинспектором Виктором Семёновым. Казахстанская группа, представленная Сергеем Ероховым и мной, отправляется на зелёной «буханке» - УАЗ452, водителем которой был Дмитрий Жуков. Завершаем последние сборы во дворе у здания областного общества охотников и рыболовов. Несмотря на ранний час здесь толпятся егеря и охотники, оживлённо делящиеся новостями о том, кто, где и когда видел «котлы» - крупные скопления гусей на озёрах. Часто говорят о «забитых птицей озёрах», звучат цифры о десятках тысяч «казары», занимающей во время кормёжки целые «клетки» убранных полей. По единому мнению, гусей и уток этой осенью много, даже очень

много, а с наступлением холодов с севера должно подойти ещё больше. Для нас это тоже немаловажная информация, так как предстоит объехать наиболее гусиные кустанайские озёра и оценить на них численность гусей, в особенности, пискулек.

Вскоре отправляемся в путь. Наша сегодняшняя цель — озеро Кулыколь, самое гусиное место в области, лежащее в 400 км юго-западнее областного центра. Выезжаем за город и берём курс на Рудный. Пасмурно, холодно, дует встречный ледяной ветер, за окном мелькают заснеженные перелески. Чтобы прогреть салон, включаем обогрев и отогреваемся под потоком тёплого воздуха, идущего от «печки». В салоне «буханки» хотя и тесновато, но уютно. Дмитрий, уже давно оборудовавший машину для длительных охотничьих поездок, предусмотрел всё. На подвешенных к потолку носилках, как это бывает в машинах «скорой помощи», плотно уложены матрацы, одеяла, спальники, поверх — сумки и рюкзаки. Ниже, на сидениях, коробки с продуктами и посудой. Заднюю часть салона занимают складной стол, газовый баллон и плита, канистры с водой и бензином, паяльная лампа, домкрат, лопата, вёдра. Пол в проходе устлан толстой кошмой. Без всего этого не обойтись в дальних поездках, да ещё в такую холодную погоду.

Весь день ушёл на переезд. Когда миновали мост через реку Тобол, потянулись убранные пшеничные поля и целинные посёлки, основной достопримечательностью которых были зернохранилища и возвышающиеся как храмы элеваторы. За Сахаровкой свернули налево и по накатанной полевой дороге поехали на юг. Потянулась брошенные поля, типчаковая степь с чёрными жаворонками, а через два десятка километров в понижениях показались жёлтые тростники, разводья, белые лебеди, а дальше начались мелководные плёсы Кулыколя, заполненные десятками тысяч гусей, казарок и уток. объезжаем озеро и останавливаемся в юго-восточном углу на берегу речушки, выбрав для лагеря поляну, защищённую от ветра высокой стеной тростников. Отсюда просматривается основной плёс озера и можно следить за суточными перемещениями гусей. Выбираемся из машины, устанавливаем зрительные трубы — «телескопы», осматриваемся. Озеро заполнено гусями, стоит сплошной гомон от их голосов. Увиденное с первых

минут потрясает воображение, от обилия птиц с непривычки голова идёт кругом. До приезда на Кулыкколь казалось, что подобные массы птиц — это далекое прошлое, запечатлённое в описаниях и на картинах путешественников около ста лет назад! После заката солнца с озера на поля в массе летели шилохвосты, затем непрерывными потоками пошли тысячные вереницы крякв. До самой темноты с полей на озеро летели серые и белолобые гуси, а в их стаях слышались голоса пискулек и краснозобых казарок.

Собравшись в кунге и обсудив планы на предстоящий утренний учёт птиц, стали готовиться к холодной ночёвке. Хорошо экипированные финские орнитологи отказались от предложения ночевать в кунге и установили палатки. Мы же решили спать в машине, в которой после приготовления ужина на газовой плите стало жарко. Во время вечернего чаепития наши разговоры, конечно же, свелись к пискульке. Сергей Николаевич, как ведущий специалист по гусяной тематике, стал делиться воспоминаниями о том, с чего началась вся эта гусяная эпопея.

В начале девяностых годов выяснилось, что численность гуся-пискульки резко пошла на спад, сократилась до 8 тысяч особей. Финские и шведские учёные начали бить тревогу во все колокола, пытаясь выяснить причины этого явления. Как глобально угрожаемый вид пискулька был срочно включён в Красный список МСОП. Три года назад один из гусей, помеченный в тундре, оказался среди трофеев охотников в Костанайской области. Чтобы попасть сюда, он должен был проделать огромный путь от полуострова Ямал на арктическом побережье Северного Ледовитого океана через всю Западную Сибирь по Оби, Иртышу и Тоболу. В октябре 1996 года в Костанай прибыла группа финских орнитологов, насчитавшая на озёрах 7,9 тысяч пискулек - почти всё известное поголовье мировой популяции этого вида. На следующий год весной и осенью повторили учёт, подтвердивший существование здесь пролёта и миграционных скоплений. К этим работам подключились казахстанские орнитологи. Выяснилось, что пискульки вместе с белолобыми гусями и краснозобыми казарками летят через земледельческие области Северного Казахстана,

где выращиваются элитные сорта твёрдой пшеницы, чтобы перед зимовкой в течение месяца как следует откормиться на зерновых полях и накопить жир — энергетический запас, необходимый для дальнейшей миграции и зимовки. А если это так, то необходимо предпринимать срочные меры для сохранения этого вида в Казахстане, свести до минимума охоту на него, исключить из списка охотничьих птиц и занести в Красную книгу. Так начал осуществляться международный проект «Сохранение и изучение глобально угрожаемого вида — гуся-пискульки», ставший составной частью специальной программы Европейского Союза «LifeNature — 2000».

После обсуждения гусиной проблемы стали укладываться спать. Я с удобством, как в гамаке, устроился под потолком на носилках. Сергей, по причине своего почти двухметрового роста, расположился на кошме в проходе, а Дмитрий «загнезвился» на своем любимом месте — в кабине на капоте, для увеличения спальной площади уложив на сиденья сумки. Засыпали под завывание разгулявшегося степного ветра. Ночью опять был сильный заморозок — мёрзли даже в меховых спальниках. Поднялись в 6.30 в полной темноте с яркой луной на чёрном небе и отправились на утренний учёт к светлеющей вдали полоске Кулыколя. С него уже доносились голоса проснувшихся казарок. До определённого нам учётного пункта в южном углу озера шли почти два километра по степи, покрытой обильным инаем. Звук шагов по стылой земле гулко отдавался в тишине. Остановились и укрылись от пронизывающего ветра за копной соломой, припорошенной снегом. В 7.30 начало светать. На озере с каждой минутой усиливался гомон гусиных голосов и вскоре начался подъём на крыло первых казарок. Утренняя тишина сразу же наполнилась их голосами. Вначале слышалось хлопанье по воде сотен, а затем тысяч крыльев, отдалённо напоминавшее телевизионные трансляции партийных съездов с дружными аплодисментами, переходящими в бурные овации. Со стороны озера стали появляться первые вереницы краснотелых казарок, а затем многотысячные армады белолобых гусей, сразу закрывшие небо сложными узорами. Это был самый напряжённый момент в работе орнитолога-учётчика, когда нужно успеть оценить численность каждой летящей стаи и,

по возможности, точную видовую принадлежность птиц в отдельных стаях. Вначале счёт идет поштучно, затем десятками, сотнями, в момент массового вылета приходится оценивать идущий вал гусей уже тысячами. В такие моменты забываешь про всё на свете, так едва успеваешь рассмотреть, подсчитать и записать увиденное количество гусей в своём секторе учёта. Перелёт на поля длился полтора часа, и завершили его более осторожные серые гуси.

Окончательно продрогшие на ветру мы отправились в лагерь и, забравшись в прогретую машину, стали отогреваться горячим чаем. После завтрака устроились на стерне поля с хорошим обзором и, установив зрительную трубу, начали наблюдения за суточными перемещениями птиц. Уже в 9.30 с полей стали возвращаться первые группы крякв, с 10 до 12 часов дня их лёт усилился, и они повалили огромными стаями, насчитываемыми от четырёх до восьми тысяч особей в каждой. Возвращение казарок и пискулек началось в 11.15 и в массе шло до 13.30. Завершили прилёт серые гуси. Прилетевшие и рассеявшиеся на плёсах озера птицы, до отвала насытившиеся зерном, собранным на стерне убранных полей, пьют воду, чистят оперение, купаются, а затем сбившись в плотные группы, устраиваются на отдых. Некоторые выбирались на илистый берег и рассаживались вдоль уреза воды. После 15 часов начался отлёт гусей и уток на вечернюю кормёжку на полях, а с наступлением сумерек и до самой темноты они возвращались на озеро на ночёвку. Охота на них в этих местах ведётся только на полях, стрельба на водоёмах и в 500-метровой полосе вокруг них запрещена, поэтому птицы, чувствуя это, стараются побыстрее вернуться в спасительную зону покоя. На следующее утро, 7 октября, проведя контрольный учёт за вылетом гусей, подвели первые итоги проделанной работы. Подсчёты порадовали всех участников: на Кулыколе держалось 161 165 гусей, из них 5482 пискульки, 35000 краснозобых казарок, 107 183 белолобых и 13500 серых гусей. Завершив все дела и пообедав, стали готовиться к отъезду. Впереди в течение десяти дней ещё предстояла дальняя дорога протяжённостью более 1000 км и учёты гусей на других озёрах Костанайской области.

Журнал «Зелёный мир». Выпуск №14, зима 2018-2019.

Птичья загадка

В школьные годы, когда я увлекался клеточным содержанием певчих птиц, однажды мальчишками мне была доставлена редкая в алтайском Прииртышье тундряная чечётка, выбитая выстрелом охотника из стаи мелких птиц.

От обыкновенных чечёток она отличалась более светлой окраской и белой поясницей без пестрин. У принесённой птички оказались перебитыми крыло и лапка, которые пришлось ампутировать. Несмотря на полную утрату способности летать, чечётка выжила и содержалась в отдельной клетке. Для удобства перемещения в ней была сооружена система жердочек, позволявшая птичке-инвалиду перемещаться внутри клетки и спускаться вниз к кормушке и поилке.

В середине марта в эту клетку была подсажена самка обыкновенного снегиря, приготовленная для выпуска в природу. Спустя несколько дней я стал замечать, что она проявляет внимание к чечётке и вскоре выяснилось, что кормит её! Набрав в подъязычные мешки корма (обычная семенная смесь, продаваемая в зоомагазинах) самка снегиря перебиралась в верхнюю часть клетки и принималась настойчиво предлагать чечётке пищу, которая вскоре стала охотно принимать её. Со стороны это явление в большей степени напоминало кормление птенцов выюрковыми птицами. При этом снегириха пыталась кормить, точнее «пичкать» чечётку кормом, помногу раз подряд, но последняя обычно уклонялась после одного - двух кормлений. Усиленная кормёжка чечётки заботливой снегирихой продолжалось на протяжении двух недель. При этом чечётка перестала сама кормиться и спускалась вниз лишь для того, чтобы утолить жажду из поилки. После выпуска самки снегиря, чечётка возобновила нормальный ритм самостоятельной кормёжки.

С чем связано это явление до сих пор для меня остается загадкой. Проявление родительского инстинкта в отношении взрослой птицы другого вида — явление необычное и, вообще, не свойственное для птиц. Может быть, его механизм кроется в неизвестных нам пока сторонах поведения птиц. Возможно, это смещенная реакция самки при весенней гормональной ак-

тивности и отсутствии партнера своего вида. Не исключено, что травмированная чечетка каким-то образом демонстрировала «птенцовое» поведение, вызвав у самки снегиря пробуждение родительского инстинкта? Но, скорее всего, наиболее точный ответ на это явление будет дан в будущем при накоплении других аналогичных фактов. Поэтому, хотелось бы обратиться к любителям клеточного содержания птиц поделиться своими наблюдениями за подобными случаями.

Электронная газета «Ремез» № 9. 2008 г.

Лягушки и птицы

Озёрная лягушка - самый крупный и сильный представитель среди земноводных фауны Казахстана, отличающийся хищническими наклонностями. Считается, что основной добычей лягушек являются насекомые, паукообразные, черви, моллюски. Известны также факты поедания мальков рыб, головастиков и даже взрослых лягушек других видов. Нападают они на мелких млекопитающих, в частности, землероек. Нередко жертвами становятся и мелкие водно-болотные птицы.

В орнитологической литературе приводятся факты нападения озёрных лягушек на болотную камышевку, малую бормотушку, деревенскую ласточку, домового воробья, малую мухоловку и даже на пуховых птенцов чибиса, белощёкой крачки и малой поганки. Свидетелем подобного явления пришлось быть и мне в дельте Урала, где на полуострове Пешной в июне 1992 и 1993 гг. озёрная лягушка была многочисленна на замкнутых, хорошо прогреваемых водоёмах, окружённых зарослями тростника и розга. Местами её численность на мелководьях составляла по 10-30 особей на 100 м береговой линии. При этом наблюдались взрослые лягушки весьма крупных размеров, которые держались вдоль уреза воды, на кучах полёгшего на воде тростника и среди надводной растительности. По вечерам, с наступлением темноты, здесь стоял оглушительный «хор» из многотысячного кваканья лягушек, который заглушал даже многочисленных дроздовидных камышевок. С целью отлова камышевок в полосе тростников, затопленных

водой, мной была установлена паутиная сеть. При проверке на следующее утро в её нижнем «кармане» я обнаружил мёртвую болотную камышевку, которая была мокрой и сильно потрёпанной. Влажной оказалась и нижняя часть самой сети, нависавшей над поверхностью воды на 5-10 см. Создавалось впечатление, что какой-то мелкий хищник, находившийся внизу в воде, долго и безуспешно пытался вытащить и съесть птичку. Во второй половине дня, вернувшись к месту установки сети, я вначале осмотрел её в бинокль с берега. В её верхнем «кармане» была заметна попавшаяся камышевка. Нижний же край сети был оттянут до самой воды и шевелился. Присмотрелся внимательно. Оказалось, что озёрная лягушка очень крупного размера, ухватившись за голову камышевки, запутавшейся в нижнем «кармане», усиленно тянула её на себя. Время от времени она рывками безуспешно пыталась вытащить птичку, но это ей не позволяли крылья и лапки камышевки, запутавшиеся в ячее. Рывки были достаточно сильными, так как сетка в такие моменты колыхалась. Пронаблюдав за этим явлением около 10 минут, я был вынужден отпугнуть лягушку и освободить уже мёртвую птичку, оказавшуюся при вскрытии самцом индийской камышевки.

Ряд интересных фактов нападения озёрных лягушек на птиц приводит К.А. Воробьёв: «Как-то в первых числах сентября на песчаных косах взморья я застрелил в ивовом кустарнике бормотушку (*Hippolais caligata*). Не успел я сделать несколько шагов, как к ней быстро подпрыгнула крупная лягушка и ментально схватив её в пасть, начала заглатывать. Подобный случай наблюдал зоолог К.Ф. Кесслер: на его глазах озёрная лягушка схватила и унесла подстреленную камышевку, которая упала в воду. А.Н. Формозов наблюдал, как крупная озёрная лягушка схватила молодую болотную камышевку, севшую на ветку, и погрузилась с ней в воду. Однажды наблюдали, как озёрная лягушка схватила ласточку-касатку, коснувшуюся на полёте водной поверхности, и нырнула с ней в глубину». Другой украинский зоолог Н.В. Шарлемань пишет о находке на берегу одной старицы, близ Киева, мёртвой озёрной лягушки «из рта которой торчал также мёртвый пуховой птенец чибиса. Лягушка и птенец были ещё свежи. На боку лягушки, под правой передней ногой, можно было обнаружить острый бу-

горок — в этом месте находился клюв птенца. Очевидно, что лягушка погибла, подавившись слишком крупной добычей».

В Хреновском лесу на берегу реки Битюг Воронежской области В.Г. Гептнер был свидетелем следующего случая: «Сначала я услышал негромкий отчаянный птичий писк, а затем всего в двух метрах от себя, у самого берега, увидел огромную лягушку, которая лежала, распластавшись на воде, и держала во рту воробья, захватив его за крестец сбоку и сзади. Птица была вся мокрая, клюв широко раскрыт. В попытках вырваться воробей делал отчаянные усилия, хлопая крыльями по воде, поднимая водяные брызги. Совершенно измученный он немного продвинулся к берегу, лягушка спокойно ждала, не выпуская добычи, и лишь обессиленная птица прекращала свои попытки спастись, снова оттаскивала её назад. Гибель воробья была неизбежна; он совершенно обессилел и через несколько минут был бы увлечён под воду. Чтобы положить конец этой сцене и достать интересную парочку для нашей коллекции, я ударил по лягушке палкой, но промахнулся. Птичка снова забилась, а лягушка продолжала спокойно лежать на воде, не выпуская своей жертвы. Вдруг, вероятно, испугавшись, лягува бросила воробья и метнулась на дно. Воробей не двинулся с места и не шелохнулся даже, когда я взял его в руки».

Приведём ещё одно конкретное наблюдение А.Е. Лугового, свидетельствующее о нападениях озёрной лягушки в дельте Волги: «Когда у белощёких крачек появились птенцы, близ птичьих гнёзд стали концентрироваться крупные особи озёрных лягушек. Известно, что лягушки охотятся за движущимися объектами. Лягушки в Сазаньем култуке приноровились ловить пуховых птенцов крачек, осмелившихся отплывать от гнёзд. Мне удалось это сфотографировать. Лягушка явно давилась, но упорно заглатывала птенца, из пасти торчали только ножки и брюшко птицы. Попытка освободить птенца успеха не имела. Лягушка была уже не в состоянии избавиться от добычи, я её вытянул из воды вместе с жертвой. И, когда лягушка всё же плюхнулась в воду, у меня в руке остался трупик, а не живой птенец».

Таким образом, мелкие околоводные птицы иногда становятся жертвами озёрной лягушки. При этом во всех случаях

наблюдатели отмечают, что нападают на птиц исключительно крупные экземпляры лягушек-хищниц, для которых, по всей видимости, сложнее прокормиться мелкими беспозвоночными и поэтому они вынуждены охотиться на более крупные объекты.

Электронная газета «Ремез» № 10. 2008 г.

Чаяцкий рэкет

В середине июля 2006 года я посетил заповедный остров Средний на оз. Алаколь, где находится основное место гнездования колониальных и околородных птиц. В это время в колонии больших бакланов, устроенной на скальных обнажениях и каменистых склонах сопки острова, молодые были вполне оперёнными, но ещё нелётными. Они держались выводками на скальниках вдоль уреза воды или же плавали вблизи берега. При приближении человека бакланята толпами спускались к воде и уплывали от него на расстояние 100-200 м. Вместе с ними уходили на воду выводки кудрявого пеликана. В это же время на воде вокруг острова концентрировалось множество молодняка черноголовых хохотунов и чаек-хохотуний, образующих своеобразные скопления — «сады» из 10-20 молодых и 1-5 взрослых, охранявших их.

Молодняк в большинстве своем уже летал, но большую часть времени проводил на воде, где опекался и докармливался взрослыми. Однако в более ранних выводках хохотуний молодняк хорошо летал и добывал пропитание самостоятельно, используя для этой цели молодых бакланов.

Занимаясь подсчетом птиц, рассредоточившихся по акватории вокруг острова, я обратил внимание, что в некоторых местах вокруг одного - двух молодых бакланов концентрируется до 10-15 молодых чаек. Выждав момент, когда баклан в поисках корма начинает нырять, чайки берут его в плотное кольцо. Стоит ему выхватить из воды рыбёшку, как он тотчас подвергается со всех сторон клевкам, ударам крыльями и отбрасывает добычу в сторону, которой сразу же завладевает одна из чаек. В одном случае, когда баклан схватил крупного леща и

пытался заглотить его под водой (!), одна из хохотуний зависая в полёте над ним, стала присаживаться ему на спину, как бы притапливая его. Он появился на поверхности воды с рыбой в клюве и сразу же на него набросилось несколько чаек, которые отбили у него добычу и утащили её в сторону. Более внимательный осмотр в зрительную трубу других подобных скоплений показал, что молодые хохотуни буквально «рекетируют» молодняк бакланов, пытающийся самостоятельно кормиться, обирая их самым безжалостным образом.

В колонии бакланов на склоне сопки, где на гнёздах ещё держалось около сотни оперяющихся птенцов, также царил чайчий грабёж. Между гнездами постоянно бродило 10-15 взрослых хохотуний, которые, выждав прилёта взрослого баклана, завладевали отрыгнутой им рыбой. Другие выхватывали её прямо из клюва бакланов, пытавшихся кормить птенцов. Примечательно, что вместе с взрослыми в этом всегда участвовало несколько молодых хохотуний, которые, подражая родителям, успешно обирали бакланят.

Электронная газета «Ремез» № 11. 2008 г.

Осеннее путешествие на Южный Алтай

Этой осенью с Борисом Анненковым мы наконец-то реализовали наши давние планы — совершить поездку на Южный Алтай. Мне хотелось повидать родные края, а Борис мечтал испытать свои рыбацкие снасти на знаменитых алтайских реках.

Ранним утром 7 сентября мы выехали из Алматы на мощном джипе «Лэнд Крузер». Третьим и непременным спутником была терьерша Пулька, которую из уважения к её преклонным годам и охотничьим заслугам уважительно называли Пульхерией. В течение дня миновали Талдыкорган, Ушарал, Аягуз и уже под вечер взяли направление на Зайсан прямой дорогой через Тарбагатай, затянутый чёрными грозовыми тучами. Погода портилась на глазах и вскоре сменилась про-

ливным дождём, а радостное ожидание встречи с Алтаем — тревожным предчувствием ранних снегов и испорченного путешествия. Во второй половине ночи проехали сонный городок Зайсан и спустя полчаса остановились на ночёвку в песках Айгыркумы рядом с Чёрным Иртышом. Позади осталось 1200 км пути. На следующее утро, после чаепития, двинулись дальше в путь. Вскоре миновали посёлок мимо сопки Ашутас, забрались вглубь пойменного леса и устроили лагерь на обрывистом берегу Чёрного Иртыша.

Этот тихий и уединённый уголок мне был хорошо знаком с середины семидесятых годов и всегда славился среди рыбаков как одно из самых лучших мест осенней ловли щук на спиннинг. Были времена лет 20-30 назад, когда они ловились здесь почти на каждый закид спиннинга. Один мой хороший знакомый даже утверждал, что однажды, когда он, сидя в лодке, хотел зачерпнуть воды, щука чуть не вырвала у него из рук кружку (!). Это, конечно же, остроумная рыбацкая байка. Мне же самому в 80-х годах приходилось видеть богатые уловы. А в сенях домов знакомых бурановских жителей я не раз встречал «поленницы» из вяленых щук.

В полдень погода прояснилась и установилась настоящая осенняя теплынь. Борис успел до вечера наловить с десяток крупных карасей, окуней, лещей и плотвы. Однако щука не ловилась. Птиц было исключительно мало, зато повезло впервые обнаружить здесь фазана, уже расселившегося и в здешних тугаях.

На следующий день, после утренней зорьки, мы проехали вниз по реке до поселка Игилик (Прииртышское), где, поплывав по глухому пойменному лесу, напоминающему непролазные джунгли, вновь заночевали на берегу Черного Иртыша. Но и здесь клёва совершенно не было, зато ранним утром удалось снять на видео вышедшую на берег коосулю, пролетающие табунки гусей, уток и пару лебедей-кликунов. В лесу видели орла-карлика и белоспинных дятлов. Встретившиеся местные жители на вопрос о щуках, рассказали, что из-за сильного обмеления реки рыбы совсем не стало. «Скоро через Иртыш на коне вброд будем переезжать», - подвел итог разговора один из них.

Дальнейший наш маршрут пролегал по хитросплетению полевых дорог в призайсанской пустыне. Побывав у горы Кара-Бирюк — черным пупом возвышающейся над равниной, мы вскоре выехали на северный берег Зайсана у рыбацкого посёлка Аманат и проехали до Бакланьего мыса. Знаменитое «озеро звенящих колоколов» было серым, унылым и совсем не узнаваемым, словно уменьшилось в два раза. На акватории лишь маячило десятка полтора рыболовных шхун, да всюду по берегам стояли машины, поджидающие улова. Из разговора с рыбаками узнали, что в последние три года, из-за забора воды из Черного Иртыша в китайский город Карамай и на рисовые поля, уровень воды в Зайсане резко понизился, а озеро приобрело первоначальные очертания, каким оно было в пятидесятых годах, до создания Бухтарминского водохранилища. Об этом красноречиво свидетельствовала стрелка Бакланьего мыса, как и сто лет назад, теперь вклинившаяся вглубь водоёма на полтора километра. Из-за падения уровня воды исчезли нерестилища, резко снизилась численность рыбы, ловится в основном лещ, судак и окунь. Поразило меня также и исчезновение лагунных мелководий, на которых в прежние годы приходилось наблюдать большие скопления водоплавающих и околоводных птиц. Теперь же берега выглядели совершенно пустынными. Встречались только редкие чайки-хохотуни. Позднее выяснилось, что бакланы из-за бескормицы на Зайсане и Бухтарминском водохранилище пустились бродяжничать вниз по Иртышу и появились даже на таёжных реках Убе и Бухтарме, в местах, где их раньше никогда не видели. Особенно много их летом прикочевало на горное озеро Маркаколь.

По дороге заглянули на цветные глины Чакельмес, напоминающие сказочное древнее городище. В одном из гротов выпугнули семейство из трёх молодых филинов. От мыса Бархот до посёлка Аксуат ехали размытой недавним дождём полевой дорогой вдоль северного берега Зайсана. Поразило обилие мохноногих и обыкновенных курганников, степных орлов, пустельг, которых мы насчитали здесь больше сотни — почти на каждом телеграфном столбе. Встречены также одинокие балобаны, могильники и орланы-белохвосты. Оказалось, что после 10-летнего периода депрессии численности вновь раз-

множилась в массе жёлтая пеструшка, которая и привлекла сюда во множестве хищников. Однако за всю дорогу мы не видели ни одной саджи, которая ещё десяток лет назад была здесь многочисленной. Сравнительно редкими были на всём пути чёрные жаворонки. Чаще видели полевых жаворонков и разных каменок.

Приезд в Турангу принес новое разочарование. Крупнейший зайсанский залив, славившийся прежде как богатейшее охотничье и рыбопромысловое угодье, оказался высохшим, лишь местами сохранились огромные лужи болотистых мелководий, на которых кормились одиночные белые и серые цапли. Совсем обмелела и соседняя система искусственных водоемов Кенжебай, где ещё несколько лет назад водились сазаны и размножались серые гуси.

Поздним вечером мы добрались до предгорий Южного Алтая и остановились на ночевку на берегу шумной речки Курчум ниже Бурабая. Сразу же пахнуло родным Алтаем. Он хорошо узнается по речкам с урёмами из черёмухи, калины, крушины и боярышника, перевитые хмелем. И, конечно же, особым цветом, запахом и шумом воды!

На следующий день мы отправились по грунтовой дороге вверх по реке вглубь гор. Путь пролегал по сенокосным долинам и лугово-степным увалам с гранитными обнажениями. По телеграфным линиям попадались одиночные балобаны и предотлётные скопления степных пустельг по 15 — 20 штук. Посчастливилось встретить лисёнка, пригревшегося на солнышке и дремавшего на обочине дороги и подпустившего машину вплотную. По традиционному закону подлости у меня закончилась зарядка цифровика, зато довольный Борис мне на зависть фотографировал его сколько хотел в полный кадр и в самых разных позах, а затем снимал на видео.

Миновав небольшой посёлок Кыстау Курчум, известный своим рудником по добыче золота, мы поднялись по каменистой дороге на перевал и вскоре спустились в глубокое ущелье Курчума ниже большой деревни Маралды (Маралихи) с возвышающимися под небо утёсами. Расположились в живописной роще на обрывистом берегу бурной речки. Вечером появилось несколько машин с усть-каменогорскими рыбаками,

ежегодно приезжающими сюда на ловлю хариусов. Они уже успели побывать в верховьях реки у брошенной деревеньки Платово и показали нам свой богатый улов.

Вообще-то Курчум всегда привлекал рыбаков тайменями и знаменитой ночной ловлей с острогой на отсветы костра и фонаря. Хорошо всегда ловился он на блесну или жерлицы с мясной приманкой. Однако после включения тайменя в «Красную книгу» ответственность за его ловлю так ужесточили, что не дай бог теперь простому смертному быть пойманным за этим занятием. Мужики рассказали несколько случаев о «зверствах» рыбинспекции, когда пойманные на браконьерской ловле приезжие алма-атинские рыбаки отделались штрафами в 200-300 тысяч тенге. Одного же рыбака в низовьях Убы за трехкилограммового тайменя недавно оштрафовали на 400 тысяч тенге!

Дальнейший наш путь лежал вглубь Южного Алтая. Добравшись по разбитой асфальтовой дороге до посёлка Теректы, мы основательно заправили машину горючим, закупили продуктов и вскоре поднялись по серпантинам на перевал через Мраморную гору и в полдень прибыли в Урунхайку, где находится центральная усадьба Маркакольского заповедника.

Переночевав на озере Маркаколь, на следующее утро по заброшенной «австрийской» дороге, построенной военнопленными в 1915-1916 гг., мы отправились через перевалы на Бухтарму. Путь проходил вначале глухим ущельем речки Жаман-Кабы, а после перевала Алатай - вдоль бурной Кара-Кабы. Большая часть пути, разбитого лесовозами, представляла собой бесчисленные ухабы с ямами, заполненными водой, с переездами через дряхлые мостики, каким-то чудом выдерживающие тяжёлые машины. Тем не менее, места своей дикостью, первозданностью и особым алтайским колоритом, оставили незабываемые впечатления. Особенно, когда мы поднялись на перевал Бурхат, с которого открывалась великолепная панорама на белоснежную Белуху — высочайшую вершину Алтая.

Начался долгий и опасный спуск к Бухтарме по крутому склону хребта среди кедровой тайги. В глубоких сумерках мы приехали в большой посёлок Катон-Карагай — столицу Катон-Карагайского национального парка, где повстречались со

старыми друзьями. После ночёвки в гостинице нацпарка мы совершили поездку на Бухтарму, где нашли приют на пасеке ниже села Каменка. Птицы встречались редко, но зато пейзажи для фотографирования были один лучше другого. Ночной заморозок и наступившее студёное утро 16 сентября, когда в горах выпал снег, привели нас к единогласному решению побыстрее собираться в обратный путь. И вскоре мы взяли курс на Алаколь, где по многолетнему опыту Бориса, должен был начаться утиный перелёт.

Электронная газета «Ремез» № 34. 2013 г.

На весеннем огороде

Теплый майский день. На краю деревни, где вспахали огород, царит птичье оживление. Прилетают и улетают грачи, галки и скворцы. Важно расхаживают курицы. Птицы осматривают пласты свежей земли, отыскивая в них личинок жуков и дождевых червей. С соседнего подворья пришла свинья и принялась, как трактор, рыть оставшуюся нетронутой межу. К ней сразу же пристроилась галка и с любопытством стала наблюдать за усердной работой. Когда четвероногий землекоп отбросил большой кусок земли, птица тотчас же схватила большого земляного червя и отбежала в сторону. Через минуту она уже снова стояла рядом и вновь выжидала, когда хряк откинет очередной земляной пласт.

Другая галка, после неудачных поисков корма, заметила скворца, отыскавшего длиннющего червя и, когда он с трудом взлетел с добычей, догнала его и атаковала. Червяк упал, и галка сразу же села рядом, завладев им.

В стороне в это время произошла шумная ссора между грачом и курицей. Они одновременно заметили червя, выползшего из вывернутого корневища подсолнуха. Более проворный грач первым завладел им, но сразу же получил ошеломительный удар соперницы в спину и даже подпрыгнул от испуга. Взлетев, он набросился на обидчицу, но она увернулась, отскочила и, по-петушьи опустив крылья, в открытую бросилась на конкурента. Грач нанес ей встречный удар клювом по голо-

ве и курица, пошатываясь, отошла в сторонку. А червяк, воспользовавшись ссорой из-за его персоны, уже успел заползти в спасительную трещину почвы.

Электронная газета «Ремез» №19. 2010

Альфа-хлоролаза

Той зимой из командировки в Алма-Ату я возвратился домой - в заснеженную Урунхайку - как раз накануне Нового Года. С собой привез большой набор принадлежностей, выделенный мне орнитологами Института зоологии для кольцевания и индивидуального цветного мечения птиц, чем я планировал заняться в Маркакольском заповеднике в предстоящем году. Среди них была увесистая связка алюминиевых колец различных размеров, полоски дефицитного пластика разных цветов для изготовления меток, а также красители. Но самым интригующим из привезенного был пузырек с белым порошком, носящим мудреное название — «альфа-хлоролаза». Это было снотворное, используя которое в приманках, можно отлавливать птиц. Я планировал с его помощью ловить, кольцевать и метить зимующих ворон и сорок, так как уже был слышан, что подобное успешно применяли коллеги в Наурзумском заповеднике.

Сразу после приезда изготовил из пластика несколько десятков разноцветных меток, похожих на кольца, концы которых склеивались путем нанесения капельки ацетона. Завел специальный журнал, в котором в разных вариантах была закодирована система размещения на ножках птиц колец и меток, чтобы в дальнейшем «паспортизировать» каждую помеченную птицу и узнавать ее на протяжении нескольких лет. Развел также в пузырьках порошки с красителями, чтобы наносить на светлые участки оперения дополнительные цветные метки для опознавания птиц. С особой тщательностью на аптечных весах взвесил снотворное и приготовил первые порции приманок из рыбного фарша и хлебного мякиша, завернув каждую в отдельный пакетик. Осталось выждать ситуацию, когда можно будет подложить ее кормящимся сорокам или воронам. Случай такой не заставил ждать.

Соседи, готовящиеся к встрече новогоднего праздника, зарезали на поляне перед домом быка. Разделка туши закончилась только под вечер. Когда люди разошлись, к оставшимся внутренностям слетелись почти все деревенские сороки — десятка два. При виде крови и свежего мяса птицы устроили оживленное пиршество, оглашая окраину деревни стрекотней и визгливыми криками. На их голоса появились две зазимовавшие черные вороны. Выждав благоприятный момент, проходя мимо, я разложил все четыре приманки в разных углах полянки. Сам прошел дальше и стал следить за происходящим в бинокль, укрывшись в соседней ивовой рощице. Сороки сразу же вернулись на прежнее место и продолжили пир, не обращая на выложенные в стороне «гостинцы». Я продолжал ждать. Солнце уже коснулось краешка горизонта в зубастых вершинах Курчумского хребта, когда на полянку прибежала рыжая соседская собачонка по кличке Тузик. По-хозяйски обежав и обнюхав полянку по ее внешнему краю, пёсик слизнул три из четырех приманок. Негодование моему не было предела. «Первый блин комом», - заключил я и, высказав Тузику вслед все, что думаю о нем, забрал оставшуюся приманку и отправился домой.

На следующее утро был сильный мороз и густой туман. Я вышел из дома и отправился в усадьбу заповедника по заваленной сугробами деревенской улочке. Сосед, стоявший у калитки, окликнул меня.

- Слушай, - поздоровавшись, сказал он, — вчера вечером прихожу домой с работы, а у ворот мертвый Тузик валяется. Наверное, думаю, сбила его машина. Хороший, понимаешь, кобелишка был, понятливый, только была у него дурная привычка бросаться под колеса машин. Вот и докидался. Хотел содрать с него шкуру на мохнашки, но времени не было, взял его за лапы, утащил на задворки с глаз подальше. Увезу, думаю, потом на скотомогильник. А утром выхожу на крылечко и глазам не верю — стоит Тузик живой-здоровый и хвостом повилывает. Ничего не пойму! Может, ты мне объяснишь!

- Наверное, съел что-нибудь не то, - осознавая свою вину, двусмысленно ответил я тогда, не желая посвящать соседа в тайну начавшегося эксперимента, хотя прекрасно знал, что в деревне все равно ничего не утаишь.

В полдень, когда туман разошелся и прояснилось, я вернулся к вчерашнему месту, где у окаменевших на морозе бычьих внутренностей уже крутилось несколько сорок. На этот раз две захваченные с собой приманки я выложил на виду, прямо среди останков животного. Укрывшись за деревьями, навел на полянку бинокль. Сороки, сидевшие на соседней изгороди, уже вернулись к добыче. Важно, распушив оперение и высоко подняв длинные хвосты, они ходили в поисках съестного. Самая крупная из них задержалась у выложенных приманок и одну за другой проглотила их. Подобное не входило в мои планы, так как птица получала двойную дозу снотворного. Уже через десяток минут координация движений у неё нарушилась, и походка стала заплетающейся. Другие сороки, заметив это, переполошились и, бегая рядом, устроили громкую стрекотню. Вскоре, после нескольких попыток, она взлетела и стала набирать высоту, совершая плавные взмахи крыльями и напоминая порхающую бабочку. Следом за ней с громкими криками устремились другие сороки и стали кружиться рядом. Устроив воздушную карусель, птицы стали удаляться в сторону соседнего переулка и мне пришлось напрямик, через сугробы, бежать вдогонку, чтобы не потерять их из виду. Когда открылся обзор между домами, я успел увидеть, что сорока спланировала вниз и упала в снег перед бредущим по тропинке в сторону магазина пьяным мужиком. Когда я подбежал, односельчанин, уже загодя начавший отмечать новогодний праздник, пошатываясь, стоял и в недоумении рассматривал растянутую за крылья сороку.

- Ну, блин, и мороззяка, - увидев меня, изрек он, - птицы налету падают!

- Дай мне ее сюда, - решительно сказал я и попытался завладеть сорокой. Но мужик отрицательно покачал головой.

- Не дам! Только через магазин! — и укрыв свою находку за спину, словно речь шла о волшебной жар-птице.

- Будь ты неладен, - возмутился я и, обшарив все карманы, протянул вымогателю полтинник и горсть медаков. Выкупив сороку и согревая ее в руках, я отправился домой, любуясь великолепием синих и фиолетовых переливов в ее оперении.

К счастью, все обошлось. Через несколько часов, выспавшаяся в тепле, она пришла в себя и вскоре стрекотала, сидя

на жердях соседского сеновала, не подозревая о том, сколько страстей случилось вокруг ее особы, пока она крепко спала. Только на одной ноге у нее теперь красовалось алюминиевое колечко, а на другой - голубая пластиковая метка. А на белом брюшке появилось небольшое, но далеко приметное зеленое пятнышко от нанесенного красителя.

С такими приключениями, с использованием альфа-хлоролазы, была поймана и помечена этой зимой первая сорока. В последующие два года мы с ней безошибочно узнавали друг друга и она, каждый раз, с особым негодованием стрекотала, заметив меня.

В дальнейшем, набравшись опыта, используя это же снотворное, я поймал и окольцевал немало птиц, но история с первой сорокой была самой запоминающейся.

Электронная газета «Ремез» №20. 2010

Жулька и его друзья

Летом 1995 г. японское общество диких птиц приступило к выполнению международного проекта по радиомечению журавлей-красавок. Планировалось детально проследить их миграционные пути с мест гнездования до района зимовки в Индии, используя миниатюрные передатчики и систему слежения с космического спутника. Мечение журавлей проводили сразу в нескольких пунктах его обширного ареала — в Монголии, России (Даурский заповедник) и Казахстане.

В начале июля в пустынной долине реки Копы, в ста километрах западнее Алматы, нам удалось поймать и пометить передатчиками двух молодых красавок. Предстояло пометить еще несколько птиц и в поисках журавлиных скоплений в конце августа мы отправились на юг Казахстана. Перед отъездом получили из Японии информацию, что помеченные нами журавли уже тронулись в далекий путь, так как сигналы от них стали поступать на спутник с Ташуткольского водохранилища в Чуйской долине.

В течение дня на двух машинах мы проехали 600 километров до города Джамбула (ныне Тараз), перевалили через перевал

Куюк и оказались в Джувалинской долине на берегу Терс-Ащибулакского водохранилища, на берегах которого в прежние годы были известны крупные миграционные скопления и ночевки красавок. Но здесь нас ожидало большое разочарование. Из-за аварийного состояния плотины и необходимости ее срочного ремонта в течение лета был осуществлен сброс воды, и теперь вместо большого водоема перед нами предстало огромное и ровное как футбольное поле такыровидное ложе водохранилища, пересеченное руслом небольшой речушки Терс. Лишь около плотины оставался небольшой участок водоема, на берегах которого стояли десятки машин и рыбачили сотни людей. Всюду по увалам виднелись стада выпасаемых коров, лошадей и овец.

Устроив лагерь у ручья в одной из глубоких лоцин верхней террасы, мы решили провести наблюдения за миграцией журавлей и выявить возможные места их остановок и ночевок, тем более время от времени небольшие стаи красавок на большой высоте пролетели на юг на фоне заснеженных вершин Таласского Алатау. С раннего утра до наступления темноты мы вели наблюдения с разных точек водохранилища. В нескольких местах, наиболее подходящих для остановок красавок, создали прикормочные площадки, выложив на них зерновую смесь с дозированными порциями снотворного. Мы надеялись, что одна из пролетных стай журавлей все же остановится на отдых на берегу водохранилища и обязательно обнаружит рассыпанное зерно. Журавли действительно часто подолгу с криками кружились над водохранилищем и даже присаживались на его берега, но, обеспокоенные присутствием людей, улетали. Со своего наблюдательного пункта на степном увале я время от времени слышал где-то поблизости тревожный крик красавки. Каждый раз, выходя на его вершину, внимательно осматривал в бинокль окрестности. Рядом находилось большое хлебное поле, а в километре — на обрывистом берегу егерский дом с хозяйственными пристройками. Но увидеть журавля не удавалось. Так продолжалось в течение двух дней.

Загадка с журавлиными криками разрешилась лишь на третий день, когда ко мне подошел загорелый мужчина средних лет, представившийся инспектором рыбоохраны Георгием

Усеновичем Тогаевым. Каково же было его удивление, когда, проверив мои документы и сопроводительные бумаги, узнал, что мы орнитологи и занимаемся изучением красавки. Но еще больше удивился я, когда Георгий рассказал, что у него больше десяти лет живет ручной журавль. Большой делегацией, с участием Мини Нагендран — специалиста по журавлям из США, двух представителей Японского общества диких птиц — Тацуйя Сакамото и Кунихико Тераучи, мы отправились в гости к инспектору. Уже на подходе увидели на полянке около дома журавля, шмыгнувшего через щель в заборе в заросли сирени и кленов палисадника, стремглав пробежавшего через ограду и скрывшегося в темноте большого двора. Георгий ушел следом за ним и вскоре вернулся, прижимая его к груди. Журавль вел себя как совершенно ручная птица, но с непременным журавлиным достоинством.

— Знакомьтесь, Журка! — с гордостью сказал Георгий и поведал нам его историю. Случилось это одиннадцать лет назад. Георгий тогда работал рабочим на одном из джамбулских заводов. Журавля ему подарили знакомые свекловоды, подобравшие покалеченную птицу на поле. У нее было сломанным левое крыло, которое она, видимо, повредила, ударившись о провода высоковольтной линии электропередачи. Рана на крыле вскоре поджила, но журавль уже не мог летать. Птицу полюбили в семье и стали ласково называть Журкой. Доверчиво к членам семьи относился и журавль, особенно к Георгию, которому даже позволял брать себя на руки. Жил он первое время в ограде городской усадьбы. Но, после того как дважды его похищали мальчишки, и Георгию каждый раз стоило больших трудов вернуть любимца домой, пришлось построить вольер, в который запирали Журку, когда уходили на работу. Пять лет назад Георгию предложили работу инспектором Терс-Ащибулакского водохранилища, и он охотно переселился в большой дом на его берегу. Вместе с ним переехал и Журка, который стал с тех пор жить вместе с хозяйскими курами, утками и индюками в просторной ограде. Вместе с ними он ночует и зимует в сарае, кормится зерном из одной кормушки. Особенно дружен с индейками. Случалось, что весной он даже пытался ухаживать за индюшками и исполнять перед ними брачные

танцы. Среди домашних птиц Журка явно играет роль лидера, и по утверждению Георгия, ведет себя по-хозяйски и «следит за порядком». Каждый вечер, он терпеливо ждет, когда все куры соберутся на ночевку в сарае и лишь после этого заходит сам. Случалось, когда непослушное семейство домашних гусей слишком далеко уходило от усадьбы на ручей или пруд, журавль с беспокойным «круканьем» шел за ними следом и каким-то непонятным образом возвращал их обратно в ограду. Своим другом Журка считает хозяйского коня, которого подолгу сопровождает пастись на соседний луг. В жаркие летние дни, когда вся хозяйская живность прячется в тени, Журка укрывается в зарослях сирени или среди подсолнухов огорода. В случае появления в небе хищной птицы или посторонних людей вблизи усадьбы он всегда подает всем жителям двора сигнал тревоги. Именно эти тревожные крики и сбивали меня с толку во время наблюдений на соседних увалах.

Наш эксперимент по отлову продолжался. Несмотря на то, что журавли ежедневно летели на запад, садиться на берег обмелевшего водохранилища они не решались. Подкормочные площадки по берегам Терса стали посещать многочисленные огари, поедавшие рассыпанную нами зерновую приманку. Обсуждая сложившуюся ситуацию, кто-то из нас вспомнил, что в Пакистане или Афганистане местные охотники используют для отлова пролетных журавлей ручных красавок. Они привлекают своими призывными криками пролетающих птиц, которые садятся и ловятся в расставленные снасти. Решили и мы попробовать использовать для этой цели Журку и договорились об этом с Георгием. Из зеленой маскировочной сети соорудили на берегу просторный вольер. Ранним утром заехали на машине к Георгию. Он уже поджидал нас, прижимая к груди Журку, завернутого в плащ. По ровному такыру, как по асфальту, быстро, с ветерком, доехали до реки. Журка, полностью доверяя хозяину, вел себя спокойно и долго позировал японскому фотографу. Затем его впустили в вольер. Журавлю вначале не понравилась роль узника, и он даже пытался бросаться на сетку, но после уговоров Георгия успокоился и, когда мы удалились на ближайšie бугры, принялся приводить в порядок свое оперение. Через полчаса он

уже освоился в своем новом жилище, клевал оставленное ему зерно и пил из чашки воду. А мы с нетерпением ждали пролетных журавлей, прислушиваясь к каждому звуку и осматривая небо в бинокли и подзорные трубы. Лишь в полдень на большой высоте появились первые пролетные стаи красавок. Покружившись с криками над водоемом, они стали удаляться на запад. Вопреки всем нашим ожиданиям Журка молчал. Он даже ни разу не отозвался на прощальные крики собратьев, но зато каждый раз оживлялся, когда слышал лай собаки или кудяхтанье куриц со стороны усадьбы. Позднее пролетали другие журавлиные стаи, но Журка по-прежнему не обращал на них внимания. Вечером мы отвезли его обратно и, увидев, как он бросился бегом в ограду и курятник, поняли — уже давно родными для него стали куры, утки, гуси, индюки, лошади и люди, полюбившие его.

Электронная газета «Ремез» №21. 2010

На волчьей тропе

В конце июня с лесником Чердожского лесничества Иваном Степановичем Воробьёвым мы несколько дней объезжали на мотоцикле отроги Нарымского хребта и кольцевали птенцов в известных нам гнездах хищных птиц. В один из дней забрались в глухое ущелье за Высокогоркой, где осмотрели гнездо орла-могильника, устроенное на старой березе под вершиной одной из гор. Уставшие от лазания по крутым склонам, присели отдохнуть на одной из скал. Было жарко, душно, но дневной зной скрашивал дующий по вершинам свежий ветерок. Далеко внизу послышались тревожные крики сурков.

— Там волк ходит, — вслушиваясь в их голоса, сказал Иван Степанович.

Видя, что я сомневаюсь, лесник объяснил мне, что при виде волка сурки кричат по-особому, а уж он хорошо знает эту интонацию в их голосах.

— Давай подождем, он обязательно появится.

Через несколько минут опытный следопыт показал мне пальцем вниз и шепнул: «Смотри, вот он». Я навел бинокль и в

трехстах метрах от нас увидел, как на взлобок в нижней части склона вышел крупный волк. Мы сидели с подветренной стороны, и нас он не видел и не слышал, хотя мы разговаривали в полный голос. Волк стоял неподвижно и лишь изредка поворачивал голову из стороны в сторону, подолгу всматриваясь то в одну, то в другую точку. Затем не спеша стал подниматься к нашей скале, но на полпути изменил направление и пошел серединой склона, удалившись метров на пятьсот.

— Серый, ну посмотри, — крикнул вполголоса Иван Степанович, но волк его не слышал.

Сложив ладони «лодочкой», лесник прижал их ко рту и издал протяжный вой: «о-о-о-уу», а через несколько мгновений повторил еще раз. В бинокль я хорошо видел, что хищник сразу же остановился, повернулся и замер, всматриваясь в нашу сторону.

— Теперь не делай резких движений, он сам к нам придет, — уверенно сказал Воробьев. — Он меня услышал и уже засёк место, где находимся мы. Подвывать нужно один или два раза, но коротко, иначе он сразу почувствует фальшь и уйдет.

Волк действительно направился в нашем направлении, время от времени останавливаясь и внимательно всматриваясь вперед. Нас он по-прежнему не видел, хотя мы открыто сидели на камнях. Через десяток минут он приблизился к нашей скале, зашел в осинник, растущий у ее подножия. Я приготовил фотоаппарат и, когда из зеленой листвы показалась волчья голова, нажал на спуск. Щелчок затвора сработал, наверное, как выстрел. Волк сразу же исчез. Мы вскочили в полный рост и попытались увидеть бегущего зверя, но напрасно.

— Сколько раз подманивал волка близко к себе, но каждый раз он исчезал как привидение, — поделился Иван Степанович, — зайдет за куст и всё, больше его не увидишь!

С тех пор храню в альбоме пожелтевшую от времени черно-белую фотографию с изображением осинника, в котором темнеет маленькая точка. Когда кто-нибудь из гостей начинает интересоваться непонятным фотоснимком, то мне каждый раз приходится убеждать, что это выглядит из леса волк и для убедительности пересказывать эту историю.

Электронная газета «Ремез» №22. 2011

Морские коровы

Жарким июньским днем я объезжал систему небольших озер среди обширных тростниковых массивов в дельте Урала. Толкая лодку шестом, с трудом пробился через густые заросли и выплыл на небольшой плес, на котором среди сплавин была устроена колония белощёких крачек. Когда занимался осмотром и описанием гнезд, услышал позади себя шум воды и треск тростника. «Кабаны», — решил я и оглянулся. Каково же было мое удивление, когда из зеленой стены камышей высунулись... рогатые головы коров диковато уставились на меня. Убедившись, что перед ними человек, они успокоились и принялись поедать зеленые листья молодого тростника. Было их десятка два. С шумом передвигаясь по глубоким местам, так что виднелись только одни головы, животные быстро объели понравившиеся им заросли и, одна за другой, переплыв плес, скрылись в тростниковых дебрях.

Вернувшись вечером к егерскому вагону на острове у рыбацкого поселка Пешной, на закате солнца я увидел, как из затопленных тростников на сушу выбралось стадо знакомых коров. Встряхнувшись от влаги, они торопливо, почти бегом, направились в сторону домов.

Наблюдая за ними, я обратил внимание, что их облик никак не вяжется с привычным образом упитанных буренок, пасущихся на наших степных и луговых пастбищах. Живущие здесь все как на подбор были худые и поджарые, настоящие морские коровы. И очень самостоятельные — сами утром уходят пастись и вечером возвращаются обратно, не зная, что такое пастух.

— Пастбищ поблизости нет, перебиваются в основном на осоке, листьях камыша и тростника, — рассказал мне егерь. — Лазают сами по себе весь день по зарослям как кабаны и плавают так быстро, что на лодке не догонишь.

Электронная газета «Ремез» №26. 2011

Гречневая каша

Экспедиционная жизнь, при всей своей романтичности, в действительности состоит из череды утомительных сборов и переездов, многочисленных стоянок и ночевок. Со временем они стираются в памяти, забываются и лишь отдельные эпизоды запоминаются каким-то ярким событием или происшествием. А некоторые встречи до сих пор вспоминаются с улыбкой.

В одной из орнитологических поездок в Центральный Тянь-Шань остановились мы на обед на берегу бурного ручья, впадающего в Каркару. Вокруг были живописные зеленые увалы, недалеко - несколько юрт с пасущимися барашками и лошадьми. Мой спутник Анатолий, с раннего утра сидевший за рулем и уставший от горной дороги, взял удочку и отправился на речку ловить османов и гольцов. Я же достал из вьючного ящика казан, установил его на газовую плиту и начал готовить гречневую кашу с тушенкой. Вскоре салон машины наполнился ароматами любимого блюда полевиков. Когда уже собирался щедро «удобрить» его специями, у входа появился мальчишка лет двенадцати. Он протянул мне руку и назвался Ержаном. Видя, что я разговариваю только на русском, мальчонка помялся и, набравшись храбрости, вдруг торопливо и сбивчиво заговорил по-казахски. Из потока его слов я уловил лишь одно знакомое «балык» и понял, что речь идет о рыбалке. Вытащив лежащий среди вещей спиннинг в качестве наглядного пособия, уже через минуту оживленного разговора я знал, что мальчугану нужна леска для удочки. Пришлось разыскивать рыболовные принадлежности. Когда я отмотал ему несколько метров лески, выяснилось, что у него нет крючка. Тогда я открыл коробку, доверху наполненную крючками и блеснами. Мальчишка от вида такого богатства пришел в неопишуемый восторг. Вскоре он держал полную горсть крючков и сиял от счастья. В это время каша уже совсем дозрела, чай заварился, и я пригласил юного гостя отобедать со мной. Ержан с аппетитом уплёл полную чашку каши, не отказавшись от добавки. Заодно выяснил у меня название крупы и, чтобы запомнить название, несколько раз с трудом повторил непри-

вычное для себя слово. Пока обедали, используя свой небогатый словарный запас, я узнал, что Ержан живет в ауле Каркара, закончил четвертый класс школы и сейчас находится с отцом на джайляу. Еще он рассказал, что любит рыбачить, а в магазине, как назло, не продают рыболовных снастей. После чаепития, я вручил ему полную пригоршню конфет, и он побежал в сторону юрт. А я, взяв бинокль, стал высматривать своего задержавшегося товарища. Анатолий, увлекшись рыбалкой, ушел далеко вверх по речке и не спешил возвращаться обратно.

Я принялся за уборку и в это время увидел в окно, что со стороны юрт к нашей машине торопливо бежит девчонка лет шести-семи. Она чуть не вплавь перебралась через ручей, и вскоре запыхавшаяся и раскрасневшаяся стояла у дверей, не зная, что сказать. Я уже понял, что Ержан рассказал ей что-то интересное о нашей встрече, и она прибежала убедиться в этом. Поздоровавшись, я усадил её за стол и предложил чашку с кашей и пиалку чая со сгущенным молоком. Девчушка словно ждала этого и с аппетитом съела угощение. После этого я угостил ее яблоками и конфетами, и она быстро умчалась домой. Не успел я поставить на плиту чайник, как увидел, что она уже спешит обратно, держа за руку маленькую девчушку лет трех. Перед ручьем она усадила ее на спину и, спотыкаясь на скользких камнях, с трудом преодолела бурный поток. И вот перед входом стоят два маленьких чуда с косичками, ждущие подарка. Так как в казане оставалась лишь последняя порция каши, предназначенная для моего товарища, пришлось ограничиться коротким чаепитием, вручением в качестве гостинца яблок, конфет и печенья. Радостные от полученных подарков девчушки бросились бежать обратно. Я облегченно вздохнул, решив, что это последний визит, но ошибся. Спустя минут десять увидел, что из юрты вышел мужик и, сев на коня, направился в мою сторону. Вскоре мы уже с ним разговаривали, сидя за чаем. Гость прекрасно владел русским и сразу же принялся за расспросы.

- Слушай, чем ты тут таким детей накормил? Они все уши мне прожужжали рассказами, как ты их принимал и угощал какой-то вкусной кашей! А Ержан говорит, что объелся и не может вспомнить, как она называется? Вот я и поехал, чтобы узнать.

Пришлось выкладывать из казана остатки каши и слушать рассказ о том, что в последние годы в поселок совсем перестали завозить гречку, поэтому многие ребятишки до сих пор не знают ее вкуса. На прощание подарил ему леску и крючки. Как и Ержан, отец был тоже заядлым рыбаком.

Когда очередной гость уехал, вернулся усталый и голодный Анатолий с богатым уловом османов. Пришлось мне приниматься готовить новый обед.

Синицы на пасеке

Старый урунхайский пасечник Иван Прокопьевич однажды рассказал, что в весеннюю пору, как только выставляются ульи из омшаника, к нему начинают прилетать жёлтые синички, поедающие пчёл. Из его разговора стало понятно, что речь идёт о большой синице, считающейся одной из самых полезных птиц. Подвергать сомнению наблюдения старика я не стал, так как в одном из научных журналов мне уже приходилось читать, что на алтайских пасеках эти синицы действительно питаются пчёлами.

- А ты приходи ко мне на пасеку, вот и убедишься, - сказал он.

Через несколько дней во время экскурсии по побережью Маркаколя завернул я на знакомую пасеку, расположенную у подножия Каменной горы. Сюда я частенько заходил во время дальних маршрутов утолить жажду, так как именно здесь находился замечательный родник. Да заодно навестить Ивана Прокопьевича и послушать рассказы бывалого старика.

Хозяина в этот раз на месте не оказалось — на дверях избышки висел большой амбарный замок. Напившись ключевой воды, прилёг отдохнуть на зеленой лужайке под таловым кустом. Были первые числа мая, снег давно сошёл, а пасечник уже выставил на поляну вдоль ручья первые пчелиные ульи.

Мое уединение нарушило появление самца большой синицы, прилетевшего из соседнего березняка на кочковатом болотце и усевшегося в тальнике рядом со мной. Он исполнил звонкую песенку и перепорхнул к ближайшему улью. Я поначалу не придавал появлению синички особого значения, но вскоре заметил, что она вернулась на куст с каким-то кормом в клюве и, зажав его в лапках, принялась расклёвывать. Поднимаю бинокль, всматриваюсь и вижу, что птичка расклёвывает пчелу.

Закончив трапезу, она почистила клювик о ветку, бойко исполнила песенку и вновь слетела к улью, около летка которого ползало множество пчёл. После долгого зимнего сна были они совсем вялыми и медленно ползали по стенкам улья, греясь на весеннем солнышке. Синичка схватила одну из них, перепорхнула на ближайший куст, резкими ударами клюва убила

её о ветку и, зажав добычу в лапках, стала кормиться, отщипывая небольшие дольки. После этого она улетала к ульям ещё несколько раз и всегда возвращалась с новой пчелой в клюве.

Насытившись, синица улетала в березняк и, пока я делал записи наблюдений в полевом дневнике, оттуда время от времени доносилась знакомая песня.

Электронная газета «Ремез» №28. 2012

Подсолнухи Эрнара

В свою первую поездку в 1999 году на алакольский остров Средний, где находится уникальная колония реликтовой чайки, я отправился в сопровождении Василия Дмитриевича Урмашова — прекрасного знатока этих мест. Более восемнадцати лет, с первого дня организации заказника «Реликтовая чайка», он отдал охране Каменных островов, а когда был создан Алакольский заповедник, его в числе первых пригласили на работу старшим инспектором и вновь поручили охранять эти же острова. Через несколько часов, сделав на моторной лодке традиционный крюк вдоль северного побережья Алаколя до устья Эмели, мы подплывали к небольшому островку — каменистой сопке, возвышающейся среди штормового озера. Островок, на котором располагался шумный птичий базар, встретил нас многотысячным гомоном голосов чаек и крачек. Поднявшись на вершину сопки, среди великого множества кладок речных и черноносых крачек мы довольно быстро разыскали два гнезда реликтовых чаек, хорошо отличавшихся от других наличием перьевой выстилки. Здесь я впервые разглядел самих чаек — красивых и необычайно изящных птиц! К сожалению, в этом году загнездились всего лишь две пары. А были времена, когда здесь селились сотни и даже свыше тысячи пар!

Осмотрев верхнюю часть сопки, мы спустились в западный угол острова и остановились на широкой такыровидной поляне, поросшей сорной травой. Судя по сохранившимся колышкам, которыми обычно крепятся палатки, мы оказались на месте, где когда-то располагался орнитологический лагерь,

среди которого одиноко рос низенький, но довольно крепкий подсолнух, склонивший золотистую голову почти до земли. Как он только тут прижился среди камней на этой бесплодной почве, в краю, где часто свирепствуют шквалистые джунгарские ветры?!

- Откуда он взялся? — удивленный этой встречей, спросил я тогда у Василия Дмитриевича.

- Наверное, от Эрнара остался. Помню, любил он привозить с собой на острова семечки, - ответил он.

Не знаю, пошутил или всерьёз тогда он ответил на мой вопрос, но я почему-то поверил, что именно так и было. Орнитолог Эрнар Ауэзов, впервые открывший в 1969 году и описавший реликтовую чайку, многие месяцы в семидесятых годах провел на Каменных островах, изучая её гнездовую жизнь. И практически ежегодно приезжал на них в восьмидесятые годы, чтобы провести учёты гнездящихся чаек.

На следующее лето мы вновь посетили этот остров и когда завершили подсчёт птиц, я предложил Василию Дмитриевичу навеститься к подсолнуху Эрнара. Каково же было наше удивление, когда вместо одного прошлогоднего, мы увидели их два! И опять поразились необычайной жизнестойкости этого растения.

- Да-а-а, - в раздумье сказал Василий Дмитриевич, - хорошие семечки были у Эрнара, породистые!

- Наверное, здесь уже сформировался новый вид подсолнечника, который хоть на Марсе может расти, - предположил я тогда.

С тех пор мы еще много раз бывали на этом островке, пробываясь к нему на лодке через вечно штормовой Алаколь, чтобы убедиться, живут ли ещё здесь реликтовые чайки. И каждый раз навещали место, где растут ауэзовские подсолнухи, рассказывая новым спутникам легенду об их появлении здесь.

Наверное, это замечательно, когда рождаются подобные традиции и очень хотелось бы, чтобы они поддерживались новыми поколениями орнитологов, которые всегда будут стремиться попасть на далёкие Каменные острова, чтобы увидеть заветную реликтовую чайку и которые обязательно навещают подсолнухи Эрнара Ауэзова!

Слугой и гнезда камышевок

Порой случается так, что самые интересные случаи в жизни птиц и зверей удаётся подсмотреть не в результате длительных наблюдений, а во время кратковременного перекура на маршруте. Идёшь по лесу час, другой — ничего примечательного! Но стоит присесть, осмотреться, прислушаться и вскоре обязательно увидишь в жизни лесных обитателей какое-нибудь необычное событие.

Так произошло и в этот раз. Свернув с тропинки, присел на приглянувшийся замшелый пенёк в тени огромной лиственницы. Кругом бурелом, высокий кипрей и малинник. Сбросив под ноги рюкзак, отдышался, закурил и достал полевой дневник, чтобы записать увиденное, но вынужден был прерваться. Рядом в кустах красной смородины громко запел самец садовой камышевки — верный признак, что где-то рядом у него гнездо. Внимательно всмотрелся в заросли и совсем рядом — в метре от себя — в переплетении смородиновых веток увидел аккуратно свитое гнёздышко, из которого торчал хвост и клювик насиживающей самки. В это же время по валежине промчался полосатый бурундучок и остановился у подножия этого куста, осмотрелся, цокнул раз-другой и стал ловко взбираться вверх. Самец камышевки сразу же прекратил петь и появился среди веток под гнездом. Раздалось угрожающее трескучее «чррры» — звук обозначающий признак близкой опасности. Самочка ещё сильнее вжалась в гнёздышко, около которого назревали события, похожие на непрошенное вторжение чужака и грабёж. Давно знаю бурундуков — симпатичных, милых и, казалось бы, совсем безобидных таёжных зверьков, но никогда не видел и не читал о том, чтобы они пытались разорять птичьи гнезда. На этот раз бурундучишка нахально лез к гнезду с явными воровскими намерениями! Он уже подобрался к его основанию, игнорируя попытки самца камышевки «грудью» защитить свой дом. Ещё несколько мгновений и уцепившись лапками за край гнёздышка, попытался протиснуть голову вглубь его. При этом хозяева, усевшись на его краю и распахнув крылышки, самоотверженно преграждали зверьку продвижение, верещали, клевались, но напрасно. Бурундук

лез напролом и у меня уже не осталось никаких сомнений, что он пытается разорить гнездо и лезет за яйцами. Я был в замешательстве - хотелось пронаблюдать до конца, чем же закончится это вторжение, но жалость пересилила, и я запустил в куст подвернувшимся под руку сучком. Воровитый бурундучишка умчался в буреломник, а я отправился дальше, заглянув попутно в гнёздышко камышевок, в котором лежали уцелевшие яйца. Вечером, возвращаясь домой, я завернул к спасённому гнезду. Самец пел рядом, самочка - сидела на яйцах. Кругом царил мир и покой!

Конечно же, в тот день я поступил правильно, заступившись за камышевок, но долг натуралиста до сих пор взывает: ну почему же не проследил, чем закончится эта история! Ведь такая удача раз в жизни бывает! Так до сих пор я не убежден в том, разоряют ли бурундуки птичьи гнёзда или нет?! Казалось бы, видел своими глазами, подробно описал этот случай, а не уверен. Гнездо-то осталось целым, а попытка разорения ещё не стопроцентный факт!

Электронная газета «Ремез» №30. 2012

Небезучный цгод

Занимаясь изучением гнездовой биологии чеглоков, я много времени провёл, наблюдая за кормовым поведением этих замечательных соколов, и убедился, что наибольшей нетерпимостью и нелюбовью отличаются они к перепелятникам. Каждый раз, стоило только ястребу появиться на гнездовой территории чеглоков, как он сразу же подвергался преследованию соколками и ожесточенному избиению.

Однажды, в начале августа, завершив утренние наблюдения у гнезда чеглоков, я спустился с лесистого склона горы на берег озера Маркаколь и по заросшей высокотравьем тропинке отправился в усадьбу заповедника вдоль прибрежных тальников. Было жарко и душно. В одном месте, где в зарослях была небольшая прогалина, я вышел к воде, чтобы умыться и напиться, но тут же замер от увиденной сцены. Из густых тальников вдруг «вынырнул» перепелятник и на моих глазах схва-

тил пролетающего мимо удода. А так как всё это произошло на охотничьей территории чеглоков, незамедлительно последовало возмездие. Откуда-то сверху с пронзительным криком стремительно спикировал сокол и нанёс ошеломительный удар перепелятнику в спину, от которого он комом упал в воду вместе с удодом. Чеглок взмыл вверх, а ястреб, хлопая крыльями по воде, не выпуская из лап добычу, поспешно взлетел, но тотчас подвергся повторной атаке сокола и вновь упал, на этот раз в травостой, у самой кромки воды. Чеглок сел туда же, послышалась возня и крики. Я бросился к месту схватки и, напуганные моим появлением, драчуны разлетелись в разные стороны. На земле остался лежащий без чувств мокрый удод. Я взял его в руки и осмотрел. Это была молодая птица — в оперении было ещё много пеньков. На спине осталось несколько кровоточащих ранок от острых ястребиных когтей.

Держа его в руках, я не спеша отправился по тропинке дальше. Пройдя метров сто, оставил его приходить в себя в укромном месте под кустиком. Уже собравшись уходить, случайно заметил, что из кроны берёзки, возвышающейся над тальниками, слетел перепелятник и спланировал над местом, где был оставлен удод. Только тут я понял, что ястреб следил за всеми моими перемещениями и наверняка вернётся, чтобы отыскать отобранную у него добычу. Пришлось мне возвращаться и забирать невезучего удода. Он уже смирился со своей несчастной судьбой и, не предпринимая никаких попыток улететь, покорно лежал в моих ладонях. Уходя, я оглянулся и увидел ястребка, сидящего невдалеке под вершиной одного из кустов! Оставлять удода никак было нельзя, и я взял его с собой.

Только пройдя километр, многократно убедившись, что ястреб больше не следит за мной, я забрался в густые заросли и оставил удода в надежде, что на этот раз он избежит ястребиных когтей!

Электронная газета «Ремез» №31. 2012

Рядом с выдрами

В конце ноября, уже через неделю как на Маркаколе установился лёд. На коне, запряженном в сани, мы впервые рискнули пересечь озеро на пространстве между устьями Урунхайки и Тополёвки. Осторожно ступая по едва окрепшему льду, припорошенному снегом, лошадь прошла первые десятки метров, а дальше уже уверенно побежала рысью к темнеющей вдалеке полоске противоположного берега. Временами с гулким звоном расходились в разные стороны трещины, казалось, лёд опасно прогибается под тяжестью саней, но всё благополучно обходилось. По местным поверьям я уже знал, что лошадь обладает удивительной способностью чувствовать прочность льда и, если он ещё не способен выдерживать её вес, она никогда не пойдёт на него, поэтому и решил на эту поездку. Спустя час мы подъехали к другому берегу и остановились у скал Тополевого мыса, за которым темнел ельник, а дальше под самые облака возвышался скальными вершинами Курчумский хребет. Пользуясь передышкой, осматриваю в бинокль окрестные склоны и сразу же замечаю с десятков тетеревов, кормящихся на берёзах. Чуть дальше, в ложбине, видны глубокие наброды двух лосей, приходивших полакомиться осиновой корой.

Пройдя немного вдоль берега, останавливаюсь, увидев, что с ближайших кустов тальника осыпается искрящаяся на солнце снежная пыль. И только тут с опозданием различаю на ветках белых куропаток. Белоснежные птицы, увидев меня, замерли и стали похожими на снежные комья, совершенно невидимые среди заснеженных кустов. Так бы я их и не увидел, если бы не чёрные точки их глаз. Спустя несколько минут куропатки успокоились и, вытягивая шеи, продолжили утреннюю кормёжку, не спеша откусывая почки вместе с концами ивовых веточек. Ими они будут питаться всю предстоящую зиму, постепенно передвигаясь по таловым зарослям вдоль озёрного берега.

Путь наш продолжился. Проехав ещё с километр, остановились вблизи устья самой крупной маркакольской речки - Тополёвки, где темнела небольшая полынья и снег вокруг был

испещрён множеством звериных следов. Мой спутник Сергей Иванович сразу же отправился туда. Вернулся обратно он быстро, осторожно ступая на носки валенок, и взмахами руки показывая, чтобы я вёл себя тихо.

— Там выдры пишат, пойдём посмотреть, — шепотом сказал он.

Привязать лошадь была некуда и, бросив ей из саней охапку сена, осторожно ступая по скрипучему снегу, отправились к устью. Пока шли, он сообщил мне, что у полыньи живет семейство из трёх выдр, и когда он подходил туда, то слышал их писк и всплески воды.

Подкравшись, мы присели за куртиной тростника в нескольких метрах от узкой полоски воды и осмотрелись. Рядом виднелись две лунки — выходы из-под льда, которыми выдры пользуются, выбираясь на поверхность из воды.

- Вот она, гляди, - выдохнул Сергей, когда из ледяной отдушины на миг показалась и сразу же исчезла симпатичная усатая мордашка выдры.

- Учуяла, однако, ушла, - в отчаянии произнёс он, махнул рукой и бросил рукавицу на снег.

Прождав ещё с десяток минут, мы подошли к лункам. Их

края от частого пользования были гладкие и обледенелые, так как зверьки каждый раз окатывают их студеной водой. В прозрачный ледок вмёрзли чёрные волосинки, камешки, отдельные зелёные стебельки водной травы. Снег вокруг был плотно утопан и на нём устроен кормовой столик. Выдры — животные педантичные и чистоплотные. После охоты за рыбой они обязательно выбирают на свежий воздух, чтобы «справить нужду» на участке, выбранном ими под туалет. Осмотрев кучки экскрементов, состоящие из рыбьих костей и чешуи, выяснили, что питаются они исключительно пескарями. Где-то здесь рядом, в обрывистом берегу, у них обязательно должна быть нора, из которой они выплывают и охотятся за рыбой, а затем через отдушины выбирают на поверхность льда, где бегают, играют и катаются в снегу.

В тайной надежде ещё раз их увидеть, мы просидели молчком около полыньи ещё с полчаса, вслушиваясь в приятное журчание воды. Напрасно я держал наготове свой фотоаппарат, время от времени согревая его за пазухой. Выдр так и не увидели, хотя дважды слышали, как с шумными всплесками одна из них проплывала и ныряла подо льдом. Затем прошлись по следам, оставленным зверьками на снегу. Оказывается, они убежали достаточно далеко, за несколько сотен метров, вплоть до соседнего русла речки. Там же были и лисьи следы. Сергей Иванович при этом вспомнил, как в устье соседней речки Тихушки однажды лисица преследовала выдру, удалившуюся от полыньи и той с трудом, удалось спастись, добежав до ближайшей отдушины.

Электронная газета «Ремез» №34. 2013

В метельную пору

Зима в алтайских предгорьях поистине сибирская — суровая, многоснежная и вьюжная. Бывает, неделями лютуют сорокоградусные морозы, сменяющиеся многодневными буранами, переметающими дороги и заносящими избы под самые крыши. «Метёт, белого света не видать», - говорят в такую пору местные жители.

Алтайские зимы оставили в моей памяти свой яркий и незабываемый след благодаря увлечению птицами в школьные годы. Именно в те времена я убедился, что степь только на первый взгляд выглядит зимой пустынной и безжизненной. В действительности она живет в эту пору своей многообразной жизнью.

Мои первые экскурсии за птицами были вначале связаны с деревенскими огородами, куда я отправлялся по натоптанным в глубоком снегу тропкам. Именно здесь, в укромных уголках среди бурьянистых зарослей крапивы, конопли и репейников, густо растущих вдоль плетёных изгородей, происходило знакомство с чечётками, щеглами, урагусами, обыкновенными овсянками и другими птицами. Именно сюда во время метелей часто прилетали рюмы — рогатые жаворонки. Их особенно привлекали места, где на куртинках белой мари кормились чечётки. После них на снегу оставалось множество осыпавшихся семян, служивших излюбленным угощением для рюмов. Наблюдая за ними, я стал в те годы свидетелем их необычного поведения, когда жаворонки взбирались на кустики мари и, пригибая их тяжестью своего веса, склевывали семена. Некоторые из них даже взлетали и присаживались сверху на марь, демонстрируя повадки, более свойственные выюрковым птицам.

Но самыми увлекательными были дальние походы в холмистую степь, где на каменистых сопках излюбленным объектом моих наблюдений стали серые куропатки, которых в наших местах называли «степными рябчиками». В те времена я знал наперечёт каждую стайку и, наблюдая за ними, убедился, что в течение зимы они живут на довольно ограниченных участках, занимая одну из сопкок, где их излюбленным кормом был рогоплодник. Его они поедали на выдувах и выкапывая из снега. В некоторых местах снежный покров в понижениях или на склонах сопкок был сплошь изрыт ими до самой земли и представлял целые лабиринты снежных ходов, в которых они ночевали и дневали, укрываясь от ветра и мороза. Окопавшихся таким образом куропаток заметить удавалось только благодаря птицам-сторожам, время от времени выглядывающих из под снега и осматривающихся по сторонам.

Некоторые табунки куропаток зимой перемещались на дорогу, ведущую из деревни на животноводческую ферму и по которой на тракторах постоянно подвозилось сено, солома и комбикорм. Куропатки кормились на ней рассыпанным зерном и нередко ночевали в снежных лунках прямо по её обочинам. Несколько раз я был свидетелем, когда в наступившей темноте мимо их ночёвки всего лишь в нескольких метрах с шумом, грохотом и включёнными фарами проезжал трактор или машина, но птицы, так и не покидали своих убежищ, привыкнув к подобному соседству. Оставляли его лишь в редких случаях, когда транспорт по какой-то причине притормаживал и останавливался напротив. Отдельные стайки куропаток жили около стогов соломы на полях. Корм они успешно находили, разрывая солому. В таких стогах, как в собственных хатах, вместе с ними всю зиму жили стайки обыкновенных овсянок.

Другими постоянными жителями окрестных сопок были, конечно же, рюмы. Излюбленными местами их кормёжки были обочины дорог и выдувы. Иногда они подолгу жили стайками на одном и том же месте, разрывая снег на полянках и выклёвывая семена горца.

Нередко я отправлялся на экскурсии за птицами по этой «дороге жизни» в самые метельные дни, зная, что она обязательно привлечёт кочующих в степи птиц. И каждый раз меня ожидали в такую пору интересные встречи и открытия. Именно в такое время мне удавалось встречать редких в наших краях зимних гостей — пуночек, лапландских подорожников, чёрных и рогатых жаворонков, красноухих овсянок.

Известно, что для каждого сезона года характерны и символичны свои птицы. Когда меня спрашивают про типичную зимнюю птицу наших степей, то я каждый раз невольно представляю себе одну и ту же картину: змеящуюся по дороге позёмку и стайку рюмов, перелетающую в порывах ветра.

Электронная газета «Ремез» №35. 2013

Невероятные куриные истории

Отчаянная курица. Был обычный летний день. Во дворе нашего дома на берегу Иртыша бродили курицы, а в тени собачьей будки дремал разморенный на солнышке сторожевой пёс Аяврик. Вдруг тревожно защebetали и взмыли вверх ласточки-касатки. Начался птичий переполох. Куры с кудахтаньем помчались и скрылись под навес следом за петухом. Я успел заметить, как над усадьбой, виртуозно лавируя среди построек и деревьев, пролетел самец лугового луня и, спикировав вниз, завис над куриным выводком. Схватив лапами одного из цыплят, он уже сделал взмах, чтобы подняться и улететь с добычей. И тут произошло неожиданное. Опомнившаяся мамаша-курица, взмахнув крыльями, в несколько прыжков настигла его и, оказавшись на спине хищника, вцепилась, начав клевать и ожесточенно хлестать его крыльями. Да так сильно, что лунь выпустил из лап цыплёнка и поспешно ретировался. Возбуждённая и взъерошенная курица, только что выигравшая смертельную схватку, воинственно, по-петушиному, расправив крылья и издавая призывные звуки, быстро собрала вокруг себя перепуганных цыплят. Осматриваясь по сторонам и прикрывая их собой, она была готова отразить новое нападение. Но потерпевший фиаско лунь уже скрылся за оградой и улетел в сторону Иртыша. Петух, ещё несколько минут назад позорно бежавший, взлетел на поленницу и победоносно прокукарекал на весь двор весть о победе, словно он её сам совершил!

Всё случившееся произошло на моих глазах и события развивались настолько стремительно, что я даже не успел что-то предпринять, чтобы отпугнуть хищника. К этому добавлю, что это был единственный наблюдавшийся мной факт нападения лугового луня на домашних птиц. Ничего подобного не приходилось мне читать в орнитологической литературе.

После этого я стал скептически относиться к существующему мнению о трусливости кур. Конечно же, в данном случае решающую роль сыграл материнский инстинкт, когда, защи-

щая своих детей, мать готова пойти на самопожертвование, совершая при этом поистине героические поступки.

Эту историю, произошедшую давно, я мало кому рассказывал, и она уже порядком забылась. Вспомнил я о ней, когда узнал о другом не менее невероятном случае, случившемся весной этого года в алтайском посёлке Катон-Карагай на Бухтарме и сообщённом мне моим другом Фёдором Ивановичем Шершнёвым.

Геройский петух. Этим утром Фёдор Иванович, занимаясь хозяйственными делами, отправился на ближайшую водоколонку. Пока набирал в ведра воду, услышал переполох среди птиц в деревне и увидел, как по переулку стремительно пронеслась самка тетеревицы и напала на белую курицу, кормившуюся на зеленой лужайке у забора соседского дома. Схваченная, она истошно заорала и начала отчаянно биться в ястребиных когтях. В этот момент через забор как метеор, перелетел петух и сразу же вцепился в хищника. Началось побоище, каких мало кто видел даже на знаменитых петушиных боях. Петух яростно клевал и терзал обидчицу, выдирая клювом её перья, хлётко бил её крыльями и шпорами. При этом кричал на всю улицу, да настолько сильно, что петухи всей деревни переполошились и стали наперебой вопить на все куриные голоса.

Побитая тетеревица, не ожидавшая столь ожесточённого отпора, с трудом вырвалась и улетела на окраину посёлка. После неё на лужайке осталась потрёпанная и лежащая без чувств курочка. Вокруг неё ходил и громко кричал спаситель. Возбуждённый битвой, он даже совершил над ней то, что обязательно делают петухи с курицами для ежедневного несения яиц. После этого она вдруг ожила, вскочила и, стыдливо шмыгнув под ворота, убежала во двор. А петух, взмахнув крыльями, издал оглушительный крик. Взлетев на забор, он ещё несколько минут исполнял громкое победоносное кукареканье, одно громче другого. В ответ на это по всей деревне ещё долго слышалось ответное петушиное пение, явно восславляющее его храбрость. Иначе эту всеобщую хвалебную серенаду не назовешь!

История эта произошла 17 апреля 2013 года. После неё вся полянка вдоль забора была густо усеяна белыми куриными перьями, среди которых были и ястребиные. Федор Иванович, потрясённый увиденным, сходил за фотоаппаратом, заснял место сражения и выслал мне в качестве доказательства снимок.

Вместо эпилога скажу, что спустя сутки курочка — героиня этого случая, от нанесённых травм, к сожалению, преставилась. По словам хозяйки, у основания шеи у неё воспалились глубокие раны. Кроме того, на грудной клетке и в брюшной полости имелись гематомы и сгустки крови. Геройский же петух жив, здоров и каждый день поёт голосистее всех петухов Катон-Карагая!

Электронная газета «Ремез» №36. 2013

Сороки, вороны и кухонный стол

В начале мая, когда в бурные маркакольские речки устремляются ускучи и хариусы, в заповеднике объявлялся нерестовый период, и вся егерская служба разъезжалась почти на два месяца охранять от браконьеров нерестовые реки. Для усиления егерских постов в восьмидесятые годы на дежурство отправляли и научных сотрудников, которые совмещали это мероприятие с наблюдениями за объектами своих исследований.

На один из таких постов на Жиреньке в один из майских дней приехал и я. Место было живописное. У подножия горы, рядом с полуразрушенной кошарой, находился бывший чабанский дом, превращенный во временный кордон. На берегу шумной речки с высокоствольным березняком стоял длинный тесовый стол с лавками, а около него было устроено кострище с закопченным чайником на тагане. Дальше темнел ельник на кочковатом болоте и вплоть до озера тянулись цветущие луга.

Начались полевые будни. Мой напарник - егерь Кривошеин — дежурил на шлагбауме, а я целыми днями проводил в окрестностях, изучая живущих здесь птиц. По вечерам подол-

гу засиживались за столом у костра. После традиционной ухи из отборных ускучей подолгу чаёвничали и вели беседы, благо Тимофей Григорьевич был прекрасным рассказчиком и поведал мне великое множество увлекательных историй из своей былой жизни охотника-промысловика.

После ужина, уходя спать в избу, все продукты обычно оставляли на столе, прикрывая их на всякий случай лишь полотенцем. А ранним утром, вскипятив чайник и на скорую руку перекусив остатками вчерашнего, расходились по своим делам. Всё шло спокойно и размеренно, однако вскоре стали замечать, что с кухонного стола стали исчезать то хлеб, то пряники, то печенье, то кусочки сахара-рафинада. Один раз потерялось даже туалетное мыло, оставленное на камне у речки. Всё чаще и чаще мы стали обсуждать вопрос о таинственных исчезновениях продуктов, но каждый раз все наши предположения сводились к тому, что виновницей могла быть бродячая пастушья собака, хотя последних видеть нам ни разу не приходилось.

Загадка вскоре прояснилась неожиданным образом. Тимофей Григорьевич, по-стариковски поднимавшийся по утрам чуть свет, один раз вернулся в избу сильно ругаясь: «Вот шельма! Выхожу, а на столе сорока хозяйничает - рыбу доедает. Иди, полюбуйся!». А любоваться было уже нечем. От приготовленного вечером и оставленного на завтрак большого ускуча после её посещения остался лишь хорошо «отпрепарированный» скелет. Последнюю фразу егерь мне сказал с явным укором, так как ещё вечером просил унести рыбину в избу.

С того утра мы старались убирать со стола всё съестное или прикрывать продукты чашками. Не помогло. Посуда оказывалась странным образом отброшенной, а еда продолжала исчезать. Вскоре выяснилось, что прилетает к нам не одна, а две сороки. Кроме них около стоянки стала подозрительно крутиться и пара чёрных ворон из семейства, живущего в соседнем лесу. Однако увидеть их во время кражи продуктов со стола не удавалось, так как в избе не было окна в эту сторону, а скрип открываемой по утрам двери служил воришкам предупреждением о появлении людей, и они успевали заблаговременно смыться.

Один раз, проснувшись рано, я, не вставая, выглянул в оставленную открытой дверь. На столе уже вовсю шло пиршество. Две сороки, высоко подняв хвосты, важно расхаживали, склёвывая крошки и остатки мелко нарезанной луковицы. Одна из них, ухватившись клювом за кончик полотенца, стащила его в сторону. Другая тотчас схватила ломоть хлеба и улетела с ним в березняк. Оставшаяся принялась расклёвывать доставшуюся ей засохшую хлебную корку. Только тут я заметил, что на вершине берёзы за речкой сидит в нетерпеливом ожидании чёрная ворона. Я уже хорошо знал, что во время совместных воровских дел осторожные вороны всегда выжидают момента, когда более смелые сороки первыми обследуют место и лишь после этого подключаются к грабежу. Вот и в этот раз, глухо каркнув, ворона слетела и, спланировав к столу, спугнула с него сороку, которая с корочкой в клюве сразу же улетела в ближайший тальник. Ворона села на зелёную лужайку,

обошла вокруг стола, подобрав по ходу какие-то объедки, и только после этого осмотра взлетела на краешек стола. Осмотревшись по сторонам, она прошла к чашкам и, как-то легко и виртуозно, откинула клювом крайнюю, алюминиевую, под которой оказался небольшой свёрток.

— Сало, копчёное сало, - только и успел подумать я. Но было уже поздно. Ворона схватила припрятанные егерем остатки деликатеса и улетела.

Вечером этого же дня, перебив всю посуду, я унёс на ночь продукты в избу, не оставив на столе ни единой крошки. Решил отвадить пакостливых птиц идеальным порядком и отсутствием чего-либо съестного. Оставил на столе лишь несъедобное хозяйственное мыло, прикрыв его чашкой.

Каково же было наше удивление, когда на следующее утро мы обнаружили эту чашку сброшенной на землю, а большой мыльный кусок расклёванным на крошки!

Несколько дней царило затишье, так как сороки и вороны перестали показываться в окрестностях кордона.

- Однако понос их одолел, в кустах отсиживаются, - предположил по этому поводу егерь, намекая на коварные свойства мыла, вызывающего катастрофическую реакцию желудка.

Электронная газета «Ремез» №37. 2013

Кровавая расправа у реки

Во время одной из летних орнитологических поездок в отрогах Джунгарского Алатау, примыкающих к озеру Алаколь, остановился я на днёвку в живописном ущелье речки Орта-Тентек. В этом месте река у выхода из скальной теснины перегорожена бетонной плотиной бывшей гидроэлектростанции, выше которой находится обширный галечник, на котором несколько лет назад мне посчастливилось обнаружить на гнездовании редчайших в этих краях серпоклювов. Вот и в этот раз, добравшись по горным тропам до этого места, я решил проверить живут ли здесь эти кулики или нет. Устроившись в тени раскидистой ивы, принялся осматривать с помощью бинокля и зрительной трубы речное русло и, к радости

своей, довольно быстро обнаружил семейство серпоклювов. Но наблюдения за ними пришлось вскоре прервать, так как ко мне подошёл местный житель - мужичок средних лет. Поинтересовавшись, чем я занимаюсь и, взглянув в трубу, он, к моему удивлению, сообщил, что хорошо знает этих «красноносых куликов», живущих тут постоянно. К тому же поведал мне, что в расщелине соседнего глинистого обрыва в этом году пара атаек успешно вывела птенцов, а утром на реке ниже плотины он видел семейство крохалей с утятами и чёрного аиста, прилетавшего на кормёжку. Мой новый знакомый, представившийся Ахметом, оказался человеком из той наблюдательной породы деревенских натуралистов, которые интересуются всем, что живёт вокруг них и своими познаниями удивляют даже бывалых зоологов. Подробно рассказав мне про других известных ему зверей и птиц, обитающих в окрестных горах, он заспешил домой попить чаю, пообещав мне, что скоро вернётся, так как у него тут пасётся домашний скот и показал на противоположный берег, на зелёной лужайке которого вдоль арыка отдыхали многочисленные барашки и козы.

Продолжив прерванные наблюдения, спустя полчаса я услышал, как с того самого берега доносится оживлённое стрекотание сорок. Вскоре обратил внимание, что туда же торопливо пролетело друг за другом десятка полтора чёрных ворон, рассеявшись на земляном валу арыка поблизости от овец. Сорочьи крики стали звучать всё чаще и чаще, приобретая визгливые интонации, свидетельствовавшие о том, что там что-то случилось. Я уже хорошо знал, что подобным образом они кричат при виде крови во время пиршества около добычи. Быстро перетащив штатив с трубой на более возвышенное место соседнего склона, я навёл её на ближайших овец и сразу же увидел, что более десятка сорок собралось в небольшом понижении вдоль земляного вала, где лежала домашняя коза, у которой происходили вторые роды. В полуметре от неё неподвижно лежал козленок, родившийся накануне, около которого, высоко подняв хвосты, оживлённо и суетливо скакали сороки, издававшие как стрекотание, так и пронзительные крики. Некоторые из них, приближаясь вплотную, помногу раз подряд клевали козлёнка в живот, отскакивали в сторону,

снова приближались и вновь наносили торопливые клевки. Более осторожно действовало несколько ворон, ограничиваясь лишь одним-двумя клевками. Остальные сидели в сторонке, с любопытством наблюдая за действиями нападавших. Козлёнок уже явно не подавал видимых признаков жизни. Коза иногда поднимала голову, бляла, но предпринять каких-либо действий по защите детёныша не могла. Поняв, что птицы расправляются с беззащитным козлёнком, я уже собрался спасать его, но увидел Ахмета, спускающегося в мою сторону по тропинке. Когда я рассказал ему о случившемся, он бросился бегом к навесному мостику, ведущему на другой берег речки. Вскоре вороны и сороки торопливо разлетелись в разные стороны, а около разродившейся козы появился Ахмет, возмущённо жестикулирующий руками и громко ругающийся. Когда я подошел к нему, он уже собирался зарывать мёртвого козлёнка в одну из ям. Брюшная полость, кишечник и другие внутренние органы у несчастного детёныша были сильно расклёванными и окровавленными. В сторонке лежала уже разродившаяся коза и облизывала новорождённого козлёнка, к счастью, оставшегося в живых.

Вот такая кровавая история случилась на Орта-Тентеке, писать о которой мне долгое время было сложно. Но, несмотря на всю безжалостность происшедшего, она приоткрыла нам ещё одну сторон в жизни сорок и ворон. Не так уж просты оказались эти птицы, занимающиеся коллективным хищничеством. Правда, случалось мне прежде наблюдать, как сороки расправились с голубем-подранком, как пытались заклевать больную озёрную чайку. Однажды в степи я был свидетелем, как они целой кампанией несколько часов подряд преследовали по глубокому снегу зайца-беляка. Стоило тому убежать от преследователей и спрятаться в кустарниках, как они тут же летели туда и вновь устраивали шумную осаду, пытаясь подобраться поближе и клюнуть его. Тогда мне подумалось, что это были простые игры в догонялки, но после этого случая я почти убеждён, что длиннохвостые стрекотухи имели явные намерения попробовать свежей зайчатины.

Электронная газета «Ремез» №37. 2013

История про олянок

Водяные воробьи и таймени. Разговорился я однажды с бывалым охотником-промысловиком Василием Афинодеевичем, промышлявшим норок, заселивших в семидесятые годы большинство алтайских рек. Поделившись своими наблюдениями за поведением этого скрытного зверька, он не преминул заметить, что там, где она поселяется, вскоре исчезает её американская землячка - ондатра. Да и выводков водоплавающих птиц становится меньше, так как норки уничтожают гнёзда с кладками и птенцов. Когда же я поинтересовался про птиц, живущих на таёжных речках, охотник сообщил, что кроме крохалей, других уток в зимнюю пору встречать ему не приходилось.

- Ещё водяные воробьи на речках держатся, там, где они не замерзают или есть полыньи, - оживился охотник, подразумевая под водяным воробьём оляпку. - Чудные эти птички, скажу я тебе. За кормом даже в сильные морозы ныряют в воду и, этак мелко перебирая лапками, бегают по дну, иногда даже против течения передвигаются, крылышками помогая себе. При этом камешки переворачивают, а под большие заглядывают. Как отыщет она там какого-нибудь мормыша, непременно на воздух с ним выскочит и уже на льду расклюёт его и съест. Один раз метрах в трёх от меня выскочила из воды, как чёртик из шкатулки. Вижу в клюве что-то крупное, как будто бы рыбёшка. После того как съела её, я ради интереса подошёл и посмотрел остатки. Оказывается, большущую личинку стрекозы изловила. Сантиметров пять в длину, не менее. Ну, так вот, на моём участке по каждой речке, где капканы на норок ставлю, по одной - две, а то и по три штуки обязательно живёт. Только вот к весне ни одной не остаётся, всех таймени вылавливают!»

- Не может быть, - усомнился я тогда.

- Как не может, - возмутился охотник, - рассказываю всё как есть, ловят и сжирают, сам видел несколько раз. Там же на речках есть ямины и заводи, в которых зимуют таймени. А у этих воробьишек такая привычка есть: летит она, летит быстренько над руслом и вдруг, хлюп на воду и поплыла вниз как попла-

вок прямо в эти тайменьи засады. Вот в такой момент бывало и слышишь шлепок на воде, а там, где только что птичка плыла, только круги расходятся. Вот так они вылавливают их одну за другой. Да что там птички, я один раз на закид здорового тайменюгу выловил, еле вытащил его. Когда разделявал, в желудке молоденькую норку нашёл. Целиком заглоченную! В общем жрёт этот водяной волчина всё, что шевелится и плавает.

После этих аргументов повода не верить Афинодеичу у меня не было. С момента этого разговора прошло года два. В один из октябрьских вечеров, когда я жил на Маркаколе, пришёл ко мне в гости мой урунхайский друг Спиридон Филиппович и выложил из рюкзака в качестве гостинца двухкилограммового тайменя. Оказывается, два прошедших дня он провёл на Кара-Кабе, где отвёл неутомонную рыбацкую душу, занимаясь ловлей тайменей на спиннинг. Пересказав мне подробности этой рыбалки и про поимку каждой рыбины, он вдруг сообщил, что видел, как таймень поймал оляпку. Удивлению моему не было предела.

- В том месте, где мои стояли, поперек речки лежала упавшая лесина, ниже которой в тени и затишках держались таймени. Вот я и бросал блесну как раз в то место, - продолжил он свой рассказ. - А тут смотрю, сверху идёт напарник и выпугнул он из-под берега оляпку. Она быстро полетела с криком над речкой в мою сторону, упала перед лесиной на воду, проплыла под стволом и когда появилась на омуте напротив меня, вдруг слышу сильный всплеск и вижу, как оляпка исчезла под водой. Утащил её здоровенный тайменище! Вода там чистая, как воздух, поэтому я даже успел заметить, как он быстро ушел в сторону. Я потом до вечера выловил их там несколько штук, но небольших размеров. Ради интереса посмотрел желудки, но кроме остатков мелкой рыбы в них ничего не было.

Рассказ Филиппыча окончательно меня заинтриговал, и я начал строить планы поездок на Кара-Кабу. Однако убедиться самому в том, как таймени ловят оляпок мне так и не удалось. Бывая на алтайских речках, я подолгу засиживался около заветных омутов и перекатов с тайной надеждой увидеть сцену охоты знаменитого речного хищника, но мне каждый раз не везло. То в заводь, где затаился таймень, оляпки не прилетали,

то там, где они часто встречались, таймени уже не водились!

Водяные ослики и оляпка-утопленница. Мой алтайский друг Фёдор Иванович Шершнёв из Катон-Карагая в школьные годы увлекался содержанием и разведением тропических рыбок в аквариуме. Для прокорма питомцев требовался особый корм, который продавался только в зоомагазине Усть-Каменогорска. Ездить туда было далековато и накладно для школьника, поэтому Фёдор освоил свой собственный способ заготовки. Выручили водяные ослики *Asellus aquaticus* - мелкие ракообразные длиной до 2 см, во множестве живущие на Тёплом ключе недалеко от посёлка. Дно этого источника было завалено плоскими камнями, лежащими друг на друге. Между ними имелись пустоты и узкие извилистые ходы, которые они и облюбовали. Наловив пробную партию, он выпустил их в аквариум, чтобы убедиться, как относятся его экзотические рыбки к новому корму. Гуппиям приходилось подолгу охотиться за увёртливыми осликами. Они начинали преследовать их, вначале отрывая у них конечности. Лишь после того, как обездвигивали жертву, дружно накидывались на неё и начинали терзать на части. Чтобы съесть всего лишь одного ослика, они затрачивали два-три часа времени и много сил. Опыт подсказал, что для того, чтобы полноценно кормить рыбок, нужен запас сухого корма.

Казалось бы, неразрешимую проблему извлечения водяных осликов из-под камней Фёдор решил с помощью большой медицинской клизмы, засасывая в неё водяных обитателей и выливая затем в обычный дуршлаг. Ненужная мелочь при этом сама по себе удирала через многочисленные отверстия. После этого следовала промывка чистой водой, обработка слабым раствором марганцовки, выдержка в рассоле. Затем обезвоженных беспозвоночных он высыпал на противень и помещал сушиться на натопленную печь. Спустя два часа они становились подсохшими как сухарики, а оставшаяся на их теле соль осыпалась. Таким образом, создавался запас корма, который рыбки ели даже охотнее, чем гаммарусов. Шершнёвский корм стал пользоваться спросом среди других аквариумистов, а у Фёдора появились деньги, необходимые для приобретения новых видов рыб и аквариумных приспособлений.

Однажды среди зимы у него стали заканчиваться кормовые запасы для рыбок, и он отправился на Тёплый ключ производить очередные заготовки. Протекающие на окраине села речки Сарымсак и Катонка были в эту пору покрыты льдом, поэтому незамерзающий источник был для юного натуралиста замечателен тем, что там был не только кладёз беспозвоночных, но и можно было наблюдать оляпок, также питавшихся водяными осликами. В эту зиму на ключе жила только одна оляпка, поэтому добравшись до источника, Фёдор был удивлён её отсутствию. Не теряя времени, он принялся за поиски убежищ беспозвоночных, переворачивая в одном из нагромождений камни и плиты. Как выяснилось, за последний зимний месяц ослики забились в самую глубину среди камней. Отвернув очередную плиту, Фёдор вдруг увидел, как на поверхность всплыла мёртвая птичка, в которой он узнал исчезнувшую оляпку. Причиной её смерти были каменные лабиринты. Птичка увлеклась поисками спрятавшихся в глубине ходов осликов, забралась слишком далеко, застряла в узкой щели и, не имея возможности развернуться и выбраться назад, утонула. Всё случилось как в жизни, когда даже профессиональные пловцы по нелепому стечению обстоятельств гибнут в своей любимой водной стихии.

Электронная газета «Ремез» №39. 2013

Маркакольские эссе о лыжне

При слове «лыжня» ассоциации возникают у меня совершенно не спортивные, но очень приятные. Вспоминаются сразу времена работы в Маркакольском заповеднике. Дело в том, что с наступлением зимы на Алтае извечные заботы о машине, лодке или лошадях для поездок отходили на второй план и в работе орнитолога с начала ноября до середины апреля главное место в качестве средства передвижения занимали лыжи. Одной из задач моей первой научно-исследовательской темы было изучение биотопического размещения и сезонной динамики численности птиц, а это требовало дважды в месяц проводить количественные учёты в основных местообитани-

ях птиц, куда входили разнотипные луга, болота, березняки, тальники и ельники по берегам озера, лиственничные и пихтовые леса по склонам хребтов. Исходя из этого, строилась схема маршрутов и пробивалась лыжня. Обычно закладывались кольцевые маршруты по 5-6 км в один конец и столько же обратно. По горным склонам и ущельям из-за трудоемкости передвижения зимой маршруты закладывались в нескольких местах отрезками длиной от 1 до 3 км.

Зима в восьмидесятые годы наступала стабильно 5-10 ноября, как говорили тогда, на «ноябрьские праздники». Дождавшись, когда ляжет снег глубиной по колено, начиналась у меня эпопея, носившая название «бить лыжню». Обычно на её прокладку приходилось выходить с напарником, с кем-нибудь из числа крепких местных ребят, работавших в заповеднике лаборантами. Поочередно, сменяя друг друга, за несколько дней, прокладывали мы лыжню, охватывая маршрутами наиболее интересные участки побережья озера, лесов и горных ущелий. После этого начинались планомерные выходы на учеты. Пользовались мы тогда в основном широкими охотничьиими лыжами, но иногда при походах в горы брали камусные, изготовленные местными умельцами из осины и подбитыми шкурками с ног марала. Хотя они и были более тяжёлыми, зато благодаря им можно было подниматься на крутые склоны как на вездеходах.

Зимние маршруты в каждой местности имеют свою специфику, особенно на Маркаколе, где зима без всяких преувеличений особенно морозная и многоснежная. Холодные потоки воздуха скатываются с гор и заполняют котловину. Устанавливаются туманы, деревья покрываются пушистым инеем и изморозью - «куржаком». В январе и феврале неделями стоят 40-градусные морозы и когда они «отпускают» до 30-градусной отметки, то местные жители с облегчением говорят, что наконец-то потеплело. Иногда температуры опускаются ниже. Не зря район Маркаколя называют казахстанским «полюсом холода». При мне в одну зиму температуры понижались до -53 градусов, а в районе соседней Орловки зашкаливали за 60 градусов. Но к холодам здесь привыкаешь и не обращаешь на это внимания.

Казалось бы, в такую стужу вся жизнь замирает. Но это лишь на первый взгляд. В действительности, активность птиц и зверей в лесу не стихает, только становятся они в эту пору более скрытными. В этом я каждый раз убеждался, отправляясь в свои маршруты, подолгу отслеживая и подробно записывая их кормовое поведение. Выяснилось, к примеру, что косачи сбиваются в стаи по 50-100 штук и в течение 5 месяцев держатся где-нибудь в труднодоступных частях березняков. После непродолжительной кормёжки в полдень они ныряют в рыхлый снег на одной из полян и проводят в нём большую часть морозных суток в снежной камере. Когда снег уплотняется, то они просто слетают на его поверхность и, побродив немного, зарываются в лунку. Около каждой крупной косачиной стаи, как около своего собственного стада, обязательно поселяется ястреб-тетеревятник, которого местные охотники метко окрестили «пастухом».

Из-за затяжных снегопадов, особенно частых во второй половине февраля и в марте, прежнюю лыжню заваливало или переметало снегом, поэтому приходилось её каждый раз бить заново. Иногда снега шли непрерывно по неделе и более, заваливая избы под самые окна и крыши. Помнится, особенно большие снега были зимой с 1984 на 1985 год. Тогда нам в усадьбе заповедника пришлось целый месяц откапываться, перемещаясь от дома к дому по двухметровым траншеям и спасая шиферные крыши новых домов от разрушения под тяжестью снега. Выходы в маршруты пришлось отложить, пока снег не осядет и не уплотнится. В эту зиму даже тетерева появились на окраине деревни, так что по морозным утрам, сидя за чаем на кухне, приходилось мне много раз наблюдать в окно, как на берёзах в огороде кормятся косачи. Иногда эту картину дополняли белые куропатки, осыпая с веток серебряную изморозь, поедавшие ивовые почки на тальниках вдоль изгороди.

Немало проблем постоянно создавали зайцы-беляки. Вот уж для кого появление накатанной лыжни в лесу было в радость! Понятно, что бегать, глубоко проваливаясь по рыхлому снегу, даже им, прекрасным бегунам, не хотелось, поэтому в своих передвижениях пользовались они в основном этой

магистральной лыжной трассой, делая с нее боковые тропы для личных нужд. И чем больше зайцев было на маршруте, тем быстрее лыжня выходила «из строя». Дело в том, что бегающие по свежей лыжне длинноухие «разбивали» её в пух и прах, а после подмораживания, она превращалась в колдобины. Ходьба по такой лыжне превращалась в муки. За день бывало так «накручивал» ноги, что потом на двое-трое суток приходилось устраивать передышку, чтобы средства передвижения перестали болеть. Переговорил я как-то по этому поводу с деревенскими охотниками-промысловиками. Для них эта заячья беда на путиках не была новостью и избавлялись они от неё испытанным способом - ставили петли. Пришлось и мне на маршрутах, на которых длинноухие спринтеры чаще всего устраивали свои гонки, предпринимать меры по предупреждению «дорожного вредительства» и ставить петли. Так к диетическому столу научных сотрудников, состоящему в основном из картошки и рыбы, время от времени стала добавляться тушёная зайчатина.

Часто ходили по лыжне и рыси, но для меня подобное соседство было более интересным и занимательным, так как позволяло следить за перемещениями и охотничьим поведением этого таинственного зверя. Рыси охотно посещали места, где «таловались» по ивнякам беляки, охотясь за ними. Попутно они по моим маршрутам приходили и в места, где ночевали косачи, тоже пытаясь ловить их в снежных лунках.

Пройдя учётный маршрут в один конец, я устраивал традиционную остановку около родника или ручья, разжигал костёр и кипятил чай в котелке, который всегда носил с собой в рюкзаке. Пока закипала вода, успевал сделать в полевом дневнике подробные записи увиденного в пути. Отдохнув, подкрепившись и согревшись чаем, отправлялся в обратный путь, но уже по другой лыжне. Так из месяца в месяц, ходил я на лыжах по маркакольским лесам, набирая десятки и сотни километров учётов и разбираясь в особенностях зимней экологии птиц. Случались на этих маршрутах и разные происшествия. Однажды забравшись под самую вершину одного из логов Азутау, решил я обратный путь сократить, скатившись вниз «с ветерком» по открытому склону, благо снег был достаточно

плотный, а лыжи у меня были хорошие — «накатанные». Прикинув траекторию движения и приладив удобнее на спине рюкзак с ружьём, оттолкнулся лыжными палками и помчался вниз по крутяку со свистом. Качусь и вижу, что впереди меня возникает снежный бугор — заваленный снегом куст жимолости и шиповника. Наверное, от эйфории стремительного полёта или по глупости, но отворачивать в сторону от него я не стал, решив использовать этот бугорок в качестве трамплина. Когда я наехал на него на скорости, снег неожиданно просел и концы широких лыж вошли в куст. Меня чуть не разорвало от резкого удара. Очнулся я в какой-то невероятной позе с задраным поверх головы ватником и ртом, набитым снегом. Спина была в кровь расцарапанной скобой ружья, но переломов и вывихов, к счастью, не было. В метрах двух выше от себя увидел торчащую из снега одну лыжину с валенком, а другую без валенка и крепления! Дальнейший мой путь по глубокому снегу с густым шиповником до санной дороги напоминал преодоление болота, но урок катания на лыжах по здешним горам был получен и оказался полезным. С того времени я стал чаще придерживаться принципа «бережёного — Бог бережёт», хотя разные опасные и порой нелепые случаи, неизбежные в горной тайге, ещё случались. Но об этом в следующий раз.

Электронная газета «Ремез» №40. 2014

Вороньи игры

В поведении серых ворон известно множество игровых элементов, из которых наибольшую известность получили катания этих птиц на куполах церквей и крышах домов, на ледяных горках и даже по лобовому стеклу припаркованной легковой автомашины. Любят они иногда позабавиться и поиграть с приглянувшимся им игрушками.

Однажды в майскую пору шёл я берегом Иртыша. Остановился передохнуть в тени черёмухового куста, достал записную книжку и принялся записывать встреченных в пути птиц. В это время внимание привлекла серая ворона, летящая в моём направлении с каким-то крупным обломком зеленова-

того цвета в клюве. Летела она необычным вихляющим полётом, то взмывая вверх, то опускаясь вниз, явно играя с этим предметом. Когда она налетела на меня, я вышел из-за куста и взмахнул руками. От неожиданности птица выронила содержимое клюва. Осмотрел я его, и удивлению моему не было предела. Передо мной лежало толстое днище с острыми краями от большой винной бутылки — «огнетушителя»! Знаменитого в те годы портвейна «Вермут». Увиденное так и осталось для меня до сих пор не объяснимым фактом. С какой такой радости птица подобрала и стала играть с тяжеленным осколком бутылки? Да ещё в пору, когда другие вороны с утра до вечера хлопотали у своих гнёзд, занимаясь выкармливанием птенцов!

Электронная газета «Ремез» №42. 2014

Сороки-ешенлазы

В широком спектре кормовых приемов сороки поиск пищи на вертикальных поверхностях — явление достаточно редкое. Мне неоднократно приходилось наблюдать сорок, выискивающих корм в глинистых и земляных обрывах, на стенах различных построек и домов, как в сельской местности, так и в многоэтажных застройках городов.

Так, в Алматы с 1992 по 2013 годы мной каждую осень отмечаются случаи осмотра сороками стен Института зоологии, облицованных отшлифованными плитами из мангышлакского ракушечника.

Сам процесс подобного поиска выглядит необычно для этой птицы и отличается виртуозностью. Прицепившись когтями к щели вдоль стыка облицовочных плит, прижавшись к вертикальной плоскости широко раскрытыми крыльями и опираясь на хвост, сорока внимательно осматривает доступные пустоты, извлекая из них каких-то насекомых и пауков. Иногда она удерживается лишь одной лапой, другой цепляясь за круглые выемки от ракушек, почти акробатически дотягивается до ближайшей щели, изменяя положение тела почти до горизонтального. Отмечался случай, когда птица пыталась

проникнуть снизу вглубь пустоты отставшей плиты. Иногда, прицепившись к уступу подоконника, заглядывает и выскивает корм под прикрывающей его оцинкованной жестью. Осмотрев одно место, она перепархивает на другой участок, вплоть до угловых стыков стен.

Предпочтением у сорок пользуются стены с теневой стороны зданий на уровне второго-третьего этажей. Во всех случаях необычным поиском пищи занимались одиночные птицы. На одной из стен, хорошо просматриваемой из окон, кормящихся таким образом сорок, приходилось наблюдать по несколько раз с сентября по декабрь включительно. Сотрудники Института, уже давно обратившие внимание на такое поведение сорок, прозвали таких особей стенолазами, по аналогии с высокогорными птицами краснокрылыми стенолазами, которые зимой спускаются с гор и иногда тоже кормятся на стенах здания Института.

Поиск пищи сороками на вертикальных поверхностях наблюдался в разных частях ареала этого вида. Приведенные факты свидетельствуют, что это явление имеет широкое распространение и является следствием процесса урбанизации вида.

Электронная газета «Ремез» №43. 2014

Птицы истории старого хутора

В Лепсинск к Ивану Носкову мы приехали ранним июльским утром. Он готовился к сенокосу и ремонтировал трактор «Беларусь». Нашему появлению обрадовался, сразу же попросив помочь ему установить огромное заднее колесо. Закончив работу, мы прилегли на зелёную лужайку в тени берёз и разговорились о событиях его жизни последних лет.

Иван Александрович - прекрасный знаток Джунгарских гор, исходивший их вдоль и поперёк. Многие годы он проработал охотником-промысловиком, потом лесником и егерем Лепсинского лесхоза, преобразованного в лесохозяйственное хозяйство. Почти двадцать лет прожил с семьёй на кордоне на речке Карбушке, вдали от посёлка. После губительных реорганизаций лесхозной системы и безденежья как опытейший

охотник он был приглашен в начавшую процветать в этих краях индустрию интурохоты, но быстро разочаровавшись, ушёл на «вольные хлеба». Поселившись на хуторе из трёх стареньких домов в нескольких километрах от Лепсинска, завёл хозяйство и пасеку; его мёд стал пользоваться спросом и кормить семью.

Наш разговор прервало появление семейства индюков с подростками птенцами, которые важно и надменно прошествовали мимо нас.

- Горе у них, индюшонка сегодня потеряли, - кивнув в их сторону, сказал Иван Александрович. - Ночью проснулся от того, что собаки разлаялись. Вышел я на крыльцо, осмотрелся, прислушался, посветил фонариком, вроде бы никого, а маленькая собачонка продолжает тявкать в сторону ворот. Выглянул за изгородь, осветил фонариком трактор, косилку, а потом полянку. На ней, обычно на ночь, индюки оставались. Гляжу, а их то и нет, а на земле сидит здоровенный филин и держит в лапах задушенного индюшонка. Завидел меня и улетел. Можете посмотреть, его там перья ещё остались, - показав пальцем, закончил он свой рассказ. - Всякое раньше бывало, то кроликов залетавшие филины давили, то курей, но, чтобы на индюков нападали, никогда не слышал. Сейчас у нас тут в деревнях мода на всё индейское пошла: кто индоуток разводит, кто индеек. Вот и филины видать решили попробовать их на вкус.

После чаепития устроились мы на скамейке перед домом. В это время на вершину берёзы подлетел и уселся самец пустельги. Я быстренько достал фотоаппарат и попытался выбрать удобный ракурс для съёмки, но не успел. Сокол с дерева и спланировал вниз.

- Это Кобча, навестить прилетел меня - сказал Иван Александрович, проведя безымянным пальцем по седым казачьим усам.

- Какой ещё Кобча? — удивился я.

- Приезжал бы каждый год в гости, своими бы глазами увидел. Тут у меня с ним на хуторе занятная история приключилась. Позапрошлым летом подобрал я под берёзой птенчика пустельги - заморыша совсем. Выпал он из гнезда на землю, а

родители его кормить не стали. Хотел я обратно его в гнездо вернуть, но забраться на дерево не мог, слишком высокова-то. Оставил его у себя и стал выкармливать. Да и внуку моему развлечение. Сам я в школьные годы выращивал пустельжат и хорошо знаю, какое это интересное занятие для ребятшек. Поселил его в гнездовый ящик, где раньше жили голуби, - и он показал на стену дома, куда вела лестница на чердак.

- Ну, так вот, через месяц он оперился и стал летать. Кормил его, подманивая себе на руку. Когда повзрослее стал, то выхватывал мясо прямо в полёте, из поднятой вверх руки. Стоило мне появиться в ограде, крикнуть, помахать рукой над головой, как он появлялся и ловко так выхватывал мясо из руки. Ни разу не поцарапал руку. Потом я стал ему просто забрасывать мясо на крышу дома. Отдыхал и ночевал он на коньке крыши или в ящике.

Всю осень жил и летал свободно в районе хутора, но ночевать каждый раз прилетал в одно и то же место. Был я уверен, что как наступят холода, он обязательно улетит на юг, тем более к этому времени он уже сам наловчился ловить себе добычу. Но вот наступили холода, снега первые упали, зима наступила, а Кобча живёт и поживает на хуторе. Мне его даже жалко стало, сколько раз говорил: «Ну, лети же дурачок на юг, я не держу тебя, улетай, околеешь же в морозы!». Нет же, остался. Пришлось всю зиму мне его кормить каждый день, так как пропитания особого зимой в наших местах для него мало было — кругом большие снега лежат.

Так и перезимовал. А как весна наступила, снег таять уже начал, исчез он. - «Ну, думаю, слава богу, улетел на волю, приглядел, видать, самочку себе и увела она его в скалы!». Куда там! Через недели две выхожу я рано утром из дома и глазам своим не верю: сидит друг мой Кобча с самочкой на голубином ящике. Увидели они меня и улетели на берёзы у соседнего дома. Привёл, получается, подружку свою к месту, где вырос, а может и под моё покровительство. Вот ведь как в жизни получается!

Чтобы не отпугнуть их на первых порах, запретил я всем в семье без надобности выходить из хаты и шуметь, а всех гостей просил оставлять машины за соседним домом. А самому

любопытно было, останутся или не останутся они? Прошло несколько дней, смотрю, Кобча уже один, а подружка его сидит в гнезде. Потом заметил, что он стал ей корм приносить. Потом у них птенчики появились, кормили их уже вместе. Целых пять детишек выкормили. Вылетели они, первое время тут же на крыше целыми днями сидели, потом на соседние берёзы переместились, а позже на соседние покосы улетели, я их там постоянно встречал по копнам и стогам сена. Осенью исчезли, улетели все вместе зимовать в теплые края. А вот этой весной ждал я Кобчу своего каждый день. В конце марта появился он, полетал около дома и улетел. После этого появлялся около хутора ещё несколько раз, как сегодня. Тянет его, наверное, к родному дому или меня навестить иногда хочется. Догадываюсь, где он и в каких скалах поселился, но не хожу туда, не тревожу его. Вольному воля!

Электронная газета «Ремез» №44. 2014

«Свет мой, зеркальце, скажи...»

Наверное, каждый из нас, хоть раз в жизни да обязательно был свидетелем того, как птицы реагируют на собственное зеркальное изображение. Увидеть это можно у зеркальца, прикреплённого около умывальника у вашего дома и даже у лужи на дороге, где присаживаются голуби, воробьи, трясогузки или синички. Все они по-разному реагируют на себя в зеркале. Одни, например, попугаи, чаще всего безразличны к увиденному, другие же набрасываются и пытаются клевать. Но есть птицы, особенно вороны, которые обожают смотреть на себя в зеркале. Наблюдая за их самолюбованием, невольно вспоминаешь пушкинские строки из поэмы «О мёртвой царевне и семи богатырях»: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи...».

В Кургальджинском заповеднике на берегу озера Султанкельды находится посёлок научных сотрудников Каражар в одну улицу с симпатичными коттеджами и бревенчатыми домиками для гостей. На обрыве вблизи них возвышается наблюдательная вышка, на верхней площадке которой на виду у

всех устроено гнездо серых ворон, в которое время от времени они приносят добычу и кормят горластых птенцов.

- Уже много лет живут, поселились сразу же, как установили вышку, - рассказал мне научный сотрудник Алексей Кошкин. - А раньше только на больших кустах селитрянки в степи гнездились. Живём в добрососедстве — мы их не трогаем, и они нам ничего плохого не делают. Только вот один раз ворона из этого гнезда устроила переполох моему соседу. Как-то летом рано утром занимался я поливом грядки в своем огороде, смотрю, из дома через дорогу выскакивает на крыльцо мой друг Иван Санько. Осмотрелся по сторонам, постоял, голову спросонья почесал и ушел. Через некоторое время опять выскакивает. Огляделся, обошёл вокруг дома, потом кричит и спрашивает у меня, кто это к нему в дом только что стучался? Я ему ответил, что кроме нас в поселке больше никого нет. Хотел пошутить насчёт «барабашек», но разозлённый Иван пробурчал недовольно, хлопнул дверью и ушёл в дом. Через полчаса опять распахивается дверь, выскакивает сосед, хватается за лестницу и бросает её плашмя на землю. Отправляюсь к нему, чтобы выяснить, что у него там происходит.

- Ворона, зараза, разыграла меня, - объяснил Иван причину переполоха. - Зашёл я в дом, а дверь на веранду оставил открытой. Прилёг на кровати, телевизор смотрю. Вскоре слышу: тук-тук-тук. Выглядываю, и вижу, что на лестнице, прислоненной к окну веранды, сидит ворона и любуется на себя в стекле как в зеркале. То в одну сторону голову наклонит, то в другую. А потом вдруг начинает недовольно клевать своё изображение в стекле.

Мой бухтарминский друг из Катон-Карагая Фёдор Иванович Шершнёв недавно поведал не менее любопытную историю про чёрных ворон:

- Однажды вывез я трактором на сельскую свалку полную телегу мусора. Открыл борт и скидываю его вилами. Во время передышки обратил внимание, что невдалеке на дороге собралось с десяток ворон. Столпились они в одном месте, что-то рассматривают на земле, каркают, головами крутят, крыльями взмахивают. Заинтересовался я этим сборищем и отправился выяснить, что они делают. Оказалось, лежит там полуметровый обломок зеркала треугольной формы, который

и привлёк их внимание. Поднял я его и прислонил стоймя к деревянному ящику на обочине. Пока заканчивал свою работу, у зеркала опять собралась толпа ворон в виде живой очереди. Передняя посмотрит, полюбуется на своё отражение, вскоре её отталкивает следующая и тоже начинает самолюбованием заниматься: голову то одним боком повернёт, то другим, то боком встанет. По-моему, некоторые даже прихорашивались и пёрышки поправляли.

Электронная газета «Ремез» №45. 2014

Шершни и орнитологи

В середине сентября этого года в телевизионных новостях транслировался любопытный сюжет о том, как в Чехии было сорвано национальное соревнование по спортивному ориентированию, на которое съехалось более ста участников со всей страны. Случилось так, что спортсмены, разбежавшиеся по лесу, наткнулись в нескольких местах на гнёзда крупных шершней. Соревнования превратились в массовое бегство, во время которого от шершней, разозлённых вторжением людей, пострадало три десятка участников. Некоторых из них, получивших до десяти укусов, на машинах «скорой помощи» пришлось доставлять в ближайшие больницы, а четырёх, впавших в аллергический шок, срочно эвакуировали на санитарном вертолёте. Переполох случился страшный, словно произошло столкновение с террористами!

Эта новость вызвала у меня немало воспоминаний. Дело в том, что орнитологам во время поисков птичьих гнёзд в дуплистых деревьях и других укромных местах тоже приходится на свою беду «находить» шершнёвые жилища. Особенно там, где развито пчеловодство, так как шершни любят селиться в окрестностях пасек. Приходилось и мне не раз сталкиваться с ними в годы работы в заповеднике на озере Маркаколь, по берегам которого как раз много пасек. До сих пор с ужасом вспоминаю эти встречи, но наиболее памятен случай, связанный с осмотром дуплянки для синиц, вывешенной в кроне раскидистой ветлы. Когда я открыл съёмную крышку, загля-

нул внутрь, то с удивлением увидел в нём большущее гнездо шершней. Точнее, удивиться я даже не успел, так как, с треском, ломая ветки, свалился с трёхметровой высоты наземь, вскочил и бросился наутёк, преследуемый рассерженными шершнями и получая в спину жгучие укусы. Впоследствии, проходя мимо этого дерева, я каждый раз удивлялся тому, что не переломал себе при падении руки и ноги, отделавшись только царапиной во всю спину.

Ещё одно знакомство с шершнями состоялось в августе 1976 года, когда на экспедиционном «Газике» областной станции юных натуралистов Усть-Каменогорска мы пересекли Зайсанскую пустыню и устроили свой лагерь в пойменном лесу на обрывистом берегу Чёрного Иртыша. На следующий день, вернувшись с утренней экскурсии, увидели, что наш руководитель Борис Васильевич Щербаков задержался под огромным, как баобаб, осокорем и что-то рассматривает среди его ветвей. Вначале подумали, что высмотрел в кроне какую-то интересную птицу, но, когда подошли к нему, он показал на обломок толстенной сухой ветви, сбоку которой красовалось входное отверстие в дупло.

- Представляете, если его отпилить, то получится чудесная дуплянка для Жакони, - мечтательно сказал он, подразумевая своего любимого попугая. Мы поддержали эту идею. Вскоре Борис Васильевич забрался на дерево, оседлал ветку и начал осуществлять задуманное, усиленно работая ножовкой. Едва мы отошли к машине, как послышался истошный вопль и тут же увидели, как он, отшвырнув в сторону ножовку, спрыгнул вниз и, размахивая руками, бросился бежать в нашу сторону.

- Шершни напали, злющие, как собаки. У них в этом дупле гнездо, - сообщил он, потирая укушенные места.

Во время обеда мы всесторонне обсудили сложившуюся ситуацию, предлагая самые невероятные варианты спиливания дупла. В конце концов пришли к выводу, что нужно надёжно закутаться в плотную одежду, через которую шершни не смогут наносить свои жалящие укусы.

- Толя, может ты, возьмешься за это дело, ты же так мастерски работаешь пилой, - предложил Щербаков своему коллеге Анатолию Кочневу, который вежливо отказался, сославшись,

что не переносит укусов пчёл и ос. Отказались под деликатными предложениями и остальные. Пришлось Борису Васильевичу самому осуществлять свою мечту. Из экспедиционного имущества выбрали подходящие вещи и старательно укутали его в «сто одежек». Натянули на голову шапку, завязали лицо и шею шарфом. На руки он натянул брезентовые перчатки - голицы, предложенные водителем. В таком виде, более похожем на огородное чучело, помогли ему забраться и устроиться на осокорь. Вскоре в наступившей тишине послышалось торопливое «вжиканье» пилы. Удалившись на приличное расстояние, стали наблюдать за его действиями и мы. В бинокль было заметно, что рассерженные шершни, как в знаменитом мультфильме про Винни-Пуха и пчёл, уже вьются вокруг него, пытаются найти уязвимое место. Вскоре раздался один, затем другой вскрик. Видим, Борис Васильевич бросает ножовку, сваливается наземь, вскакивает и зигзагами мчится в нашу сторону, преследуемый роем шершней. Мы в ужасе попрятались, кто куда. Когда всё успокоилось, собрались и помогли ему избавиться от лишней одежды. До сих пор помню мучительную гримасу боли на его лице. Поставив ногу на подножку машины, он закатал штанину и нервно растирал укушенное колено.

- Боль страшная, как будто раскалённые гвозди вбили в кость, - прокомментировал он свои болезненные ощущения.

Оказывается, укутывая его, мы не догадались защитить ему ноги около ботинок, а это решило исход поединка, так как шершни стали забираться в открытые снизу штанины. Так они дружно отбили второй приступ и спасли своё жилище от разрушения.

Когда мы уезжали с Чёрного Иртыша, Борис Васильевич долго сожалел, что из-за злющих шершней лишился возможности привезти домой понравившееся ему дупло. Впрочем, на обратном пути через Калбинский хребет, свернув на отдых в старую рощу на речке Таргын, обнаружили мы великолепный обломок тополевого ствола с дуплом, имевшем два летка. Выпилили и подарили его ему. Потом этот пенёк многие годы красовался на холодильнике в кухне квартиры Бориса Васильевича и его особенно полюбили попугай-жако. А при встречах участники этой поездки обязательно припоминали эту

историю со злыми шершнями, каждый раз дополняя её новыми и новыми интересными подробностями.

Немало историй о шершнях поведали и мои алтайские друзья. Совсем недавно, в начале августа, пострадал от них усть-каменогорский орнитолог Сергей Стариков. Вместе с двумя товарищами взялся он помочь соседу сломать старый сарай в дачном посёлке. Ломать - не строить, и они довольно быстро повалили ломами отжившее свой век дощатое строение. Когда с клубами пыли рухнули наземь стены и крыша, на них набросились разъярённые шершни, у которых под развалинами оказалось огромное гнездо.

- Представь себе, целая туча, сотни три, однако, - прокомментировал происшедшее Сергей Васильевич в тот же вечер. - Мальчонка, бывший с нами, шмыгнул в кусты. Один зверюга долбанул меня в колено. Укус этот был такой силы, что в глазах потемнело и ноги подкосились. От шока я рухнул на землю и закрыл ладонями лицо. Один только Колька Гузий, размахивая руками, как вертолёт, с руганью бросился убежать через огород. Шершни догнали его и успели жигануть в руку.

Побросав ломы и лопаты, строители-разрушители сели в машину и быстренько уехали с дачи, проклиная соседа, не предупредившего о шершнёвом «лежбище». Укусы были болезненными. У Сергея распухло колено и перестала сгибаться нога, а его друг, показывая укушенную руку, даже убеждал, что у него «аж жало застряло в кости!».

А вот орнитолог-любитель Фёдор Шершнёв из Катон-Карагая в конце июля прошлого года после нескольких дней молчания отозвался коротким электронным письмом: «Лежу больной - родственники искусили». Я долго находился в недоумении, перебирая в памяти всю его добропорядочную родню. Подробности происшедшего прояснились на следующий день, когда он вышел на связь. Оказывается, накануне побывал он с братом на пасеке у своего школьного друга из бухтарминской деревеньки Печи. Пока пасечники занимались осмотром ульев и качали мёд, Фёдор Иванович, страдающий аллергией на укусы пчёл, остался внутри избы и занялся ремонтом пчелиных рамок. Приятно начавшийся день так бы и закончился, но подвела его природная наблюдательность. Ра-

ботая, заметил он, что в открытую дверь прилетают «дальние родственнички» - шершни. По направлению их полётов выследил он место, где у них находилось небольшое, около 20 см в диаметре гнездо.

Зная, что шершни поедают пчёл и наносят этим ощутимый урон их семьям, решил он избавить своего друга от нежелательного соседства. Выждав момент, когда шершни разлетелись, упаковал их гнездо в целлофановый мешок и поспешил к реке, замышляя утопить извечных врагов пасечников. Однако оставшиеся незамеченными два шершня быстро настигли похитителя у самого берега. Расправа была короткой. Первый пулей вонзился между лопаток, второй — в шею.

- Особенно сногшибательным был укус в шею, как будто пальнули из пневматической винтовки. В глазах потемнело, слёзы навернулись, а ноги стали «ватными», - вспоминал он позднее ощущения от укусов.

- Пришлось спасаться в избушке. Чтобы предупредить развитие неизбежных аллергических реакций, срочно уехал с пасеки. Добрался домой с температурой и сразу слёг. Двое суток провалялся он в постели, принимая лекарства и проклиная себя за свой поступок.

Что за «звери» такие шершни, которых так боятся люди и о которых так мало они знают? Во-первых, это один из видов ос, только очень крупных, с длиной тела 3-4 см. Голова и брюшко у них жёлтого цвета с чёрными пятнышками, а грудка темная. Самки в два раза крупнее самцов. По своему питанию шершни типичные хищники, питающиеся разнообразными насекомыми.

Опытные пчеловоды утверждают, что у шершней существуют свои секьюрити — несколько сторожей, которые охраняют покой остальных. В случае опасности они выделяют особое вещество — феромон тревоги, которое активизирует и вдохновляет всё боеспособное население шершнёвой крепости к атаке на непрошенных гостей, которых они непременно обращают в паническое бегство. Размеры неприятеля при этом не имеют значения, будь это случайно наступивший на гнездо медведь или барсук, решившийся из любопытства его обнюхать. Атакующий шершень — это пуля, вызывающая не-

стерпимую боль и шок. Дело в том, что в отличие от пчёл, жалящих только раз, шершень наносит несколько укусов подряд и впрыскивает яда в два-три раза больше — до 2 мг. Случается, укушенный шершнем человек даже падает в обморок или мучается от приступов аллергического удушья. Известны даже факты укусов со смертельным исходом.

А вообще шершни живут по принципу: «не тронь меня, и я тебя не трону». Мне известен ряд случаев, когда их гнёзда были устроены в постройках на виду у людей, но они никого не трогали, потому что их не беспокоили. Объяснялось это достаточно просто: хозяева прекрасно знали, что шершни усердно истребляют назойливых мух и слепней. Они и вправду полезны, так как питаются вредными двукрылыми и саранчовыми. В ряде стран мира шершней охраняют и даже занесли в Красную книгу.

Электронная газета «Ремез» №46, 2014

Вороны-акробатки

Морозным январским утром этого года Павел Солодовников, проживающий в посёлке Таврическое на Иртыше, выйдя из дома в ограду, увидел, что на проводах линии электропередачи, проходящей по улице напротив его усадьбы, висят вниз головой и раскачиваются три серые вороны, а ещё несколько птиц, сидящих на проводах, с любопытством наблюдают за их действиями! Поражённый увиденным, он вернулся в дом за фотоаппаратом, но, когда вышел, две вороны уже прекратили свои необычные физкультурные занятия и улетели, а третья продолжала висеть вниз головой и раскачиваться «как на турнике». Её и удалось сфотографировать. В последующие дни подобных акробатических элементов в поведении зимующих в посёлке серых ворон больше не наблюдалось, но увиденное позволяет предполагать, что среди них существует не известное нам пока игровое поведение, которое условно можно назвать как «утренняя разминка» после морозной ночи.

Весной этого же года, когда я был в Кургальджинском заповеднике, орнитолог Алексей Кошкин — человек наблю-

дательный и остроумный, услышав эту историю, довольно ухмыльнулся:

- Наши кургальджинские вороны куда спортивнее таврических! Они и посложнее номера выделывают! Своими глазами видел, как две вороны на высоковольтной линии крутили настоящее сальто. Держатся лапами за провод, машут крыльями и переворачиваются через него по несколько раз подряд!

Нечто подобное довелось мне наблюдать в октябре в городе Атырау на набережной реки Урал. В течение нескольких часов я был свидетелем игр нескольких серых ворон, поочередно пытавшихся сесть на шарообразное образование на конце 15-метровой антенны, установленной на крыше 10-этажного административного здания. Своеобразие и сложность игры заключалась в том, что антенна сильно раскачивалась на порывистом осеннем ветру, поэтому вороны, гоняясь и зависая над ней, тратили много времени, чтобы прицельно опуститься на неё. Далее следовали виртуозные попытки удержаться на ней как можно дольше. Крепко вцепившись лапами в вершину и балансируя крыльями, птица удерживалась в лучшем случае в течение 3-5 секунд, но и эти удержания были для неё едва

ли не победными, судя по возбуждённому карканью, с которым она срывалась и улетала в сторону. Сразу же после неё на антенну пыталась сесть следующая птица. Это занятие для ворон было настолько увлекательным, что время от времени до десятка птиц устраивали рядом с ней воздушную карусель и состязание на точность приземления и длительность удержания. Примечательно, что наиболее удачливую участницу иногда прогоняли другие вороны, тут же пытаясь повторить то же самое.

Как в первом, так и во втором случаях, пытаться как-то объяснить подобное поведение серых ворон довольно сложно, но можно предположить, что это развлекательно-игровые элементы, сочетающиеся с тренировочными полётами. Возможно, птицы таким образом «разогреваются» в холодную погоду.

Электронная газета «Ремез» №47. 2014

Лыжный поход на Курчумский хребет

Совершить зимой лыжный маршрут на водораздел Курчумского хребта, который высокой крепостной стеной возвышается в северной части озера Маркаколь, я задумал в первый же год работы в заповеднике. Причин для этого было немало. Во-первых, хотелось узнать, какие из птиц зимуют в ущельях и на самой верхотуре хребта. Нужно было убедиться, есть ли там альпийские галки и алтайские улары. Требовалось разобрататься и с тундряной куропаткой, так как уже в первую зиму мне стало ясно, что она, в отличие от белой куропатки, с выпадением глубоких снегов не откочёвывает зимой на побережье озера, а остаётся по малоснежным вершинам. Были и другие вопросы, объяснение которым можно было найти, лишь побывав на самом верху.

Для похода нужен был надёжный напарник и он вскоре появился. В 1980 году, после окончания института, в заповеднике начал работать мой усть-каменогорский товарищ Юрий Зинченко, взявшийся выполнять тему по инвентаризации млеко-

питающих. Когда я поделился с ним своей задумкой, он с радостью поддержал её, так как ему самому хотелось поискать там же следы пребывания снежного барса. Наиболее подходящим избрали маршрут в верховья Тополёвки, через ущелье которой в те годы проходила телефонная линия к посёлку Катон-Карагай на Бухтарме. Вдоль неё имелись две избушки, вполне пригодные для зимнего жилья. Решили забросить пешим ходом на лыжах до нижней избушки на Тополевом ключе продукты, вещи и спальники, а оттуда, уже налегке, совершать подъёмы на водораздел. Выход определили на последние дни уходящего года, чтобы встретить Новый год на самом хребте. Стали готовиться. Подобрали широкие охотничьи лыжи, достаточно удобные и привычные для ходьбы по глубокому снегу. Однако в последний момент вмешался сосед Тимофей Григорьевич – охотник-промысловик, убедивший меня, что в горах лучше использовать «вездеходы» - самодельные камусные лыжи, на которых удобнее подниматься на крутые склоны. И вручил мне длиннющие лыжи, вытесанные из осиновых стволов и подбитые маральими шкурками. Эти лыжи я вспоминаю до сих пор.

30 декабря на конных санях тронулись в путь. Осталась позади утонувшая в сугробах деревня Урунхайка, над которой лохматыми росомашьими хвостами поднимались ввысь столбы дыма из печных труб. Далеко впереди в морозной дымке синел Курчумский хребет, рассечённый скалистым ущельем Тополёвки. В его направлении мы и взяли курс, пересекая по льду озеро Маркаколь. В полдень прибыли и разгрузились в устье речки. Дальше предстояло пройти около десятка километров вверх по Тополёвке вглубь ущелья до первой избушки. Взвалив на себя тяжеленные рюкзаки и попрощавшись с доставившим нас лаборантом научного отдела Сергеем Ивановичем, двинулись вперёд на лыжах.

Первый километр пути по речному руслу был увлекателен, так как мы взялись подсчитывать живущее в заповедном лесу зверьё и пытались разбираться в хитросплетении их следов. Сразу обнаружили семейство выдр, а вдоль обрывистого берега заметили цепочки следов норок. Вскоре появились свежие и старые наброды лося, ходившего среди тальников и об-

кусывавшего концы их веток. На опушке леса увидели белых куропаток, бродивших по снегу и поедавших с торчащих из-под снега веточек серёжки карликовых берёзок. Но больше всего было здесь зайцев-беляков, устроивших вокруг невероятную путаницу следов.

Правым руслом речки добрались до лесистого отрога со скалами и лиственницами по гребню, на открытом склоне которого были видны узоры следов мышковавшей лисицы. Полянки пониже оказались исчерченными бисерной росписью следов ласки и горностаия, которые в поисках мышей обыскали все кустики, валежины, кочки и куртинки травы.

Так, не спеша, разбираясь в летописи звериных и птичьих следов, прошли мы первые километры маршрута, пробивая по очереди лыжню по глубокому снегу. Глядя на впереди идущего Юрия и на его легко скользящие охотничьи лыжи, время от времени я начинал проклинать тот миг, когда я согласился взять предложенные мне камусные самоделки. Если они и вправду удобны для подъёмов на крутяки, то для дальних переходов по глубокому снегу, да ещё в лесу, оказались совершенно не пригодными. Идти на них - сплошная мука. Невольно возникало чувство, что идёшь не на лыжах, а на оглоблях. К тому же насквозь промокла на спине фуфайка и стала ощущаться тяжесть рюкзака. В такие минуты начинаешь понимать и сожалеть о том, сколько и чего лишнего с собой взял. А нагрузились мы основательно. Кроме набитых под завязку рюкзаков, тащим на себе ещё громоздкие ватные спальники, оружие, топор.

Пересекаем лес с примесью высоких лиственниц, среди которых на поляне встречаем несколько десятков ночёвочных лунок тетеревов и около одной из них находим съеденного лисой косача. Судя по следам борьбы и разбросанным чёрным перьям, поймала она его спящим прямо в снежной лунке. Дальше стали попадаться круглые следы рыси, нашли и её тропу, по которой она протащила волоком зайца. В густом топольнике наткнулись на место, где рысь бежала размашистыми прыжками длиной до полутора метров. Прошлись по её следу и вскоре обнаружили около старой лиственницы две глубокие ямы, выбитые в снегу до самой земли. В них были устроены

лѐжки лосей. Следы вели к ним, а затем в сторону. Похоже было, что лесная кошка совершала свои огромные прыжки в стороны, подвергшись ответной атаке сохатых.

С наступлением сумерек добрались мы до отрога, который длинным выступом вдавался в буреломный пойменный лес и перегораживал нам дальнейшее движение. Решили пересечь его, чтобы выбраться на противоположный край широкой поймы. Скатываемся с крутого берега на речной лёд, под которым слышался шум бурной горной реки. Юрий уже двинулся вперѐд, когда я, ткнув лыжной палкой, с легкостью пробил тонкий ледяной покров. В это же время успел заметить, как под лыжами моего спутника прошла трещина и лёд начал опасно прогибаться. Успел сделать вперѐд рывок, схватить его за рукав и выдернуть из опасного места. В этот миг лёд, в том месте, где он только что стоял, обрушился, и из чёрного провала хлынула вода. Устраиваем вынужденную передышку, глядя на образовавшуюся полынью, купание в которой могло бы для нас плачевно закончиться.

Отдышавшись, прошли выше по руслу и, проверяя лёд на прочность, перебрались на другой берег и опять углубились в лес. Опять встречаем рысьи и лосиные следы. Преодолеваем ещё несколько речных русел и, когда уже совсем стемнело, выбираемся на луговую долину Тополѐвки и натываемся на телеграфную линию, ведущую вверх по ущелью. Облегченно вздыхаем: она обязательно, через 4-5 километров, должна вывести нас к избушке. Идти стало уверенней и легче. Снег по луговой долине был неглубокий и достаточно плотный. Преодоление поймы вымотало нас до предела, дальше медленно идѐм вперед от столба к столбу в полной темноте. Последний километр пути двигались на остатках сил, уже еле передвигая ноги. Наконец, перед нами возникает бревенчатая избушка со снежной шапкой на крыше. Вкатываемся под навес и валимся от усталости. Часы показывают 8 вечера, а весь переход занял шесть с половиной часов. Отдышавшись и освободившись от лыж и рюкзака, распахиваю дверь внутрь жилища и чиркаю спичкой. Передо мной небольшое помещение, половину которого занимают нары из досок, застеленных сухой травой. В углу жестяная печка, у окна — столик. Все свободное про-

странство около нар завалено заготовленными впрок сухими дровами, в основном большими тополевыми сучьями. Первую радость от увиденного омрачило выбитое в окошке стекло - явное свидетельство, что осенью здесь побывали дикие туристы. По этой причине в избушке стоял страшный холод. Спешно делаю из травы и тряпки большой узел, затыкаю им оконный проём и растапливаю печку. Вскоре её жестяные бока раскалились до малинового цвета, стало по-домашнему тепло и уютно. Раздеваемся до рубашек, развешиваем сушиться промокшую одежду и обувь. После чаепития, забираемся на нар, влезаем в спальники и вмиг засыпаем крепким сном. Впереди нас ждали новые маршруты и приключения в дебрях Курчумского хребта. Но об этом в следующем раз.

Электронная газета «Ремез» №41. 2014

Новый год на Курчумском хребте

После тяжелейшего перехода на лыжах от озера Маркаколь к охотничьей избушке в верховьях речки Тополёвки, всё утро 31 декабря мы проспали как убитые. Проснулся от стылого холода. Из-за того, что разбитое окно с вечера плотно заделали тряпьем, внутри было темно как в подземелье, зато по проникающему внутрь во все щели яркому свету чувствовалось, что день давно наступил. Оделись, выбрались наружу и замерли от восторга: вокруг возвышалась освещённая ярким солнцем заснеженная громадина хребта, скальные вершины которого вонзались в синеву неба. Наша избушка, как гриб-боровик со снежной шапкой на крыше, сказочно красовалась на краю лесной поляны. Рядом в обледенелых камнях журчал ручей. Стояла необыкновенная тишь и теплынь, совсем не свойственная для декабря в этих краях.

Растопили печку, и вскоре в нашем жилище стало по-домашнему уютно. После чаепития, собрались и отправились в маршрут, чтобы познакомиться с живностью ущелья. Первое, что сразу бросилось в глаза, так это множество следов гор-

ностая - характерного жителя алтайских таёжных избушек. Примечательно, что охотники их никогда не трогают, так как зверьки помогают им бороться с лесными мышами и полёвками, портящими съестные припасы и вещи. «Хозяин» нашего жилья в поисках грызунов уже обшарил все щели вокруг, поленницу дров под навесом и по сугробу даже взобрался наверх и наследил на чердаке. Птиц оказалось мало. Слышались лишь голоса пухляков, снегирей, поползней и пищух.

Спустившись вниз по Тополевому ручью, углубились в густой буреломный лес из лиственниц, пихт и берёз. Здесь меня поразили старые исполины-тополя, в стволах которых я увидел множество дупел. Их наличие позволило нам разгадать загадку, давно мучившую Юрия. Время от времени он встречал необычные следы, неожиданно появляющиеся среди поляны, затем ведущие к ближайшему дереву и вновь возникающие в стороне на снегу. На этот раз, рассматривая их, мы поняли, что имеем дело с белкой-летягой, живущей в дуплистых деревьях и способной планировать с них на несколько десятков метров. На одной из сухих вершин лиственницы, возвышающейся над лесом, я с удивлением разглядел старое гнездо скопы, о котором прежде не знал. Сразу же запланировал для себя совершить сюда экскурсию летом, чтобы попытаться найти жилое гнездо этих редких рыбацких хищников, которые меня особенно интересовали с момента работы в заповеднике.

В пути встретились следы рыси, которая бродила в местах жировок зайцев-беляков и охотилась за ними. Зайцев здесь оказалось великое множество. Всюду попадались плотно утрамбованные ими полянки — «танцплощадки», на которых снежный наст выдерживал вес человека. Вдоль и поперёк лес пересекали их торные тропы. Беляки «таловались», объедая кончики веток ивняков, но там, где лежали поваленные паводками ивы, они обгрызали и их кору. С удивлением обнаружил, что лакомятся они и низко свисающими веточками бородавчатой берёзы, чего прежде мне наблюдать не приходилось.

Пробираясь по этому лесу, нашли место стоянки лося, кормившегося корой осин. Отыскали и его ночёвки, одну около толстого ствола лиственницы, другую - под древесным завалом, прикрытым сверху слоем снега. Лежанки были устроены

в ямах, расчищенных до земли, и были защищены от ветра. Сохатый держался здесь около недели и ушёл недавно, напрямик перевалив горный отрог. В этом же месте видели длиннохвостую неясыть, а в березняке по ручью одиночного косача.

Вернулись в избушку в глубоких сумерках, растопили печку и принялись готовить новогодний ужин, для которого у нас была пшённая каша с тушёнкой. Вместо шампанского - запашистый чай. Помянув добрым словом ушедший год, пожелали друг другу удачи в Новом 1981 году! Вскоре крепко уснули под весёлый треск дров в печке.

Новогоднее утро встретило нас обильным снегопадом, начавшимся ещё ночью. Несмотря на непогоду, решили всё же совершить восхождение на водораздел Курчумского хребта, используя самый короткий путь — напрямик через ущелье Тополевого ключа. Летом эта теснина совершенно непроходима, но сейчас ручей замерз, а завалы камней занесены снегом, поэтому на лыжах можно вполне пробиться, сократив расстояние в два раза. Угрозу представляли лишь лавиноопасные участки на крутых склонах.

Сразу от избушки, миновав топольник, углубились в узкое ущелье. Первый километр шли по мрачной теснине в скалах, продираясь через тальники и обходя польны. Местами приходилось преодолевать крутые подъёмы и завалы. На этот раз здорово выручили мои камусные лыжи. В горах они превратились в настоящие вездеходы и, благодаря им, я с легкостью взбирался на крутяки, на которые на обычных лыжах вскарабкаться было невозможно. Поднявшись на очередной крутяк, с помощью протянутой лыжной палки, помогал своему спутнику преодолевать одну высоту за другой.

Шли по следу росوماхи, которая прошла вверх по ущелью на рассвете, так как её следы ещё не успело припорошить снегом. В одном месте на берегу ручья она сделала несколько глубоких прикопок до самой земли, вероятно, охотясь за грызунами. Затем побрела по глубокому снегу до осыпи и долго занималась осмотром колонии алтайских пищух в нагромождении огромных валунов. Ничего не отыскав съестного, она взобралась наверх по крутому склону, вновь спустилась вниз к ручью и опять ушла на вершину. Мы были поражены вынос-

ливостью и неутомимостью этого зверя. Настоящий спецназовец алтайских гор, которому не найдётся равных!

Алтайские пищухи были активны, и мы несколько раз слышали их тревожные вскрики, приближаясь к очередному каменному завалу. Судя по всему, они иногда выбирались из своих каменных лабиринтов наружу, так как в нишах мы находили их свежие, похожие на дробь, экскременты, а на снегу - коричневые пятна мочи. В одной из глубоких щелей я обнаружил стожок заготовленного ими корма — большую кучу концевых веточек ивы белой и длинных сухих стеблей дикого лука. Здесь же мы нашли и следы соболя, охотящегося за этими зверьками.

Ещё в самом начале подъёма, остановившись перевести дыхание около старой лиственницы, обнаружили, что в глубоких рубцах её коры скопилась «камедь» - янтарная окаменевшая смола, используемая алтайскими жителями в качестве лекарства. В нижней части ствола потёки смолы были вязкими и здесь мы нашли мумию лесной мыши, погибшую в этой липкой ловушке. С другой стороны дерева обнаружили останки поползня, также угодившего лапками в смолу.

Подъём занял четыре часа. Когда ущелье расширилось, и осталась позади верхняя граница леса, мы выбрались к седловине перевала. Далее простиралась безмолвная горная тундра, идти по которой не имело смысла. Птицы и зверьё уже давно перестали встречаться. Глянули мы на прощанье с вершины вниз в сторону озера, полюбовались грандиозной панорамой зимнего Маркаколя, затянутого густой молочной пеленой идущего снега и тронулись обратно. К избушке вернулись вечером. На обратном пути, спускаясь с очередного крутяка, я свалился в снежную яму и оторвал крепление на одной из лыж. На следующий день, отремонтировав «камусники», сходили вверх по ущелью Тополёвки, где из интересных птиц увидели лишь стаю альпийских галок в скальных утёсах. Утром 3 января собрались домой. Придерживаясь неписаного правила, навели порядок в избушке, заготовили дров, подперли дверь бревнышком и двинулись в обратный путь. На этот раз двадцать километров преодолели за 7 ч 15 мин.

Электронная газета «Ремез» №48. 2015

Предвестие весны

На календаре первое марта - начало весны, а на Алтае ещё лютует зима. Удивительно, но на этот месяц здесь приходится максимальное количество осадков. Создаётся впечатление, что в «небесной канцелярии» словно с запозданием вспоминают о необходимых для природы запасах снега и начинается поспешное выполнение и перевыполнение планов по их отпуску. Случается такое, когда по 10-15 суток подряд, не стихая, идут обложные снегопады и свирепствуют бураны, переметающие все пути-дороги. Горные деревни утопают под самые крыши в снегах. У жителей в эту пору одна головная боль — хватит ли сена, чтобы прокормить скот до тепла. Завезённые с осени запасы, как правило, к этому времени заканчиваются, а к оставшимся стогам бывает трудно, а порой и невозможно пробиться по двухметровым снегам даже на гусеничных тракторах. Время от времени в горах с гулом сходят лавины, сметая всё на своём пути. Ещё утром где-нибудь на крутом склоне

любуетесь кормящейся стаей косачей в осиновом лесочке, а в полдень глянешь — все до единого деревца ровненько лежат, словно приглашенные гигантским утюгом — «Как корова языком слизнула!», - прокомментируют это событие очевидцы.

От многоснежья и томительного ожидания тепла устаёшь. Иногда кажется, что до настоящей весны ещё бесконечно далеко. Поэтому с особой радостью улавливаешь её приметы, известные и понятные разве что орнитологам. В первые годы жизни на Маркаколе мне казалось, что первыми о близости весны извещают своим пением большие синички, однако со временем пришёл к убеждению, что самая верная фенологическая примета — любовные игры у воронов, начинающиеся задолго до оттепелей. В зимнюю пору они обычно летают медленно и степенно, а тут в один из мартовских погожих деньков вдруг замечаешь, как устраивают они в небе крутые виражи, взмывая ввысь и пикируя вниз. После воздушных игр ищ вороны парами разлетаются по таёжным распадкам и рассаживаются рядышком по вершинам лиственниц. Пройдясь по ветке, самец раздувает шею и, вскидывая голову, издаёт на весь лес необычно звонкий и мощный звук «крук-крук», отдающийся эхом даже в самых дальних распадках. Это всего лишь проба голоса. Дальше следуют рулады из журчащих и булькающих звуков. В такие моменты просто диву даёшься вокальным способностям воронов и разнообразию их звукового репертуара. Поэтому не удивляйтесь, когда говорю про пение воронов. Поют они, и ещё как замечательно поют!

Окончив петь, самец приближается к самке и далее следует целый ритуал любовных касаний кончиками клювов, нежных прикосновений головами, перебираний клювом пёрышек на плечах и шее.

Пронаблюдав за брачным поведением воронов и поёжившись от мороза, я каждый раз в такие моменты для себя отмечал: «Орнитологическая весна началась!». Хотя вокруг ещё всё было по-зимнему. Но проходило немного времени и южные ветры приносили в горы долгожданное тепло. С каждым днём становится заметно, что небо отливает необыкновенной синевой и как ослепительно ярко начинает светить солнце. Над снежными шапками по крышам домов появляется едва

уловимый парок и искрящимся бисером начинается сыпаться капель. Но самый торжественный момент — пьянящий аромат талого снега. Такое бывает только в пору первых мартовских оттепелей, когда в алтайских деревнях с облегчением говорят друг другу: «Ну, кажись, перезимовали».

Электронная газета «Ремез» №49. 2015

Кот-будильник

Утро в деревне, как известно, начинается с первыми петухами. Вначале поют самые звонкие и голосистые, извещающие о начале нового дня. Затем вразной пробуют неокрепшие голоса молодые петушки. А как станет уже светло, по улочкам и переулкам начинается поспешное движение в одном направлении. Это народ спешит отогнать в табун коров и телят на околицу, где их к шести часам утра уже поджидает пастух. Пасти скот в общем табуне — работа ответственная, поэтому профессия пастуха в деревне почитаемая и для её исполнения выбирают мужика знающего и серьезного.

Проводы коров в табун, как и вечерняя его встреча — целая традиция каждой деревни. Пригнав их к месту сбора, люди здороваются с пастухом, тем самым отмечаясь, что свой скот они сегодня ему сдали. Некоторые дотошные сельчане успевают поинтересоваться у него про поведение и аппетит своих животных и, удовлетворенные обстоятельным ответом, отправляются в группу провожающих, где успевают переговорить с соседями по улице, узнать последние новости и даже решить кое-какие хозяйственные вопросы.

Ровно в назначенное время — ни минутой раньше, ни минутой позже — пастух зычно командует отправление, сопровождая это хлесткими ударами длинного бича. Табун сразу же начинает движение на пастбище. Убедившись, что собственные коровы ушли в табуне, жители начинают расходиться по домам, чтобы начать управляться по хозяйству и топить печки. И вот тут иногда случается из ряда вон выходящее событие. На выгоне появляется запыхавшийся односельчанин, погоняющий прутком коровёнку. Увидев, что табун ушёл далеко в

степь и его уже не догнать, в отчаянии начинает проклинать всё на свете.

Проспать и не успеть в табун — грех, хотя и простительный. К нему относятся с пониманием. Проспал — себя наказал! Потому, что придётся бросать все дела и пасти бурёнку самому. Только не у всех на это хватает времени и терпения. И начинаются приключения, так как именно в такие моменты оставленная на время, без пригляду, непослушная скотина обязательно норовит куда-нибудь уйти и обязательно уплетётся в такое место, что не догадаешься. Обнаружив исчезновение, хозяин затем бегаёт до самой темноты по окрестностям с хворостиной, отыскивая «корову-колобкову». Набегавшись до потери сил, в следующий раз он уже старается проснуться вовремя. А чтобы хорошо выспаться и встать пораньше, деревенские жители ложатся рано — сразу после программы «Время». Посмотрят на сон грядущий мировые новости и после десяти вечера уже отходят ко сну.

Семья моего бухтарминского друга Фёдора Ивановича Шершнёва тоже всегда ложится рано и поднимается летом в половине шестого, чтобы успеть подоить коров и отправить их в табун. Все последние годы их исправно будил по утрам старенький будильник. Однако прошлым летом его заменил подросток котиска по имени Мурзик, отличающийся склонностью к интеллектуальным занятиям. С детства он проявляет интерес к компьютеру и телевизору, смотрит с хозяином все его любимые фильмы и передачи, хоккейные и футбольные матчи, а иногда бокс и бои без правил.

Каким образом кот сообразил, что его хозяевам надо обязательно вставать рано и точно в определённое время, остаётся загадкой. Началось с того, что Фёдор Иванович стал замечать, что Мурзя стал будить его по утрам. Ровно за пять минут до звонка будильника он начинал настойчиво трогать его лапой за нос и до тех пор, пока он не открывал глаза. И так каждое утро!

«Бывало такое, - рассказывал Фёдор, - не могу никак проснуться, перевернусь на другой бок, на голову одеяло натяну. А кот продолжает будить. Если не реагирую, вспрыгивает на стену, цепляется когтями за ковёр, отталкивается с силой и

приземляется мне на голову. Иногда два-три раза подряд, пока не проснусь и не начну подниматься!».

Всё лето и осень, пока коров и телят отправляли в табун, Мурзя пунктуально будил хозяев к моменту утренней дойки и отправки скота на пастбище. Благодаря ему они ни разу не проспали и не опоздали в табун. За это в семье его прозвали «Мурзобудильником», а в качестве вознаграждения он каждое утро получал полную кружку парного молока. А в ноябре, когда коров перевели на стойловое содержание, Мурзик перестал устраивать утренние побудки.

Электронная газета «Ремез» №50. 2015

Взгляд

Побывать на Листвяном ключе я собирался давно, но всё никак не получалось — слишком много интересных ущелий и логов в маркакольских горах пришлось обойти, пока его черёд наступил. Однажды майским утром, проехав на попутном лесовозе в сторону перевала Сорвенковское седёлко, я попросил шофёра остановиться у мостика через бурный ручей. Передо мной на крутосклонном отроге хребта лежал таёжный распадок, густо поросший лиственницами, пихтами и берёзами. Туда, в его глубину и лежал теперь мой путь. И вот с рюкзаком и ружьём за спиной поднимаюсь вверх по едва заметной тропинке, обходя болотины и буреломники, перебираясь через камни и валежины. Кругом буйство весны. Снег в лесу уже почти сошёл и остался кое-где пластами по тенистым северам, как здесь называют северные склоны гор. Листвяный ручей от избытка талой воды превратился в бешеный поток, с шумом и гулом несущийся вниз, прорываясь через скальные теснины, древесные завалы и с невероятной силой выворачивая с корнями кусты и неподъёмные валуны. Вокруг, на ещё не просохших от влаги полянах, стояло яркое цветение жёлтого гусяного лука и белой ветреницы.

Чем дальше я углублялся в ущелье, тем глуше и непроходимее становился лес, а высоченные лиственницы, казалось, упирались в самое небо. В одном месте пришлось задержать-

ся. Около старой ивы со сломанной вершиной заметил парочку пухляков — буроголовых гаичек. Глянул вниз под дерево и сразу понял — долбят дупло, так как на земле и зеленой траве всюду валялись белые крупинки — мелкие гнилушки, выброшенные во время долбления дерева. С того места, где их скопилось больше всего, глянул вверх и сразу приметил отверстие дупла в гнилом обломке толстой ветки. Такова была у меня в те годы простейшая методика поиска гнёзд этих синичек: идёшь и смотришь себе под ноги, а как увидишь кучки свеженьких опилок под деревом, глянь вверх и сразу же увидишь дупло!

Отойдя в сторонку, я присел под куст смородины и принялся следить в бинокль за работой пухляков, записывая наблюдения за их поведением в полевой дневник. В это время между ближайшими деревьями промелькнул силуэт хищной птицы. Оказалось, это канюк прилетел с веткой в лапах и, усевшись на лиственницу, принялся укладывать её на край гнезда. Эта находка меня особенно порадовала, так как в этой части гор гнёзд этого хищника у меня ещё не было.

Занятый наблюдениями и записями я услышал позади себя шорох листвы и вдруг интуитивно почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Оглянулся — никого! На всякий случай положил под правую руку ружьё. Мера предосторожности в этих краях совсем не лишняя — в самый неподходящий момент может набрести медведь, а ещё хуже — медведица с медвежатами. А она в таких случаях скоро на расправу. К тому же накануне я уже слышал, что на соседней пасеке появлялся «косматый», как здесь обзывают медведя.

Прошло несколько минут, я продолжал следить в бинокль то за гаичками, то за канюками. И вдруг — стоп! Опять слышу шорох. Вполборота головы замечаю — в метрах трёх от меня из-за смородинового куста высунулась голова глухаря с приоткрытым клювом, бородкой топорщящихся на горле перьев и малиново-красными бровями. Он тоже меня услышал, но ещё не видел, поэтому напряжённо вслушивался в лесную тишь. Глядеть в его сторону в моём положении было неудобно, поэтому я осторожно опустился за куст и замер, затаив дыхание. Сколько времени я так лежал не помню, но когда выглянул, то увидел на том же месте стоящего во всей красе лесного

великана. До чего же он был красив и величав! Даже в лесном сумраке видно было, какими радужными оттенками переливаются его перья, а во всей его фигуре чувствовалась бойцовская сила и мощь!

Глухарь, видимо, уже обнаружил причину своего беспокойства, сделал неприметный шаг назад и как призрак исчез за кустом! Я тоже спрятался. Через минуту выглянул. Сразу же высунулась и глухарина голова. Мы посмотрели друг на друга в упор и опять спрятались за свои кусты. Когда я выглянул следующий раз, то его на месте уже не было. Сколько ни всматривался в окружающие заросли, ни вслушивался - напрасно. Глухарь исчез бесследно! Я по привычке глянул на часы, взял карандаш и попытался записать впечатления, но от пережитого волнения у меня не нашлось нужных слов, чтобы выразить увиденное великолепие. Так и храню в памяти эти необыкновенные мгновения. А в полевом дневнике осталась единственное записанное крупными буквами слово «Глухарь» с множественным восклицательных знаков!

Электронная газета «Ремез» №51. 2015

История двух стрижей

Бывает в жизни так, что случайное событие порой навсегда меняет отношение человека к окружающему миру. Так случилось и с моей знакомой Ириной Ларионовой. Современная деловая женщина, работающая в престижном модельном агентстве, о птицах она знала ровным счётом столько, сколько знает обычный городской житель, бывающий на природе разве что на курортах или в санаториях.

А началась эта история во время стройки, которую затеяла семья Ирины в конце июня. Решили перекрыть шиферную крышу одноэтажного домика красивыми импортными материалами и наняли бригаду строителей. Как-то в разгар работы появился рабочий и сообщил, что при разборке старого шифера вывалилось гнездо стрижей.

- Что с ними делать, не знаю? Выбросить, что ли? — помявшись, сказал он и положил в ладони хозяйки двух голых

беспомощных птенчиков, у которых под розовой кожей только появились чёрные точки пеньков.

Ирина в полной растерянности, не зная, что с ними делать, отнесла и оставила их в сарае. Прошёл час, другой. Женщина, стараясь забыть об этом случае, пыталась занять себя разными делами, но всё валялось из рук. Мысль о том, что осиротевшие птенцы по её вине умирают в эти минуты от голода и холода, не оставляла её. В конце-концов женское сердце не выдержало. Она решительно отправилась в сарай и принесла их домой. Стрижата были и вправду сильно голодны и при её появлении просяще раскрывали клювики.

Вооружившись мухобойкой, бизнес-леди долго бегала по дому, пытаясь наловить мух. В конце концов измучилась, выдохлась и поняла, что таким способом ей их не прокормить. Обратилась к компьютеру и после долгих поисков в интернете всё же отыскала нужную информацию о том, чем и как их кормить. Стала покупать в зоомагазине опарышей, заваривала их кипятком, смешивая с растёртым мясом и творогом. Эту кашу записывала пальцем в широко раскрытые клювики. Ели стрижата эту пищу охотно и с превеликим удовольствием. Птенцов она кормила каждые два часа, и они стали расти не по дням, а по часам. Вскоре подкожные пеньки пробились наружу и из них вначале на спинке, а затем на голове появились пучки буроватых пёрышек, более похожих на баранью шерсть. Ирина и вся семья радовались появлению на их теле каждого нового пёрышка.

Пришло время отпуска, и семья на машине отправилась на отдых к морю. Стрижат везли с собой в коробке и, строго по расписанию, через два часа, прерывая отдых и развлечения, возвращались к машине и кормили их. Особенно любили они греться на ладонях хозяйки. К концу июля птенцы оперились и уже стали похожими на взрослых стрижей. Однажды, когда вернулись домой, то увидели, что они сидят на полу на хозяйских тапках, куда слетели сами с окна. Ирина поняла, что пришло время выпускать их на волю, хотя было жалко расставаться, так как вложила в них всю душу. В день выпуска, 28 июля, волновалась, как будто сама собиралась навсегда улететь из дома. Первая попытка выпуска была неудачной. Стрижата

отчаянно цеплялись лапками за ладонь и пятились, не желая расставаться. Первого полёта не получилось — растроганная хозяйка разревелась белугой и вернулась с любимцами в дом. Больше всего она боялась, что стрижата, не набрав высоту, упадут где-нибудь на землю и погибнут от голода. Спустя два дня, 30 июля, состоялся повторный выпуск. Стрижат накормили и вынесли в ограду. Они долго сидели на ладонях, махая крылышками и затем по очереди, вначале один, затем другой, всё же взлетели и взмыли в небо, где присоединились к другим летающим стрижам. Обрато они до самой осени не возвращались, но хочется верить, что на следующую весну они обязательно вернутся к родному дому!

Электронная газета «Ремез» №52. 2015

«Поцелуй» близкой рождественницы тёрной вдовы

Орнитологические экспедиции - это не только незабываемые впечатления от вновь увиденных мест и птиц, но и череда неизбежных поломок машин и происшествий с участниками, запоминающиеся на всю жизнь. Одним из таких событий, была и эта история, связанная с ядовитыми пауками.

В сентябре 1998 года состоялась международная орнитологическая экспедиция на восток Казахстана, организованная одним из крупнейших университетов Глазго в Великобритании с целью поиска на казахстанских водоемах тонкоклювого кроншнепа во время миграций. Особое внимание предполагалось уделить местам, где этого вымирающего кулика уже встречали в прошлом. Дело в том, что районы, где он ещё гнездится, найти так и не могут, поэтому решили попытаться увидеть птиц на миграционных путях. Одним из таких мест было озеро Зайсан, где в последний раз тонкоклювого кроншнепа наблюдали полвека назад - осенью 1949 года.

Сопровождать экспедицию было поручено мне, так как я знал дороги в тех краях. Большинство участников составляли

молодые английские орнитологи, но были представители других стран, даже два индейца - аспиранты из Эквадора. В начале сентября мы выехали на выдавшем виды автобусе «ПАЗ» в путь из Алма-Аты и, посетив Зайсанскую котловину, в конце месяца возвращались через Тарбагатай обратно, решив посетить Алаколь-Сасыккольскую систему озёр. После Аягуза погода совсем испортилась, дул шквалистый встречный ветер, несущий пыль через Джунгарские ворота из джунгарских пустынь. Это явление, известное как пыльные туманы, характеризуется тем, что видимость сокращается до сотни метров. Под вечер проехали городок Ушарал, свернули с трассы на дорогу, ведущую к озеру Алаколь, и остановились, чтобы перекусить на краю старой карагачевой лесополосы. Во время чаепития я обратил внимание, что по дорожному коридору между высокими карагачами и тополями плывёт множество паутин. Для сентября подобные воздушные путешествия молодняка пауков в общем-то обычное фенологическое явление, но в этот раз несло их огромное множество. В какой-то момент, увлечшись разговором, я с опозданием заметил приближение подобного летящего «десантника» прямо в лицо, но всё же успел резко отмахнуться свободной левой рукой. Паутина вместе с паучком прилипла к тыльной стороне ладони. Сбив её щелчком пальца на землю, я достал из кармана пробирку и усадил в неё паучка.

Оговорюсь, что сделал это я по просьбе Алексея Зюзина — известного арахнолога, который перед поездкой попросил меня собрать для него зайсанских и алакольских пауков, включая каракуртов, скорпионов, сальпут и тарантулов. Во время одной из стоянок нашей экспедиции в опустыненных предгорьях Курчумских гор мне довелось даже сделать фаунистическую находку — найти скорпионов на юго-западной окраине Южного Алтая, уточнив, таким образом, северную границу их ареала. Испытал я на собственной «шкуре» и всю прелесть их укусов. Однажды, усаживая их в пробирку, из-за собственной оплошности получил подряд два укуса в палец. Ощущения были такие, как будто иголку или занозу под ноготь вогнал. К счастью, последствия укусов быстро прошли и уже забылись, когда я усаживал очередного паучка в пробирку на

ушаральском свёртке. Впрочем, когда мы уселись в автобус и двинулись в путь по направлению к Алаколю, место приземления этого паука на руку напомнило мне покраснением и усиливающимся зудом, после чего я убедился, что он всё же меня укусил. Пока ехали, я уже расчесал всю кожу вокруг укуса. При этом, зуд усиливался и время от времени я уже начинал чесать локоть и даже плечо левой руки. Когда прибыли на место и установили палатки на обрывистом берегу Алаколя, пришлось сообщить о своей неприятности остальным участникам экспедиции. Они к этому отнеслись со всей серьезностью. У англичан нашлась большая аптечка с запасом лекарств на все случаи жизни, к тому же один из них был по образованию ветеринаром и быстро сориентировался в их предназначении. Руку обильно смазали какими-то обезволивающими мазями. Зуд начал постепенно проходить, но болезненные ощущения оставались. Особенно заметным было резкое обострение артрита в плечевых суставах, который мне приходилось долго лечить незадолго до этой поездки.

Столь сильная реакция организма на укус этого маленького паучка невольно вызвала вопрос о том, что это за вид такой и какие последствия от его яда могут быть? Первое, что приходило сразу же в голову — легенды о «поцелуе чёрной вдовы» - смертельных укусах самок каракурта. Но это предположение пришлось отклонить, так как приземлившийся на меня паучок был на вид серенький, а окраска у каракуртов, как известно, чёрная. Достав пробирку, я долго рассматривал и изучал виновника происшествия. С удивлением обнаружил, что на его спинке имеется чёрный круг, в светлом центре которого отчетливо просматривался крест. Самый настоящий могильный крест, удивительная похожесть на который вызвала недобрые ассоциации.

Наступила ночь. Шумело штормовое озеро. Устроившись в спальнике на заднем сиденье автобуса, я долго не мог уснуть, так как боли не проходили. Снимал я их, прижимая больное место к холодному стеклу окна. Примерно в два часа ночи я совсем измученный бессонницей с трудом уснул, но тотчас проснулся, от того, что меня за плечи с криками трясёт Андрей — наш водитель. «Николай, ты живой?» - перепугано

спрашивал он меня. Крепко выругавшись, я объяснил ему, что ещё живой, но едва не помер с перепугу. Андрей облегчённо вздохнул и рассказывал, что весь вечер переживал по поводу случившегося, из головы не выходили страшные истории про ядовитых пауков, поэтому боялся, что ночью может случиться непоправимое. Оказывается, он тоже долго не мог уснуть, устроившись в передней части салона автобуса и, в тот момент, когда я засыпал, он увидел при лунном свете, что я затих, а рука, всё время прижатая к окну, медленно опустилась на грудь, а другая безжизненно скатилась со спального на пол. В этот миг, по его словам, он ощутил весь ужас своего положения от мысли, что ему теперь придётся возвращаться домой с мёртвым участником экспедиции. Поэтому, столь бурной была его реакция, когда он разбудил меня и увидел, что я жив и здоров. Впрочем, радостей от этого пробуждения было мало, так как до рассвета мы так и не смогли сомкнуть глаз.

После возвращения домой, уже на следующий день, я увиделся в Институте зоологии с Алексеем Зюзиным и передал ему сборы пауков. На вопрос, про укусившего меня паука, Алексей, внимательно его рассмотрев в пробирке, произнёс мудрёное латинское название и уточнил, что относится он к роду каракуртов и является его близким родственником. Однако, услышав мой рассказ про укус и о его последствиях, удивлённо сообщил, что в литературе ничего не известно о ядовитости этого вида и о том, как реагирует организм человека на его укусы. Каково же было его удивление, когда я открыл свой полевой дневник, и он прочитал хронологию всего случившегося со мной. Спустя неделю Алексей заглянул ко мне в лабораторию и поставил в известность, что установленный факт является открытием, а он уже отправил на научную конференцию доклад об этом явлении.

Электронная газета «Ремез» №53. 2015

Шошкалы

Сборы в очередную осеннюю поездку для проведения учётов гусей и казарок на кустанайских озёрах мы завершали на городском базаре: закупили запас провизии на две недели, наполнили питьевой водой две фляги из уличной колонки и, заправив машину бензином, выехали из Кустанаия по трассе в направлении Петропавловска.

Был конец сентября, стояла золотая осень. День близился к концу, и уже в пути мы несколько изменили свой план — решили заехать переночевать в охотхозяйство «Шошкалы» на реке Убаган. Как я понял, моим спутникам - заядлым охотникам начало экспедиции захотелось отметить вечерней зорькой на знаменитых шошкалинских перелётах речных уток.

Свернув от посёлка Боровского в степь и, попетляв по полевым дорогам, вскоре прибыли на берег большого камышистого озера и остановились у егерского дома с добротной усадьбой и обязательными атрибутами таких заведений: шлагбаумом, наблюдательной вышкой, пожарным щитом, аншлагами и красочными плакатами. Доложившись егерю о прибытии для проведения учётов водоплавающих птиц, мы заодно узнали от него об орнитологической ситуации на водоёме. По его словам на мелководьях Убагана в этом году держалось многотысячное скопление шилохвости, кряквы, свиязи и других речных уток, около тысячи местных серых гусей, а вот северной казары из-за тёплой осени появилось ещё очень мало — пролёт только начинается. Егерь предложил устроиться на ночёвку на кордоне, но мы отказались. Тогда он показал нам место, где удобнее расположиться лагерем на ночь.

- Только ребята будьте осторожнее, машину не оставляйте без присмотра, а то тут дикие свиньи шастают, - предупредил он нас на прощание. К сожалению, занятые отъездом, это предупреждение мы пропустили мимо ушей, о чём потом сильно пожалели.

Отъехав метров пятьсот от кордона, расположились на зелёной лужайке около русла Убагана, откуда вглубь тростников уходила земляная дамба, с которой здесь охотятся во время вечерних и утренних перелётов на уток и гусей.

Распахнув задние дверки «УАЗа», быстренько выгрузили продуктовые коробки и вещи наружу, установили раскладной столик и стулья. Пока Сергей и Дмитрий переодевались в охотничью амуницию, доставали ружья и патронташи, вскипел чайник на газовой плите. После поспешного чаепития, закинув ружья за плечи, они скрылись в тростниках. А я остался один, намереваясь провести учёт птиц на озёрах. Уложив в салон машины разбросанные в спешке сумки и вещи, перетаскал в одно место продуктовые коробки и накрыл их брезентом. Деликатесы — копчёное сало, ветчину, колбасы, масло, сыры, сахар и конфеты разместил повыше - на столе, чтобы их не могла достать какая-нибудь бродячая собака, если она вдруг забредёт в наш лагерь. После этого, захватив снаряжение и оборудование, отправился на учёт птиц к кордону. Взобравшись по шаткой лестнице на 20-метровую вышку, устроил на дощатой площадке штатив со зрительной трубой и начал поштучный подсчёт водоплавающих птиц. Огромное озеро было мозаично покрыто островными зарослями тростника и рогоза, которые разделили его на несколько десятков плёсов. На каждом из них плавало множество лысух, красноголовых и хохлатых чернетей, гоголей и разных других птиц. Местами виднелись семьи лебедей-шипунгов, в которых, несмотря на осень, были ещё нелётные птенцы.

Незаметно пролетело время, скрылось за горизонтом солнце и начало смеркаться. На разливы потянулись вереницы возвращающихся с полей речных уток. Вначале десятками и сотнями, а затем огромными табунами в несколько тысяч особей. Я перевёл трубу на мелководья и едва успевал подсчитывать и записывать появляющиеся утиные стаи. В какой-то момент случайно глянул в сторону машины и увидел около неё десятка полтора копошащихся свиней. Пригляделся в бинокль и тотчас понял, что случилось непоправимое. Пришлось прекращать учёт в самое интересное время, когда к озеру с гоготанием пошли вереницы гусей и краснозобых казарок. Спустившись с вышки, добежал до машины, но было уже поздно. Возле неё царил страшный погром. Валялись в грязи, опрокинутые стол, складные стульчики, газовый баллон с плитой, чайник и вся посуда. Картонные ящики были разодраны в клочья, а все

продукты, хранившееся в них, включая овощи, съедены, надкусаны и погрызены. Чудом уцелели лишь консервы, банки со сгущёнкой и бутылки с подсолнечным маслом. В это время послышались голоса и из камышей появились мои радостные спутники. Дмитрий торжественно на вытянутой руке продемонстрировал мне гуся, а Сергей — связку шилохвостей. Пришлось поздравлять их с удачей, а затем сообщать печальную весть о полной утрате продуктов.

- Свинство шошкалинское, - возмутился один из них, увидев следы разбоя.

- Такое безобразие нельзя оставлять безнаказанным. Давайте пойдём к егерю и потребуем от него компенсацию за продукты, хотя бы салом, - предложил Дмитрий.

Оставив добычу около машины, мы в страшном возмущении направились к кордону и постучались в дверь. На крыльцо вышла егерская жена и, выслушав наши жалобы на свиней, тотчас свела на нет наши претензии.

- Вот если бы это случилось у нашего дома на территории кордона, то я бы, может быть, чем-нибудь вам помогла, а тут вы сами виноваты, что бросили продукты без присмотра, - сказала хозяйка и, хлопнув дверью, ушла в дом. В это время пришёл егерь и, выслушав жалобы, сочувственно сказал:

- Я же предупреждал, когда вы приехали. Не вы первые, не вы — последние. Они уже стольким приезжим рыбакам и охотникам напакостили. Ну что я могу с ними поделать — они же одичавшие! Вроде бы мои свиньи, а на самом деле уже не мои. Сами по себе! Никому не подчиняются! Разбойничают хуже махновцев.

Юрий вкратце рассказал, что весной две свиноматки ушли и опоросились в камышах. Когда поросята подросли, они объединились в одно стадо и стали совершать набеги на рыбацкие и охотничьи станы. Недавно ограбили и самого егеря. Пока он ходил домой за тележкой, они сожрали у него весь улов рыбы, оставленный в лодке. После долгих объяснений остались мы при собственных интересах и отправились к себе ни с чем.

- Ничего, сейчас шулюм из уток заварганим, - потирая руки, мечтательно сказал Дмитрий, когда вернулись к машине и включили освещение. И тут же раздался его возмущённый крик: «Куда мой гусь подевался?».

Когда осветили место, где лежала принесённая добыча, то вместо неё увидели кучу перьев и остатки разодранных птиц. Оказывается, пока мы ходили жаловаться, свиньи вновь наведались в лагерь и съели у нас последнее, что оставалось. Пришлось перекусывать, чем Бог послал и укладываться спать. А ранним утром уехали мы из охотхозяйства, поклявшись, что ноги нашей теперь не будет на этом озере, где творится такое свинство.

Электронная газета «Ремез» №54. 2015

Сказание о чае

За долгие годы экспедиционной жизни чаепитие для большинства из нас стало обязательным ритуалом. Утро начинается с традиционного кипячения чайника. Лишь после кружки крепкого бодрящего напитка, разгоняющего сонное состояние, можно приниматься за дело или отправляться в маршрут. Вечер также заканчивается разговорами вокруг костра и измеряется количеством опустошенных чайников.

— Ну, что, окончательно чай пьём, - произнесённое кем-то со вздохом, означает, что наступает время отбоя.

Традиции экспедиционного чаепития с годами выработали свои пристрастия к определённому сорту чая и способу его заварки. А заваривать чай — это целое искусство. Об этом я впервые узнал от маркакольского друга Мухтара Калиевича Нурбикенева, у которого перенял многие таинства этого ритуала и полюбил пить «правильный» чай. Вот уж кто был волшебником по части чаепития! Он не просто заваривал, а колдовал. До сих пор вспоминаю его хлопчущим около жарко натопленной печки. Дождавшись, когда закипит большой пузатый чайник, он принимался тщательно ополаскивать кипятком маленький заварочный чайничек, обязательно разогревая его. Затем, засыпав щедрую порцию заварки и залив новой порцией крутого кипятка, держал минуту-другую его на огне, пока на поверхности не появлялась пенка. Степень готовности он определял по исходящему аромату. Затем чайничек укутывался полотенцем и некоторое время стоял, созревая.

После этого чай разливался в пиалки или кружки, и получался божественный бодрящий напиток. После него сразу же исчезала усталость и на лбу выступала приятная испарина. Честно говоря, увидев в первый раз, как Мухтар заваривает чай, я поинтересовался у него, не «чифирь» ли готовит, но он сразу развеял мои сомнения, прочитав целую лекцию о правильном заваривании и процедуре чаепития, которой я придерживаюсь по сей день.

- Большинство людей не умеют заваривать и не понимают толк в настоящем чае. «Свежезаваренный чай нужно употреблять в течение десяти минут», - говорил он, - в это время чай даёт свой наибольший аромат и тонизирующий эффект. Через пятнадцать минут заварку надо без сожаления выплёскивать, так как она утрачивает полезные свойства и становится страшнее яда гремучей змеи.

В годы работы в Алакольском заповеднике я сразу же подружился с инспектором Ментаем Баянбаевым. К нему на дальний кордон в дельте Тентека я любил заезжать, потому, что у него всегда был самый вкусный чай. Однажды, во время поездки в прибалхашские пески, остановившись у артезианской скважины, приготовили мы походный обед. А у Ментая, как и у меня, была привычка, вначале почаёвничать, а затем уже кушать. Чай, приготовленный неумелым спутником, оказался безвкусным. Сразу выяснилось, что закупленная им в спешке в магазине самая дешёвая заварка на самом деле была каким-то третьим сортом, а точнее чайным мусором. К тому же, артезианская вода была слегка солоноватой.

- Не чай, а навоз какой-то, - сердито сказал инспектор и выплеснул напиток из кружки. Точно также он поступил и с котелком, в котором его только, что вскипятили. Сходив в машину, Ментай принёс канистру с речной водой и, ополоснув котелок, вновь поставил его на огонь. Дождавшись, когда вода забурилась, Ментай бухнул в неё две большие горсти заварки и, подумав немного, добавил третью. Подождав, когда она распарится и отстоится, он разлил напиток по кружкам и попробовал на вкус.

- Жаксы, - произнёс он, улыбаясь, - теперь жить можно!

Чай на удивление получился вкуснейший и привёл в восторг

всех участников поездки, начавших расспрашивать Ментая, в чём же его секрет приготовления.

- Никакого секрета нет, - ответил он. - Заварки не надо жалеть. Рука в этом деле должна быть щедрой!

Хороший чай «с дымком», приготовленный на костре во время привала у речки или ручья, всегда придаёт особое очарование нашим будням в походах и поездках. А ещё полюбился мне чай по-казахски. Крепкий, запашистый, со сливками или топлёным молоком. За хорошим дружеским достарханом.

Моё знакомство с традициями казахского чаепития произошло в годы работы на Маркаколе, куда я приехал сразу же после окончания института. В первую же зиму, когда установилась санная дорога, собрался я в поездку вокруг озера. Морозным декабрьским утром, на лошадке, запряжённой в сани, выехали мы из заваленной сугробами центральной усадьбы заповедника в Урунхайке на заснеженное озеро и по накапанной дороге тронулись в путь. Впереди предстояла неделя интереснейшего маршрута и более сотни километров пути с ночёвками на егерских кордонах в прибрежных деревеньках. Моим спутником и рулевым был местный житель Сергей Иванович Ларионов, лаборант заповедника, хорошо знающий эти края. В первый день предстояло проехать сорок километров до Матабая.

— Сергей, ты плотно поел, — поинтересовался я, — а то ехать далеко.

— Чай пил, — спокойно ответил он.

— Да ты что? — возмутился я, прикидывая, что где-то в дороге придётся останавливаться, кипятить чайник, чтобы он смог перекусить.

— Ничего, я привыкший, - услышал я его невозмутимый ответ, совершенно ещё не зная сути местного выражения «чай пил».

Полдня в дороге прошли интересно и незаметно. К долгому пребыванию на морозе постепенно привыкаешь. Главное, нужно надёжно подобрать зимнюю амуницию: валенки, ватные штаны, меховую куртку, шапку и «меховушки» - кожаные варежки. А неспешное передвижение на лошади скрашивают красоты этого края: таёжный склон хребта Азутау, заснежен-

ные березняки и ельники вдоль берега. Едем, подсчитываем пересекающие наш путь следы зверья: зайцев-беляков, ласок, горностаев, хорьков, лисиц. Иногда попадаются переходы рыси или росомахи, а на тальниках и берёзах удаётся увидеть кормящихся косачей, рябчиков и белых куропаток. Сергей Иванович, время от времени закуривает сигарету и начинает вспоминать какой-нибудь занимательный эпизод из времён, когда он работал охотником-промысловиком.

Во обед, ничего не объясняя, он неожиданно завернул лошадь к совхозной ферме на речке Матабайке. Среди огромных лиственниц стоял небольшой домик, из трубы которого высоко в небо поднимался столб дыма. Рядом находились кошара и загоны с коровами и баранами. Здесь жила казахская семья из Успенки. Чабаны оказались давними знакомыми Сергея. Обрадованные встречей и оживленно разговаривая, они сразу же ушли в дом. Я остался во дворе, наблюдая в бинокль за птицами.

— Пойдем чай пить, — выглянув из сеней, вскоре позвал меня хозяин.

Раздевшись и умывшись в кухне, в предвкушении горячего чая, я прошёл в большую комнату, застеленную кошмой. Посередине стоял круглый столик на низких ножках, заполненный разной снедью — лепёшками, баурсаками, маслом, сметаной, куртотом, мёдом, изюмом, вареньем, конфетами и сахаром. Когда мы уселись за столик, в пиалки разлили ароматный чай со сливками и внесли большое блюдо с дымящейся бараниной.

— Вы же сказали, что чай будем пить, — удивлённо спросил я.

— А это всё и есть чай, — ответил гостеприимный хозяин и обвёл широким жестом весь стол.

Только тут до меня стало доходить, что понятия русский и казахский чай совершенно разные. Русский чай — это варенье, конфетки, печенье, а казахский — это большое философское понятие. В этом я убедился во время этой зимней поездки и убеждаюсь все последующие годы по сей день. Только родившись или прожив многие годы в Казахстане, ты можешь интуитивно понять и оценить смысл приглашения: «Пойдём чай пить».

Электронная газета «Ремез» №56. 2016

Бацреатные вороны

Усадьба снегомера Евгения Ивановича Шершнёва в юго-восточной части бухтарминского посёлка Катон-Карагай добротная и приметная: белёный дом с голубыми наличниками и малиновой железной крышей, гараж, баня, скотный двор с сеновалом и большой огород с посадками картофеля и многочисленными грядками. На видном месте в ограде среди яблонь и берёз стоит его любимый колёсный трактор Т-40, около которого он проводит свободное время, занимаясь извечным ремонтом. Бывший охотник-промысловик, он уже два десятка лет работает на снегомерном маршруте и ежемесячно в любую погоду поднимается к осадкомерам на вершину хребта Сарымсакты.

Если поинтересоваться у местных жителей как пройти к его дому, то указав на нужный переулочек, вам непременно пояснят, что его легко узнать по вороньему гнезду на ёлке в огороде. Это упоминание не случайно, потому что гнездо - своего рода визитная карточка его дома и достопримечательность в этой части посёлка.

К появлению в его хозяйстве семейства чёрных ворон хозяин относится философски: «Ну, раз поселились, пускай себе живут, они мне не мешают». Другие алтайские жители, недолюбливающие этих птиц, обязательно бы избавились от подобного соседства, однако Евгений Иванович заступился

за них, строго-настрого запретив соседям разорять гнездо и беспокоить их. Односельчане, уважающие Евгения Ивановича за добропорядочность и трудолюбие, припомнив поговорку о том, что ворона около плохого человека не поселится, отнеслись к его причуде с пониманием. Сами птицы тоже по достоинству оценили доброе отношение к себе человека и ведут себя достаточно скромно, при случае осуществляя воздушную оборону от вторжения на территорию усадьбы коршунов, ястребов и других хищников, нередко покушающихся на цыплят и куриц.

Будучи наблюдательным человеком, Евгений Иванович прекрасно знает, что ворона — птица умная и сторожкая, от её внимания с макушки высокой ёлки ничего не ускользнёт и она всегда предупредит о появлении чужака не только в огороде, но и около него. Только надо уметь понимать значение её тревожных криков, для большинства людей, звучащих всего лишь как обычное карканье. Впрочем, не только сам он обращает внимание на эти сигналы тревоги, но и дворовый пёс Шарик, несущий сторожевую службу. Услышав предупредительный вороний окрик, означающий «Стой! Кто идёт», он иногда спросонья как заполошенный от излишнего усердия начинает лаять, рвать цепь, устраивая шумиху на всю округу.

А ещё в прошлом году этих ворон в шутку прозвали баурсачными. Дело в том, что они присмотрели в качестве места кормёжки помойную яму около соседнего уличного кафе. После праздников и шумных юбилеев разной пищи выбрасывается здесь, как правило, немало. Особой любовью у них пользуются не только остатки бешбармака и каурдака, но и баурсаки, которые они приносят и прячут в укромных местах усадьбы. Где только не находил их «схоронки» хозяин.

— Берёшь, бывало, навильник сена из стога, а из него начинают сыпаться баурсаки, как цельные, так и надкусанные, — делится Евгений Иванович и уточняет, что готовятся и пекутся они так, что хранятся долго и вороны эту особенность баурсаков оценили, припрятав их на «чёрный» день. Многие из них после обнаружения перепадают Шарик, тоже большому их ценителю. Приметили это и вороны. И по-своему отыгрываются на лайке за это.

Евгению Ивановичу удалось подсмотреть, как всё это происходит, и он поделился своими наблюдениями. Оказывается, прилетев с баурсаком, ворона усаживается на полянке перед собачьей конурой и начинает прохаживаться на дистанции ровно такой, с которой пёс не может достать её на цепи. Спустя несколько минут, оставив баурсак на земле в двух-трёх десятках сантиметров от него, буквально под самым его носом, ворона, как ни в чём не бывало, принимается чистить перья, одним глазом посматривая на реакцию лайки. Шарик начинает рваться и метаться, пытаясь дотянуться до аппетитно пахнущего деликатеса. Когда он понимает бессмысленность попыток завладеть им, в отчаянии ложится, вытягивает лапы, укладывает на них морду и начинает «гипнотизировать» взглядом баурсак, согласно учению И.П. Павлова, исходя слюной. Вдоволь насладившись гастрономическими муками пса, ворона демонстративно забирает баурсак и прикапывает его в полуметре в земляной ямке, обрекая тем самым Шарика на дополнительные мучения от близости клада с куснятиной. А заодно вынуждая и охранять его.

Прошлой осенью кафе, служившее для ворон источником получения различных деликатесов и забав, закрыли. На некоторое время прекратилась их сытная жизнь. Перестали они дразнить и разыгрывать простодушного Шарика. Предполагаю, что ненадолго. Умные и сообразительные птицы обязательно найдут повод, чем ещё позабавиться.

Электронная газета «Ремез» №57. 2016

Птица-дедбел

Среди птиц своей необычной склонностью к коллекционированию отличаются не только вороны, но и сороки. При этом замечено, что наиболее сильные коллекционные пристрастия бывают у птиц, воспитанных в неволе, а потом живущих на свободе. У них вдруг просыпается необыкновенный интерес и тяга к собиранию ярких блестящих вещей, от обыкновенных столовых ложек и вилок до различных украшений. От собирательства разных безделушек и случайно утерянных вещей

некоторые сороки постепенно переходят к откровенному воровству, вначале у хозяев, а затем и у соседей. От невинных похищений чайных ложечек и очков со столов летних кухонь и лоджий эти криминальные таланты постепенно переходят к более серьезным и изощрённым кражам, незаметно залетая через открытые окна, форточки и балконные двери в квартиры и дачи, похищая более ценные вещи, вплоть до драгоценностей и исторических раритетов — монет, медалей, орденов. Жертвами пернатых воришек становились не только обычные граждане, но и знаменитые артисты, военачальники, видные партийные деятели и даже дипломаты. А расследовать загадочные похищения привлекались лучшие силы уголовного розыска и даже спецслужб. Можно себе представить, сколько неприятных минут испытал воровской мир, из которого службисты выбивали имя похитителя и которые сами были не менее заинтересованы в обнаружении и наказании появившегося на их территории неуловимого гастролёра, так серьёзно их подставившего. Это были те немногие преступления, когда разоблачённые в своих деяниях «преступники» не понесли никакой уголовной ответственности, кроме крепких слов в их адрес.

Вот как раз на эту тему и завёл однажды разговор мой друг Фёдор Иванович Шершнёв. Начал с воспоминаний о первых месяцах армейской службы, а затем вдруг оживился и начал говорить о сороках. Дело в том, что в одной из воинских частей в городе Рубцовске в конце семидесятых годов, занимавшейся обслуживанием аэродрома, жил забавный сорочонок Яшка, выкормленный солдатами и скрашивавший своим присутствием и проделками однообразные гарнизонные будни.

- Яшка в нашей части появился после 20 мая 1979 года, сразу после принятия присяги, - начал свой рассказ Фёдор Иванович. — Этого птенца, выпавшего из гнезда, подобрали курсанты 42-го взвода, притащили в казарму четвёртой роты, определили в дальнем закутке и тайком от старшины стали выкармливать. «Сын полка» вскоре оперился, начал летать, солдаты стали для него как родные и он всегда около них крутился. Взвод утром на зарядку, в столовую или на построение - Яшка следом летит. Бывало, взвод на развод идёт, равнение

на командира, а над марширующими солдатами, старательно махая крыльями, сорока летит и тоже на офицеров смотрит. Командиры поначалу ругались за этот цирк, но вскоре привыкли, понимая, что для солдат это хоть какая-то отдушина.

Но эта «отдушина» в перьях вскоре чудить начала. Всё началось с того, что в летнем солдатском умывальнике на улице стали исчезать зеркальца, бритвенные принадлежности, зубные щётки, а затем и часы. Похитителя вначале упорно искали среди сослуживцев, что породило немало взаимных подозрений и обид, разбирательств и ссор. В конце концов, воришку выследили. К всеобщему удивлению, им оказался Яшка.

- А случилось это так. Наша вторая рота тогда на третьем этаже казармы находилась, по соседству с четвёртой, где Яшка жил. Я в то время со своим другом в свободное время понемногу «маклярил» — ремонтом разного электрооборудования занимался. Заодно изобретательством увлекались, электрические и электронные приспособления придумывая, так как всякого самолётного оборудования находилось в избытке. За это даже первое армейское прозвище получили — «паяльники». Ну, а в тот раз из переговорного устройства от ИЛ-28 селектор для роты смастерили, чем привели в восторг командира. После этого старшина стал нам благоволить и давать больше свободы для самоделкиных занятий. Помню, был июньский день. Сидим мы с сослуживцем у открытого окна нашей «кандейки» с паяльниками и мастерим. Прилетел Яшка, покрутился около нас, разглядывая наш инвентарь. Покормили мы его, приласкали, погладили. В общем, познакомились и подружились. Хотя мы и были из другой роты, но видать все люди в солдатской форме были для него друзьями. А в это время видим в окошко, что наш грозный старший сержант — зам. старшины - направился к летнему умывальнику принять водные процедуры. Яшка сразу туда же улетел. Ну, так вот, сержант обнажился по пояс, часы с руки снял, на полочку положил, поплескался водой и намылал голову. Яшка в этот момент тут как тут, хватя часы и улетел. Зам. старшины помылся, вытерся и только тогда обнаружил загадочное исчезновение часов. При этом он точно знал, что на территории умывальника в радиусе полсотни метров во время его пребывания никого не было.

Мат стоял такой страшный, что даже мухи от страха, наверное, попадали.

На следующий день командир дал добро на установку изобретённого селектора. Под руководством старшины прикрепили динамики и микрофоны, начали тянуть провода через чердак. Вот там и увидели мы случайно Яшку, прилетевшего с зеркальцем в клюве. Не заметив нашего присутствия, он проскакал в дальний угол и вскоре упорхнул оттуда в окошко. Так мы нашли его клад. Чего там только не было. Среди наворованных сокровищ была целая коллекция из 11 наручных часов, двадцати зеркалец и более двух сотен бритвенных лезвий. Среди них оказались и часы, похищенные у старшего сержанта, которые ему торжественно вернули. Растроганный зам. старшины поклялся, что теперь до самого дембеля буду его другом, что для меня, только начавшего службу, было сравнимо с милостью богов. Владельцы семи часов отыскивались в роте, хозяева остальных, сворованных, вероятно, в других подразделениях, так и не нашлись и их раздали сослуживцам. Разоблачителю Яшки, то есть мне, достались знаменитые командирские часы.

После этого Яшка взялся восстанавливать свою коллекцию и его проделки распространились уже на территорию всей авиационной части. Следующий его клад был случайно найден солдатами на крыше «чипка». По их словам, там была собрана денежная мелочь, в общей сложности около трёх рублей. Нашлись среди них и двое очков прапорщика, похищенных с разницей в несколько дней, в результате чего он был надолго лишён работоспособности. Наверное, в это же время с его склада были похищены дефицитные в части ключи 8 x 10 мм и один даже размером 17 x 19 мм.

Вообще воровство Яшкой ключей со временем приобрело характер откровенной диверсионно-вредительской деятельности и подрыву боевой готовности авиационной части. Дело в том, что на учебном аэродроме во время ремонта самолётов каждый механик получал комплект хромированных ключей, отвёрток, плоскогубцев, зеркалец и других материалов на подносе, где они лежали чётко пронумерованные. Сколько получил, столько обязан сдать по окончанию работы. Потеря хотя

бы одного из них приравнивалась к чрезвычайному происшествию, приводила к взбучкам от командиров, всеобщему авралу и поискам до умопомрачения. Пострадавшие потом ещё долго удивлялись способностям сорочонка выждать момент и незаметно стащить вещь из-под самого носа человека.

Солдаты тоже не остались в долгу. Кто-то из шутников обесцветил Яшке пергидролом хвост и раскрасил его разноцветными анилиновыми красками на манер жар-птицы. Поэтому полёты по территории части разукрашенного сорочонка, яркого, как заморский попугай, вызывали всеобщий восторг. Особенно во время построений. Яшку с тех пор прозвали «птицей-дембелем», и он стал талисманом воинской части. Один из односельчан Фёдора Ивановича, служивший в Рубцовске, рассказывал, что ещё в 1986 году Яшка был жив, здоров и продолжал жить на территории той же части. Воровать, то есть коллекционировать, не перестал, приучая новых «сослуживцев» своими кражами быть внимательными и бдительными.

Электронная газета «Ремез» №59. 2016

Тридцатьгогемберка

Есть такие птицы, услышав пение которых, ты уже никогда их не забудешь. Одной из них является широкохвостая камышевка, которую чаще всего называют просто широкохвосткой. Бойкую песенку-скороговорку этой птички, передаваемую как «тридцать четыре», можно постоянно слышать в приречных тугаях, тростниках и зарослях кустарников по горным логам. Приезжая в любое место, где есть эта птица, обязательно услышишь её голос. И будешь слышать постоянно, пока не уедешь.

В один из летних полевых сезонов мы вели мониторинг гнездовой сокола-балобана и других хищных птиц в Тарбагатае и добрались до ущелья реки Каракол. Уже в наступившей темноте, свернув с дороги в безлюдную степную долинку, остановились на ночёвку между двух сопков. Уставшие после долгой езды по жаре и пыльным дорогам, быстро почаяёвничав, свалились спать в машине.

Короткая летняя ночь промелькнула незаметно и, едва начало светать, я проснулся от каких-то звуков у машины. Открыл глаза и вздрогнул от неожиданности, увидев, что в окошко, свесившись с лошади, меня с любопытством рассматривает загорелый и сильно обросший пастух разбойничьего вида. Заметив, что я проснулся, привидение приветливо заулыбалось и сделало жест рукой, означающее, что оно приветствует меня с добрым утром и изволит о чём-то спросить. Открывая форточку, я уже знал, о чём спросят. Вопрос был традиционным: «Не видел ли корову с телятами». Затем последовала ритуальная просьба дать закурить. Дотянувшись до куртки, достал сигарету и протянул ему. Пошарив по пустым карманам своей фуфайки, гость попросил спички, которых у меня не оказалось под рукой. Проклинаая всё на свете, выбрался я из спальника и кое-как отыскал их в другой части салона. Видя, что я дальше не настроен спросонья вести беседу, он, не прощаясь, по-английски незаметно удалился. Проснувшийся и наблюдавший за этой сценой мой спутник Анатолий, понимающе вздохнул и стал одеваться. Пора было подниматься и ставить чайник, ибо мы прекрасно знали, что дальше у нас уже вряд ли получится поспать.

За несколько лет экспедиционных работ в Тарбагатае, Манраке и Сауре мы уже давно убедились, что в этих безлюдных, на первый взгляд, горах просто негде спрятаться от глаз людских. Сколько раз уже бывало, когда, выбирая место для ночёвки и убедившись, что вокруг нет ни одного человека, мы ошибались, что находимся тут совсем одни. Однако только стоило расположиться на отдых и поставить на огонь чайник, как к моменту его закипания из-за ближайшей сопки обязательно показывался едущий в нашу сторону всадник. А это означало конец спокойному отдыху.

Вот и в этот раз мы столкнулись с таким случаем. Пока чаёвничали, договорились, что на следующей вечерней остановке выберем самое глухое место и уж тогда отоспимся сколько душа пожелает. Когда уезжали с Каракола, над горными вершинами только начинался восход солнца.

Весь день прошёл в блуждании по тарбагатайским ущельям и поисках гнёзд хищных птиц. Поздним вечером доехали до

места, где речка Егинсу выходит из гор. Миновав небольшое водохранилище, по заброшенной дороге заехали в тупик одного из логов, густо заросшего непроходимыми зарослями жимолости и боярки.

- В этих дебрях нас уж точно никто не разыщет, - сказал довольный Анатолий. В предвкушении предстоящего отдыха, он приготовил своё коронное блюдо - плов с тушёнкой и отужинав, мы устроились на отдых. Анатолий, отличающийся уникальной способностью засыпать в течение двух-трёх минут, в этот раз уснул сразу же, как только принял горизонтальное положение, даже не успев забраться в спальник.

Проснулся я в три часа ночи от страшного грохота. Мой спутник колотил ногой по металлическому борту машины и ругался. Когда я поинтересовался, в чём дело, он пояснил, что в кустах, прямо под ухом, вдруг распелась широкохвостка, да так громко, что спать стало невозможно. Проспавший начало этой истории, я был немало удивлён этому факту, так как знал, что Анатолий обычно спит крепко, не обращая внимания на посторонний шум.

- Неужели и вправду так громко пела? — поинтересовался я.

- Не пела, а орала, - поправил злой Анатолий.

- Похоже мы на её гнездовом участке остановились, вот она и выражает своё недовольство, - предположил я.

Словно в подтверждение его слов в кустах у задней двери раздалось несколько раз подряд раскатистое птичье «тридцать четыре». Анатолий швырнул в конец салона свои кроссовки. Широкохвостка сразу смолкла.

- Кажется, отогнал, - предположил он.

Но «тридцатьчетвёрка» оказалась не из пугливых. Она лишь поменяла куст около машины и уже через несколько минут кричала с новой силой уже с моей стороны. Теперь я понял, почему Анатолий проснулся первым. Каждый её крик как удар молотка по жести отражался от металлического корпуса нашего «уазика» и отдавался в конце лога. При этом своей резкостью он буквально бил по мозгам. На этот раз уже мне пришлось колотить босой ногой по стенке машины. После этих упражнений сон окончательно прошёл. Вынужденное бодрствование превратилось в мстительное желание любым способом «заткнуть рот» крикливой птице.

- Эту песню не задушишь, не убьёшь, - продекламировал Анатолий. И он стал припоминать, куда уложил ружье и патроны. Птице, конечно же, было неизвестно, что человек, которого она так достала своими вокальными способностями, был не только тонким знатоком и ценителем птичьего пения, но и метким стрелком. На её счастье, разобранное ружье с боеприпасами лежало в дальнем углу под нашим лежаком, и чтобы отыскать и достать их, требовалось перебрать всё внутреннее содержимое машины. Решили потерпеть до утра. Тогда я выбрался наружу и устроил большой перекур около машины, время от времени освещая кусты ярким лучом фонарика. После этого она стала петь реже, но от машины никуда не улетала. Когда я вернулся обратно, Анатолий уже спал. Пока певунья молчала, я прилёг рядом и тоже задремал. Когда проснулся, было пять часов утра. Анатолий уже вскипятит чайник. Завтракали мрачные и не выспавшиеся.

- Век живи, век учись, - сказал мой бывалый спутник. — Теперь будем выбирать такое место для ночёвки, чтобы поблизости не только пастуха, но и ни одной «тридцатьчетвёрки» не было.

Когда завели машину и стали выезжать из лога, в открытое окно донеслось громкое пение широкохвостки. Звучало оно особенно торжественно и победоносно.

Электронная газета «Ремез» №60. 2016

Отглаженный бурчундук

Возвращаясь из маршрута берегом Маркаколя, завернул я на Жуковскую пасеку. Бревенчатый домик стоял на живописной зелёной лужайке среди берёз на самом берегу озера. Сюда я любил заходить, чтобы навестить и поздороваться с Иваном Петровичем Минаевым. Невысокий старичок, в свои 78 лет выглядел довольно бодро и подтянуто. С седыми, лихо закрученными будённовскими усами, он был в военном кителе, застёгнутом на все пуговицы. В молодости служил он в Первой Конной армии у самого Семёна Михайловича Будёного, воевал на врангелевском фронте и всегда гордился сво-

им кавалерийским прошлым. Обладая прекрасной памятью, он был на редкость интересным рассказчиком, которого я любил послушать. Вот и в этот раз, после чаепития со свежим мёдом, вышли мы из избушки и присели на завалинку. Иван Петрович, найдя во мне внимательного слушателя, принялся рассказывать очередной эпизод из боевой молодости, но вдруг прервался и, кивнув в сторону, удивлённо произнёс:

- Смотри, Мурзик с охоты идёт!

И вправду по тропинке от ручья важно шёл здоровенный кот и нёс какую-то крупную добычу. Подойдя к нам, он положил перед хозяином придушенного бурундучка и, гордо осмотревшись, устало присел и принялся умываться.

- Ну, надо же, - удивился Иван Петрович, - сколько живу, а первый раз вижу, чтобы кошка бурундука словила. Ну и молодец Мурзя, охотничек, какого зверя притащил!

Процедуру умывания кот завершил старательным облизыванием лап, сжатых в кулачки. Затем он, довольно жмурясь, отвёл взгляд в сторону, явно наслаждаясь хвалебной интонацией нашего разговора о нём. Хозяин как раз на все лады расхваливал его. Котьяра был преисполнен чувством собственного достоинства и, чувствовалось, что этот момент был для него некоей «минутой славы», когда наконец-то его оценили.

Между тем, мы стали замечать, что бурундучок стал приходить в себя. Вначале нервно дёрнулся хвостик, затем вытянулась одна, а потом другая лапка. Вскоре зверёк перевернулся на брюшко, осматриваясь по сторонам. У Мурзика прошла сладостная дремота и он, глянув на него, раз-другой шлёпнул его лапой и опять томно отвёл взгляд в сторону, принявшись оближивать «испачканную» лапку. А бурундучок, между тем, съёжился, замер на некоторое время и вдруг, пружинисто, подпрыгнув, в несколько прыжков умчался в сторону метра на три или четыре. Держа хвост «трубой», он занял бойцовскую позу, готовый отразить нападение. Но Мурзик, не ожидавший подобной прыти, даже среагировать не успел.

-Удирай, дурачок, - помнится, чуть не вскрикнул я.

Между тем, случилось невероятное и, с трудом поддающееся описанию. Бурундучишка оказался не из робкого десятка. Не знаю даже, как объяснить его отчаянный поступок, но

думаю, он решился напоследок поквитаться с обидчиком. Не зря говорят, что лучшее отступление — это наступление. Вместо того, чтобы убежать, он вдруг пружинистыми прыжками бросился в сторону кота и, совершая молниеносные броски, стал наносить удары по кошачьей голове. Вероятнее всего, он целил в глаза противнику, так как Мурзя закурился на месте, бессмысленно отмахиваясь лапами. Это напоминало поведение человека, отбивающегося от пчёл или шершней. А виртуозные перемещения бурундука более походили на мячик бадминтона, с силой запущенного в небольшом помещении. Сколько времени длился этот бой, сказать затрудняюсь, наверное, с десятков секунд. Но после него бурундук, победоносно задрал хвост, прыжками, достойными кенгуру, умчался в сторону речки, откуда ещё недавно его притащил кот. Растерянный Мурзик даже не бросился в погоню.

Мы сидели некоторое время, ошарашенные увиденным, но вскоре рассмеялись, глядя на побитого кота, недоуменно поглядывающего по сторонам. Отвернувшись от нас, он принялся опять умываться, старательно натирая лапой голову.

- Как же ты, Мурзяй, оплошал-то так, - пытался поддержать друга Иван Петрович, наговаривая ему разные ласковые слова. - По правде говоря, всё-таки молодец этот бурундучишка. Ты погляди, какой боец оказался! Рубился, скажу тебе, отчаянно, ну прямо-таки как будённовец, - молодецвато разглаживая усы, сказал мне старик.

Электронная газета «Ремез» №61. 2016

Утро в зимовье

В это утро мне, как всегда, не дал выспаться неутомонный Спиридон Филиппович. Собственно, было ещё не утро, так как за окном стояла непроглядная осенняя темень, а на часах не было и пяти. Старик долго кряхтел, выбираясь из спальника и одеваясь. Затем, скрипя досками нар, пробрался мимо и, спустившись на пол, чиркнул спичкой, зажёл фитиль лампы и принялся обуваться.

- Ну, куда ты в такую рань опять поднялся, - проворчал я.

- Кто рано встаёт — тому Бог даёт, - отозвался он.

- И житья не даёт, - съязвил я ему истиной на истину.

Одевшись, Филиппыч взял котелок, хлопнул дверью и вышел наружу. А я перевернулся в спальнике на другой бок и сразу же погрузился в сладостную дрему.

Этой осенью Спиридон Филиппович сдержал своё давнее обещание и взял меня напарником на медвежью охоту. Всю прошедшую неделю выжидали мы подходящую погоду и подбирали надёжных лошадей. А вчера, часа в четыре утра, задолго до первых петухов, спешно заседлав и навьючив коней, в полной темноте тронулись в путь. Отъезд больше походил на бегство. Мы спешно проехали тропинкой заболоченным берегом озера вдоль горы, продираясь через кусты и завалы камней, потом более пяти километров ехали рысью через покосы, стараясь быстрее удалиться от деревни. Рядом, в какой-то сотне метров была грунтовая дорога, но Филипыч категорически отказался ехать по ней. Причиной тому была его вера в приметы, которые, я по молодости лет слишком часто игнорировал, считая их пережитком прошлого, поэтому на этой почве постоянно спорил и ругался с ним. Но Спиридон Филиппович был неисправимым сторонником соблюдения традиций предков и чтил их как какой-нибудь армейский служака «Устав гарнизонной и караульной службы». Правило номер один, которое он требовал неукоснительно выполнять: ни один односельчанин не должен видеть, как ты выезжаешь из деревни. И не приведи господи, чтобы в дороге попался встречный человек. Нарушишь эти правила, сглазят удачу и не видать тебе счастья на охоте. Были и другие запреты, один из которых касался тагана, точнее, колышков с рогатулками и поперечной палкой, на которую вешался чайник над костром. После каждой стоянки Спиридон настоятельно требовал не только залить угли водой, но и убрать с глаз долой таган, считая оставлять его дурной приметой.

Только удалившись на добрый десяток километров от деревни, выехали мы на старую лесовозную дорогу. Весь день, за исключением двух кратковременных стоянок, чтобы дать отдых коням, да самим размяться и перекусить, прошёл в непрерывной езде в сёдлах. Только под вечер поднялись мы на

первый перевал на пути в Южно-Алтайский хребет и перед пихтачами Филиппыч, ехавший впереди, привстав на стременах, осмотрелся и уверенно завернул лошадь влево. Мы проехали старую вырубку, заваленную валежником и густо заросшую иван-чаем, и оказались на большой поляне с приземистой избой на краю мрачного пихтового леса. Расседали коней, спугали их и пустили пастись на лужайке у ручья.

Дверь в избу была по-хозяйски подпёрта жердью. Откинув её, распахнули дверь и вошли внутрь. Здесь была привычная для алтайских избышек обстановка: нары, железная печка, столик у окна и чурбаки вместо стульев. Правда, всё сделано было добротнo и основательно. Спиридон Филиппович поведал мне, что она была построена в шестидесятые годы как жильё для лесорубов, которые вели в этих местах лесозаготовки. После того, как они перебазировались в другие края, осталась она бесхозной и несколько зим использовалась охотниками в качестве зимовья, которые вели здесь промысел белки и соболей. Позднее ею от случая к случаю пользовались для ночёвок лишь здешние жители, когда возникала необходимость переночевать в непогоду. Построенная в стороне от дороги и посторонних глаз она, похоже, не подвергалась разграблениям случайных людей, поэтому хорошо сохранилась. Об этом свидетельствовали целые стёкла в окнах, посуда и керосиновая лампа. Даже чугунный умывальник на стенке у входа остался не тронутым.

Протопив печку и вскипятив чайник, поужинали и, разложив на нарах спальники, сразу же устроились спать. За день натряслись в сёдлах так, что сразу же крепко уснули.

Как скоротечен и крепок утренний сон в молодые годы! Кажется, только прикрыл глаза и, не замечая, как уже пролетает целый час. Вот и в этот раз, едва я погрузился в сладкую дрему, как услышал командный голос Филиппыча:

- Николаша, подъём! Вставай, чай уже готов, пора завтракать и ехать.

Без лишних разговоров поднялся, оделся и вышел из избы. В это время только начинало светать. Из-за чёрных шпилей высоких пихт светила луна, на небосводе виднелись поздние звёзды. Ночью был заморозок - всё вокруг покрыто измором

зью. Даже спины и гривы лошадей, стоящих на поляне, покрылись инеем. Спустившись по тропинке к ручью с обледеневшими камнями, умылся студёной водой и поспешил обратно в зимовьё. На столике уже был разлит по кружкам горячий чай, лежали отварные картошины, нарезанное ломтиками мясо и сало.

- Ешь плотнее, дорога сегодня будет дальняя, до вечера надо будет подняться на перевал и успеть на вечернюю охоту, - сказал Спиридон Филиппович, заботливо пододвигая поближе хлеб. Пока чаёвничали, он ещё раз проинструктировал меня по поводу предстоящего маршрута. Обычно разговорчивый, в этот раз был он немногословным и сосредоточенным. Я его прекрасно понимал — выезд на охоту был для него праздником, который он ждал весь год. Наверняка переживал старик, будет ли медведь в местах, в которых он уже давно не был. От знакомых мужиков, выезжавших сюда на промысел сурков, он узнал, в каких логах и по каким ручьям им приходилось встречать медвежьи семьи, поэтому и остановил свой выбор на них. Но это было в конце лета, а как сейчас, в начале октября, обстоят там дела, одному богу известно. Может всякое случится, к примеру, побывали там другие охотники и уже «сняли урожай».

Позавтракав, молча перекурили и стали собираться, укладывая в сумины продукты и посуду, упаковывая в мешки спальные принадлежности. Затем заседлали и навьючили лошадей. Ещё раз проверив, не забыли ли мы что-нибудь во время сборов, Филиппыч подпёр дверь всё той же жердью и дал команду к отъезду. Усевшись в холодные сёдла, выехали на лесную дорогу и остановились, проверяя надёжность подпруг и креплений на вьюках. Когда закончили осмотр, Спиридон поправил ружье за спиной и вполголоса произнёс:

- Ну, с Богом!

Кони послушно тронулись в путь, а я оглянулся назад, запоминая свёрток к зимовью, уже не видимому в глуши пихтачей.

С этого момента минуло уже четыре десятка лет, немало утекло воды в алтайских реках и много перемен произошло в жизни. Уже давно умер Спиридон Филиппович, а мне часы времени отсчитали уже столько годков, сколько ему было той

осенью. Говорят, сгорело во время лесных пожаров в конце девяностых годов зимовьё, в котором мы останавливались. Немало у меня с тех пор было ночёвок в поездках и экспедициях, но, именно это утро врезалось в память на всю оставшуюся жизнь. Почему, я и сам не знаю.

Электронная газета «Ремез» №62. 2016

Животные шутят над нами

Животные способны на осмысленные поступки, которые нас удивляют, восторгают и заставляют даже задумываться о том, что зачастую они поступают умнее человека. Но больше всего в поведении животных меня поражает их склонность к шуткам над людьми. Особенно у собак.

Произошло это в далёкие восьмидесятые годы. В начале апреля наш экспедиционный отряд прибыл изучать миграции журавлей на реку Или чуть ниже Дубунской переправы. Расположились в брошенном домике на обрывистом берегу и приступили к работе. Каждое утро я отправлялся в маршрут в прилежащую пустыню, пересекая бугристые пески Карабаскумы, межбарханные озёрки, туранговые рощицы среди солончаковой равнины. Однажды тропинка вывела меня к пустыющей овцеводческой зимовке с домиком и кошарами рядом. Когда я приблизился, из построек выскочили две чабанские собаки. Одичавший здоровенный пёс испуганно умчался в барханы, а небольшая рыжая дворняжка задержалась. Вернее, это я остановил её призывным свистом. Уже через пять минут, после того как я погладил её по голове и доброжелательно «поговорил», мы подружились и в обратный путь отправились вместе.

Так, эта случайно найденная собачонка прижилась в нашем экспедиционном лагере. Конечно же, новый четвероногий друг имел у прежних хозяев свою кличку, но так как она нам не была известна, прозвали мы его Лисом за огненно-рыжий наряд и за хитроватые манеры поведения. Пёсик охотно отзывался на новое имя. Вскоре нам пришлось убедиться, что он не так-то прост.

В реке тогда водилось много рыбы и для пропитания мы выставляли с десяток закидов, представлявших собой обычную рыболовную снасть: леску метров пять длиной, свинцовое грузило и крючок, на который нанизывали дождевых червей. Каждый день ловилось несколько килограммовых сомов, из которых по вечерам готовили уху. На их проверку отправлялся у нас обычно тот, у кого было свободное время. Так было со мной и в этот день. Вспомнив после обеда, что снасти с утра не осматривались, я взял мешочек с червями, позвал Лиса и отправился к реке. Спустившись по тропинке к воде, не спеша шёл я песчаным берегом от колышка к колышку, к которым были привязаны лески с закидами. Проверив очередную снасть и заменив червя, я умылся и собрался идти обратно к дому. Хотел взять мешочек с червями, а его нет. Хотя хорошо помнил, что оставлял его около последнего колышка, заменяя приманку. Осмотрелся — кругом ни души. Прошёл берегом по своим следам, вернулся обратно и остановился, ничего не понимая в происшедшем. Случайно глянул на обрыв и увидел, что на его краешке сидит Лис и с любопытством наблюдает за мной. На всякий случай крикнул ему и погрозил пальцем.

Дальше произошло что-то невообразимое! Пёс вдруг принялся бегать кругами и радостно подпрыгивать вверх! Это было похоже на восторженный танец победителя! В итоге Лис свалился с обрыва, поднимая пыль, скатился вниз и принялся бегать по берегу вокруг меня.

Наконец-то, догадавшись в чём дело, я взобрался на обрыв и в том самом месте, где сидел Лис, обнаружил потерянный мешочек.

- Ах ты, проказа такая, - крикнул я Лису, демонстрируя находку, - ну погоди!

С пёсиком случился очередной приступ веселья с лаем, прыганьем, катанием на спине и кувырканьем по песку.

Другой случай рассказал Фёдор Иванович Шершнёв из Катон-Карагая, у которого живёт шестимесячный лайчонок Барсик, который за бесконечные проделки был недавно посажен на цепь.

У Барсика уже в щенячем возрасте появилось пристрастие прятать хозяйские инструменты. То молоток, то плоскогубцы или отвёртку утащит к себе в будку или припрятает где-нибудь

поблизости, а затем с удовольствием наблюдает, как хозяин в растерянности ходит и ищет непонятно куда исчезнувший из-под рук инструмент. Так случилось и в этот раз.

«Собрался я сегодня немного поработать на улице и разобрать сторевавший сварочный аппарат, - рассказывает Фёдор Иванович. - Взял отвёртку, положил на сварку и решил лайчонка обрадовать. Отвязал его, а сам отлучился на минутку за угол. Возвращаюсь к аппарату - отвёртки нет! В сторонке Барсик сидит и ехидно так посматривает на меня. Мол, что же я делать буду? Ну, а я начал по свежему снегу тропить собачьи следы и в поисках в дальний угол ограды ушёл. Смотрю, около старой будки в снегу свежий порой снега и оранжевая ручка виднеется. Раскопал, точно, отвёртка стыренная. А пёсенок сзади аж повизгивает и подтягивает от удовольствия. По хитрющей рыжей морде видно, что смеётся и даже хохочет надо мной. Ну, думаю, ладно, Барсик, отыграюсь на тебе за эту шутку и я. В обед, когда наступило время его кормить, пошел я в дом и по пути мимо конуры незаметно прихватил и спрятал его любимую чашку. Обычно он приносит её в зубах, когда появляется хозяин с пищей для него. А тут выхожу из дома с кастрюлькой, в которой приготовлен «собачий супчик» и говорю: «Барсик, где твоя чашка?». Пёс на радостях заглянул в будку, обежал вокруг неё и не найдя ничего, в растерянности остановился, виновато посматривая не меня. Тут наступила моя очередь посмеяться от души над его растерянным видом. Достая тогда я с крыши конуры припрятанную чашку, показываю её ему и наливаю в неё суп. Барсик быстренько съел угощение, вылизал чашку, взял её в зубы, перенёс и положил у входа в будку. После принялся лаять на неё, словно ругая за то, что она спряталась от него, и чтобы больше так не поступала. Иного объяснения этому поступку у меня не нашлось!».

Электронная газета «Ремез» №63. 2016

Гиблые места

Пожалуй, каждому из нас приходилось видеть художественные фильмы с блужданием главных героев по болотам и мучительной гибелью одного из них в трясине. Причём, в последние годы число таких ужасных сюжетов в военных и приключенческих сериалах по воле сценаристов и режиссёров увеличивается с катастрофической быстротой. Подобных маревых болот как в фильмах в наших краях, конечно же, нет, но есть, оказывается, гиблые места не менее страшные.

Однажды на алтайской реке Тургусун разговорился я на эту тему с бывалым охотником и поведал он мне, что о них хорошо наслышан и старается их обходить стороной. В молодые годы работал он в топографической экспедиции и на старой крупномасштабной карте, которую им предстояло уточнять, заинтересовал его приток одного ручья с названием «Гроб». У сопровождавшего их проводника из числа местных жителей узнал, что это проклятое и запретное для посещения людей ущелье, в котором в давние, ещё царские времена, погибло около десятка человек. Первыми исчезли поехавшие туда кержаки-охотники из одной здешней деревни. Затем канули как под землю их родственники, отправившиеся на поиски. Потом терялись смельчаки, на свой страх и риск отправлявшиеся разведать места вдоль этого ручья. Ни их останков, ни лошадей, ни вещей больше никто не находил. По местным поверьям где-то там есть гибельные провалы. Кстати, тот проводник, чтобы не брать грех на душу, категорически отказался сопровождать топографов в это ущелье и отговорил от этого начальника экспедиции.

- Гиблых мест предостаточно, хоть в тайге, хоть в пустыне, - поведал мне знакомый геолог. В наших пустынях их даже больше, так как весной солончаковые равнины, пропитанные влагой, превращаются в кисельные топи, в которых увязают и тонут даже верблюды и лошади. А уж сколько техники — тракторов и машин — ушло под землю там, просто не счесть. Горные же провалы и топи чаще всего бывают там, где когда-то торфяники, мерзлота или известняки имелись.

Вспоминаются и мне подобные места и связанные с ними

истории, происшедшие в годы экспедиционных поездок.

В двадцатых числах апреля 2001 года с сотрудниками Алакольского заповедника приехали мы на реку Лепсы и остановились в тугае напротив гор Кыскаш. Под вечер с инспектором Ментаем Баянбаевым отправился я на машине на ближайшую скважину за водой. Здесь у подножия каменистой сопки находилась металлическая труба, из которой фонтаном била вода и ручьём стекала в большое озерко в солончаковой низине, с тростниками по краям. Когда набрали воды во все взятые ёмкости, я достал зрительную трубу, установил её на возвышенности и принялся за учёт птиц, во множестве собравшихся на этом водоёме. Ментай — заядлый охотник, переобулся в высокие болотные сапоги и, опоясавшись патронташем, предупредил меня, что пройдёт с ружьём до конца озера, где виднелись стайки уток. Увлёкшись подсчётом птиц, я лишь один раз, обернувшись в его сторону, заметил, что он удаляется голым солончаковым берегом, но когда в следующий раз глянул в том же направлении, то не увидел его.

- Странно, куда он исчез на совершенно ровном берегу? — подумал я тогда, стараясь поскорее завершить учёт, так как усилился холодный ветер, и ухудшилась видимость. Через некоторое время передо мной возник Ментай - мокрый с ног до головы и весь перепачканный илистой грязью.

- Чуть не погиб, под землю глубоко провалился с головой, еле выбрался обратно. Как на том свете будто побывал, - объяснил он мне своё исчезновение, стаскивая с себя мокрую и грязную одежду. Он переоделся в предложенную мной сухую одежду, завёл машину, и мы быстро вернулись в лагерь. Вскоре наш Ментай, заботливо укутанный во всё тёплое, что у нас было с собой, пил горячий чай и грелся у костра. Из своего объёмистого портмоне он достал и разложил сушиться на бревне десятка два размокших удостоверений и разных справок, ругаясь, что никак не может избавиться от привычки носить при себе все документы, накопившиеся за жизнь.

Спустя несколько лет в этих же краях подобная история вновь повторилась. В начале июля 2005 года наш зоологический отряд ехал на машине по горной дороге через отроги Джунгарского Алатау, примыкающие к озеру Алаколь. На

полпути между сёлами Успеновка и Дзержинское остановились на галечниковом берегу речки Средний Тентек. Договорились минут через пятнадцать встретиться и все сразу же разошлись в разные стороны. Наш старейший зоолог Юрий Серафимович Лобачёв, переобувшись в резиновые сапоги, отправился на речной берег, где намеревался поискать следы пребывания американских норок. Когда я вернулся обратно, около машины среди уже собравшихся участников поездки стоял переполох. Энтомолог Марат Чильдебаев объяснил, что Юрий Серафимович едва не погиб, а точнее, чуть не утонул.

- Там же негде утонуть — воды по колено, - возмутился я и отправился к пострадавшему. Он стоял на берегу в одних трусах и ополаскивал сапог, из которого выливалась грязная вода. Вокруг на камнях была разбросана мокрая одежда. Серафимыч, которому в этом году исполнилось 75 лет, был в сильном расстройстве и, несмотря на июльскую жару, было заметно, что после пережитого его трясёт в нервном ознобе. На мой вопрос он поведал невероятную историю, демонстрируя всё на месте.

- Подхожу я к речке, встал ногами на большой камень, перепрыгнул вот на эту земляную кочку на мелководье и провалился вниз с головой как в преисподнюю. Дыра там вниз ведёт бездонная и вода в ней ледяная. Кое-как выбрался обратно, можно сказать с того света.

Электронная газета «Ремез» №64. 2016

День весеннего равноденствия

Есть в фенологическом календаре года примечательный день, когда день бывает равен ночи, так как солнце переходит через экватор из южного полушария в северное, поровну освещая обе половины нашей планеты. Этот день 22 марта — начало астрономической весны. Какой бы суровой и многоснежной не была бы зима, но в эту дату обязательно наступает оттепель и таяние снега. И начинается дружный прилёт птиц. На озере Алаколь в годы с ранней весной первая волна массового пролёта околородных птиц начинается с 15-17-го числа и

завершается 22-25 марта, к моменту полного схода снега на пустынной равнине и вскрытия всех рек и озёр. Но в холодные годы, начало всех фенологических явлений сдвигается на 22 марта. Так было и весной 1999 года, которую я провёл в только, что организованном Алакольском заповеднике. В первой половине марта здесь стояло необычайное тепло с дождями, вызвавшее сход снега, вскрытие речек и раннее появление водоплавающих птиц. Однако 14 марта неожиданно вернулись арктические холода со снегопадами и морозами, доходившими до минус 26 градусов. Всё вокруг за неделю вновь приобрело зимний облик: установился снежный покров, а водоёмы вновь сковало льдом. Прилетевшие утки и другие околотовные птицы откочевали обратно, а задержавшиеся грачи, галки, серые вороны и мелкие птички ютились вдоль дорог и у жилья человека.

Наконец, в первый оттепельный день 21 марта выехали на кордон, располагающийся на южной окраине дельты Тентека. Спустя час с грунтовой дороги, ведущей на озеро Сасыкколь, свернули на неприметную дорожку, уводящую в заросшую сплошными тростниками низину. Проехав мимо бугра Тастобе с развалинами совхозной фермы, вскоре выехали к приземистой избушке на обрывистом берегу многоводной протоки. Кругом её, насколько можно было видеть, простирались сплошные тростники. Это и был тот самый кордон, на котором мы запланировали проведение «фенологической десятидневки». Место было неприметным, а его название Туйыксу означает «закрытая вода».

На учёты я приехал со старшим инспектором Юрием Петровичем Левинским, за которым и был закреплён этот кордон и обход. Вечером прибыл третий участник — Сейдахмет Толганбаев, которого мы по-дружески звали Сейдешем. Он добрался до места верхом на лошади только вечером. Кроме того, из постоянных жильцов кордона была кошка Симка и семейство лаек — Сынок и Белка с двумя щенятами.

Ещё вчера на всей равнине, прилежащей к дельте Тентека, сплошным покровом лежал снег, а сегодня подул тёплый восточный ветер Евгей и согнал добрую его треть. Птиц было ещё мало, и пока ехали, видели в степи шилохвостей, чибисов, чир-

ков-свистунков, саджей, полевых, степных и белокрылых жаворонков. По протоке и на соседних озёрах ещё крепкий лёд, на них держатся местные пары серых гусей и лебедей-кликун. Вечером слетелось на ночёвку десятка два серых цапель. Появлялись бакланы, чайки-хохотуньи и торопливо пролетали вверх по речке. В густом таловом кусте около избушки держалась парочка белых лазоревок, а на её крыше - чумазый полевой воробей, сильно перепачкавшийся сажеей после ночёвок около трубы. От проруби на протоке прилетела маскированная трясогузка, и стала выискивать корм на солнечной стороне дома. Юрий Петрович сходил на кухню, принёс полную горсть хлебных крошек и высыпал их под окном.

- Прилетела неделю назад и угодила в самые морозы, - сообщил он. - Пришлось мне её подкармливать, чтобы выжила.

- Так ведь трясогузки хлебом не питаются, они же насекомыми кормятся, - засомневался я.

- Эта и хлебушек за милую душу ест, голод не тётка — ответил Петрович.

Так незаметно прошёл первый день. Поздним вечером Петрович, выходявший из избушки уточнить температуру на градуснике, вернулся с новостью: «Волки запели!». Мы оделись и вышли наружу. Кругом стояла непроницаемая жутковатая темень, из которой со стороны дальних озёр донёсся протяжный волчий вой. Под навесом тревожно всхрапнула лошадь, ударяя копытами по земле, и разразились залившимся лаем собаки.

Утром 22 марта поднялись, едва начало светать. Быстро одевшись, я отправился на первый утренний учёт. Было тихо, пасмурно, термометр показывал всего лишь минус три градуса. Улавливался волнующий аромат ранней весны: запах подмёрзшей за ночь земли и талого снега. Вокруг кордона белели зимние намёты снега и стояли высокой стеной жёлтые тростники с раскачивающимися пушистыми метёлками. По заснеженному руслу протоки темно-синими зеркалами поблескивали выдувы льда, а со стороны проруби доносилось приятное журчание воды. С дальних озёр слышалось гоготание гусей и заунывная переключка кликунов. Вся западная часть горизонта оказалась затянутой чёрной дождевой пеленой. В течение

часа она медленно надвигалась в нашу сторону и в конце концов принесла морозящий дождик. Между тем, хозяйственный Сейдеш, сопровождаемый лайками, повёл кобылу с жеребёнком на водопой к проруби; Петрович растопил печку, из трубы длинным серым хвостом в тростники потянулся дым. После 10 часов усилился тёплый восточный ветер. Вскоре увлажнился слезавшийся снег, отсырела земля на дороге и даже появились небольшие лужицы. Вместе с теплом усилился пролёт птиц. Одна за другой потянулись на северо-восток, в сторону Тарбагатая, вереницы грачей, галок и серых ворон. С пением полетели полевые жаворонки. В разных направлениях стали перелетать над тростниками пары и мелкие группы серых гусей. Появились серые и большие белые цапли. Поскрипывая крыльями, пролетел лебедь-шипун. Над озерком Тастюбе, куда сели гуси, появилась стая хохотуний и стала кружиться над ним, издавая не то радостный, не то истеричный хохот. Сейдеш, наблюдавший за ними в бинокль, пошутил: «Это они хохочут над гусями, прилетевшими в такую рань и самые морозы».

Как оказалось, приехали мы вовремя, сегодня с установлением тепла начался дружный пролёт птиц, ранее сдерживаемый холодами. Непрерывными потоками потянули со стороны Балхаша на восток, в направлении Алаколя стаи уток, среди которых преобладали шилохвосты. Небольшими группами пролетали огари, красноголовые и красноносые нырки, серухи, связи, свистунки и большие крохали. Часто в этот день летели хохотунии, время от времени стремительно проносились на восток табунки саджи и чернобрюхих рябков. Появились первые розовые пеликаны и болотные луни.

В полдень с курлыканьем появилась стая из 14 серых журавлей и стала кружиться над кордоном. От нее отделилась пара, медленно и торжественно опустилась на лёд озера Тастюбе, издавая протяжные трубные звуки. Стая продолжала кружить и кричать, зовя за собой оставшихся друзей, а они, словно прощаясь, отвечали на их голоса. Вскоре стая кругами набрала высоту и медленно удалилась к синеющим вдали вершинам Тарбагатая. И ещё долго, насколько можно было их видеть в бинокль, слышались зовущие крики. Так посчастли-

вилось мне в этот весенний день быть свидетелем возвращения пары журавлей на родное озеро и сцену их трогательного расставания с остальными журавлями, с которыми они совершили далёкое путешествие на зимовку.

Электронная газета «Ремез» №65. 2017

История про инвентаризацию, зайца-беляка и белую горнячку

В самом начале работы в научном отделе Алакольского заповедника пришлось мне заниматься подготовкой первого тома «Летописи природы». В тот год мы только начали проводить инвентаризацию фауны, поэтому решили подготовить предварительные списки позвоночных животных, известных по литературным данным и собственным наблюдениям. Когда дошёл черёд до составления перечня млекопитающих, живущих в границах нового заповедника, возникли затруднения по определению характера пребывания нескольких видов зверей. Одним из них оказался заяц-беляк, живущий всего лишь в 40 км южнее, в соседних отрогах Джунгарского Алатау. А вот спускается ли он зимой по пойме Тентека на подгорную равнину до дельты этой реки, выяснить никак не удавалось. Пришлось обращаться к помощи инспекторов, до организации заповедника работавших егерями и охотниками-промысловиками в ондатровом хозяйстве в дельте Тентека. Беседуя с самым опытным из них - Владимиром Григорьевичем Карстеном - задал я вопрос и про беляка.

- Лично сам никогда не встречал, - ответил утвердительно он, - но припоминаю, что один раз Алексей Великотский, работавший в моей промысловой бригаде, говорил, что он будто бы видел этого зайца. Обращайтесь к нему, пусть он сам расскажет подробности.

На следующий день пригласил я Алексея Ивановича. Заданный мной вопрос вызвал у него некоторое замешательство и смущение.

- Вроде бы видел, а вроде и нет? — разводя руками и пожимая плечами, ответил он, явно что-то не договаривая.

- Так всё-таки видел или не видел? — продолжал настаивать я.

- Видел, но это такая фантастическая история, как про привидение, - замялся он.

- Рассказывай, как есть, - заинтриговал он меня окончательно.

- Ну, так вот, - набравшись духу, продолжил он. — Были мы на промысле ондатры всей бригадой в дельте и жили в избушке на озере Карамоин на самом краю тростников. А тут как раз на ноябрьские праздники мой день рождения подошёл, привезли спирта, очень много спирта. Приготовили мы обед и крепко погуляли. После этого вздремнули, а вечером поднялись, печку растопили, лампу зажгли и опять за стол. А я вышел из избушки и за изгородью пристроился около столбика по малой нужде. И вдруг слышу по снегу: «хрум-хрум-хрум» и вижу, как подбегает ко мне заяц. Беленький весь, а глаза и кончики ушей чёрные. Ночь как раз лунная была, отлично видно было. Хорошо помню, что удивился я тогда сильно, так как первый раз за свою жизнь увидел беляка здесь. С минуту, наверное, я рассматривал его, после чего он ускакал. Ну, а я, радостный весь, захожу в избу и объявляю: «Мужики, я только, что зайца-беляка видел!» Все даже рты открыли от удивления. И тут из-за стола поднимается наш бригадир, берёт стакан для тоста и серьёзно так говорит: «То, что зайцы-беляки у нас тут не водятся, каждый охотник знает, а вот то, что ты сейчас «белочку» видел, это точно. Так что, поздравляем тебя Алексей Иванович с днём рождения и с белой горячкой!». Что было дальше, лучше не вспоминать — хохотали до самого утра! И в другие дни тоже: глянут на меня, и ржать начинают до слёз! У нас ведь как бывает — попадёшься на язык, будут потом всю жизнь при любом случае подшучивать. С тех пор я про зайцев принципиально не разговариваю. Так, что теперь сами тут решайте: видел я беляка или не видел.

Алексей Иванович поднялся, надел фуражку и вышел, оставив меня в нелёгких размышлениях. По правде говоря, повода не верить этому опытному следопыту у меня не было, однако комичность истории вынуждала воздержаться от решения в его пользу. В конце концов, воздержались от включения за-

йца-беляка в предварительный список млекопитающих. До повторения нового появления в дельте Тентека в пределах заповедника.

Электронная газета «Ремез» №66. 2017

Галки и суслики

Рейсовый автобус из Ушарала в Талдыкорган шумно притормозил на окраине Андреевки — большого посёлка в долине речки Чинжилы среди увалистых гор. Пожилой водитель объявил об остановке на обед. Пассажиры сразу разошлись по чайным и пельменным в придорожных кафе. Был жаркий июньский полдень, и чтобы скоротать время, я устроился в сторонке в тени старых карагачей. В небе с мелодичными криками парили золотистые щурки, а в норы соседнего глинистого обрыва то и дело прилетали с кормом для птенцов сизоворонки и майны. На металлической траверсе бетонной опоры высоковольтной линии электропередачи устроился выводок с молодым галок, вылетевших на днях из гнезда, устроенного рядом - в пустотелом торце этого же столба. Время от времени около них появлялись родители, приносили саранчуков, пойманных на соседнем полынном склоне. Вот и сейчас, прилетев в очередной раз, они поспешно рассовали в широко открытые клювы галчат корм и устроили передышку рядом с ними, занявшись чисткой оперения. Спустя некоторое время я заметил, что они спланировали вниз и уселись на полянку недалеко от меня. Оказывается, их внимание привлекло семейство краснощёких сусликов из пяти малышей, выбравшихся из норы погреться на солнышке. Они лежали на травке, даже не подозревая о том, насколько может быть жесток окружающий мир. Их покой охранял один из родителей, наблюдавший за происходящим, лёжа у норы. Появление галок, севших рядом, было полной неожиданностью и для зверьков, и для меня. Обычно миролюбивые и компанейские птицы вдруг набросились на суслят, нанося им удары по головам и спинам. Малыши, подвергшиеся избиению, в ужасе верещали, но получив удар клювом, утрачивали способность к сопро-

тивлению и попыткам спасения в норе. Схватившая одного из них галка, встряхнула и, взмахнув раз-другой крыльями, взлетела, бросила на землю, опустилась рядом и вновь ударила. В это время взрослый суслик, не решающийся прийти на выручку беспомощным детёнышам, стал издавать тревожные крики, похожие на вопли, отвлекая внимание галок на себя. Одна из них сразу же направилась в его сторону, и суслик тотчас же спрятался в норе.

Не выдержав этой сцены избиения, я швырнул в сторону разбойниц камень, и они отлетели на несколько метров в сторону. В этот момент объявили посадку, поэтому я на некоторое время отвлёкся. Когда автобус тронулся с места, в окошко я увидел, что четверо сусят ещё живы, но они едва шевелились. Пятый из них был неподвижен. Последнее, что успел заметить, была одна из галок, севшая около него.

Уже в дороге, размышляя о происшедшем, я попытался припомнить случаи, чтобы галки — милые и приятные птицы, занимались хищничеством и с такой жестокостью нападали и убивали грызунов. В научных книгах об этом я ни разу не читал, но один раз самому мне доводилось находить в гнезде галки принесённую в качестве корма крупную полёвку, наверное, тоже добытую во время подобной же охоты. Обычно же летом они кормятся различными насекомыми, в основном жуками и прямокрылыми, а начиная с осени, питаются зерном, отыскивая его на убранных полях и дорог

Электронная газета «Ремез» №67. 2017

Бурундуки — разорители птичьих гнезд

В газете «Ремез» (2012, № 30) я уже однажды рассказал о случае, когда бурундук пытался забраться в гнездо садовой мышевки. Судя по той настойчивости, с которой он забирался в него, я тогда предположил, что он собирался полакомиться яйцами, которые самоотверженно защищали птички. К сожалению, бурундук-грабитель в тот раз был отпугнут от гнезда и проследить до конца факт его разорения мне не удалось.

На следующий год после публикации этой заметки ко мне обратился энтомолог Александр Жданко, рассказавший любопытную историю, подтвердившую предположение о том, что бурундуки могут заниматься разорением птичьих гнёзд.

В начале июля этого года он побывал в горах Южного Алтая. Полевой лагерь экспедиции располагался среди лиственничного леса в ущелье речки Тау-Текели - притоке Кара-Кабы. Каждый день около палаток можно было наблюдать семейство бурундуков — симпатичных полосатых зверьков. Они шныряли рядом по стволам лиственниц и по лежащим среди высокотравья буреломным деревьям. Судя по наполненным защёчным мешкам, они уже занимались в эту пору заготовкой кормов на зиму.

Однажды в зарослях жимолости рядом с палаткой началась птичий переполох и Александр, приготовив фотоаппарат, подкрался поближе, чтобы рассмотреть происходящее. У подножия куста, среди валежника, густо заросшего травой, он обнаружил, что на земле под слоем полёгшей травы находится хорошо замаскированное гнездо зелёных пеночек, свитое из злаков, в которое сбоку вело едва заметное отверстие. В нём находилось четыре ещё голых птенца. Спустя некоторое время вновь послышались тревожные голоса беспокоящихся пеночек, и он увидел двух бурундуков, воровато копошащихся около этого гнёздышка. Пеночки порхали около зверьков, усиленно пытаясь отвлечь их внимание на себя. Отпугнув их, Александр обнаружил, что вход в гнездо сильно расширен, а рядом лежал мёртвый птенец пеночки с откушенной головой. Остальные три птенца были ещё живые, и их спасло своевременное вмешательство человека. Так удалось выяснить, что эти симпатичные зверюшки далеко не безобидные вегетарианцы. Оказывается, могут они заниматься разорением птичьих гнёзд, чтобы полакомиться яйцами, а при случае, птенцами.

Вообще считается, что основной пищей бурундукам служат семена хвойных и лиственных деревьев, травянистых растений, ягоды, грибы, лишайники, при этом излюбленным их кормом являются орешки кедра и кедрового стланика, которые они охотнее всего заготавливают в подземных хранилищах или укрывают в дуплах деревьев. Живущие вблизи полей

зверьки охотно используют в пищу зёрна пшеницы, ячменя, овса. Доводилось мне наблюдать как они заготавливали семена из «шляп» подсолнечника, посещая огород на окраине деревни. Около лесных избушек и на стоянках туристов бурундуки едят остатки пищи: хлеб, печенье, фрукты и даже варёное мясо. Один из моих друзей рассказывал о случае, когда бурундучок с удовольствием лакомился предложенным ему куриным окорочком. Из научной литературы известно также, что из животных кормов они используют в пищу также наземных улиток, слизней, гусениц бабочек, жуков, прямокрылых и других насекомых. Есть упоминания и о том, что бурундуки могут ловить мелких ящериц и разорять гнёзда птиц, поедая их яйца и птенцов. Подтверждением этому и являются описанные случаи.

Электронная газета «Ремез» №68. 2017

Нешероковые характеры

В каждой алтайской деревеньке обязательно есть своя знаменитость: чудаковатый мужичок, гармонист или охотник. Ну и, конечно же, бодливый бык или вредная корова, жующая чужое бельё. В первый год моей жизни в маркакольской деревне Урунхайке настоящим бедствием для жителей был рыжий телёнок, проникающий в ограды и жующий вывешенное после стирки бельё. Однажды осенним днём, вернувшись домой с работы, я в ужасе увидел, что развешенные на бельевой верёвке постиранные простыни, наволочки, рубашки и платья валяются в грязи. Многие из них носили следы длительного жевания и словно побывали в мясорубке.

— Это опять ларионовский телок натворил, — объяснила мне соседка, — спасу уже никакого нет от этой пакостливой скотины.

Узнав от неё подробности всех бед, которые он принёс односельчанам, я отправился к его хозяину. Выслушав меня, мужик совершенно искренне сказал:

— Если хочешь, возьми ружье и убей. Слова не скажу. Достал он меня уже.

И он начал жаловаться мне на скверного телка, демонстрируя все его прегрешения. А их оказалось слишком много, даже не считая испорченного белья и одежды. Хозяин показал мне изжёванные вожжи, узду, сырмятные ремни на сбруе, дермантиновые накидки с двух мотоциклов и ещё многое чего по мелочам. Затем повёл в загон и предъявил двух лошадей, корову и телёнка с объединёнными «под корень» хвостами. После этого осмотра расстались мы с ним по-доброму и, по его совету, пришлось мне срочно чинить изгородь вокруг дома, а на воротах устанавливать надёжные запоры.

В последующие годы приходилось мне видеть ещё несколько телят, подверженных этой пагубной привычке, но подобного уникама, как ларионовский бычок, я больше не встречал. Весной, во время нереста ускуча и хариуса, много раз доводилось видеть деревенских коров, бродящих по берегам речек и поедающих мёртвую рыбу. Видимо, у животных не хватает в организме каких-то элементов, например, фосфора, и они таким необычным способом восполняют его. Позднее, побывав в дельте реки Или, я узнал от рыбаков, что местные коровы иногда наведываются на промыслы и поедают солёную рыбу, вывешенную на сушильнях для вяления. В пригородах Алматы в девяностые годы можно было видеть бродящих по улицам бомжующих коров, в поисках чего-нибудь съестного раскидывавших содержимое мусорных ящиков. Поедали они выброшенный хлеб, картофельные и капустные очистки, но доводилось видеть этих диковатых бурёнок, с удовольствием жующих промасленную бумагу и целлофановые пакеты с остатками пищи.

Среди лошадей тоже встречаются оригиналы с разными причудами. Особенно запомнилась кобыла по кличке Наташка. Родилась она поздней осенью и когда наступила зима, хозяин часто возил её в санях, в морозную погоду заботливо прикрывая сверху половиком и брезентом. Жеребёнок быстро привык к такому способу передвижения и, видать, ему это доставляло большое удовольствие. Прошло несколько лет. Наташка стала взрослой кобылой и при любом удобном случае старалась полежать уже в любых увиденных санях, в итоге ломая их массой своего тела. О количестве саней, переломанных

неисправимой Наташкой, в свое время на Маркаколе ходили легенды. Виной тому, видимо, были её приятные воспоминания о детстве.

А на егерском кордоне в Матабае в конце семидесятых годов имелась лошадь, на которой мне несколько раз приходилось ездить в горы. Спокойная и в общем послушная была лошадь, но при попытках езды рысью, вдруг начинавшая прихрамывать на правую переднюю ногу. При этом припадала на неё настолько сильно, что создавалась полная иллюзия падения, и наездник, заранее не предупреждённый об особенностях езды на ней, мог запросто вывалиться из седла. В те времена про неё ходила история о том, что она стала виновницей падения известного советского космонавта, отдохавшего на Маркаколе. Решив промчаться на ней галопом по лесной дороге, он во время подобного прихрамывания вынужден был катапультироваться из седла, неудачно приземлился на придорожный пенёк и сильно ушиб ключицу. Говорили, что из-за этой травмы в дальнейшем было отменено его участие в космических полётах.

Ещё одна лошадь имела дурную привычку при подъёмах в горы вдруг останавливаться и ложиться на бок, изображая «умирающую лебедь». Так она на своё усмотрение устраивала себе привал и передышку. Такую злую шутку однажды сыграла она и со мной, когда я поднимался на ней на один из отрогов, ведущих к верховьям Белезека. Когда до перевала оставалось совсем немного, она вдруг остановилась и медленно легла на обочине тропы, вытянув голову. Соскочив на землю, я в ужасе осмотрел её, быстро расстегнул ремни подпруги и отвязал вьюк. Между тем кобыла, полежав с десятков минут, поднялась, встряхнулась и как ни в чём не бывало принялась щипать траву. Я был в полном недоумении. Заседлав и навьючив её заново, довёл в поводу до самой вершины, чутко прислушиваясь к каждому её вздоху. Однако лошадь чувствовала себя прекрасно. Тем не менее, чтобы избежать очередного падения в «обморок», все последующие дни я старался не утруждать её утомительной ездой и подъёмами на крутяки. Вернувшись в усадьбу заповедника и передавая её егерю, поведал ему о приступе странной болезни, случившейся с ней в пути.

- Никакая это не болезнь, а приступ хитрости. Излечивается он очень быстро с помощью бича, - рассмеявшись, сказал её хозяин, - кобыла эта частенько устраивает такое в горах со всеми, кто первый раз на ней поедет.

Из других лошадей, на которых мне пришлось ездить в годы работы в заповеднике, особенно запомнился своей артистичностью Самсон. Однажды осенью мы собрались в поездку на Курчумский хребет и мне выделили жеребца, принадлежавшему одному из егерей.

— Владимирский тяжеловоз, — первое, что сказал я, когда увидел этого богатыря. По всей его чрезвычайно упитанной фигуре было видно, что жеребец всё лето жил на вольных хлебах и не знал седла. Проблемы с ним начались в первые же минуты сборов, когда я стал его седлать и навьючивать походное имущество. Самсон, почувствовав, что его готовят в дальнюю дорогу, стал пускаться на разные хитрости. При попытке затянуть подпругу, он раздувал свой огромный живот, и она не сходилась. После долгих усилий с трудом удалось застегнуть её лишь на последнем отверстии ремня. В конце концов, мы собрались и тронулись в путь. И тут я обнаружил, что не могу сидеть в седле. Непомерно раздувшиеся бока не давали возможности вставить ноги в стремяна, что необходимо для сохранения равновесия и безопасной езды при бесконечных подъёмах и спусках. После долгих мук, пришлось ехать, оставляя в стремени лишь одну ногу, а другую подгибать.

На выезде из деревни Самсон заупрямялся и ни в какую не хотел идти дальше. Он не желал переходить на быстрый шаг, семенил, а при попытке применить кнут, возмущенно взбрыкивал и начинал идти то вскачь, то рысью. В таких случаях приходилось сдерживать его, так как в моём положении это вызывало болезненные ощущения в области копчика. При этом он принимался отфыркиваться и издавать звуки, напоминающие непрерывный аллергический чих. На одном из крутых спусков он умудрился так поджать живот и ослабить подпругу, что седло и все навьюченные вещи съехали на бок. Пришлось останавливаться, ругаться и заново седлать жеребца.

Видя, что я не могу управиться с упрямым Самсоном и нахожусь на грани нервного срыва, мой напарник Сергей пред-

ложил на время поменяться конями. Зная, что он прекрасный наездник и может укротить нрав любой строптивой лошади, я с радостью согласился. Какое счастье было сесть в седло нормальной и послушной лошади. Однако это удовольствие закончилось через километр.

— Забирай этого изверга или я его убью, — сказал мне разъярённый Серёга, сел на свою лошадь и уехал вперёд на сотню метров, чтобы не видеть моих мучений.

Обратно на Самсона я садился как на электрический стул. Каждый, много ездивший на лошадях, поймёт моё состояние, когда тридцать километров пути мне пришлось сидеть в седле на «пятой точке», широко раздвинув ноги, а каждый лошадиный шаг отдавался болью во всём моём теле. Вечером мы добрались до места первой стоянки на берегу горной речки. Я к этому времени уже с трудом передвигал ноги. Кое-как установили палатку и начали готовить ужин. Вскоре, сидя у костра, чаевничали и вспоминали прошедший день. Вдруг Сергей изменился в лице и заорал:

-Ты посмотри, что он вытворяет!

Я оглянулся и обмер. Позади нас сидел Самсон, упёршись передними ногами в землю и скалил зубы. Так обычно делают лошади, выражая чувство радости и веселья. Мне же показалось, что он смеялся над нами. Сергей схватил палку и прогнал его в сторону.

— Сколько живу, но такое вижу первый раз. Он же издевается над нами!

Весь следующий день вновь прошёл в муках езды по горам. На третий день мы собрались в обратный путь. Почувствовав, что едем домой, Самсон преобразился. Он беспрекословно слушался каждого слова и движения повода, шёл превосходным шагом и легко переходил в рысь. Я не узнавал его и уже не сердился на него как прежде. У каждой лошади свой характер и свои причуды.

Электронная газета «Ремез» №69. 2017

Пастухи тетеревиных стай

С наступлением осени стаи тетеревов в горах Алтая перемещаются на крутые склоны и кормятся по зарослям шиповника. Есть там такой вид шиповника под названием колючейший, отличающийся круглыми чёрными плодами и славящийся своими целебными свойствами. К тому же семена содержат жирные масла и очень питательны. Поэтому проходя курс всеобщей витаминизации на шиповнике, косачи начинают быстро накапливать подкожный жир, столь необходимый для предстоящей суровой зимовки.

Про эту особенность в жизни косачей хорошо знают алтайские охотники. Правда, любителей охоты за ними «на шиповниках» сравнительно мало. Слишком уж трудоёмки хождения с ружьём за тетеревиными стаями по горным крутякам и колючим зарослям, да и стрельба по взлетающим птицам требует навыка и виртуозности. Но есть охотник, который охотится на них в эту пору мастерски и успешно. Это ястреб-тетеревятник. За многие годы жизни в заповедной деревушке Урунхайке на побережье озера Маркаколь мне довелось хорошо познакомиться с осенне-зимней жизнью тетеревов и тетеревятников, о чём и хотелось бы поделиться в этих воспоминаниях.

Уже в первую осень, убедившись в гастрономических пристрастиях косачей к шиповникам, стал я замечать, что вблизи каждой более или менее приличной тетеревиной стаи почти всегда держится ястреб-тетеревятник. В этом было легко убедиться, внимательно осматривая горный склон в бинокль. На сухой вершине одной из лиственниц можно было нередко увидеть характерный ястребиный силуэт. На первый взгляд, казалось бы, никакой связи. В действительности же, пернатый охотник с высоты внимательно обозревал весь склон и «пас» выбранный им табунок косачей, выжидая удобный момент для атаки. Это меткое выражение я услышал от маркакольских охотников, называющих здесь тетеревятников «пастухами». Мне не раз приходилось убеждаться в этом, когда, заметив присутствие отдыхающего ястреба среди лиственничного редколесья и последующего осмотра кустарниковых зарослей с шиповником, непременно удавалось выпугивать из них стаю косачей.

С середины ноября, с выпадением глубоких снегов и наступлением суровых зимних условий, тетеревиные стаи укрупняются до сотни особей и распределяются по березнякам на побережье озера Маркаколь, в которых держатся до конца марта — начала апреля. Почти около каждой такой большой стаи всю зиму можно наблюдать по тетеревятнику. Основную часть времени в эту пору ястреб проводит на какой-нибудь присаде - сухой вершине лиственницы, возвышающейся над березняком и с которой открывается хороший обзор. Некоторые в качестве присады использовали толстые боковые ветви в предвершинной части дерева, вероятно, укрываясь на них у ствола во время метелей или пронизывающих ветров. Поэтому их не всегда можно было заметить с первого раза. Охота за тетеревами ведётся в основном в утренние часы, когда они вылетают кормиться на берёзы. Ястреб в таких случаях атакывал и сбивал одну из птиц, либо достигал её при преследовании в угон. Во второй половине дня, когда косачи устраивались на отдых в спасительных снежных лунках, охота прекращалась.

Мне приходилось быть свидетелем, когда в течение декабря один ястреб буквально терроризировал стаю из двух десятков косачей, жившую в берёзовой роще на окраине деревни. Стоило им только вылететь покормиться на берёзы, как с ближайшего лесного склона них пикировал тетеревятник и пытался поймать одну из птиц. Один раз самка тетерева, спасаясь от него, полетела в направлении домов центральной усадьбы заповедника, но, ударившись о провода линии электропередачи, упала в снег. Ястреб сел около неё, но не успел воспользоваться добычей, так как увидел бегущих к месту происшествия людей. Повезло и тетёрке, которая смогла взлететь и скрыться в ближайших тальниках. По всей видимости, из-за непогоды и по другим причинам не у всех ястребов бывают успешными охоты за тетеревами, поэтому в течение зимы они нередко появляются в деревнях около конюшен или скотных дворов, где охотятся на сизых голубей. В первую очередь вылавливается неопытный молодняк. Почти ежегодно на Маркаколе отмечались случаи нападения ястребов на домашних куриц. На одном из кордонов ястреб после неудачных попыток поймать голубей напал и убил в ограде самого крупного и красивого

петуха. Однако далеко не все попытки нападений на куриц заканчиваются удачно. Один раз в январские морозы молодая и сильно истощённая самка тетеревятника, напавшая на курицу, во время борьбы с ней настолько выбилась из сил, что не смогла улететь при появлении хозяина усадьбы и была убита брошенным поленом.

В заключение хотелось бы рассказать забавный случай, связанный с ястребами. Однажды после затяжных снегопадов собрался я сходить на охоту за косачами. Точнее, инициатором была жена, с утра намекнувшая, что было бы неплохо, если бы я принёс из леса косача, так как маленькой дочке требуется куриный бульон. За прошедшие дни я как раз заметил, что большая тетеревиная стая рядом с деревней облюбовала для кормёжки крутой склон горы, густо поросший шиповником. Вот и сегодня утром из ограды своего дома заметил, как из лиственничного леса с соседней горы туда спланировало десятка три косачей.

Выбравшись по деревенскому переулку на заснеженную горку с метеостанцией, неожиданно увидел, как над огородами со стороны крайних изб тяжело пролетел ястреб-тетеревятник с добычей в лапах и спланировал в кусты впереди меня. Удивило меня, что птица, которую он тащил, была белой. Чтобы разобраться, кого же он поймал, направился я в то место, куда он сел. Вскоре на полянке среди заснеженных кустов заметил ястреба, восседающего на белой птице и уже принявшегося её ощипывать. Увидев меня, он взлетел и пролетев метров сто, уселся на вершину лиственницы, наблюдая за мной. Я же тем временем держал в руках его добычу — молодого белого петушка с красным гребнем, воровски пойманного где-то в одном из деревенских дворов. Прикинул на вес — граммов на пятьсот потянет, однако. Понимая, что своим появлением я нечаянным образом оставил голодного тетеревятника без завтрака, решил не лишать его законной добычи и положил петушка на самое видное место — заснеженную макушку куста. Подумал, что ястреб непременно вернётся и сразу же его увидит.

Весь день прошёл у меня в лазаньях по заснеженным кустарниковым склонам. Охота не задалась с самого начала и после

нескольких досадных промахов по взлетающим косачам, возвращался я домой уставший и без добычи. По пути завернул к кустам у метеостанции, чтобы убедиться, забрал ли ястреб оставленного петушка. Оказывается, нет, так и не вернулся за ним. Наступал вечер, и прихватив его с собой, отправился я домой, намереваясь вернуть его, по возможности, законным хозяевам. Заходя в крайние избы и, демонстрируя жертву тетеревятника, интересовался у односельчан, не пропадали ли у них с утра куры. Оказывалось, что потерь ни у кого не было. Похоже было, что ястреб притащил его из другой части села. На пороге дома, на вопрос жены о том, как поохотился, торжественно протянул ей многострадального петушка, вызвав вначале сильное удивление, а затем смех.

Электронная газета «Ремез» №70. 2017

Белка-стеналаз

В последние годы белки стали привычным явлением в садах, парках и по аллеям в центре Алматы, даже в самых многолюдных местах. Иногда приходится видеть появление этих зверьков и в насаждениях около здания Института зоологии. Утром 5 декабря, когда я выглянул в окно, шёл мелкий снег. Между первым и вторым корпусами института в припорошенных кустах в тенистом углу привычно копошился самец чёрного дрозда, а в старых высоких карагачах, верхушки которых дотягиваются до окон четвёртого этажа, я заметил лазающую белку. Ловко взбираясь по стволу дерева, она поднялась до уровня третьего этажа и, пробежав по боковой ветке, почти касающейся стены, перепрыгнула на подоконник. Раз-другой заглянула через стекло в окно, но увидев там людей, стремглав промчалась вверх вдоль оконного проёма и по совсем ровному двухметровому промежутку вертикальной стены пробежала до окна четвёртого этажа. Очутившись на подоконнике, осмотрелась, совершила ещё один рывок вверх вдоль рамы оконного проёма и вновь по ровной стене добежала до горизонтального проёма, ведущего на чердак. Пробежав по нему до угла здания, она устремилась вверх и с акробатической скоростью

выбралась на заснеженную оцинкованную крышу. Распушив поднятый хвост и оставляя следы на снегу, добежала затем до конька крыши, задержавшись там. Однако обзору окрестностей города с высшей точки здания помешала ей сорока, со стрекотанием прилетевшая на крышу. То ли после предупредительных криков стрекотухи, то ли от того, что выше забираться уже некуда, белка испуганно бросилась бежать обратно. По ребру бетонного блока, а затем по ровной стене она спустилась вниз головой до окна третьего этажа, перепрыгнула на ближнюю ветку и по стволу умчалась на спасительную землю. Я даже облегчённо вздохнул после этого невероятного и захватывающего зрелища. Ничего подобного в жизни видеть мне не приходилось, и я даже мысленно не мог себе представить, что белки могут с невероятной лёгкостью стремглав бегать по вертикальным стенам многоэтажного дома как вверх, так и вниз головой. Стены института, как известно, облицованы отшлифованными плитами розового мангышлакского ракушечника. Они хотя и гладкие, но имеют множество выемок от выпавших раковинок древних моллюсков и камешков. Эти выемки и помогли белке прочно цепляться острыми когот-

ками к поверхности стены. Распластавшись всеми четырьмя лапами на ней, она, словно намагниченная, передвигалась в любых направлениях. Вспомнилось, что похожим образом перемещаются краснокрылые стенолазы, иногда появляющиеся в зимнюю пору на стенах института после продолжительных снегопадов. Но эти птицы, лазая по стенам, выискивают в трещинах корм — спрятавшихся на зиму паучков и различных насекомых. А вот зачем белка отправилась на крышу дома, остаётся только гадать.

Электронная газета «Ремез» №70. 2017

Бухтарминская болы про белую сороку и дух Виткулевчихи

Весной 2014 года жители бухтарминской деревни Язовой были немало удивлены, когда стали встречать белую птицу. Поначалу решили, что появилась в их краях какая-то экзотическая птица, залетевшая из Китая, но вскоре один из лесников, увидев её с близкого расстояния, рассмотрел, что она красноглазая и убедил всех, что это альбинос сороки. Последний раз её видели на День Победы в тальниках у речки, после чего она загадочно исчезла и больше не появлялась.

Заинтересовавшись этой сорокой, стал я расспрашивать о ней знакомых жителей, в надежде хоть что-то узнать о её дальнейшей судьбе. Обратился и к старому другу Фёдору Ивановичу Шершнёву - катон-карагайскому краеведу и знатоку местной фауны.

- Так где, говоришь, в Язовой видели? — выслушав меня, оживился он. — Однако опять дух Виткулевчихи появился. К чему бы это?

И поведал он мне мистическую историю, о которой он впервые узнал в родной деревне Печи на берегу Бухтармы ещё в детские годы в шестидесятых годах.

- Как сейчас помню, случилось это на ноябрьские праздники, так как уже установилась морозная зима, а в деревне

начался согым — резали скот на мясо. В ограде нашего дома батя с мужиками с утра завалили и разделявали борова, а я помогал. Как это бывает в такие дни, к дому отовсюду слетелись сороки с воронами и в ожидании поживы расселись по изгородям и деревьям. И тут среди них увидели белую сороку. Удивлению всех не было предела.

- Бабка Виткулевчиха опять появилась, не к добру всё это, — произнёс кто-то и все мужики испуганно побросали работу. Помню растерянные лица и крепкие словечки по этому поводу. Какой-то суеверный страх был у людей вокруг этого имени.

Устроив перекур, старшие стали вспоминать про эту старуху, жившую когда-то в соседней деревне Язовой. По их словам, появилась она в числе эвакуированных в конце сорок первого года. Была родом откуда-то со Смоленщины. Во время эвакуации поезд, в котором она ехала, разбомбили немецкие самолёты, муж и все её родные погибли. Схоронила она их на кладбище одной из железнодорожных станций. Трое сыновей были на фронте, но об их судьбе ей ничего не было известно. После долгих мытарств в поездах, добралась она по железной дороге до Усть-Каменогорска, потом на попутках доехала до Катон-Карагая, откуда её распределили в язовинский колхоз. Так появилась она в этой алтайской деревне с котомкой и большими узлами в руках. Получилось так, что определили её на постой к Марии Ивановне Королёвой - бабушке Фёдора Ивановича. Весной следующего года она сама напросилась на работу в огороды - в овощеводческую бригаду. Как оказалось, в одном из узлов, с которыми она приехала, хранились семена репы, свеклы, капусты, моркови и с десятков клубней белорусской картошки «куханки». Всё это она посадила и всё лето сама ухаживала, получив большой семенной запас. На следующий год научила сажать эти овощи других колхозниц. Вскоре колхоз стал получать хорошие урожаи новых овощных культур, что в те голодные годы было существенной поддержкой для народа. Прижились они и в огородах язовинских жителей, а потом и в соседних деревнях. Прижилась и эта трудолюбивая белорусская женщина. Фамилия у неё была Виткулевич. Со временем стали звать её Виткулевчихой, заменяя этим про-

звнщем имя и отчество, которые сейчас никто и вспомнить не может, так как старожилы, знавших её, в живых уже не осталось.

Когда закончилась война, в сельсовете помогли ей отправить запрос в Бугульму, чтобы узнать о судьбе сыновей. Пришёл ответ, из которого стало известно, что все они погибли на фронте. После этого она сразу поседела и все стали замечать, что тронулась умом. Заговариваться начала, время от времени рассказывая соседям, что скоро превратится она в белую сороку и полетит по миру сыночков своих искать.

Мария Ивановна Королёва в 1951 году в соседние Печи переехала и оставила свою старенькую избёнку Викулевчихе. В ней она и доживала свой многострадальный век. В ней вскоре и умерла.

- Ох, и тяжело, говорят, помирала она, - рассказывали мужики. - цельную неделю мучилась, сердешная, пока вагами венец бревен её избёнки с одной стороны не приподняли. Тут она дух и испустила. Сказывают ещё, что после того, как похоронили её, на сороковины крест по какой-то причине упал. Говорили ещё, что травка на её могилке реденькая совсем росла, хотя на кладбище везде густая травища стояла.

- Ну так вот, - продолжал свой рассказ Фёдор Иванович, - после того как она померла, начали в деревне люди блазнить — видеть привидения. Говорят, чаще мерещилась по ночам летающая со стрекотанием белая сорока. У других видения были связаны с белой, как снег, кобылицей, бегающей по деревенским улицам, то с белой свиньёй, невесть откуда взявшейся. Говорят, что кое-кто из мужиков, переживших эти видения, даже пить бросал. Связывалось это всё странным образом с духом Викулевчихи. И хотя колдуньей её никто не считал, и плохого она никому никогда не желала, но все эти явления непременно объяснялись в народе болезнью этой женщины, пережившей страшное горе.

Свидетелем этого был и отец Фёдора - Иван Афанасьевич. Свой первый дом в Печах он построил из брёвен избы, купленной в Язовой. Разобрал её и перевозил затем на быках. Несколько раз во время этих поездок в лунные ночи видел он, как белая сорока за ним следом летала и стрекотала. Быки

при этом чуть с ума не сходили, метались и убежать пытались. Иван Афанасьевич, побывавший на войне, был человеком не из робкого десятка, но и он тогда стал брать с собой в ночные поездки ружьё, чтобы отпугнуть видение выстрелами. Тогда оно стало появляться ему в виде белой кобылы. Бабушка, как узнала про это, оберег ему дала. После этого мерещиться ему перестало.

Выслушав эту историю, записал я рассказанное и не зная, как относиться к подобной чертовщине, высказал свои сомнения другу в её правдоподобности.

- Можешь верить, можешь - нет, рассказал тебе всё как было, что сам видел и что слышал от близких, - не согласился Фёдор Иванович. — Может это и покажется кому-то небылицей, но в наших кержацких краях пострашнее истории случались, которые никто до сих пор объяснить не может.

Электронная газета «Ремез» №71. 2017

Собираательство и клептомания среди животных

У моих друзей из бухтарминской деревни Печи жил Каштан — обычный дворовой пёс, который целыми днями сидел на цепи и охранял дом. Правда, в деревне в те времена была хорошая традиция, когда после девяти вечера хозяева отпускали своих собак на ночь на волю, а утром, набегавшихся и размявшихся, опять сажали на цепь для охраны дома. Это было, наверное, самое счастливое время для них. Однако как-то стали замечать, что время от времени в ограде стали появляться незнакомые вещи. То потерянные кем-то варежки или голицы притащит пёс, то бич. Один раз зачем-то приволок бамбуковую лыжную палку, другой раз эмалированную кастрюлю. Поначалу подшучивали над Каштаном, мол, вот какой хозяйственный и запасливый пёс оказался, придерживающийся принципа - «в хозяйстве всё пригодится». Затем стали обзывать куркулём и Плюшкиным, потому что стал притаскивать выброшенное старьё. Далее -более - увлечение переросло в

мелкое воровство, считающееся в алтайских деревнях самым постыдным делом. Стал он тащить всё, что плохо лежит в соседских усадьбах. Это выяснилось, когда однажды утром на крыльце обнаружили чужую конскую узду. Посмотрели по заклёпкам - такая была у соседа. Показали ему, он страшно обрадовался, так как всё утро искал её по всему двору, недоумевая, куда с вечера её припрятал. Сосед этот страдал возрастной забывчивостью и вечно что-то терял. После этого случая Каштан ещё трижды притаскивал эту узду, и сосед утро начинал с того, что прибегал справиться, где его уздечка. Потом стал забегать поинтересоваться, не находили ли вожжи или другие потерявшиеся вещи. Хозяин поначалу отшучивался, мол, скоро ты сосед из-за своего склероза будешь спрашивать куда у тебя подевался в доме топор или лом. Но оказалось, что тот был недалёк от истины. Вскоре Каштан притащил чей-то топорик, затем патронташ. «Каким ты паскудным стал Каштан, - в сердцах выругался в конце концов его хозяин Иван Афанасьевич, - воровать у соседей самое последнее дело». С тех пор ночные увольнительные Каштана прекратились и за своё пристрастие к воровству был он приговорён к бессрочно-му каторжному сроку сидения на цепи.

Вспомнилась мне и жившая у моей усть-каменогорской тетушки Марии Васильевны дворняжка, которую за дружелюбный и компанейский характер прозвали Кумой. Она каждый раз, после моего приезда в гости, провожала меня до остановки, терпеливо ждала пока я сяду в автобус и лишь после этого отправлялась домой. Кума тоже была хозяйственной, так как время от времени приносила тётушке кошельки или портмоне. Правда, не ворованные, а подобранные на улице и около соседнего продуктового магазина. Чаще всего они были пустые, иногда с копеечной мелочью. Около десятка их всегда лежало на подоконнике в кухне, и Мария Васильевна каждый раз рассказывала гостям про увлечение своей любимой собачки. Один раз соседка признала в коллекции свой давно потерянный кошелек, для убедительности продемонстрировав шов нитками, который она сделала когда-то своими руками. Кума после этого при любой встрече с ней получала заслуженную порцию ласки, похвалы и что-нибудь вкусенькое.

Оказывается, пристрастие воровать и тащить домой чужие вещи подвержены и кошки. Недавно в печати появилось сообщение про кошку по имени Ниньдзя из небольшого австралийского городка, которая по ночам воровала у соседей и притаскивала домой их вещи. Иногда за неделю она притаскивала до трёх-четырёх десятков разных вещей, среди которых преобладали атрибуты нижнего женского и мужского белья, футболки и носки. Вскоре о похожем случае рассказала супружеская пара из Новой Зеландии, которую кот чуть не довёл до развода. Поводом для этого были обнаруженные его женой в постели чужие женские трусы, а в другой части дома — бюстгальтер. Дело закончилось страшным скандалом. Правда, виновника вскоре обнаружили — это был кот, притащивший украденную у соседей футболку. Шло время, тяга кота к воровству не угасала, а процветала. Как в первом, так и во втором случае хозяева были вынуждены завести в интернете страничку, на которой сообщали об украденных вещах, чтобы законные владельцы по описаниям и фотографиям могли узнать и забрать свои.

Электронная газета «Ремез» №72. 2017

Гусиный маран

В предыдущем номере газеты «Ремез» была опубликована небольшая информация о том, как подстреленный американским охотником гусь при падении угодил в него, нанеся серьезные повреждения на лице, голове и выбив зубы. Охотник при этом потерял сознание и, наверняка, получил неизбежное сотрясение мозга. Прочитал я это сообщение, и вспомнилась сразу история, услышанная летом 1985 года, когда я выезжал в дельту Чёрного Иртыша во время всесоюзного учёта колониальных птиц. Рассказал мне её тогда знакомый егерь, непосредственный участник события. Многие её детали и фамилии уже порядком забылись, но суть истории была такова.

В пограничный городок Зайсан нагрянула с ревизией комиссия из штаба Туркестанского военного округа. Возглавлявший её полковник оказался заядлым охотником, и чтобы

сделать ему приятное, местные военные решили устроить незабываемую охоту на гусяном перелёте. С настоятельной просьбой помочь организовать это мероприятие обратились они к председателю районного охотничьего общества, пообещав «отблагодарить» дефицитными запчастями для старенькой служебной машины. На этом и договорились, благо подходящее и опробованное для охоты место было. В назначенное время произошла встреча в условленном месте на южном берегу озера Зайсан у рыбацкого посёлка Приозёрный. Всё началось по-военному чётко и по плану. Представили полковнику охотничью команду - председателя и двух егерей. Доложили текущую диспозицию: выезд будет на трёх лодках в самое гусяное место на Камышзаводские лабзы. Там охотников высадят по одному на островки-сплавины. Спустя час, как закончится перелёт, и они отстреляются, егеря объедут и соберут всех с добычей и доставят на причал. Затем сопровождающие офицеры отозвали охотников в сторонку для инструктажа и, нагоняя страху, суровыми голосами поинтересовались, гарантируют ли они безопасность и успешную охоту товарищу полковнику. Их заверили, что посторонних в дельте нет ни души, моторы, лодки и люди надёжные. К тому же погода хорошая, гуси непуганые, должны лететь вовремя и в нужном направлении. После этого раскинулась «скатерть-самобранка», выпили на посошок положенные сто грамм, расселись по лодкам, завели моторы и лихо помчались в направлении дельты Чёрного Иртыша.

В те годы, после строительства плотины Бухтарминской ГЭС, уровень воды на озере Зайсан поднялся на несколько метров, а на поверхности воды появилось множество плавающих островов, среди местных жителей, называемых лабзами. Они представляли собой мощные куски всплывшей дёрновины различной величины, поросшие тростником. Первые годы их носило ветрами по всему озеру, пока не сбило в дельте Чёрного Иртыша, превратив её в лабиринты проходов среди островов, в которых ориентировались только здешние рыбаки и егеря. Вот в такие дебри и держали путь охотники.

Спустя полчаса были на месте. Полковника высадили первым на лучшей сплаvine, надёжно выдерживающей его вес.

Под ноги постелили доски, усадили на стульчик, показали направление, откуда полетят гуси и где будут находиться остальные охотники. Чтобы не было скучно коротать время рядом оставили тесок с набором напитков и закусок. Ещё раз уточнили по часам в какое время за ним прибудет лодка и пожелав «ни пуха, ни пера», поехали дальше. Остановились все вместе в километре в тихом закутке среди тростников, договорившись не стрелять, чтобы не мешать охоте гостя.

Перелёт начался, как и положено после того, как яркий солнечный шар скрылся за водной кромкой горизонта. Гуси летели в нужном направлении, точнее в сторону лабзы, где находился полковник. Вскоре оттуда донеслись первые выстрелы, и все радостно потирали руки, понимая, что охота состоялась и начальник непременно будет довольным. Каждый выстрел товарища полковника отмечали дружным поднятием стаканов и к концу охоты порядком набрались, так как стрельба была слишком уж частой.

В назначенное время выехали забирать стрелка. Никто уже не сомневался в успехе, так как гость славился как отличный стрелок. Когда подъехали, увиденное повергло всех в неописуемый ужас. Раскинув руки, полковник неподвижно лежал поперёк лабзы, а из носа и ушей у него сочилась кровь. Рядом валялось ружьё, стреляные гильзы и здоровенный гусак. В стороне, на воде, плавало еще несколько сбитых гусей. Сопровождавший охотников офицер-особист, которому с перепугу померещилась вражеская диверсия, схватился за пистолет и, обложив председателя с его егерями крепким матом, пообещал душу из них вывернуть наизнанку, пока не признаются, кто устроил покушение. И выполнил бы стгоряча своё обещание, но, к счастью, выяснилось, что товарищ полковник жив, но пока без сознания, а виновником, скорее всего, является подстреленный им гусь, упавший на него. Других версий происшедшего не было. И действительно, пока ехали обратно, гость пришёл в себя и вкратце объяснил, что один из сбитых выстрелом гусей, на большой скорости пошёл на него сверху прямоком на таран и ударил в грудь. Увернуться и отпрыгнуть в сторону он не успел, так как стоял среди слишком топкой части лабзы.

Прямо от причала полковника сразу же увезли в городскую больницу, а затем вертолётом отправили в военный госпиталь. У него оказался сильный ушиб грудной клетки и были отбиты лёгкие, поэтому предстояло долгое лечение. На результатах проверки воинской части и карьере офицеров, организовавших ему охоту, это происшествие никак не сказалось. Напротив, уезжая, он всех поблагодарил.

Электронная газета «Ремез» №73. 2017

Сизые голуби с красными иероглифами на крыльях

Всё началось с того, что в начале двухтысячных годов в Урджарском и Алакольском районах местные жители стали время от времени находить сизых голубей с пластмассовыми кольцами на ногах. Поначалу это были чёрные, белые, голубые колечки без каких-либо надписей и цифр. Чаще всего их обладателями становились бахтинские, маканчинские и урджарские охотники, стрелявшие голубей на убранных полях подсолнечника. В те времена их сотенные и тысячные стаи ежедневно прилетали на кормёжку из соседнего города Чугучак. Китайское происхождение сизарей подтверждали и загадочные иероглифы, отштампованные красной краской на маховых перьях и заметные в полёте. Шло время и стали попадаться голуби с разноцветными номерными кольцами, на которых после сокращённого названия страны — СНН — шёл набор цифр. При этом они уже украшали не одну, а обе ножки птиц. В разёмах колец стали находить микрочипы с какой-то непонятной и недоступной информацией, которую можно прочитать разве что с помощью специального сканера.

Три года назад жители бухтарминской деревни Фыкалка нашли мёртвого голубя, на левой ноге которого было чёрное пластиковое кольцо с шестизначным номером и голограмма, явно предназначенная для считки с помощью смартфона. На правой ноге находился небольшой пластмассовый транзит-

тер с электронной начинкой, явно работающий в формате сотовой связи. Его крылья также украшали надписи красными иероглифами. Примечательно, что залетающие голуби всегда останавливались во дворах в местах подкормки куриц. Они были ручными, совершенно не боялись людей и легко давались в руки.

С годами разлёты окольцованных голубей расширились до Ушарала, Аягуза и Катон-Карагая. Появление таких «шпионских» голубей с электронной начинкой в пограничной зоне встревожило местных жителей, заинтересовались ими и военные. Причины для беспокойства, конечно же, были и обоснованные. Всем со школьных лет хорошо известно про голубиную почту. Такой способ быстрой и точной передачи информации на дальние расстояния возник в 15-17 веках и был доведён до совершенства в Китае в 1421-1644 годах, ещё при династии Мин. Между враждующими городами, крепостями или армиями создавалась даже своеобразная ПРО — противовоздушная оборона, когда специально подготовленные стрелки из луков или ружей караулили и отстреливали голубей-письмоносцев. Более того, на наиболее вероятных путях их полётов дежурили охотники с ловчими соколами или ястребами. Весь секрет голубиной почты строился на том, что птица, увезённая из родной голубятни за сотни и тысячи километров, обязательно возвращается домой, при этом выбирает самый короткий путь. Каким образом она ориентируется в пространстве, до сих пор остаётся одной из загадок в навигационных способностях птиц.

Когда мы стали разбираться с китайскими голубями, то выяснилось, что они действительно являются носителями очень важной информации, но не секретной, а спортивной. Оказалось, что пока в России и в бывших союзных республиках многомиллионные почитатели финансовой пирамиды «МММ» Сергея Мавроди мечтали о баснословно быстром обогащении, вкладывая и безвозвратно теряя кровные сбережения, в мире тихо и незаметно возникла и стремительно развивалась индустрия голубиного спорта и бизнеса на голубиных тотализаторах, где можно реально заработать большие деньги. Одной из таких стран является наш сосед Китай. По своей мас-

штабности она затмила популярные когда-то конные скачки с их системой денежных ставок и выигрышей.

Возрождение голубеводства и голубиногo спорта связано с началом экономического подъёма в Китае в 90-х годах прошлого века, при этом основное место в увлечениях китайских голубеводов занимало разведение спортивных голубей и участие с ними в соревнованиях — голубиных гонках. Уже в 1984 году была создана Китайская ассоциация голубиных гонок, а после 1990 года по всей стране стали проводиться общие голубиные соревнования на скорость прилёта из одного питомника - «гонки с единой голубятни, питомника». Голубеводы-любители получили возможность собираться вместе на общих голубедромах и участвовать в больших голубиных состязаниях. Начиная с 2000 года в Пекине и других больших городах стартовал «Клуб гоночных голубей» с высоким призовым фондом, и страну охватил всеобщий спортивный ажиотаж, а голубиные гонки превратились в эмоциональный и захватывающий праздник со своими героями и большими премиями чемпионам из огромного призового фонда. Сегодня в Китае насчитывается уже несколько десятков тысяч голубедромов. Только в Пекине функционирует более тысячи официальных, не считая любительских.

Голубиные гонки стимулировали выпуск специального оборудования для содержания голубей и проведения соревнований. Началось производство колец, микрочипов, сканеров для индивидуального маркирования и опознавания голубей, часов с функцией электронного сканирования для голубя, миниатюрных навигаторов (GPS), определяющих точное местоположение птицы в пространстве и осуществляющих прямую интернет-трансляцию — передачу этих данных на смартфон владельца. На этом специализируется немецкая фирма Бенцинг. Наладился выпуск голубиных корзин и других приспособлений для содержания и перевозки голубей, а также сбалансированного питания, пищевых добавок и лекарств. Разведением спортивных пород голубей занимаются специальные питомники — голубиные фермы. Одна из них находится в Урумчи — центре Синьцзян-Уйгурского автономного района, питомцы которой время от времени и стали залетать

в пограничные зоны Алматинской и Восточно-Казахстанской областей на расстояние до 700 км от места рождения. Здесь голуби тренируются для участия в спортивных состязаниях и продаются вместе с соответствующим электронным оборудованием, включая софт. Они принимают участие в тотализаторах, которые организуют специализирующиеся на этом фирмы. Одна из них под названием «Забег на миллион» находится в Пекине и регистрирует во время соревнований до 5 тысяч вылетов голубей каждые 3 мин. При этом владельцы делают ставки на своего голубя и регулярно получают на смартфон информацию о нём, включая время старта, скорость, дистанцию, время прибытия.

Что же касается загадочных колец с микрочипами и голограммами, то они содержат информацию с личными данными голубя, участвующего в соревнованиях. А вот красные иероглифы, отштампованные на первостепенных маховых перьях, несут другой смысл, понятный людям, знающим китайский язык. Например, символы, на крыльях одного из сизарей, пойманного в прошлом году в одной из бухтарминских деревень, означали следующее. Две первые надписи свидетельствовали, что это первый и второй этапы соревнований. Третья содержала понятия «кубок патриотизма», «любить страну» и название состязания, которое проводилось клубом любителей спортивных голубей в городе Урумчи.

Такова вкратце история с китайскими кольцами и спортивными голубями. В ней остаётся непонятным и пока не объяснимым феномен значительных разлётов сизарей и появлений далеко в стороне от Китая. Надеюсь, что среди наших голубеводов есть знатоки, которые могли бы поделиться своими соображениями по этому вопросу.

Электронная газета «Ремез» №74. 2017

Лысый петух

Однажды довелось мне быть свидетелем, как ушастый ёж подкараулил и схватил пробежавшую мимо него прыткую ящерицу. Обычно ёжики обездвигивают и умерщвляют свою добычу, кусая её в шейный позвонок, но на этот раз то ли ёж оказался неуклюжим, то ли ящерка слишком проворной, но ухватился он за её длинный хвост. Пытаясь вырваться, она отчаянно совершила несколько боковых движений и развернувшись по оси вокруг туловища, умчалась, оставив ёжика с извивающимся хвостом в зубах. Так я стал свидетелем автотомии - классического примера защитной реакции, когда, спасая жизнь, рептилия жертвует частью своего тела.

Когда я поделился этой историей со своими друзьями-натуралистами, то они, ничуть не удивляясь, рассказали мне с десятков случаев, когда им приходилось видеть, как ящерицы спасались, лишившись своего хвоста. Разговор наш на эту тему постепенно перешёл к обсуждению этого явления у других животных. Вспомнили, что схваченный врагом осьминог резким сокращением мускулов отрывает своё щупальце, удерживаемое врагом; рак может с лёгкостью расстаться с клешней, а пауки — с ногами. Восстанавливаться могут утраченные конечности у некоторых земноводных. Из зверьков подобной оригинальностью отличаются акомисы - каирские иглистые мыши, живущие в африканских и средиземноморских странах. Это симпатичные глазастые мышки с большими круглыми ушами, у которых наряду с волосяным покровом на спине имеются иголки, как у наших ежей. Спасая свою жизнь, акомисы полностью сбрасывают всю свою «одежку» вместе с кожей хищнику, спасаясь совершенно «раздетые». Спустя некоторое время кожа и волосяной покров у них быстро восстанавливаются! А у глухарей, рябчиков и других куриных птиц тоже существует необычная защитная реакция организма — стрессовая линька. В случае смертельной опасности, схваченная хищником птица спасается тем, что разом сбрасывает контурное оперение и оставляет врага с кучей перьев в лапах.

- Я сам был свидетелем, когда с перепугу облысел петух, - начал свой рассказ Сергей Васильевич. - Случилось это в школь-

ные годы, когда я жил в Маканчах. Один раз с двоюродным братом Серёжкой вернулись мы в деревню ночью и он уговорил меня остаться у него ночевать. Было поздно и темно, в доме уже все спали. Стараясь не шуметь, пробрались по ограде к кухонному столу под навесом. Смотрим, а на нём сидит и спит белый петух. Да так крепко спал он, что не услышал, когда мы к нему подошли вплотную. Это был молодой петушок, которого старый петух из ревности по вечерам изгонял из курятника. Поэтому он и ночевал, где придётся. Шутки ради, Серёга взял и схватил его в охапку. Петушок издал душераздирающий вопль, выскользнул из рук и скрылся в темноте. Посмеялись мы, перекусили оставленной на ужин едой и легли спать на веранде.

Рано утром я слышал, как отец Серёжки ходит по ограде и громко ругается, объясняя тётушке, что молодой белый петух, которого оставили на замену старому, ни с того, ни с сего, взял и облысел. Будто его кто-то ощипал, так как перья валяются по всей ограде. В конце концов, он высказал предположение, что скорее всего наелся он какой-то отравы и заболел. Когда я вышел на крыльцо, то вместо прежнего красавца увидел жалкое подобие петуха, точнее, страшилище. Был он полностью «раздетым», а перья остались только на крыльях и хвосте, да ещё несколько пучков торчали на шее и голове. Несчастный и голый, потерявший «лицо», он понуро сидел около курятника и, кажется, утратил интерес к жизни. Даже курочки, увидев его, изображали испуг и убежали в сторону.

- Не могу я больше видеть это позорище, - сказал дядька после завтрака, принёс топор и начал его точить. Чувствуя себя виноватыми, мы сбежали и целый день провели на речке. Вечером, когда вернулись домой, лысого петуха в ограде уже не было.

- От страха сбросил перо, типичная стрессовая линька, у кур такое нередко бывает, - подтвердил всё знающий Фёдор Иванович, которого мы в шутку прозвали «дедом-краеведом». — У меня как-то прямо перед домом ястреб-тетеревятник схватил курицу и, хотя петух её сразу же отбил, вся поляна после этой битвы была усеяна множеством белых перьев. Впечатление было такое, как будто кто-то взял и вытряхнул содержимое

пуховой подушки. Да и не только у кур, у косачей тоже такое случается. Один раз в лесу увидел я тетёрку на гнезде. Сидела она на яйцах очень плотно и подпустила меня близко. Не удержался я и попытался поймать её, но она как намыленная выскользнула, оставив в руках кучу перьев. А отец мой, помнится, когда рассказывал про ловлю косачей в западни, говорил, что половина из них сама теряла перья со спины и брюха.

Действительно, позднее в одном научном журнале я прочитал, что зоологи, занимавшиеся отловом глухарей для кольцевания, наблюдали случаи, когда после отловов у них случалась большая потеря перьев, а некоторые из них были с лысыми спинами и брюхом. Примечательно, что при повторных отловах через десяток дней, голые места у них были уже густо заросшими свежими пёрышками.

Электронная газета «Ремез» №75. 2018

Героические ходоулогники

Эта самоизливающаяся скважина находилась среди пустынной равнины южнее железнодорожной станции Копа и в восьмидесятые годы её знали все. Из её наклонной трубы мощной струёй из земли била холодная пресная вода и по бетонному лотку стекала в длинную металлическую поилку для водопоя скота. Ниже её скопившаяся вода образовывала обширное мелководье и илистое болотце с зарослями осоки и хвоща, из которого на равнину убегал небольшой ручей. Вся птичья жизнь с весны до осени была сосредоточена на этом зелёном пятачке. На кочках среди зелени гнездились несколько парочек куликов - чибисов, травников и ходоулогников, на каменистой россыпи у поилки — малые зуйки, а чуть поодаль на такыре — морские зуйки. Постоянными соседями этого маленького орнитологического оазиса были журавли-красавки, огари, авдотки, степные и малые жаворонки, желчные овсянки, появлявшиеся у разлива, чтобы утолить жажду.

Жизнь птиц у этой скважины была полна тревог и опасностей. Сюда с ближайших ферм часто приезжали водовозы и подолгу заправлялись водой. Но если с этим ещё можно было

мириться, то посещение скота на водопой превращалось для птиц каждый день в тяжелейшее испытание и настоящую нервотрёпку.

Обычно ближе к полудню пасущиеся отары овец начинали продвигаться из степи в направлении к скважине. Получалось так, что они чаще всего выходили к ней в нижней части и плотной массой шли к поилке вверх по ручью и через болотистый разлив, населённый птицами. Это было самое опасное и критическое время для птиц и их гнёзд. Животные, спешащие к воде, в такие моменты двигались сплошной лавиной, напирая друг на друга, ничего не соображая и замечая. И чем ближе была поилка, тем сильнее был этот напор. Овцы уже не шли, а бежали к воде. Поэтому выражение «прут как бараны», пожалуй, наиболее точно подходило для такой ситуации.

А как же вели себя птицы? По-разному. Зуйки обычно раз-

летались в разные стороны, а травники и чибисы начинали вести воздушную оборону, кружась над животными и пикируя на них с назойливыми беспокойными криками. Но это была пассивная защита гнездовий — много криков и никакого результата. Только ходулочники, как стойкие солдатики, встречали непрошенных гостей и принимали с ними неравный бой. Нередко они парой выбегали навстречу приближающейся орде и тревожно кричали, как бы преграждая им дальнейший путь, но чаще всего одна из птиц оставалась на гнезде, а вторая, заслоняя её собой, не позволяла животным наступить на кладку. Приходилось видеть, когда оба ходулочника, опустив крылья и угрожающе вытянув вперёд клювы, издавали отрывистые крики «кек-кек-кек», загораживали собой гнездо от напиравших друг на друга овец, не пропуская их вперёд. Часть животных задерживалась перед ними, остальные же, обходя их, продолжали движение. Один раз самец и самка не сошли с гнезда даже когда бараны, перешагивая через них, прошли сплошным потоком. Другой раз самец оставался на кладке, когда овцы врассыпную шли мимо, но, когда одна из них ткнулась в него мордой, он вскочил, клюнул её в ответ, принял угрожающую позу и вынудил упрямое животное обойти его стороной. Овец, проходящих в пяти - десяти метрах, ходулочники пропускали мимо, не сходя с кладки, однако приближение чабана на коне с бегущей впереди пастушеской собакой вынуждало их оставлять гнездо и вновь выбегать навстречу с тревожными криками.

Едва удалялась в степь первая отара овец и птицы начинали успокаиваться после пережитой психической травмы, как вдали появлялся очередной пастух с баранами, и всё повторялось вновь. Подсчитал я как-то: оказывается, за день ходулочники выдерживали нашествия пяти отар, в каждой из которых было по пятьсот-шестьсот овец. И не перед одной не отступили. Поистине, героические птицы!

Электронная газета «Ремез» №76. 2018

Ты в ответе за тех, кого приручил

Однажды в середине лета в научном отделе Маркакольского заповедника появились сотрудники областной охотничьей инспекции и преподнесли нам неожиданный подарок — коробку, в которой сидело восемь птенцов красных уток — огарей, которых у нас на Алтае называют варнавками. Это были маленькие белощёкие пуховички, которым не было ещё и двух недель от роду.

Оказалось, инспекторы совершали рейд по охотничьим угодьям Южного Алтая и на одном из животноводческих стойбищ по реке Кара-Кабе увидели их в плетёной загородке. Хотели составить протокол и оштрафовать чабана, но тот взмолился, объясняя, что вообще ни причём, так как их привёз ему совхозный водитель, случайно подобравший птенцов по дороге. Водитель сделал это, конечно же, по глупости, не зная, что у казахов красные утки священные птицы, а поднять на них руку — величайший грех. Чабан отругал его тогда, но утят всё же оставил дома, так как был уверен, что, лишившись родителей, они наверняка станут жертвами хищников, если их оставить одних где-нибудь у речки. Забравшие их инспекторы, не зная, что с ними дальше делать, вскоре сами пожалели, что взяли их у него, но всё же нашли выход из положения и отправились в заповедник, принявшись уговаривать нас принять осиротевших утят.

- У нас же заповедник, а не зоопарк, чтобы содержать изъятых птиц, - попытались отказаться мы.

- Ребята, выручайте, войдите в наше положение, не ехать же нам теперь из-за них за пятьсот километров в Усть-Каменогорск, чтобы определять их в какой-нибудь питомник. Подержите их пока у себя, пусть подрастут у кого-нибудь с утятами или гусятами, а потом на озеро отпустите.

В конце концов «усыновила» их на время лаборантка Маргарита Александровна, которая весной этого года завела у себя небольшое подсобное хозяйство. Так, до начала августа и жили они у неё в усадьбе с цыплятами и поросятами, быстро освоились и уже вели себя как домашние птицы. Когда они почти оперились, хозяйка поинтересовалась у меня, когда же

у неё заберут эту лишнюю обузу. Я и сам прекрасно понимал, что пора их отделять от людей, так как нужно время, чтобы до наступления осеннего отлёта они успели одичать и приобрести навыки самостоятельной жизни. Поэтому, не откладывая, взялся за их переселение. Вооружившись хворостиной, вечером того же дня перегнал табунок из усадьбы заповедника на берег речки Урунхайки, по руслу которой они под моим пристомом сплавились в её устье и очутились в большом заливе Маркаколя. Была надежда, что до подъёма на крыло они примкнут к одному из скоплений диких уток. А ещё лучше, если встречаются здесь своих вольных собратьев.

До самой темноты пробыл я тогда на берегу озера, наблюдая, как поведут себя наши питомцы. А они, очутившись на воле, испугались неожиданной свободы. Поплавав и искупавшись на мелководье, выбрались на песчаный бережок и, сбившись в кучку, сиротливо сидели, пугливо озираясь по сторонам. Совсем рядом, за ивовой рощицей, находилась деревня, доносились знакомые крики петухов, лай собак и мычание коров. Их явно тянуло обратно к ним.

На следующий день меня разыскала Маргарита Александровна и сообщила, что утята рано утром встретили её у крыльца дома, ожидая угощения. Пришлось их принять и накормить. В полдень мы их переловили, посадили в корзину, и я унёс их в дальний угол залива. Там, к счастью, паслись домашние утки и гуси, к которым их и подпустил. Шлепая лапками по илистому мелководью, они с радостью убежали к ним.

Каждое утро в течение сентября, отправляясь в контору заповедника, я заглядывал в этот залив, чтобы их навестить. Они прижились около большого табуна деревенских уток, вместе с ними отдыхали, кормились и плавали в заливе. Несмотря на то, что к этому времени они уже научились летать, предпочитали ходить всюду пешком.

В начале октября похолодало. Количество домашних гусей и уток на озере сократилось до минимума — хозяева перестали отпускать их выгуливаться. Лишь утиный табун, к которому примкнули огарята, каждое утро приходил пешком из деревни в залив, а вечером друженько отправлялся домой. Однажды ко мне заглянул местный житель - хозяин этих уток, сообщив-

ший любопытную новость. Оказывается, вчера вечером, когда с озера пришёл домой табун его уток, вместе с ними также пешком пожаловали и огари. Они попытались следом за ними пройти в ограду, но хозяйка прогнала их.

- А сегодня под вечер смотрю: варнавки опять плетутся за нашими утками по дороге к дому. Побаиваются, но все равно идут. Пришлось на полпути заворачивать и прогонять их на озеро, - закончил свой рассказ Геннадий Степанович.

Так неудачно закончилась их самостоятельная попытка пристроиться на зиму в одном из дворов. Больше в деревню они не приходили, потому что в последующие дни начались первые снегопады, на озере штормило, а хозяева закрыли уток в сарае. Огари остались на озере совсем одни. Большинство уток к этому времени уже откочевало, а они словно не понимали, что им тоже настала пора улетать на зиму в тёплые края.

Каждый день, наведываясь в залив, я видел их одиноко плавающими среди холодных волн или сидящими на ледяных

заберегах залива, о которые с гулом и брызгами разбивались большие волны. Мне, по правде говоря, было их жалко. Рано разлучённые с родителями, они тянулись к людям, которые не хотели их принимать. Точнее, не желали, чтобы они становились домашними. Объяснить же им это, к сожалению, было невозможно. Невольно вспоминалась знаменитая фраза из «Маленького принца» французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Ты в ответе за тех, кого приручил».

Последний раз я видел их 15 октября 1979 года, о чём у меня сохранилась запись в дневнике. На следующее утро, навестив залив, я с облегчением вздохнул. Ни огарей, ни других уток на озере не было видно. Значит, они всё-таки улетели на юг, оставшись навсегда вольными птицами.

Электронная газета «Ремез» №77. 2018

Осеннее утро на перевале

Этой осенью путешествие по горам Южного Алтая мы завершили в середине сентября в скальных теснинах Курчума немного ниже деревеньки Маралихи. Дальше предстоял дальний путь на озёра Зайсан и Алаколь, поэтому в день отъезда мы встали едва только начало светать. После ночного заморозка было холодно, от реки тянуло сыростью, поэтому побыстрее загрузив походный скарб, мы вскоре сидели в прогретой кабине машины.

Выехав из густого леса, свернули в ущелье и по каменистой дороге поехали вглубь ущелья вдоль горного ручья. По его берегам сменяя, одну за другой, потянулись живописные картины золотой алтайской осени: жёлтые березняки, багряные осинники, зелёные сенокосные поляны, покрытые инеем. Запомнились ещё увешанные красными гроздьями кусты калины и озябшие от холода чёрные вороны, сидящие на жердях изгородей вокруг стожков сена.

Когда мы одолели крутой подъём и поднялись на седловину перевала, из-за вершин гор только появилось солнце. Свернув на обочину дороги, остановились в тени небольшого обрыва и, чтобы взбодриться, решили выпить по кружке утреннего

кофе. Мой спутник Борис достал термос, разлил кипяток и вскоре мы пили ароматный напиток. Вдруг он отставил в сторону кружку, торопливо протёр рукавом запотевшее лобовое стекло и посмотрел вверх. Его лицо осветилось счастливой улыбкой:

- Смотри, на обрыве лисёнок сидит, только что проснулся, потягивается. Молоденький, этого года рождения, ещё не перелинял даже, - тоном бывалого охотоведа произнёс он.

Я быстренько открыл боковое окно и замер, очарованный чудесным зрелищем. Совсем рядом, в десятке метров от нас, на краешке обрыва и вправду сидел рыженький лис, спростонья не обращавший на нас внимания. Видно было, что его ещё одолевала сладкая утренняя дрема, он жмурился и, повернувшись к солнцу, пытался согреться в его лучах. Зевнув несколько раз, он потянулся, изогнув спину и подняв «трубой» хвост, встряхнул рыжую шубу и вновь сел, уронив голову на грудь.

Вмиг мы забыли про кофе, торопливо доставая фотоаппараты. Прикрутив большой объектив, я с замиранием дыхания выглянул в окошко, навёл его на лисёнка и подумал, что такая удача бывает один раз в жизни! После того, как я нажал на кнопку пуска, аппарат слабо щёлкнул и по погасшему экрану я понял, что случилась катастрофа — разрядилась батарея. В отчаянии я откинулся на спинку сиденья и на вопрос Бориса о том, что случилось, ответил известной ему шуткой:

- Батарейка сдох.

Такая забавная сигнальная надпись на русском языке в таких случаях появлялась на навигаторе китайского производства, которым я пользовался для определения географических координат. Я же, убитый горем, сидел и молча наблюдал за лисёнком, проклиная пресловутый «закон подлости» и сожалея, что весь вчерашний вечер слишком увлёкся съёмкой заката на Курчуме. Борис же непрерывно снимал, смакуя позы лисёнка и иногда сетуя, что тот не входит полностью в кадр. После этого он выбрался из машины, открыл багажник, достал видеокамеру и снял великолепные сюжеты утренних потягушек лисёнка.

- Всё, отснял как хотел и сколько хотел, - довольно сказал он, усевшись в машину и допивая из кружки остывший кофе. - Да

не расстраивайся ты, - видя моё удручённое состояние, произнёс он, - у меня теперь полная флэшка кадров с лисёнком, когда приедем домой, я хоть с десятков тебе подарю, - успокоил он меня (кстати, как это нередко бывает в таких случаях, «забывший» потом подарить).

Когда мы уезжали, лисёнок после утренней разминки и фотосессии, согревшись на солнышке, уже крепко спал - из травы виднелись только его уши. Он даже не отреагировал на звуки двигателя отъезжающей машины.

- Прощай рыжий, - произнёс я, закрывая окно, - я тебя никогда не забуду.

- И шкуру свою береги, а то по этой дороге ездят не только фотографы, но и охотники — громко добавил Борис.

Электронная газета «Ремез» №78. 2018

Медвежья охота бабушки Наси

Эта встреча с Фёдором Ивановичем Шершнёвым произошла в золотую сентябрьскую пору на пасеке в алтайских косогорах у деревни Каменки. Деревянный домик пасечника стоял на крутояре, под которым внизу шумела Бухтарма, уходя в скальную теснину гор. Пока занимались чаепитием, Фёдор Иванович поведал мне свою родословную, начиная с неутомного деда Афанасия Фёдоровича, переселившегося в эти благословенные края из-под Барнаула вскоре после гражданской войны.

- А родной сестрой моей бабушки была Анастасия Ивановна Величко, - продолжал перечислять свою многочисленную родню Фёдор Иванович. — Трудолюбивая женщина, из той породы русских баб, про которых говорят, что коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт. Всю жизнь проработала на совхозной пасеке и была в числе лучших пчеловодов Катон-Карагайского района. Каждый сезон её пасека давала полтора — два плана мёда. Так вот, приключилась с ней история, после которой прославилась она на весь район. А всё началось с того, что повадился к ней на пасеку медведь. Точнее, молодой медвежишка. Такие по третьему году жизни от ма-

тери отделяются и шатаются в одиночку, занимаясь рытьём муравейников. У нас их муравьишниками зовут. Ну, а этот пакостник натакался на ульи, видать принял их за муравейники. Первый раз пришёл на пасеку ночью, пошарился, ульешок разорил, полакомился мёдом и исчез на двое суток. На третью ночь опять навестил бабушку и ещё пять ульев разорил. Позвала она тогда на помощь двух бывалых охотников из деревни. Приехали они, осмотрели пасеку, начали лабаз устраивать, с которого зверя можно подстрелить. Построили, утомились, проголодались. Бабушка пригласила их поужинать. А на какой алтайской пасеке стол без медовухи. Короче, мужики отужинали так, что вечером еле на лабаз забрались. Ну, и проспали, конечно же. Продрали утром глаза и видят, что прямо под лабазом улей, разрушенный медведем, валяется. От стыда даже опохмеляться отказались. Собрались и уехали, пообещав, что через два дня вернутся опять караулить медведя. Бабушке на всякий случай оставили несколько заряженных пулями патронов, чтобы пугнула зверя, если появится без них. Ружьишко у неё своё имелось.

Первая ночь спокойно прошла, вторая почти до утра тоже. Когда светать начало, собачонка испуганно взвизгнула и убежала под сени, чего раньше не бывало. Анастасия Ивановна выглянула в окошко, но никого не увидела. Месяц светит, тишина. Когда пригляделась, то у куста вдоль изгороди заметила неподвижный силуэт зверя — тень на тень, по её словам, падала. Решила пугнуть его. Ствол ружья высунула в окошечко, прицелилась и нажала на спуск. После выстрела странная тень исчезла. Тут же собачонка затявкала — верный признак, что беда миновала. У бабушки отлегло на сердце. Утром, когда взошло солнце, с заряженным ружьём отправилась к тому месту, куда стреляла. Никого там не обнаружила, но примятая трава и пятна спёкшейся крови свидетельствовали, что в медведя она попала. Следы зверя уводили в соседний ложок с ключиком. Хотя и страшно было, но, всё же, набралась храбрости и, держа ружьё наизготовку, отправилась туда. Подкралась к западинке и увидела зверя, неподвижно лежащего в траве у родника. Отыскала камешек и бросила в него. Медведь не отреагировал. Постояла, подумала, помолилась и

подошла к нему. Осторожненько ткнула его стволом. Опять никаких признаков жизни, только утренний ветерок слегка шерсть шевелил. Осмелев и расхрабрившись, для верности пнула его в косматый бок. Только после этого, как она призналась позднее, от пережитого страха, почувствовала, что её пробил нервная дрожь и она чуть не разревелась. Умывшись в роднике, вернулась на пасеку, где и увидела приехавших на мотоцикле охотников.

- Сегодня обязательно его грохнем, - пообещали они. — Ты только медовухи нам не наливавай, шибко крепкая она у тебя.

- А я уже сама с ним управилась, вы мне только шкуру с него помогите снять и разделать, - улыбаясь, сказала она им, - он вон там, у ключика лежит.

На шкуре этого медведя, подаренной бабушкой моим родителям, я потом всё детство играл, - завершил свои воспоминания Фёдор Иванович.

- Героическая женщина, - произнёс я тогда.

- Как и положено, - с гордостью согласился он - Она же родная тётка моего дяди Валерия Фёдоровича Величко - Героя Советского Союза. Осенью сорок четвёртого года его «тридцать-четвёрка» в одиночку вступила в бой против восьми немецких танков. Подбили четыре из них, сорвав наступление, но в этом бою он погиб. Вот такая моя родня!

Электронная газета «Ремез» №79. 2018

Музыкальная натура

Морозный декабрьский день в Усть-Каменогорске. Возвращаясь домой, заглянул я в старый парк. Густые кусты сирени вдоль аллеи, заваленные снегом после недавнего бурана, стали похожи на большие сугробы. Птиц мало, не видно привычных снегирей, свиристелей и дроздов-рябинников. Только в кустах акации, осыпая с веток снег, суетятся и попискивают большие синицы, а на берёзе, покрытой изморозью, собралось с десятков воробьёв, клюющих семена из мёрзлых серёжек. Да ещё на вершине тополя распушившись сидят две озябшие сороки, вжавшие голову в плечи, а в сторонке на толстой бо-

ковой ветке дремлет серая ворона, уткнувшая от холода клюв под крыло и, казалось бы, безразличная ко всему происходящему. Обычная и ничем не примечательная картина в разгар зимы. Так бы и прошёл я тогда дальше, но в стилой тишине услышал непонятный звук. Остановился, осмотрелся и увидел, что к дремлющей на ветке вороне прилетела и уселась рядом вторая ворона. Наверное, она где-то неплохо перекусила, так как выглядела бодрой и оживленной. Выпятив вперёд грудь, она вытянула голову вверх и раскрыла клюв, так что пёрышки на вздувшемся горле стали топорщиться. Только успел я подумать о том, что никак на неё нашло «песенное настроение», как из её осипшей глотки вместо привычного карканья вырвались сумбурные звуки, похожие на бульканье, кваканье и квохтанье. После непродолжительной музыкальной разминки последовали звуки, из которых я успел запомнить похожее на «тью, тьё, тьи, тью...». Их, конечно же, никак не назовешь трелями певчей птицы, но, похоже, ворона попыталась воспроизвести и выдать нечто подобное, что ей особенно понравилось и запомнилось летом из голосов других птиц. Эти звуки в разных вариациях звучали, наверное, с минуту. Исчерпав весь репертуар, «певица» прошла по ветке и, громко каркнув молчаливым слушателям, улетела.

Вернувшись домой, попытался я записать увиденное и услышанное, но так и не смог воспроизвести словами и буквами услышанные вороньи рулады. Наверное, повстречался с вороной, имеющей некоторые музыкальные способности и тягу к пению. Только вот раньше среди серых ворон подобных виртуозов в имитации голосов других птиц встречать мне не приходилось. Удивляло и другое. Обычно они пробуют голоса во время февральских или мартовских оттепелей, иногда даже в январе, а с чего эта распелась накануне Нового года, так и осталось для меня загадкой.

Электронная газета «Ремез» №80. 2018

Рыбак и ондатры

В очередной осенний приезд на учёты птиц на кустанайские озёра заехали мы на стан к знакомому рыбаку Виктору на Талдыколь, чтобы расспросить его о состоянии уровня воды на водоёмах и попросить рыбы на уху. Он жил в передвижном вагончике на большой поляне среди пожелтевших тростников. Рядом с ним, как всегда, стояли мотоцикл, фляги с водой и канистры с бензином. В сторонке около сухого куста тальников был сооружён навес, огороженный тростниковыми щитами, под которым была построена печь и установлен длинный кухонный стол с лавками. У причала виднелась моторная лодка и охотничья байдарка, около которых валялось несколько вентерей. Далее тянулся проход на озёрный плёс, на котором виднелся сооруженный из шестов и сетей садок, предназначенный для передержки пойманной рыбы.

Когда мы подъехали, хозяин был занят, точнее, громко ругался, спорил и, размахивая руками, что-то доказывал двум мужикам около стоявшей большегрузной машины-рефрижератора. Когда выяснение отношений между ними закончилось, и машина уехала, Виктор, поздоровавшись с нами, пригласил за стол под навесом. Он разворошил в печке угли, подбросил в неё дров и когда разгорелся огонь, поставил на плиту большой чайник.

- Стучилось что-то? - поинтересовались мы во время начавшегося перекура.

- Хуже не бывает, - выругался он, - весь улов рыбы больше восьми центнеров потерял. Самых отборных карасей. Целую неделю в одиночку день и ночь с сетями и вентерями на байдарке корячился, пожрать и поспать некогда было, а тут такой облом!

- Украли?

- Нет, ондатры кончили.

- Как так, они что съели её?

- Выпустили. В сетке садка дыр понаделали, и рыба вся ушла, даже на уху для себя не осталось. И момент такой выбрали, когда садок был полный карасей. Мало того, что без рыбы оставили, так мне ещё придется оплачивать пустой про-

гон рефрижератора из Кустаная, а это 400 км до Талдыколя, и столько же обратно. Такие вот дела.

- На других озёрах бывали, но что-то не слышали от рыбаков, чтобы им ондатры так вредили, - поделились мы своими наблюдениями.

- Не знаю, как там у других, но у меня эти вражьи дети пакосят всю, едва успеваю сети чинить, - тяжело вздохнув сказал Виктор и кивнул на шесты — сушильни, на которых висели снасти, - обгрызают крепления сетей к шнурам-поводкам. Сам не пойму, то ли они вкусные такие или это такая вредительская забава у них? А сколько дыр в сетях понаделали, не сосчитать. Год нынче многоводный, озёра все наполнились до краёв, карась хорошо отнерестился, ну, и ондатры, как назло, наплодилось много. Вот и не дают мне житья.

- А чего тогда не ловишь их?

- Тут не всё так просто, за двумя зайцами не угонишься. У меня же разрешение только на лов рыбы, а лицензии на промысел ондатры нет. А у нас с этим делом строго: появится охотник - хозяин участка - греха потом не оберёшься. Вот и приходится мириться.

- А почему он их сейчас не ловит?

- С конца октября, однако, начнёт, когда шкурки до кондиции дойдут.

- По-хорошему садки надо бы делать из металлической сетки, - высказался один из нас.

- Знаю, но её достать трудно, да и дорого. Поэтому и делаем их из старых сетей с мелкой ячейей.

- А других способов хранить рыбу разве нет?

- С хранением и реализацией рыбы у нас вечная проблема, - тяжело вздохнул Виктор. - Место дальнее, электричества и морозильной камеры нет. Раньше рыбу хранили в самодельных холодильниках - в ямах. Заполняли их зимой колотым льдом и закладывали тростником. Сейчас приспособились пойманную рыбу помещать до приезда покупателя в садки. Караси живучие ведь, их подолгу можно держать живьём в таких загородушках. А живую рыбу хорошо покупают оптом для городских магазинов и базаров. Накапливаешь в садке несколько центнеров, едешь в посёлок, по телефону заказываешь

машину и продаёшь сразу весь улов. Конкуренция, правда, большая, везде, на каждом озере сидит по несколько рыбаков, а то и целые бригады промышляют. И всем продать вовремя нужно.

Когда закончилось чаепитие, стали прощаться и собираться в путь. Виктор, извиняясь, посетовал:

- Вы уж извиняйте, но у меня сегодня как в пословице про сапожника без сапог, ни одного хвоста рыбы на уху нет. Сам с утра только чай с лепёшкой попил. Поеду сейчас на озеро, вентеря проверю, так что рыба только вечером будет.

Электронная газета «Ремез» №81. 2018

Как орлан проверонил добычу

Зимняя дорога по заснеженным сельскохозяйственным угодьям вдоль Чуйского канала на первых километрах пути показалась унылой и безжизненной — вокруг ни души!

Однако стоило свернуть к рыбным прудам, как в туманной хмари показался раскидистый карагач, на боковых ветвях которого мы сразу же увидели характерные сутулые силуэты четырёх орланов-белохвостов. Вскоре дорога вывела на берег первого пруда, на льду которого в разных местах сидело ещё шесть отдыхавших орланов. Они устроились с подветренной стороны тростников, высокой стеной возвышавшихся по берегам замёрзшего водоёма и, похоже, прятались здесь от пронизывающего утреннего ветра.

Пока мы рассматривали в бинокли и определяли по особенностям окраски количество взрослых и молодых птиц, среди них вдруг наступило оживление. Причиной этому был старый орлан, вернувшийся с охоты и усевшийся на лёд посреди пруда. В его лапах был кусок рыбины, видимо, подобранный где-то на канале.

Осмотревшись по сторонам, он попытался клевать и разрывать клювом добычу, но это у него не получалось, так как уж слишком замёрзшей она была. Между тем остальные орланы, неуклюже вышагивая по скользкому льду, стали собираться около него, выстроившись в ряд, словно в очередь. Одна за другой прилетели и расселись среди них с десяток чёрных ворон. Обычно в таких случаях они, сидя в сторонке, скромненько ожидают окончания трапезы хищника. Однако в этот раз сразу три вороны одновременно приблизились к нему с разных сторон и даже попытались осторожненько дотянуться и клюнуть рыбу, крепко зажатую в его лапах, но каждый раз отскакивали или отбегали при угрожающем движении головой хищника. В конце концов, они расселись вокруг него и с совершенно невинным видом изображали из себя мирно отдыхающих и дремлющих птиц.

Такая картина продолжалась, наверное, с полчаса. В конце концов, белохвост, уставший сидеть в неподвижной позе, выпустил из лап добычу, потоптался на месте, взъерошил и встряхнул оперение. Этим вмиг и воспользовалась тройка ворон. Одна из них схватила рыбину и улетела. Следом за ней с карканьем взлетели две другие, как бы прикрывая собой «отход» воровки-напарницы и отвлекая внимание белохвоста на себя. «Проворонивший» добычу орлан, взмахивая крыльями, скачками бросился догонять ворон, но отстал и остановился. Оживились сразу и другие орланы, сидевшие рядом. Одни из них, перестав дремать, лишь повернулись в сторону улетающих ворон, другие, засуетились и, взмахивая крыльями, «возмущённо» сбежали к месту воровства, явно не понимая, что предпринимать дальше.

Так произошло это классическое похищение, сопровождаемое хитроумными уловками ворон: длительным отвлечением внимания хищника постоянным хождением и стоянием рядом с безразличным видом, стремительным выхватыванием и уносом добычи. При этом остальные вороны, участвующие в краже в качестве «группы поддержки», пытаясь предотвратить преследование похитительницы ограбленным хищником, чаще всего устраивают отвлекающую шумиху и предпринимают активные воздушные атаки против него. Так что обма-

нывают и грабят вороны не только слабых и беззащитных, но и гордых орлов и могучих орланов. Но чаще всего - слишком доверчивых и потерявших бдительность птиц. Всё как в воровском мире у людей. Поэтому и родилось всем известное выражение «проворонил».

Электронная газета «Ремез» №82. 2018

Бухтарминская коррида

За годы экспедиций у каждого из нас каких только приключений не случилось. Некоторые из них запомнились на всю жизнь своим трагизмом, другие — комизмом, а были и такие, в которых присутствовало и то, и другое. Мне, к примеру, нередко вспоминаются столкновения в горах Алтая со свирепыми чабанскими собаками, но особенно памятны встречи с бодливыми быками. Об одном таком случае и хочется рассказать.

Однажды в студенческие годы во время поездки в верховья Бухтармы расположились мы лагерем у небольшого алтайского села Арчаты. Третий день пребывания в этом прекрасном месте запомнился несколькими событиями. Во-первых, в ельнике в километре ниже деревни посчастливилось найти на гнездовье дрозда-белобровика, о котором на Южном Алтае до той поры не было ничего известно. Во-вторых, во время попытки добраться до его гнезда, подломилась боковая ветка и я свалился с дерева, сильно ушибся и поранился. Пришлось возвращаться в лагерь, чтобы обработать и забинтовать рану. На выгоне перед селом встретились пасущиеся коровы с телятами. Стоило приблизиться к ним, как навстречу с угрожающим мычанием направился крепкий бычок. Мне уже хорошо были знакомы эти бодливые деревенские хулиганы, поэтому я знал, как себя вести при встречах с ними. Дело в том, что в школьные годы во время каникул пришлось мне поработать на колхозной ферме, и одно лето был я помощником ветеринара. Занимались мы биркованием годовалых телят. В мою задачу с товарищем входило поймать телёнка, свалить на землю и зафиксировать его захватом рук так, чтобы он не бился и не брыкался. После этого ветеринар делал укол и крепил ему

щипцами пластмассовую метку с номером на ухо. Сколько сотен телят прошло через мои руки сказать затрудняюсь, но изучил я все их уязвимые места хорошо. И до автоматизма отработал такие борцовские приёмы как подсечка и бросок через бедро. Для этого двумя пальцами одной руки приходилось захватывать ноздри, другой, удерживая за ухо или отросток рога, заламывать голову телку, выводя его из равновесия и резким броском через бедро валить на землю. После этого я перестал бояться быков, особенно молодняк.

Поэтому, когда этот бычок с угрожающими намерениями направился ко мне, я резко развернулся и, снимая с плеча ружье, пошёл к нему навстречу. Встречный удар прикладом и пинок под зад остепенил на миг его агрессивные намерения. Посчитав, что ему этого вполне достаточно, я отправился дальше и вскоре услышал позади себя топот и угрожающее мычание. Упрямец догнал меня и явно собирался поквитаться за обиду. Я оглянулся и сделал несколько решительных шагов навстречу. Бык сразу остановился. Я вновь двинулся вперёд, уверенный, что он уgomонился и отстал, но ошибся. От сильного удара в спину я пролетел кубарем метра на два вперёд. Опомился, когда бык навалился на меня и принялся бодать, вдавливая тупыми рогами в землю. Вот тут-то и пригодился приобретённый ранее опыт с телятами. Вцепившись двумя пальцами в его сопливые ноздри, я вмиг остановил напор атаки. После нескольких болезненных ударов кулаком по глазам и носу соперник замотал головой, заревел и отступил. Вскочив, я завершил схватку ударами ноги. Бык перестал нападать и отбежал в сторону, свирепо поглядывая на меня.

Подобрав ружьё и отряхнув одежду от грязи, я отправился на берег Бухтармы. Когда после умывания холодной водой стало проходить нервное возбуждение, я почувствовал боль в спине и рёбрах. Но особенно разболелась правая рука, у которой после мордобития пальцы с трудом сжимались и разжимались. Кожа на них была сбита до крови, так как в горячке боя часть ударов пришлась по зубам быка.

Вернувшись в лагерь, первым делом попросил лаборантку обработать ушибы йодом и забинтовать царапины. На её вопросы о том, что случилось, ответил шуткой, что подрался с

местным бандитом, и ушёл отлёживаться. Вскоре приехала начальница экспедиции и, узнав о происшествии, заглянула в палатку и, увидев меня в бинтах, всполошилась.

-Безобразия! Я сейчас поеду в деревню и буду звонить в милицию, - возмутилась она, - ты сможешь опознать этого хулигана?

-Быка, что ли? - удивился я и, рассмеявшись, рассказал ей подробности случившегося.

Электронная газета «Ремез» №83. 2019

Месть Дружка

В восьмидесятых годах с первого мая, когда вверх по бурным речкам и ручьям устремлялись многочисленные ускучи и хариусы, на озере Маркаколь объявлялся нерестовый период, а егеря, научные сотрудники и лаборанты Маркакольского заповедника разъезжались на охрану нерестилищ. В одну такую весну сразу после майских праздников наступила и моя очередь ехать на десятидневное дежурство на пост, расположенный на речке Жиреньке. Для этой поездки мне выделили Карьку — спокойную и покладистую лошадь, ездить на которой в дальние маршруты было одно удовольствие. Когда рано утром я пришёл к её хозяину, она уже стояла засёдланной в ограде. Мне осталось только заехать домой, навьючить спальник, рюкзак с вещами и сумины с продуктами. Уже спустя полчаса я отправился в путь. На выезде из деревни обратил внимание, что следом за лошадью деловито бежит хозяйский пёс Дружок, явно собравшийся сопровождать меня до места назначения. Это был небольшого роста кобель чёрно-белой масти из числа беспородных собак. Увидев его, я вдруг вспомнил про директорский приказ, с которым всех ознакомили накануне. Он гласил, что на период дежурства запрещалось брать с собой на заповедную территорию собак. Развернув коня навстречу и щёлкая кнутом, я попытался прогнать его домой, но он, проигнорировав мои команды и, выдерживая безопасную дистанцию, продолжал деловито бежать следом. Проехав несколько километров, я предпринимал ещё попытки прогнать

его, но пёс продолжал упрямо следовать за нами. В конце концов, махнув на него рукой, я подумал, что как только доедем до переправы через речку, он наверняка отстанет сам.

Вскоре дорога миновала пасеку у Каменной горы и вывела на широкую заболоченную долину Тихушки, среди которой возвышалась кабина утонувшего в болоте «КАМАЗа», на котором в первомайские праздники пьяные военные пытались тайком съездить ночью на браконьерскую рыбалку. Сейчас уже трудно сказать о том, кто из местных Сусаниных показал им этот короткий, но наиболее опасный в весеннюю распутицу путь. Может быть, они сами, понадеявшись на мощь боевой машины, решили проскочить опасное место, но безнадежно засадили её в топкую болотину. Мобилизовав в лесхозе несколько гусеничных тракторов, они провели героическую спасательную операцию, в ходе которой разорвали новенький «КАМАЗ» на две части. Вытащив в конце концов на сушу кузов с остатками рамы, они сразу же увезли его в свой гарнизон, а кабину с двигателем оставили до середины лета, в надежде, что её удастся откопать, когда просохнет почва. Мне же пришлось пробираться по разбитой дороге, минуя оставленные трактористами глубокие колеи, заполненные водой. Карька, проваливаясь в грязь по самое брюхо, кое-как выбрался на земную твердь.

Далее дорога вывела к броду через полноводную речку Тихушку, середину которой пришлось преодолевать вплавь. Выехав на противоположный высокий берег, я спешил, чтобы проверить содержимое намокших вещей. К счастью, добротные сшитые местными умельцами кожаные сумины не пропустили воду, поэтому хлеб и другие продукты остались сухими. В это время на берегу речки появился Дружок, бросился в воду, смело переплыл быстрый поток и, отряхнувшись, догнал меня по дороге. После этого я смирился с его присутствием, перестал прогонять, но зато пёс стал настороженно относиться ко мне, видимо, затаив обиду за недружелюбное отношение к нему в начале пути.

Поднявшись на «Седёлко» - небольшой перевал через скалистый отрог Курчумского хребта, я спустился в широкую долину Жиреньки и, проехав вдоль тёмных ельников, выехал

к деревянному мосту через бурную речку. Дальнейший путь преграждал шлагбаум, надпись на аншлаге которого гласила, что дальше начинается территория Маркакольского заповедника, въезд на которую без пропусков запрещён. Сразу за этим мостиком у подножия горы стоял старый деревянный дом, служивший кордоном. Рядом с ним на обрывистом берегу речки был сооружён кухонный стол с лавками. Здесь меня встретил пожилой егерь Александр Андреевич, дежуривший с начала мая и с нетерпением ждавший моего приезда.

Развьючив коня, я напоил его и, одев на передние ноги путы, оставил пастись на соседней лужайке. После обеда егерь собрался и уехал на трёхдневную побывку домой в Верхнюю Еловку, а я остался дежурить на посту один. Наведя порядок на кухонном столе, решил накормить Дружка. Слив остатки ухи в большую «собачью» миску, сдобрил её кусками хлеба и свистом позвал пса, показывая ему угощение. Но Дружок, лежавший около лошади, даже ухом не повёл и, не повернув головы в мою сторону, проигнорировал приглашение.

- Ишь ты гордый и обидчивый какой, - удивился я и отнёс ему чашку.

Так начались мои майские будни на кордоне Жиренька. Проезжих по дороге через пост, как объяснил мне сразу Александр Андреевич, уже давно не было, что позволяло мне уделять больше времени наблюдениям за птицами и проводить учёты их численности на ранее заложенных маршрутах и площадках. Заодно присматривался к Дружку, пытаюсь понять его поведение. За годы работы в заповеднике мне много раз приходилось пользоваться разными лошадьми, но я не мог припомнить случая, чтобы в дальние поездки по своей воле отправлялись их сопровождать хозяйские собаки.

Дружок между тем всё время не отходил от Карьки, азартно гонялся около него за бабочками и кузнечиками, раскапывал норы полёвок и ходы цокоров, свежие выбросы земли которых виднелись во множестве по всему луку. Спали и отдыхали они всегда рядом. Наблюдая, с какой любовью Дружок посматривает на жеребца и как временами пытается лизнуть его, я понял, что Карька для него не просто конь его хозяина, которого он ревностно охранял, но и любимый друг. Приме-

ров такой необычной дружбы домашних животных, особенно выросших вместе с малых лет, к тому времени я уже знал множество, поэтому не особенно удивился этому открытию. После этого мне стало понятным ревнивое поведение Дружка и объяснима причина, по которой пёс отправился в это путешествие.

Утром я собрался совершить объезд Тополёвки — основной нерестовой речки Маркаколя. Взяв уздечку, отправился за Карькой, но, к моему удивлению, был встречен злым лаем Дружка. Он ни в какую не желал подпускать меня к нему и, тем более, одевать ему на голову узду. Успокоился лишь после того, как я заседал коня, и мы отправились в путь. Весь день пёс терпеливо следовал за нами, поэтому изрядно вымотался, преодолевая бурные ручьи и заросли ивняков на болотах. Кратковременные остановки и передышки устраивались лишь тогда, когда я находил очередное гнездо птицы, и вытащив из полевой сумки линейку и дневник, занимался измерениями и описаниями. Когда вернулись на кордон, Дружок съев всё, что было в принесённой ему миске, свернувшись в клубок, тут же уснул.

На следующее утро, поставив чайник на костёр, я решил сделать записи утренних наблюдений в дневник и, присев за кухонный стол, вытащил из-под него картонную коробку, в которую вечером положил полевую сумку. К моему удивлению, она была пуста. Ничего не понимая, я сходил в дом, но и там её не было. Обошёл и осмотрел все закутки на территории кордона, забрался даже на чердак. Сумка исчезла, хотя никто мимо вечером и ночью не проезжал. В этом я вскоре убедился, когда осмотрел шлагбаум и все следы по дороге и на ведущих к ней тропинках. Все продукты, посуда и другие вещи на столе и в сенях были на месте. Но кто же тогда её взял? Это было для меня необъяснимой загадкой.

От одной мысли об утрате, находившегося в сумке, полевого дневника с записями наблюдений за весь весенний период у меня испортилось настроение. К тому же в ней находился паспорт с зарплатой, связка колец и ведомости кольцевания птиц, а также другие принадлежности, необходимые в работе орнитолога: линейка, мерная лента, складной метр, штанген-

циркуль, аптечные весы, разновесы, скальпель, пинцет, нож, с десяток патронов для ружья.

Заполосный день прошёл в муках и бесполезных поисках сумки. Я осмотрел соседние тальники, березняк и все кочки вдоль речки, прошёлся вдоль обрывистого берега вниз по её руслу, обошёл луг, где паслась лошадь и лежал Дружок. Последнее я сделал особенно тщательно и не случайно, так как пёс был у меня в числе возможных похитителей. Однако после осмотра луга я был вынужден отказаться от этих подозрений. Тем более, что с момента приезда он демонстративно не подходил к дому и кухонному столу. Да и в сумке ничего съестного не было.

Наступил вечер, и вспомнив, что с утра я ничего не ел, разжег костёр, поставил на таган чайник и начал чистить картошку и рыбу для приготовления ухи на ужин. В это время издалека донеслись заунывные крики и появилась пара красных уток - огарей, пролетевших после кормёжки на озере в сторону горы. Проследив за их полётом в бинокль, я увидел, как они, сделав круг, сели у подножия скал под самой вершиной, прошли пешком к большой каменной плите, и самка скрылась под ней. Сопровождавший её самец выбрался по камням на эту плиту и замер в сторожевой позе. Я давно мечтал отыскать гнездо этих загадочных уток и обрадовался, что моя мечта близка к исполнению. Бросив все дела, сразу же отправился для его осмотра, сожалея, что не имею теперь ничего, чтобы сделать необходимые измерения и записи.

Во время подъёма по тропинке вверх по крутому склону остановился отдохнуть и отдышаться. Присел на камень и тут увидел, что у его основания лежит моя исчезнувшая полевая сумка. Радости от этой неожиданной находки не было предела. Осмотрев её содержимое и убедившись, что всё в целостности и сохранности, я опять задался мучившим меня вопросом о том, кто же утащил её сюда? И тут, глянув вниз, увидел Дружка, украдкой и с любопытством наблюдающего за мной из-за угла дома. Такое его поведение меня сильно удивило, и сразу же меня осенила мысль, а не он ли всё-таки утащил сумку? Решив проверить догадку, я поднял сумку в вытянутой руке и, погрозив в его сторону кулаком, высказал барбосу всё, что

о нём думаю и пообещал оторвать башку за такие проделки! Поняв, что разоблачён, он, повиливая хвостом выскочил из-за своего укрытия и умчался к своему другу Карьке. Сомнений не оставалось, что сумку утащил именно он. Да и некому, по правде говоря, больше было это сделать кроме него.

Вернувшись обратно и, подбросив в костёр дров, я продолжил прерванное приготовление ужина, размышляя о том, как всё-таки умно и изощённо отомстил мне Дружок. Ведь, спрятав сумку со всеми необходимыми для полевой работы принадлежностями и дневником, он не только лишил меня возможности ходить на экскурсии, но и выезжать на лошади. Наверное, во время вчерашней поездки он заметил, что с этой сумкой я не расстаюсь ни на минуту, всякое новое дело начинаю с того, что открываю её и отправляюсь дальше в путь, только когда закрываю её.

До конца пребывания на егерском кордоне мы так и не подружались с ним и продолжали соблюдать нейтралитет. Натянутыми отношения у нас оставались и после возвращения домой. Время от времени, проходя деревенской улицей, я встречал его у ворот хозяйского дома. Увидев его, я каждый раз шуточно показывал ему кулак, а Дружок, приветливо помахав хвостом, совсем незлобно облаивал меня и деловито убегал в ограду.

Электронная газета «Ремез» №84. 2019

Голубиная история

Этот субботний день первого декабря прошлого года Галина Васильевна Розенберг - жительница алтайского городка Зыряновска - запомнила на всю жизнь. Занимаясь домашними делами, она вышла на балкон и замерла от удивления. На его краю, прижавшись к стене и широко расставив лапки, сидело «чудо в перьях», точнее комочек растрёпанных перьев, в котором она признала озябшего от холода птенца голубя. Он едва покрылся перьями, а брюшко вообще оставалось ещё голым. Был он страшненький на вид, взъерошенный, с большим уродливым клювом, красной кожей по бокам головы и выразитель-

ными чёрными глазами. Перьями покрылась только макушка головы, а на затылке нелепо торчали лохматые завитки.

Каким образом он очутился на балконе четвёртого этажа можно только предполагать. Скорее всего, вывалился из гнезда в вентиляционном отверстии, которое, как бойница, виднелось на чердаке пятого этажа. Там каждый год гнездились сизые голуби. Удивляли и необычайно поздние сроки размножения. Уже более двадцати дней стояла суровая алтайская зима, часто шли снега, случались бураны и каждую ночь бывали 20-градусные морозы.

К счастью, птенец упал не в сугроб у дома, где он сразу бы замёрз. При падении, вероятнее всего, он усиленно махал крыльями, пытался лететь и зацепился за балкон квартиры, в которой жила любительница птиц, занимающаяся их зимней подкормкой. Врач-физиотерапевт по специальности, она после выхода на пенсию занялась фотографированием бухтарминской природы, а в последние два года увлеклась фотосъёмкой птиц.

Галина Васильевна отогрела птенца в тёплой комнате, предложила пищу и воду, но он упорно отказывался и отворачивался - несмышлёныш ещё даже не умел сам питаться. Что с ним делать дальше, она не представляла. Он неожиданно, как снег, свалившийся на голову, нарушил спокойное течение жизни. Опыта выкармливания и содержания птиц в городской квартире она не имела. Пришлось консультироваться с друзьями и знакомыми, искать рекомендации и советы на голубином форуме в интернете.

Для кормления приспособила большой пластмассовый шприц с обрезанным концом. В него набирала жидкой кашицы из отваренного пшена и «Геркулеса». Первый раз пришлось кормить насильно, но птенец быстро сообразил и стал сам поглощать предлагаемую пищу. Такой способ питания ему нравился больше всего, так как сходным образом его кормили родители. Голуби, как известно, кормят птенцов «голубиным молочком» - жидкой белой кашицей, образующейся в зобах взрослых птиц, а птенцы поглощают его, глубоко погружая свой длинный клюв в зоб через широко открытую ротовую полость.

Через несколько дней он стал пить воду и клевать размоченное зерно. Вскоре он научился кормиться сам. Так была решена первая проблема с его питанием. Гнездо ему заменила плетёная корзинка, с которой хозяйка всегда ходила по грибы и ягоды.

- Однажды заметила, что воду в чашке расплескивает, а не пьёт, - вспоминает Галина Васильевна. - Оказалось, что хотел купаться. Поначалу пришлось обрызгивать его водой из пульверизатора. Ему это нравилось, и он часто взмахивал высоко поднятыми крыльями. Позже стала наливать в таз воду, чтобы он плескался. Купание всегда доставляло ему удовольствие.

Найдёныша на первых порах называли Гулькой, но постепенно все привыкли звать Гулькиным. Когда друзья интересовались, откуда у него такого необычное имя, то отвечали знаменитой фразой кота Матроскина из мультфильма: «Фамилия у него такая».

Когда птенец оперился и окреп, пришлось учить его летать. - Вначале садила его на край картонной коробки, который поднимала и опускала - рассказывает Галина Васильевна. - У Гулькина рефлекторно распахивались крылья, он пытался удержаться и начинал часто махать ими. После таких тренировок в один прекрасный день он полетел. Сначала неумело, падая, а потом все смелее и увереннее, через всю комнату. Вскоре научился взлетать с пола и маневрировать в полёте.

Прошли декабрь, январь и февраль. Из «гадкого утёнка» он, как в сказке, превратился в красивого сизого голубя с зелёными и вишнёвыми отливами на шее и груди. Он всё больше времени стал проводить на подоконнике, где в горшке с цветами ему была устроена кормушка. Теперь у него появилась возможность видеть через оконное стекло другой мир — заснеженные дома и деревья, а также синиц и воробьёв, прилетающих на кормушку. Однажды он увидел на ней городского голубя. Гулькин весь задрожал и возбуждённо затрепетал крыльями от этого зрелища. Видимо, сработала генетическая память, и он узнал сородича. С тех пор он постоянно стремился к окну, наблюдая за прилетающими голубями, принимался ворковать, когда они присаживались на кормушку. А когда

они слетали с неё, пытался тоже взлететь следом, но мешало стекло. С этого времени голубок стал беспокойным. Галина Васильевна понимала, что с воспитанником рано или поздно придётся расставаться, поэтому предусмотрительно готовила его к этому. Она не стала приручать его к рукам и избегала разных нежностей вроде поглаживаний, чтобы, оказавшись на воле, полной опасностей, он оставался осторожным.

Близился к концу март. Заканчивалась суровая алтайская зима, выдавшаяся в этом году необычайно морозной, многоснежной и метельной. Галина Васильевна с нетерпением ждала наступления весенних оттепелей, чтобы выпустить голубя на свободу. Ждала и откладывала этот момент со дня на день, просматривая долгосрочные прогнозы погоды. Много раз она мысленно пыталась представить себе момент расставания, но всё неожиданно произошло по-другому. Утром первого апреля исполнилось ровно четыре месяца как в доме появился Гулькин. На улице было тепло, ярко светило солнце, температура быстро поднялась до отметки плюс десять градусов. Галина Васильевна, как всегда, насыпала в кормушку для птиц корма и оставила открытым окно, чтобы проветрить комнату. Вскоре один за другим прилетело несколько прикормленных зимой дворовых голубей. Увидев их, Гулькин забеспокоился, стал перелетать по комнате с одного места на другое и, в конце концов, набравшись смелости, сел на подоконник рядом с кормушкой. Один из кормившихся голубей, самый крупный и нахальный, попытался прогнать его. Случилась кратковременная стычка с дракой, во время которой Гулькин перепугался и быстро ретировался в комнату. Преследовавший его чужак тоже влетел следом за ним, но сразу же выпорхнул обратно. Спустя некоторое время Гулькин вернулся к окну, неуверенно потоптался на месте и выглянул наружу. В этот момент вернулся нападавший на него голубь. Он присел на кормушку, осмотрелся и перелетел на соседний балкон. Следом за ним упорхнул Гулькин, откуда они, уже вместе, улетели во двор. Спустя полчаса чужак вернулся и продолжил кормёжку, а Гулькин до вечера так и не появился.

Галине Васильевне, столько времени ожидавшей дня, когда её воспитанник обретёт свободу, вдруг захотелось, чтобы

он вернулся обратно, хотя бы к окну, где его ждала кормушка, полная любимой еды. На третий день она не удержалась и обошла все соседние дворы в его поисках, с надеждой всматриваясь в голубей по крышам домов. Гулькина среди них не было. Она узнала бы его сразу среди десятков других голубей, так как он имел приметные белые рулевые перья по левому краю хвоста. Объявился он совершенно неожиданно на двенадцатый день в паре с другим голубем, затем стал прилетать один, чаще всего к четырём-пяти часам дня и торопливо, с жадностью принимался поглощать имеющуюся пищу. Он узнавал по голосу свою кормилицу, но уже пугался протянутой в его сторону руки с угощением. Радовало, что он отыскал гостеприимное окно в родном доме, а живущие во дворе голуби приняли его. Значит, можно ждать счастливого продолжения истории с Гулькиным.

Электронная газета «Ремез» №85. 2019

Дружба без границ

В последнее время в интернете появилось множество видеороликов о случаях дружбы домашних животных. Каких-только невероятных историй дружеских отношений между лошадьми, коровами, собаками, кошками, кроликами, козами, овцами, гусями, индюками, утками и курицами не бывает. Оказывается, дружат между собой все, независимо от рода и племени, но особенно близкие, почти родственные отношения складываются у тех, кто волею случая воспитывался вместе с рождения или детских лет. Мне памятни несколько таких случаев.

В первый год работы в Маркакольском заповеднике, пока в центральной усадьбе строили новые кирпичные дома для приехавших сотрудников, жили мы на квартирах в разных углах деревни Урунхайки. Мой ежедневный путь в контору проходил по переулку мимо школы и клуба. За это время я перезнакомился со всеми злющими собаками в этой части села. Особенно злобным был чёрный пёс в усадьбе Макухиных. Если калитка оставалась открытой, то он как ураган вылетал с лаем

из ограды каждый раз, если кто-то проходил или проезжал мимо этого дома. Следом за ним всегда мчался с хрюканьем поросёнок, воинственно держа хвост крючком. Поинтересовался я как-то у хозяйки, и она рассказала, что купили его этой весной и пока он был маленьким, подружился с кобелем, жил в его конуре и перенял все привычки сторожевой собаки.

- Пусть дружат - сказала хозяйка Валентина Фёдоровна - зато не потеряются. Они же друг без друга жить не могут, даже из одной чашки едят и спят в конуре чуть не в обнимку.

В этом я убедился сразу же после этого разговора, увидев, как поросёнок тщательно вылизывает блохастую шею псу, а тот, закрыв глаза, сидит, млея от удовольствия.

Наступила осень. Хорошо помню, что злого пса посадили на цепь и после этого он с ещё большей свирепостью облаивал всех проходящих мимо дома через забор. Подросший поросёнок превратился в упитанного кабанчика и продолжал помогать своему другу охранять усадьбу. Теперь стоило только псу начать лаять и рваться на цепи, как из калитки воинственно выскакивал хряк, пугая людей своим появлением. Мне даже приходилось несколько раз отскакивать в сторону, чтобы избежать столкновения с ним.

Однажды дождливым утром у конторы заповедника появился пожилой егерь, ведущий лошадь в поводу, хотя на службу он всегда приезжал в седле. Вся его форменная одежда была мокрой и грязной. Обычно спокойный и невозмутимый Тимофей Григорьевич, едва приблизившись к крыльцу конторы принялся ругаться и проклинать всё на свете.

- Чёрт меня дёрнул поехать через школьный переулок. Еду на лошади мимо дома Макухиных, вдруг собака залаяла и тут вылетает из ворот бешеный поросёнок и прямо под ноги лошади. А кобыла у меня дурная, с перепугу рванула в сторону, я вылетел из седла и упал прямо в лужу и грязь на дороге.

Посочувствовали Тимофею Григорьевичу, кто как мог, а начальник службы охраны отправил его домой переодеваться. На следующее утро мы узнали, что на обратном пути он, оказывается, заехал к Макухиным и устроил им скандал. В тот же день хозяева посадили воинственного поросёнка в сарай и его нападения в школьном переулке прекратились.

Свидетелем ещё одного случая подобной дружбы довелось мне быть на одном из кордонов заповедника. Во время поездок вокруг озера я нередко останавливался на ночёвку в доме у егеря Николая Краснопеева и наблюдал, как хозяйский кот Васька при появлении соседской собачонки Жучки сразу же убегал с ней куда-то за пределы ограды. Не раз приходилось видеть, как они вышагивают по дороге бок-о-бок: кот подняв хвост трубой, а собачка, свернув свой хвостик в тугой калачик. Куда они уходили, чем занимались, оставалось для меня загадкой, но один раз, проходя по мостику через речку, протекающую через деревню, я увидел их сидящими рядышком на берегу и с любопытством наблюдающими за рыбой, плавающей в заводи.

- Друзья детства, - объяснил мне егерь, — выросли вместе. Жучка почти каждый день забегает навестить его и уводит Ваську то в одно, то в другое место, наверное, показать ему что-то интересное. Одно я только вот не пойму, как они между собой общаются? Одно точно могу сказать, что понимают друг друга с одного взгляда. Бывали случаи, примчится Жучка к нему с какой-то срочной новостью, глянет на него, повилкает хвостом, и они сразу же убегают вместе!

Следующая история произошла во время экспедиции в Алакольской пустыне. Однажды заехали мы за водой на артезианскую скважину, расположенную недалеко от кошары знакомого чабана Амантая. Как это нередко бывает в пустынных местностях, дорога проходила прямо мимо крыльца его дома, поэтому на подъезде нас встретила целая свора бегущих навстречу с лаем собак. В роли вожака впереди них воинственно мчался чёрный барашек, едва не попавший под колёса машины.

Во время чаепития поинтересовался я про него у хозяина. Из его рассказа выяснилось, что в марте в отаре начала ягниться молодая овечка — ярка, но померла во время неудачных родов из-за начавшегося кровотечения. От неё остался ягнёнок. Его взяли в дом и выкормили молоком из бутылки. Когда он подрос и наступило тепло, стали выносить и оставлять на день в сеновале около дома. А там, в стогу соломы перед этим оценилась сторожевая собака — сразу пять щенят принесла.

Сирота-ягнёнок целыми днями крутился около них, а потом вообще ночевать с ними стал. Когда он стал сам щипать траву, Амантай забрал его в отару и отпустил к овцам с молодняком. В первые же часы заметил, что они приняли его плохо, точнее, отнеслись враждебно. При любом случае овечки пытались его боднуть, лягнуть и прогнать в сторону. Амантай даже побаиваться начал, что забьют они ягнёнка до смерти. Вскоре знакомый чабан подсказал, что это происходит из-за собачьего запаха, потому как ягнёнок жил со щенятами. А овцы страшно не любят собачий запах и его не примут.

- Пришлось забрать его обратно домой. Когда принёс и отпустил, барашек сразу же умчался в сеновал к щенятам. С тех пор стал жить с ними, переняв все собачьи привычки. Пока щенята были маленькие, он играл с ними в догонялки, а когда стал постарше, бодал и разгонял расшалившихся друзей, постепенно заняв среди них роль вожака. Любимым занятием этой молодой банды было встречать с лаем проезжающие

мимо дома машины, мотоциклы, конные повозки. Боевитый барашек всегда первым мчался впереди собак, пытаясь боднуть непрошенных гостей. Нападениям подвергались также случайно появляющиеся вблизи дома лошади, коровы и собаки. Но особую неприязнь он испытывал к чужим баранам.

- Так стал он у меня начальником собачьей охраны, - пошутил Амантай, - боевой и смелый, жалко только лаять так и не научился.

Спустя месяц мы заехали в гости к Амантаю. Как всегда, нас встретила бегущая и лающая на все голоса собачья стая. Однако чёрного барашка среди них на этот раз не оказалось. Когда поинтересовались у хозяина про него, тот сообщил, что он случайно погиб недавно. Оказывается, около дома проходил чужой косяк лошадей, барашек, как всегда, бросился им навстречу с собаками, но жеребец ударил его копытом и убил насмерть.

- Жалко. Первый раз в жизни такого умного барашка встречаю, - с сожалением сказал Амантай. - Не зря же в народе говорят: с кем поведешься, от того и наберёшься.

Электронная газета «Ремез» №86. 2019

Внутренние часы

Известно, что утро начинается с первыми петухами, а их кукареканье символизирует наступление нового светового дня. Эта истина давно уже стала хрестоматийной и её никто даже и не пытается оспаривать. Разве, что дотошные орнитологи время от времени проводят опыты и эксперименты, пытаясь объяснить этот феномен, но все их выводы сводятся лишь к тому, что у птиц существуют загадочные внутренние часы, которые в нужное время срабатывают как будильник. И будто бы они каким-то загадочным образом связаны с активностью солнца, луны и звёзд.

Если же спросить про это обычного деревенского жителя, то он непременно ответит, что первые петухи начинают голосить за полчаса перед рассветом, а кукареканье некоторых из них продолжается до восхода солнца. При этом самые на-

блюдательные непременно уточнят, что бывает и такое, когда петухи иногда запевают в три часа ночи. Есть поверье, что раньше люди вставали после третьих петухов, то есть когда петь начинали самые «правильные» петухи. Так и говорили: «запели первые петухи — это полночь; запели вторые петухи — перед зарёй; запели третьи на заре — пора вставать». Более конкретными в этом вопросе были древние греки, утверждавшие, что первые голоса петухов раздаются, когда из-за горизонта появляется утренняя звезда Канопус, хорошо видимая на небе в Южном полушарии Земли даже в дневное время и служащая любимым ориентиром у мореплавателей с незапамятных времён. На её положение сейчас ориентируются даже космические станции.

Вставать с первыми петухами замечательно. Правда, большинство городских жителей уже давно лишены этой прелести и крики первых петухов им заменили звонки смартфонов. Мне повезло, так как в микрорайоне, где я живу, сразу за девятиэтажками располагаются коттеджи, в которых хозяева держат кур. Поэтому имею возможность слышать залиvistое пение сразу двух-трёх петухов. Вот и в этом году, поднимаясь затемно, каждый раз подолгу вслушивался в тишину, нарушаемую лишь редкой собачьей переключкой, да доносящимся издали гулом проходящих поездов. Интересно было узнать, какая же из городских птиц в этот раз запоёт первой. Как всегда, всех опережали петухи, вначале отрывисто, затем протяжно и залиvistо. Следом за ними подавали голоса чёрные дрозды, а когда начинало светать, распевались в полный голос. В марте это чаще всего происходило после 5.00, в апреле — в 4.30. С увеличением продолжительности дня в мае и июне первое пение петухов смещалось на более ранние сроки, а в августе петухи вновь запедали после пяти часов утра.

Знаменитая утренняя побудка лишь прелюдия в ежедневном песенном репертуаре петухов. В действительности в каждой деревенской усадьбе залиvistое кукареканье можно слышать всё светлое время дня, но случается оно по разному поводу, и каждый крик имеет своё особое значение. Главный из них — территориальное пение, которым объявляется о том, «кто хозяин в доме». А так как у большинства петухов обяза-

тельно имеется свой гарем, насчитывающий до двух-трёх десятков курочек-несушек, то после традиционного утреннего обслуживания всех любимых жён он считает своим долгом взлететь на изгородь, поленницу или крышу сарая и известить своих соседей об очередных трудовых победах. Своей святой обязанностью петухи считают также оповещение тревожными криками жителей своего двора и соседей о появлении залетевшего в село ястреба, коршуна или другого хищника. После того, как опасность минует, кукареканьем на всю улицу объявляется отбой воздушной тревоги. Ну и, конечно же, обязательным ритуалом является особенно звонкое и залиvistое пение, извещающее всех в округе о победах в драках с соседскими петухами. Не обходится дело частенько и без откровенного обмана, когда после поражения в схватке с соседом, проигравший торопится побыстрее взлететь на забор и победоносно прокукарекать на всю округу, так как каждое победное известие, как правило, бывает поддержано ответным одобрительным пением со всех концов деревни.

Давно уже замечено, что в тех сёлах, где усадьбы находятся на значительном удалении друг от друга, кукареканье слышится реже, чем там, где дома стоят скученно и границей между дворами чаще всего являются лишь заборы оград. Поэтому по утрам здесь всегда стоит звонкоголосица поющих петухов. В народе по этому поводу даже есть присказка: «где много петухов, там утро рано наступает». Но не только дружными утренними концертами славятся такие места. Здесь ещё царит извечный конфликтный мир задиристых соседских петухов, сопровождаемый ожесточенными драками между ними по любому поводу. Чаще всего виной этому бывают извечные «трансграничные проблемы», особенно там, где один двор порой граничит сразу с двумя-тремя усадьбами, а в каждой из них обязательно найдутся амбициозные петухи, считающие себя самыми красивыми, боевыми и лучше всех поющими. Тут уж не до мира. Даже случайный взлёт соседа с пением на пограничный забор является злейшим нарушением миропорядка и может быть разрешён только во время поединка с потерей множества перьев. Такие петухи потом становятся кровными врагами на всю жизнь. Но если эти территориаль-

ные конфликты ещё как-то разрешимы, то борьба за право лучшего певца может безуспешно продолжаться годами. Ни один петух никогда не признает, что его сосед поёт лучше и звонче. У моего деревенского друга подобные состязания его петуха с соседским длятся почти каждое утро с начала утренней побудки до восхода солнца.

- Орут поочередно как заводные до хрипоты и посинения, но никогда из-за своей поперешности не уступят друг другу, пока поленом не шуганёшь, - констатировал он.

В конце лета и осенью можно услышать первое пение, а точнее пробу голоса подросших молодых петушков. Взлетев куда-нибудь повыше и подражая взрослым, они пытаются продемонстрировать азы традиционного кукареканья, исполняя его своими писклявыми и срывающимися голосами. Чаще всего, не осилив даже первые строфы, они смолкают, но затем вновь и вновь продолжают пробовать голоса. Такие неумелые выступления, напоминающие хор картавых ребятишек в детсаде, могут любого услышавшего их довести до смеха.

Вообще про петухов в народе сложено много поговорок и пословиц. Существуют и приметы, связанные с ними. Например, говорят, что, если петух запел у крыльца — жди гостей. Приходилось слышать и забавные истории. Одну из них про киномеханика Гену Уколова узнал я в бухтарминской деревушке Черемошке. В семидесятых годах он первым из жителей обзавёлся катушечным магнитофоном «Романтик» и к нему по вечерам сбегалась молодёжь послушать «запретные» песни Высоцкого. Генка своей популярностью затмил тогда даже знаменитых в деревне гармонистов. Один раз он устроил страшный переполох. Записал кукареканье своего горластого петуха и среди ночи воспроизвёл его на полную мощность. После этого в Черемошке творилось что-то невообразимое — все петухи как с ума сошли и орала до изнеможения, пока не начало светать. Перепуганные жители потом весь день обсуждали это событие. Старики в один голос утверждали, что такое бывает к большой беде: войне или землетрясению, а бабки к вечеру договорились до того, что уверяли всех в том, что началась война с китайцами.

Спустя много лет один из его двоюродных братьев, в числе первых освоивший компьютер, устроил подобную шутку

над своим огненно-красным петухом Петровичем. Разыскал в интернете запись с победоносным кукареканьем, вывел динамик в открытую форточку окна и воспроизвёл на всю усадьбу. Эффект был потрясающий. Возмущённый неслыханной дерзостью петух в поисках соперника как угорелый обежал несколько раз вокруг дома, проверяя все закутки в ограде. После повторной трансляции он бросился на новые поиски. Затем ещё раз. В конце концов набегался до того, что еле стоял на ногах. Так и не отыскав своего невидимого противника, он взлетел на поленницу и начал истошно орать, вызывая его на смертный бой. Да так громко, что все соседские петухи приоткрыли и попрыгали.

Электронная газета «Ремез» №88. 2019

Взаимовыручка у животных

Животные разных видов не только дружат между собой, но и в трудную минуту могут выручать друг друга из беды. Примеров такой взаимовыручки известно великое множество. Об одном из таких случаев, когда кролик спасал своего друга кота, запертого в сарае, даже снят видеofilm. Котёнок, просовывая в щель лапу, жалобно мяукал и звал на помощь. На его зов примчался кролик и взялся рыть землю, делая подкоп под стенку сарая в том самом месте, откуда доносился кошачий голос. В конце концов он прорыл ход, очистил его от земли, и затворник выбрался на свободу. На последних кадрах видно, как они вместе убежали под навес, и котёнок радостно прыгал около кролика, стараясь погладить его лапкой.

А недавно позвонил мне усть-каменогорский друг Сергей Васильевич. Он живёт в частном доме в поселковой части города и для охраны усадьбы содержит кавказскую овчарку по кличке Чара. Наш разговор сразу же начался про неё.

- Слушай, у меня тут какая-то необъяснимая история случилась с Чарой, - сказал он. - Жена меня сегодня разбудила в 5 часов утра. Иди, говорит, посмотри, в гараж кто-то забрался и храпит там. Я оделся и отправился с фонариком. Подкрался, заглянул, а там на мешке с ватой чужой кобелёк спит. Когда

осветил его фонарём, он поднял голову, посмотрел на меня и опять засунул нос под хвост. От такой наглости я даже прогнать его не стал. После этого подошёл к Чаре и спрашиваю откуда взялся этот бомж. Она виновато голову опустила и завиляла хвостом, типа «не виноватая я, он сам пришёл». Вскоре жена вынесла собачью еду. Незваному гостю отдельную порцию предложили. Он не спеша откушал, попил водички и по-английски, не прощаясь, незаметно исчез. Больше я его не видел. На нашей улице таких я ни разу не встречал, поэтому, думаю, что забрёл к нам какой-то бродячий пёс. Но меня больше всего удивляет поведение Чары — такого никогда не было за много лет и не могло быть, чтобы она чужую собаку запустила в ограду. Из-за её свирепого нрава все они наш дом дальней стороной обегают.

- Может быть у неё течка началась, и она уже подыскала себе такого жениха? — спросил я у него, но Сергей сразу же отверг это предположение, объяснив, что течка у неё должна быть только через несколько месяцев, он сам ждёт этого момента, чтобы отвести её в питомник на случку с элитным кобелём. А родство с таким «дворянином», как этот бродяга, он даже себе не представляет.

- Мы тут с женой самые разные версии по этому поводу уже строили, - продолжал он, - и решили, что скорее всего Чара пустила переночевать его из жалости, проявила, так сказать милосердие. К тому же этой ночью холодно было, дождик моросил, - заключил он.

Как-то с катон-карагайским другом Фёдором Ивановичем после вечернего чаепития мы посмотрели по телевизору любимый всеми советский мультфильм «Жил-был пёс». В нём показана забавная встреча в лесу изгнанного из дома старого пса с таким же одиноким старым волком, который, проникшись сочувствием к несчастьям соседа, помог ему завоевать доверие у людей и вернуться в дом. Самым смешным в этой истории является момент, когда в благодарность за оказанную помощь, пёс пригласил к себе волка в гости и накормил его до отвала с хозяйского стола. Фразы «Теперь точно спою» и «Ты заходи, если што» из этого мультфильма стали поистине народными.

Каждый из нас уже десятки раз смотрел его и наизусть запомнил диалоги его героев. Однако разговорившись в этот раз, мы пришли к единому мнению, что в сюжете этой сказки есть немало реальных аналогий из жизни животных. Особенно убедительно придерживался этой точки зрения Фёдор Иванович, заявивший, что дружба и взаимовыручка среди живших у него кошек и охотничьих лаек - обычное дело. И рассказал о самом последнем случае. Оказывается, в его доме заведено правило выпускать кошек по «малой нужде» на улицу перед тем, как укладываться спать. Так было и в эту зимнюю ночь, когда «посмотреть на луну» он отправился с котом Мурзиком. Однако, когда он вернулся к крыльцу, кота у двери не оказалось, несмотря на мороз. Фёдор не стал его дожидаться, ушёл в дом и лёг спать. Среди ночи проснулся от громкого злобного лая Барсика — он, что называется, рвал и метал на цепи. Такое случается редко, лишь когда в усадьбу пытается проникнуть кто-то чужой. В такие моменты пёс обычно устраивает ожесточённый лай. Пришлось вставать, одеваться и бежать на помощь лайке. Когда вышел наружу, во дворе стояла непонятная тишина, как будто ничего и не случилось. Пёс, увидев хозяина, как-то странно повилывал хвостом и поглядывал на крыльцо, на котором съёжившись от мороза сидел Мурзик, прижимая к груди замёрзшие лапы. И только тут Фёдор понял, что весь этот ночной переполох Барсик устроил чтобы помочь другу-коту попасть в дом. Пёс по своему опыту уже знал, что на поданный им сигнал тревоги хозяин обязательно выскочит на улицу. Эта хитроумная уловка у него удачно получилась.

- Как-то весной сижу на крыльце, занимаюсь ремонтом двигателя, - продолжал вспоминать Фёдор Иванович. - Рядом у конуры на солнышке греется Барсик. Вдруг слышу, как на улице сцепились и начали драться коты. Один из голосов принадлежал Мурзику. Через некоторое время схватка со страшными воплями повторилась уже напротив меня, с другой стороны забора. Спустя несколько секунд через забор к собачьей конуре перемахнул сам Мурзьяй. Следом за ним как метеор перескочил его враг — здоровенный серый кот. Приземлился он прямо на ожидающего его Барсика. По всей видимости, чужак испытал в этот миг чувство неопишемого ужаса, так как едва

коснувшись земли, он взлетел вверх «свечкой» с душераздирающим воплем. Упорхнул со страха как птичка. Барсик только успел твякнуть ему вдогонку. Следом за врагом в погоню сразу же умчался Мурзик. Спустя несколько минут он появился на заборе, прыгнул к Барсику, и победоносно держа хвост «трубой», обошёл вокруг друга, из чувства благодарности с мурлыканьем потёршись о него.

Самое интересное, что подобную же тактику расправы с чужими котами с использованием засад у конуры друга-собаки неоднократно применял в молодые годы отец Мурзика — кот Василий. Выследив своего очередного врага в огороде, он устраивал с ним кратковременную схватку с дикими воплями, после чего изображал паническое отступление и мчался к конуре, приводя своего соперника прямо в зубы уже поджидавшей охотничьей лайки, устраивавшей чужаку жесточайшую трёпку. Так, со временем Василий избавился от всех своих конкурентов в округе и чужие коты в страхе обходили его усадьбу стороной.

Электронная газета «Ремез» №89. 2019

Загадочный котик

Однажды в школьные годы прочитал я замечательную книжку писателя-натуралиста Максима Зверева под названием «Неразгаданные тайны». В ней были собраны интересные и необъяснимые факты про ориентацию у животных и невероятные случаи возвращения их домой. Особенно запомнился мне рассказ про месячного поросёнка, который будучи увезённым рыбаком в мешке на противоположный берег Или за четыре километра, дважды совершал немислимые побеги домой, переплывая через полноводную реку.

Эта история вспомнилась мне, когда я работал в научном отделе Маркакольского заповедника. Семья моих друзей, жившая в центральной усадьбе заповедника, решила завести небольшое подсобное хозяйство. Вначале развели кур и уток, а затем купили двух поросят-сосунков, совсем недавно отсаженных от матери. Спустя несколько дней случайно оставили

открытой дверь сарая, и они бесследно исчезли. Обыскали всю усадьбу, соседнюю рощу, но поиски были безрезультатными. Лишь в одном месте, на илистой луже у речки, нашли отпечатки их маленьких следочков, которые вели в сторону деревни. На всякий случай сходили к прежним хозяевам. Поросята действительно оказались там. Самым поразительным в этой истории было то, что, едва научившись бегать, эти поросята, принесённые в мешке, оказавшись на свободе, отправились к родному дому самым прямым путем, при этом, преодолели речку, рощу, болотце и по незнакомым переулкам пришли без малого два километра точно туда, где родились!

Много фактов невероятного возвращения животных домой известно и среди других животных. Один из старожилов Алакольского района рассказал мне историю о том, как в военные годы в его колхозе мобилизовали для нужд фронта излишки лошадей. Табун перегнали из Уч-Арала на станцию Лепсы и поездом, в товарных вагонах, отправили в Алма-Ату. При перегрузке одна из лошадей вырвалась и убежала на свободу. Каково же было удивление колхозников, когда спустя месяц после отправки, она объявилась на конном дворе в Уч-Арале. За это время она прошла не менее 600 км, преодолев песчаную пустыню и переправившись через несколько рек.

Другими рекордсменами по дальности возвращений домой из домашних животных считаются кошки. В Мурманске даже установили памятник коту Семёну. Он путешествовал летом в машине со своим хозяином, но в Москве случайно выпрыгнул в открытое окошко и потерялся. Этот героический кот-вездеход целый год добирался пешком из Москвы до своего дома в Мурманске! Другой кот по кличке Шайтан, также проявивший чудеса ориентирования и прямо-таки спецназовские навыки выживания в суровых зимних условиях, увезённый хозяйкой из Казани к родителям в Нижнекамск, спустя чуть больше месяца вернулся домой под утро 1 января 2000 года, преодолев 270 км пути. Но ещё более удивительны и необъяснимы случаи, когда животные, брошенные уехавшими хозяевами, каким-то невероятным образом разыскивают их не только в другом населённом пункте, но и находят дом, в котором они живут. Так, один кот спустя месяц разыскал своих

хозяев, переехавших из села Урыль в Катон-Карагай, расстояние между которыми 80 км. Нашёл и дом, в котором они поселились. Сразу после радостной встречи, устроился на свой любимый диван и несколько дней отсыпался и отъедался. В этой истории есть один интересный момент. Этого кота хозяева не бросили и не забыли во время переезда. Получилось так, что, когда вещи были загружены в машину, и нужно было уезжать, его дома не оказалось — он как раз загулял и исчез куда-то на сутки по своим кошачьим делам. Был он любимцем в семье, поэтому о нём вспоминали каждый день и переживали за его судьбу. Едва устроившись на новом месте, хозяева съездили за ним в Урыль. Новые жильцы поведали, что кот приходил домой после их отъезда, но в этот же день исчез и больше не появлялся.

А вот кот Николая Королёва из села Коробиха на Бухтарме после отъезда хозяина на пасеку, отыскал его спустя месяц на новом месте на противоположном берегу полноводной реки в 20 км от дома. Жительница Алматы Виктория Калиничева рассказала ещё один невероятный случай, который произошел в 1989 году: «Мы тогда жили в селе Евгеньевка в Алматинской области. Весной этого года наши родители решили продать дом в селе и купить квартиру в Алма-Ате. Кур и гусей мы продали, собаку отдали соседям, а в город было решено взять бабушкину любимицу — кошку Мрыську. Но за два дня до переезда она исчезла. Помню, как бабушка искала ее по всему селу, до последнего, но все ее поиски результатов не дали. В итоге мы переехали без Мрыськи. Бабушка сильно переживала по этому поводу, оставила всем деревенским соседям наш новый адрес и телефон, чтобы они сообщили ей, если кошка вернётся. Через несколько дней позвонила тётя Марта и сообщила, что наша кошка у неё. Она рассказала, что Мрыська ходила в огороде и голосила всю ночь. Бабушка как узнала об этом, так первым автобусом и уехала в село. Только не смогла соседка за кошкой углядеть — перед самым приездом бабушки Мрыська вновь пропала. Прошло полгода. И вот в один октябрьский день я возвращалась из школы домой и прямо у нашего подъезда увидела Мрысю. Вид у неё был ещё тот — шерсть свалаялась, глаза гноились. Помню, подхватила я её на

руки и с криками радости забежала в квартиру. У бабули моей чуть инфаркт не случился. А кошка вцепилась в неё и стала громко мяукать — видать, ругала её за то, что она её бросила. Трудно поверить, как наша Мрыська, преодолев расстояние более 80 км, разыскала нас в огромном мегаполисе? Кстати, через две недели она родила нам трёх милых котят».

Каким же образом потерявшиеся домашние животные находят свой дом и как отыскивают любимых хозяев? Какой внутренний компас показывает им направление в поисках? Учёные уже близки к объяснению этого феномена. Оказывается, весь секрет в существовании магнитного полюса Земли и магнитного поля вокруг нас, благодаря которому животные находят потерянного человека по исходящим от него импульсам. Давно замечено, что, если кошку или собаку в доме сильно любили и переживали после её потери, она обязательно вернётся к хозяевам. Приведу ещё один пример. В одной из семей в посёлке Катон-Карагай у детей была любимицей кошка Муська. Однажды родители увезли их на лето в гости к бабушке в соседнее село Черновая за 40 км. Ребятишки, оказавшись на новом месте, с момента приезда начали капризничать, плакать и требовать, чтобы им поскорее привезли Муську. Кошка, оставшаяся дома, в это же время не находила себе места, жалобно мяукала, искала детей и вскоре исчезла. Какова была радость ребятишек, когда через неделю она сама объявилась у бабушкиного дома в Черновой. Как же она их нашла? В народе в таких случаях говорят: «Сердцем почуяла».

Французские учёные, изучавшие ориентацию домашних животных, провели серию экспериментов с 20 собаками. Увезённые за 100 км от дома, они непременно возвращались к своим хозяевам, которые в момент опыта уже переехали в другой дом и в совсем иное место. Проанализировав эти факты, учёные пришли к выводу, что собаки возвращаются не к дому, а к любимому хозяину, ориентируясь на исходящие от него импульсы. Это подтвердил также случай с голубем, увезённым за 100 км. Он вернулся не к дому, где его взяли, а в больницу к своему хозяину, в которую тот попал по болезни, сразу же, как только голубя увезли. Так что любите своих питомцев, и они никогда у вас не потеряются!

Чумазаи

Недавно в интернете появился и сразу же стал популярным клип музыканта и певца Ивана Дорна, посвящённый исчезающим птицам. Есть в нём слова, обращённые к человечеству: «Люди говорят, что за нас переживают. А мы все в мазуте от счастья. Так не должно быть, Земля! Каждый может начать с себя». Особенно примечательны в нём строчки: «А мы все в мазуте от счастья». Сразу вспоминаются не только умирающие по морским берегам птицы, попавшие в зоны нефтяного загрязнения, но и обычные наши городские воробьи и синички, среди которых каждой зимой можно увидеть немало перепачканных до неузнаваемости в саже и мазуте.

Однажды в Алакольском заповеднике мы ехали на машине на один из кордонов в дельте Тентека. Дорога долго петляла в лабиринтах заснеженных тростников и вывела на обрывистый берег протоки Туюксу. На небольшой поляне рядом с ней стоял домик, на коньке крыши которого я увидел двух маленьких чёрных птичек величиной с воробья.

- Тормози, - крикнул я водителю и, схватившись за бинокль, стал торопливо наводить резкость, чтобы рассмотреть их в приоткрытое окошко. Заодно мысленно пытался сообразить, какая же из птиц чёрной окраски могла оказаться в этих местах. Это, пожалуй, один из самых увлекательных и азартных моментов в работе орнитолога, когда видишь совершенно незнакомую тебе птицу. Так было и в этот раз.

- Полевые воробьи из породы чумазаев, — вдруг подсказал мне сидевший рядом инспектор Юрий Петрович, - зимовали нынче вместе со мной на кордоне.

Услышав это, я открыл дверь, выбрался из машины и принялся разглядывать птичек, пытаясь различить в них хоть какие-то признаки полевых воробьёв.

- Действительно чумазаи, практически не определимые до вида, - в конце концов согласился я, - а чего это они у тебя такие чёрные?

- Подкоптились малость. В печной трубе любили греться. Тут у меня зимой как-то дрова закончились, пришлось тростником отапливаться. Для жару в печку резину добавлял - ру-

блѐные покрывки колѐс, а от них такой чѐрный дым шѐл, что даже мой сосед с крестьянского хозяйства за три километра отсюда точно знал, когда я чайник на печку ставлю. Тепла от этой резины много было, но сажи ещё больше. Я когда увидел этих воробышек почерневшими, удивился не меньше тебя. Боюсь, что теперь другие воробы не признают их за своих и прогонять будут.

Впрочем, для меня это была уже не первая встреча с подобными воробьями, просто я раньше не слышал подходящего названия для них. Сколько раз проходя по городским улицам приходилось останавливаться в недоумении, замечая в воробьиной стае птицу с загрязнённым и закопчённым до неузнаваемости оперением. Иногда сразу несколько штук. И каждый раз задавал сам себе вопрос о том, где же они могли до такой степени перепачкаться.

Предполагается, что такое чаще всего бывает после зимних ночёвок в вентиляционных ходах зданий, где скапливается много пыли и сажи. Ими чаще пользуются большие синицы, полевые и домовые воробы, поэтому среди них чумазаи попадают чаще всего. Есть такие, которые чернеют после пребывания в угольных хранилищах кочегарок у котельных. Некоторые синицы ночуют в гаражах под капотами машин, согреваясь у двигателей. На одной из кормушек в Караганде прикормили однажды синичку-московку, тоже почерневшую к весне после таких ночёвок. В Зыряновске однажды на кормушке появлялся потемневший от сажи и мазута седой дятел. Зима в тот год была лютая и вьюжная, поэтому при его виде жители даже выдвигали предположение, что, наверное, погреться он забирается в печные трубы частных домов. Оказывается, забираются в них даже совы. Однажды из трубы бани в Панкратьевском саду около Усть-Каменогорска извлекли погибшую длиннохвостую неясыть. Иногда в зимнюю стужу присаживаются погреться на краю печных труб галки. Рассказывали, что в поселковой части Алматы, где практикуется отопление печей газом, в последние годы участились встречи с майнами, греющимися у выходных отверстий печных труб, из которых едва заметно струится дымок. Погреться на трубе собирается сразу до пяти птиц. Наверное, скоро и среди них появятся особи с грязным оперением.

Бывают чумазаи другого рода, поэтому о них особый разговор. В одну зиму на колхозной свиноферме стал я встречать сорок с невероятно грязным оперением. Причину выяснил, когда проходил мимо скотомогильника, в который свозились из свинарника туши погибших свиней и поросят. Это была глубокая яма, закрытая сверху настилом из досок. В нём имелся люк, закрываемый крышкой. А так как он чаще всего оставался открытым, там прикормились живущие в окрестностях свинофермы сороки. Когда я приблизился первый раз, из люка одна за другой вылетело более десятка грязных-прегрязных стрекотух. Во время зимних буранов этот могильник перемело и заполнило снегом, поэтому вывозимых мёртвых свиней стали оставлять сверху. Большинство из туш вскоре превращалось в жуткие скелеты, обтянутые крепкой кожей, в которой зияли большие дыры. Сороки забирались через них внутрь и вытаскивали наружу внутренности. А по мере опустошения, кормились внутри как шахтеры в забое. Одуревшие от избытка пищи и обжорства многие из них с трудом летали. Состояние их грязного оперения не поддавалось описанию.

Электронная газета «Ремез» №91. 2019

Чуцундра

Когда я учился в старших классах средней школы в селе Берёзовка в начале семидесятых годов нас, время от времени, отправляли на сельскохозяйственные работы, в основном на колхозные огороды. Эти мероприятия чаще всего организовывались как субботники и воскресники, так как во время уборки урожая в колхозе не хватало рабочих рук и к полевым работам привлекали учителей и школьников. Так случилось и в этот раз, когда директор школы в авральном порядке собрал всех мальчишек из десятых классов и объявил, что отправляет нас на пару дней на свиноферму, чтобы помочь в сортировке свиней. На следующее утро в кузове грузовой машины нас с ветерком привезли на свиноферму, расположенную среди сопок в пяти километрах от деревни. Следом прибыло ещё несколько машин с колхозницами.

В те годы это был огромный свиноводческий комплекс, гордостью которого было два родильных цеха, оборудованных и автоматизированных по последнему слову техники. Вдоль подножия горы тянулась также цепочка летних загонов для откорма нескольких тысяч свиней. Они представляли собой огороженные сетчатыми заборами металлические секции, напоминающие лабиринты, оснащённые транспортёрами - кормораздатчиками. Это было сложное хозяйство, в чём мы убедились с первых минут пребывания в нём.

Рабочий день начался с общего собрания, на которое кроме нас пришло ещё десятка три человек из персонала свинофермы. Мы собрались в полукруг на полянке перед зданием конторы, на крыльце которой стояло начальство во главе с заведующим и парторгом колхоза, приехавшего лично руководить ответственным мероприятием по отправке свиней на мясокомбинат. Поэтому собрание началось с его речи о необходимости успешного выполнения государственного плана. Это событие запомнилось мне потому, что во время его выступления из дверей соседнего корпуса с визгом выскочил поросёнок, преследуемый разъярённым свинарём с палкой. Видимо, не знавший о проходящем мероприятии он послал вслед убежавшему поросёнку такие крепкие выражения, что парторг смущённо замолк. А шустрый поросёнок промчался через пространство, заполненное народом, выскочил на полянку у крыльца и остановился перед колхозным руководством, держа хвост крючком и испуганно озираясь по сторонам. Раздался дружный смех собравшихся, от которого он с перепугу шмыгнул между людей и умчался дальше.

- Савельев, это что за безобразие, почему собрание срываете? — заорал заведующий.

- Это не я, это всё Чучундра устроил, - стал оправдываться протиснувшийся к крыльцу мужичонка лет сорока, которого звали Аркашкой.

- И матерился тоже он? — прервал его начальник, сурово глядя на потерявшего дар речи подчинённого, ожидавшего разноса.

Впрочем, начальство тут же сменило гнев на милость, и торжественная часть собрания на этом закончилась. Далее заве-

дующий рассказал всем, что работать будем два дня, в первый все будут заниматься сортировкой подготовленного к сдаче поголовья в загонах, на второй — погрузкой в машины и отправкой в город. После этого, поручив бригадиру заниматься распределением людей по участкам работы, объявил собрание законченным.

Так, я впервые узнал про поросёнка по прозвищу Чучундра. В те годы это словечко было очень популярным в народе после показа по телевидению мультфильма по мотивам рассказа Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» про храброго мангуста, который не на жизнь, а на смерть сражался с коварными кобрами Нагом и Нагайной, защищая людей. Но больше всего нашим людям понравился забавный образ трусливой и всего боящейся мускусной крысы Чучундры. Тогда почти во всех коллективах появились свои Чучундры. Обзывали так чудаковатых людей, угодников из окружения начальства, и даже ярко накрашенных и расфуфыренных женщин. Были Чучундры и среди деревенских коров, склонных убежать куда глаза глядят и теряться. Так прозвали и этого поросёнка, отличавшегося невероятными способностями совершать побеги из загон, а потом блуждать по территории свинофермы. Говорили, что он пытается проникнуть в родильное отделение, в котором будто бы хочет отыскать свою мать, с которой его разлучили.

Первый день работы на свиноферме был необычайно шумным и суетливым. Команды из взрослых мужиков и крепких как на подбор колхозниц, вооружённых длинными шестами, обходили вольеры и перегоняли из них откормленных хряков, отобранных для сдачи. Процедура эта очень трудная, нервная и жестокая, так как животные, почувствовав недоброе, упирались и не хотели переходить на другое место. Тогда рабочие, выстроившись в два плотных ряда и образовав живой коридор, гнали их по нему с помощью шестов в другой загон.

Нашей школьной команде работа досталась полегче, так как мы должны были помогать в транспортировке в один из загон молодняка свиней. Когда под руководством сурового на вид дядьки-свинаря мы подошли к указанной секции, в ней уже находилось два десятка молоденьких хряков. Мы сразу же обратили внимание, что среди них особняком держится

шесть-семь упитанных, крепких и наглых секачей, остальные же, запуганные, стоят в углу, сбившись в кучу. Их перед нашим приходом перегнали в эту секцию и по рассказам свинаря между новичками и «чёрной мастью» случилась кровавая драка. Вскоре мы уже сами доставили в этот загон подсвинка. Он остановился в центре и в растерянности осматривался, не понимая, к какой из двух группировок присоединиться. Между тем, к нему приблизились те самые наглые крепыши, окружили и сразу же начали его задирать. Новичок попытался защищаться, и тут они обрушились на него всей группой, сбили с ног и начали рвать. Через несколько минут изодранный в кровь, он лежал пластом. Увидев такой беспредел, мы схватили палки и уже хотели вмешаться в разборку, но дядька-свинарь остановил нас и пояснил, что это у них обычный ритуал приёма новеньких в стадо, что, мол, так положено, каждый из них обязательно должен пройти эту процедуру. Кабанчик между тем поднялся и, шатаясь, ушёл в дальний угол, где, сбившись, стояли такие же новички, уже прошедшие подобную экзекуцию. До конца дня мы ещё несколько раз были свидетелями жутких нравов в этом стаде молодых хряков, напоминавших тюремные, о которых тогдашняя молодёжь была хорошо слышана. К вечеру мы возненавидели озверевших секачей, устраивающих кровавые побоища, и договорились, что как только уйдут свинари, устроить им в отместку свою разборку.

На следующее утро, как только приехали, состоялась разнарядка, после которой большинство народа, разделённого в разные команды, сразу же отправилось на погрузку свиней в машины. Распределение школьников по участкам работы проходило в последнюю очередь, и мы стали свидетелями сцены, когда бригадир вызвал Савельева и отругал его за то, что поросёнок - тот самый Чучундра - до сих пор шляется по всей территории, и в самый неподходящий момент попадает на глаза начальству.

- Это приказ, - строго сказал бригадир, - возьми себе в помощники двух школьников, проверь все щели в заборах, и чтобы к вечеру этот партизан был пойман.

В команду по его отлову назначили меня и моего друга Сашку, потому, что мы первыми попались на глаза начальнику. Так

начались наши приключения под руководством старшего свиная Аркадия Савельева, которого мы стали называть дядей Аркашей. Хотя он и был мужиком с чудачествами, но зато славился в колхозе как знаток свиней. Правда, история с этим неуловимым поросёнком принесла ему немало неприятностей и грозила подорвать его профессиональный авторитет. Поэтому он горел желанием поскорее разыскать и поймать его. Первым делом мы пошли осматривать сетчатые заборы загона, в котором содержался Чучундра. Однако, пройдясь по нему, ничего особенного не обнаружили: транспортер для раздачи кормов, кормушки, поилки, ящики с витаминными добавками, бетонированный пол и никаких повреждений в ограждениях. Дядя Аркаша на всякий случай проверил, насколько плотно закрывается металлическая дверь и задвижки на ней.

- Чудеса какие-то, - произнёс он после этого, - заборы двухметровые, сетки целёхонькие, подкопов нет. Как же он выбирается отсюда, ума не приложу? Грешным делом, уже подозревать начал, что кто-то из свинаярей специально выпускает его, чтобы подставить меня.

Затем мы отправились по местам, где прятался беглец после своих побегов. Первое из них находилось вдоль изгородей летних загон в глубокой промоине сухого русла ручья, заросшего кустарниками и бурьяном. Отсюда, по словам дяди Аркаши, он чаще всего убегал к новостройке — строящемуся двухквартирному дому в стороне от основных корпусов комплекса. В овраге и кустах его не оказалось, поэтому мы сразу же пошли к вагончикам, в которых жили строители. Из разговора с дежурным по кухне выяснилось, что этого поросёнка он подкармливает уже целый месяц, и он показал на тазик, стоящий у входа в вагон-столовую. По указанному «адресу» мы отыскивали его лежбище на площадке среди складированных стройматериалов. Чучундра, увидев спросонья Аркашку, с визгом умчался вниз к зарослям кустарников, в которых мы только, что побывали.

- Ребятки, бегите скорее к пустому загону и распахните настежь ворота, - распорядился свинаярь, - А я пока схожу к бригадиру и организую облаву.

Выполнив поручение, мы вернулись к конторе, где уже со-

брался народ. По распоряжению бригадира мужики вооружились шестами и, выстроившись в цепь, отправились к промоине, где спрятался поросёнок. Впереди шёл Аркашка и щёлкал своим пастушеским бичом. Поимка Чучундры на удивление прошла быстро. Окружённый надвигающейся цепью орущих людей и, пометавшись по кустам, он отступил к забору и забежал в распахнутые ворота. Дядя Аркаша лично с грохотом захлопнул их, показал ему кулак и объявил, что на этот раз он никуда не убежит. Когда все разошлись, мы загнали поросёнка в переносной ящик, перетащили его на носилках и выпустили в секцию молодняка, в которой он был прописан. Дядя Аркаша ходил в контору, доложил начальству о выполненном задании и вернулся в хорошем расположении духа.

Вскоре с гулом заработали двигатели транспортёров - началась автоматизированная кормёжка свиней в летних загонях. Мы немного понаблюдали, как двигалась широкая лента транспортёра, и с неё в кормушки сыпался комбикорм. Поросята с визгом суетились около неё. Интересно, что, когда лента медленно доползала до противоположной стенки секции, она по крутящемуся валу уходила в небольшое окошко, прикрытое шторкой из брезента. Остатки корма с неё сыпались в установленный с обратной стороны ящик. Дядя Аркаша между тем ушёл по делам, поручив нам следить за подачей кормов и порядком. Уставшие после дневной беготни, мы решили отдохнуть и устроились на сложенных у забора досках. Я задремал, а Сашка от нечего делать продолжал наблюдать через сетку за происходящим в загоне.

- Гляди, - вдруг толкнул он меня спустя некоторое время, - я только, что мельком видел, как поросёнок забрался в углу на ящички и перепрыгнул с них на транспортёр. По-моему, Чучундрёнок собрался в побег.

Мы вскочили и вправду увидели его стоящим на движущейся ленте кормораздатчика. Едва она приблизилась к окошку, он прилёг и очутился за пределами секции.

- Дядя Аркаша, Чучундра удрал, - заорали мы в два голоса.

- Раскудри его мать, - выругался прибежавший наставник, - как этот змей подколодный меня уже достал.

Однако, когда мы поведали ему секрет загадочных исчезно-

вений поросёнка и показали, каким образом он выбирается за пределы загона, дядя Аркаша повеселел и похвалил нас за наблюдательность.

- Сколько работаю, первый раз такого вундеркинда встречаю, - произнёс он с некоторой гордостью, - такого умника не на мясокомбинат, а в цирк надо определять.

После этого мы осмотрели место побега и заделали злополучное окошко железной решёткой, накрепко прикрутив её стальной проволокой. Радостный дядя Аркаша отправился на очередной доклад к бригадиру и вскоре вернулся совсем в плохом расположении духа. К концу рабочего дня в очередной раз им была организована многолюдная облава. Чучундра на этот раз проявил небывалые спринтерские способности и как угорелый заяц носился по всей территории свинофермы, ускользя от уставших загонщиков. Выручила всех наша быстроногая школьная команда. В конце концов, мы всё же загнали упрянца в загон и вернули его на место. На прощание поросёнок выслушал от измученных беготнёй участников облавы самые нелицеприятные комплименты в своей адрес, но держался молодцом. Всю обратную дорогу домой мы дружно смеялись и шутили, вспоминая похождения Чучундры и дяди Аркаши.

А вскоре в селе прошёл осенний праздник «День урожая». В Доме культуры состоялось торжественное собрание и награждение ударников труда, среди которых был и Аркадий Савельев. Затем был концерт, на котором колхозницы исполнили множество частушек, сочинённых местными остроусловами по поводу событий этого года. Одна из них мне хорошо запомнилась: «От рассвета до заката, дружно трудится колхоз. Наш Аркаша от Чучундры заработал токсикоз».

Электронная газета «Ремез» №92. 2019

Улукиткан из Катон-Карагая

Возвращаясь из поездки на Рахмановские ключи, заехал я к знакомому пасечнику на Бухтарме, чтобы переночевать и взять домой алтайского мёда. На пасеке встретил знакомых рыбаков из Катон-Карагая, что по местным традициям предполагало интересный вечер с застольем, ухой из тайменя и, конечно же, с множеством рыбацких, охотничьих и житейских историй. Пока я возился с хозяином в омшанике, набирая из медогонки в банки мёд, нашего любопытного водителя Васю искушали пчёлы. По наивности городского жителя он отправился прогуляться с фотоаппаратом к ульям, чтобы посмотреть и запечатлеть момент как трудолюбивые пчёлки носят мёд. Но из-за прошедшего накануне дождя и «нелётной» погоды, пчёлы на его беду оказались злые и негостеприимные, и сразу же набросились на него. Вместо того, чтобы закрыть лицо руками и убежать, стал он отбиваться от них как от назойливых мух и получил неизбежный жизненный урок. Когда мы вернулись в избу, то не узнали его. Всего лишь несколько укусов в губы и между глаз изменили добродушную физиономию Василия до неузнаваемости, а его взгляд приобрёл прямо-таки бандитское выражение.

- Ооо, паря, ждут тебя серьёзные проблемы и крестовый дом, — на полном серьёзе сказал увидевший его пасечник, любивший подшутить над гостями. — Зона у нас пограничная, на первом же посту погранцы задержат для выяснения личности. Ты же теперь совсем не похож на фотографию в паспорте, а с этим делом у нас строго.

- И шо мне теперь делать? - растерянно произнёс Вася.

- А ничего, оставайся ночевать, лечить тебя будем, - произнёс пасечник и достал из-за печки огромную бутылку с медовухой.

Вскоре мы весело сидели за столом и наперебой вспоминали о том, как и до какой степени были сами ранее покусаны пчёлами и шершнями. Постепенно разговор перешёл на истории про змеиные укусы, после чего разгорячённые медовым напитком начали припоминать случаи про охотников из числа родственников, друзей и знакомых, укушенных лисами, хорьками, белками, сусликами и бурундуками. До традиционных

бухтарминских историй про медведей в тот вечер мы не успели дойти из-за вмешательства в разговор дремавшего до этого момента Фёдора Ивановича.

- Всё это мелочи, - сказал он - Чемпионом в этом деле у нас в Катон-Карагае был Улукиткан - Борька Полковников, его почти каждая собака в деревне кусала. Проще сказать, кто его не кусал. Ему в горло один раз даже косуля зубами вцепилась и чуть не задушила его.

- Что за мужик, расскажи? - заинтересовались мы.

- Жил у нас тут раньше такой чудик. Всю свою жизнь непутёвую браконьерствовал. И вечно с ним всякие несчастья приключались.

Из дальнейших воспоминаний Фёдора Ивановича мы узнали, что этот Борька был его одноклассником, точнее в первый класс они вместе пошли, но затем он безнадёжно отстал, так как после каждого класса из-за плохой успеваемости его оставляли на второй год. Когда в середине семидесятых годов Фёдор заканчивал шестой класс, Борька ещё учился в третьем. На этом его учеба закончилась, потому, что был исключён он из школы по причине умственной отсталости и раннего пристрастия к курению. Единственным школьным достижением Борьки было то, что научился он читать по слогам и с трудом освоил таблицу умножения, да и то впоследствии, когда нужно было что-то подсчитать, прибегал к загибанию пальцев на обеих руках.

Отец у Борьки был штатным охотником-промысловиком, мастеровым, но сильно пьющим мужиком. В межсезонье делал на продажу конные сани, гнул дуги для лошадей, мастерил камусные лыжи. Видать передал он сыну пристрастие к охоте и кое-какие навыки своего ремесла. Поэтому любимым занятием Борьки с детства была ловля зверьков и птичек петлями и другими самодельными снастями.

После смерти родителей в конце восьмидесятых годов получил он в наследство их дом и небогатое хозяйство. Не имея ни образования, ни специальности, ни работы, был он обречён на бедное существование. Правда, как инвалиду детства полагалась ему крохотная пенсия, на которую вряд ли можно было свести концы с концами. Оставшись один, он первое время

бедствовал и жил в основном охотой. Зимой на пропитание ловил петлями зайцев, весной и летом — сусликов. Основным источником его заработков вскоре стали «дары природы», особенно кедровые орехи. Несмотря на свой тщедушный вид, Борька ловко и без страха лазал по кедром под самые вершины и считался мастером по сбиванию шишек. Дома желубил собранные орехи, сушил, сеял и продавал по десятку и более мешков каждый год. Ещё он солил в деревянных кадках на продажу много грибов, слизуна и дикого лука. Приторговывал также берёзовыми вениками.

В общем, жил тем, что за оплату принимала районная заготконтора и втихаря скупали приезжие коммерсанты. Так нашёл он способ зарабатывать деньги и достиг в этом определённых успехов. Дело в том, что волею судьбы попал он в число «вольных добытчиков», которые тайком вели заготовки лекарственных трав, золотого корня и мумия. Тогда во всех городах при желании можно было разыскать «травников» - деятельных мужичков с коммерческой жилкой, занимавшихся скупкой и перепродажей лекарственных трав. Они лучше всех располагали информацией о том, какие из растений пользуются спросом на «чёрном рынке», знали расценки на них и каналы сбыта. В алтайских деревнях у них была своя доверенная клиентура, выполнявшая за оплату любые их заказы. Подобная схема работала тогда надёжно и бесперебойно, хотя и была уголовно наказуемой. Борька тоже был в их числе. Правда, постепенно среди коммерсантов он получил известность тем, что охотно брался ловить живьём разное мелкое зверьё. О размахе своей деятельности он не раз хвалился среди друзей, будучи в сильном подпитии, и из его рассказов было понятно, что пойманные и проданные им зверьки сотнями живут в зоопарках Союза. Рассказывали, что он много лет успешно контактировал с новосибирским серпентарием, куда поставлял алтайских гадюк, яд которых особенно ценился. Благодаря Борьке у новосибирцев дело шло хорошо, и они несколько лет подряд приезжали к нему в Катон-Карагай «доить» гадюк — брать яд. Борька «сусанил» у них в качестве проводника и ловца. Восхищённые его способностями находить и ловить любую живность, они в шутку прозвали его между

собой Улукитканом и это прозвище вскоре прочно закрепилось за ним в среде таких же ловцов. - «Хоть золотую рыбку поймаю, если хорошо заплатите», - любил говорить новоявленный Улукиткан своим заказчикам. Определённый шарм бывалого зверолова придавали ему искалеченные пальцы левой руки, про которые, наводя ужас на слушателей, он рассказывал историю о том, как во время установки капкана на медведя тот случайно сработал и захлопнулся, защемив намертво три пальца. Два пальца ему всё же удалось освободить, а третий пришлось отрезать ножом в перебитом суставе.

Ходили слухи, что особенно прочные связи имел он с «Зоопромом» в Усть-Каменогорске, выполняя их заказы. С этой заготовительной организацией и связана знаменитая история. Как-то Борька узнал, что «Зоопром» за хорошую плату принимает живых косуль, называемых среди алтайских жителей дикими козлами. Подрядился на это дело и он, понадеявшись хорошо заработать. В соседних логах у Катон-Карагая, где водились косули, расставил несколько проволочных петель. Наверное, целый месяц он каждый день ходил и проверял их. Не зря говорят, что дурачкам везёт. Повезло и Борьке. Приходит раз, а в петлю молодая косуля попала. Освободил он её от проволоки, связал ноги, взвалил на плечи и пошёл домой. Жил он на окраине посёлка, поэтому напрямик можно быстро и незаметно добраться. Однако пошёл Борька кружной дорогой. Потому, что захотелось ему пройтись улицей, да так, чтобы все люди увидели его с добычей. Бывает у некоторых охотников такая звёздная болезнь - «минутой славы» называется - когда своим трофеем хочется покрасоваться перед народом и пройтись так, чтобы увидели все. Повезло Борьке и здесь. Только зашёл в переулок, как встретил друга-собутельника Серёгу. Тот дар речи потерял, когда увидел его. Остановились они на виду у всех, закурили и начал Борька рассказывать подробности своей охоты. А так как красноречием он не отличался, разговор их затянулся. Выкурили уже по несколько сигарет, когда косуля оклемалась и, измучившись лежать на плечах, изловчилась и вцепилась зубами в шею своего мучителя. Да так сильно, что Борис взревел от боли и рухнул наземь.

Пришлось Серёге выручать друга и тащить косулю до дома.

Закрыв её в сарае, он оказал ему первую медицинскую помощь, после чего сбегал в магазин за водкой и начали они снимать стресс и обмывать добычу. После первой бутылки водки Борьке полегчало, а после второй он даже порывался сходить на почту, чтобы позвонить в «Зоопром» и сообщить радостную весть про косулю. Однако звонить не пришлось, так как водка закончилась, а почта к этому времени уже закрылась. Решили пройтись до ближайшего магазина. Когда вышли на порог, Борька захотел вдруг полюбоваться на свою добычу. Распахнув настежь дверь в сарай, заглянул во внутрь. Косуля испуганно заметалась, но увидев просвет в дверях, вдруг прыгнула в его сторону. Ударив Борьку головой в грудь, она сбила его с ног и, выскочив в ограду, с лёгкостью перемахнула через забор и умчалась по переулку в сторону гор. Всего этого Борька не увидел, так как после ошеломительного удара по лёгким он на время задохнулся и не скоро пришёл в себя. После этого он долго болел и появлялся редко, в основном, когда отпраивался на перевязку в больницу. На его шее после укуса образовалась большая болезненная гематома, из-за которой ему пришлось ходить как убогому, прижимая голову к плечу. Но каждый его выход в деревню был триумфальным, так как односельчанам непременно хотелось лично выслушать рассказ о том, как его чуть не загрыз дикий козёл. Борька охотно демонстрировал шрам на шее, синяк во всю грудь и артистично изображал надрывный кашель из-за отбитых лёгких. Такие встречи заканчивались для него пьянками и длительным похмельем, после которых Борька топил баню, подолгу парился и, когда приходил в себя, исчезал на свои тайные промыслы в лес.

В районном обществе охотников и охотничьей инспекции, конечно же, были осведомлены о похождениях Борьки — в деревне ничего от людей не утаишь. Поначалу смотрели на эти чудачества и проделки сквозь пальцы, жалели обиженного богом парнишку, но когда он повзрослел и масштабы его браконьерских дел стали выходить за пределы разумного, начали в открытую обзывать его обидным словом «бракаш» и стращать разными карами. И вправду, вскоре инспекция отобрала у него ружьё, капканы, петли и ловушки, несколько раз оштрафовала за нарушения правил охоты. Но остановить

Борьку было уже невозможно — он вошел в азарт зарабатывания денег. В конце концов, в середине девяностых годов он по-крупному погорел на попытке продажи большой партии заготовленного золотого корня — родиолы розовой, занесённой в Красную книгу. На этот раз за Борьку взялись всерьёз и в милиции завели уголовное дело. Когда начались допросы, он понял, что о его браконьерской и коммерческой деятельности следователи знают гораздо больше, чем он предполагал. Борька спешно продал свой домишко и исчез в неизвестном направлении. Позднее узнали, что объявился он у родни в посёлке Кайтанак в Горном Алтае, где вскоре погиб при загадочных обстоятельствах. А среди жителей Катон-Карагая до сих пор остались воспоминания и легенды о его похождениях, в том числе и эта история про косялю.

Электронная газета «Ремез» №93. 2019

Крысиная напасть

Эти события произошли в 1972-1974 годах, а начались они с того, что на окраине села Берёзовка снесли старую колхозную конюшню и зерносклад, в котором хранился фураж для лошадей. Всё поголовье крыс, благополучно жившее там, перекочевало в соседние деревенские усадьбы, в том числе и в наш дом, стоявший на обрывистом берегу Иртыша. Вынужденные беженцы не только прижились, но и быстро размножились. Точнее, в течение двух-трёх лет произошла вспышка их численности и они стали расселяться по всей деревне. Усадьбы колхозников с богатыми кладовыми и подворьями стали для крыс райскими уголками, а для хозяев постоянной головной болью и желанием поскорее от них избавиться. Так началась многолетняя эпопея борьбы с ними, о которой мне хотелось бы поделиться своими воспоминаниями.

Сразу скажу, что бороться с нашествием крыс оказалось сложно. Применявшиеся тогда ядовитые приманки не давали нужного эффекта. После выкладки первых порций погибало в лучшем случае несколько штук, после чего они, как сговорившись, начинали игнорировать отраву. Я в те годы уже имел

опыт капканного промысла, поэтому у себя дома применял самые различные способы их добычи, но они не давали нужного эффекта — ловился в основном глупый молодняк. А вот крупные матёрые крысы попадались редко, от случая к случаю, соблазнившись какой-нибудь вкусной приманкой, прикрепляемой на пяточок капкана. Не давало результатов использование проволочных петель — зверьки перекусывали как плоскогубцами любую, даже стальную, проволоку.

Первые крысы, появившиеся у нас в доме, поселились в подвале, где хранились запасы картошки и овощей. Отсюда они проделали в стене ход в кладовую, где в мешках держали зерно и муку. Вскоре многие из них были продырявлены — крысы начали проверять вкусовые качества их содержимого. После этого отец срочным образом построил в веранде из тесовых досок вместительный ларь высотой метра два, в который засыпали все запасы зерна. Прошла неделя и в его углу крысы прогрызли большое отверстие, чтобы получить доступ к неприкосновенным запасам. Пришлось обивать стенки и днище ларя жостью. Так начались в нашем хозяйстве бесконечные перестройки, вызванные появлением незваных пришельцев.

Другим местом, которое облюбовали крысы, стал погреб в ограде, походивший на хорошо оборудованный земляной бункер на глубине четырёх метров. Вдоль его стен возвышались полки, на которых хранились банки с соленьями и вареньями, на полу стояли фляги, деревянные кадки с припасами, а зимой в ящиках хранились капуста, свекла и тыквы. Крысам понравилось наличие этих запасов, поэтому в каждом углу поселилось сразу четыре семьи, круглый год дававших приплод и поддерживавших поголовье крысиного рода в усадьбе. Сверху, в дровяном сарае, имелись входные отверстия нор, ведущих в погреб и, как я предполагал, находилась система ходов вниз, недоступная для меня. После неудачных попыток ловить их капканами у входа в эти норы, решил я нарушить благополучие подземного общежития и устроил крысам потоп по методу выливания сусликов из нор. Целый час таскал я ведрами воду из колонки и заливал её в вертикальные ходы. Правда, в последующие дни я сильно пожалел о содеянном, так как, заглянув внутрь погреба, увидел, что крысы уже удар-

но потрудились над восстановлением своих пострадавших коммуникаций. Весь пол и овощи были завалены свежей землей, выброшенной из новых нор. Хуже того, отверстия ходов появились в разных местах стен и рыхлой землёй были засыпаны все полки с припасами. Уютный погребок с тех пор стал приходиться в упадок.

Интересно, что первыми из жильцов, кто пострадал от крыс, были ранее многочисленные домовые мыши. Они были сразу же изгнаны из самых кормных мест и, в первую очередь, из кладовой и подвала. Каково же было наше удивление, когда обнаружили, что они, спасаясь от крыс, переселились на чердак дома и с тех пор жили там как в осаде. Следующей жертвой стал наш сторожевой пёс Аяврик — здоровенный и свирепый барбос. Однажды я случайно увидел в окно, что у его конуры появилась крупная самка крысы с несколькими крысятами. Они забрались в его чашку и принялись доедать остатки еды. Увидевший это пёс не стерпел такой наглости и с рычанием бросился к ним. Мать-крыса, защищая своих детей, в стремительном прыжке метнулась к нему навстречу, вцепилась в нос и повисла на нём. Аяврик взвыл на весь двор. Когда я прибежал на помощь, бедный пёс на коленях ползал по земле, скулил от боли и из его глаз текли слёзы. Крыса намертво вцепилась в него и не желала отпускать, даже когда я попытался оторвать её от него. В конце концов, придавив к земле лопатой, пришлось умертвить её. После пережитого Аяврик долго болел и стал испытывать чувство боязни к крысам. Они нередко пробегали мимо его будки, но он уже больше не принимал попыток прогнать их.

По этой же причине все кошки, жившие у нас, не решались вступать в схватки с крысами, но мне были известны поистине героические коты, не на жизнь, а на смерть боровшиеся с крысиным бандитизмом и истреблявшие их каждый год десятками. Примечательно, что убитых крыс они практически не ели, но на правах победителя иногда разгрызали у некоторых череп и лакомились мозгом.

Появлялся у нас однажды и добровольный помощник в борьбе с крысами. Как-то заметили, что в выводке одной из куриц загадочным образом, один за другим, исчезло несколько

ко цыплят. Вначале грешили на соседского кота, затем на хорька, которого стали замечать в дворовых постройках. Но хорька пришлось оправдать, так как вскоре мы установили виновницу происшествия - большую крысу, которую застали за пожиранием очередного цыплёнка. Сосед-охотник, узнавший про появление хорька, порадовал нас новостью о том, что это один из лучших истребителей крыс и посоветовал убрать все капканы, чтобы он ненароком не попал в них. Сколько в действительности он уничтожил крыс, я не знаю, но судя по тому, что он появлялся у нас регулярно больше года, скорее всего, не мало.

Для перемещений по дворовым постройкам крысы прорыли сквозь стены систему магистральных ходов. Каких титанических трудов им это стоило, расскажу на примере старой бани, доставшейся нам от прежних хозяев. Была она построена десятка два лет назад из саманных кирпичей, поэтому саман был твёрд как камень и при ударе по нему ломом или топором на поверхности оставались лишь отметины. Из-за множества крысиных ходов баня вскоре утратила свои качества парной, поэтому отец в течение лета построил из шлакобетона новенькую баньку и установил в ней сваренную из листового железа печку, дававшую температуру подобно термоядерной установке. После отделки стен в парной и предбаннике деревом, выглядела она замечательно! Отец не мог нарадоваться исполнению своей мечты, но однажды сильно расстроился, обнаружив в литом бетонном фундаменте аккуратное, словно просверленное, сквозное отверстие в прихожую. Другая нора, ведущая в парную, зияла в стене предбанника. Мы долго удивлялись этой невероятной способности крыс проделывать такие ходы, предполагая, что для этого надо иметь стальные челюсти и когти, а также невероятную силу и упорство в работе. Приготовив раствор цемента с песком, забили ходы бетонными пробками, но на следующее утро они были старательно расчищены. Посоветавшись, приготовили новый раствор, добавив в него мелкое битое стекло. Спустя неделю крысы умудрились расчистить ходы и от него. После этого отец привёз со стройки упаковку стекловаты и забил ею все отверстия. Но и в этот раз произошло невероятное — крысы

опять очистили ходы. Следующая убийственная смесь была изготовлена из стекловаты, солидола и битого стекла. После этого крысы лишь предприняли попытку очистки одного из ходов, но вскоре бросили это занятие. Мы замазали входные и выходное отверстия цементом и облегчённо вздохнули. Но радовались преждевременно — спустя месяц обнаружили новый ход, прорытый в фундаменте в другом месте. Побывав в бане, словно в отместку, крысы изгрызли оставленные мочалки и кусок мыла.

Пока шла борьба за новую баню, крысы окончательно привели в негодность погреб. Подросший к концу лета крысиный молодняк развил в нём бурную землеройную деятельность, в результате которой изрытые ходами земляные стены стали осыпаться, балки просели и крыша могла в любое время обрушиться. Пришлось срочно эвакуировать хранившиеся другие запасы. На соседней полянке мы выкопали глубокую яму под новый погреб, сравнив старый с землей.

Единственное место, где крысы первое время избегали устраивать свои норы, был двор, где зимовали коровы и телята. Причиной этому была постоянная влажность почвы под полом. Поэтому в одну из зим мы были сильно удивлены, когда стали замечать крыс внутри двора. Но ещё больше удивлялись, когда видели, как зверьки с разбегу, цепляясь когтями за неровности и трещины, с легкостью взбежали на трёхметровую стену под потолок и прятались в веточно-соломенной крыше! Оказалось, что они устроили в ней два гнезда. В марте мы не раз слышали, как оттуда доносился писк маленьких крысят.

Но такой способ вертикальных перемещений крыс был несравним с тем, что я позднее увидел на колхозной свиноферме. Однажды пришлось мне дежурить в её родильном отделении, точнее помогать дежурному во время массового опороса свиноматок. Это было огромное бетонно-блоковое помещение типа заводского цеха метров сто длиной и с очень высокими потолками. В нём в несколько рядов стояли клетки, в каждой из которых имелась кормушка с поилкой и находилась свинья, помещенная сюда накануне родов. В задачи дежурного входило вовремя принять роды, а новорожденных поросят отсадить в ящик, включив над ним большие матовые лампы обогрева.

Опорос — хлопотное дело и постоянная беготня от клетки к клетке. Уже в первые часы дежурства обратил я внимание на крыс, то и дело снующих вдоль стен и в проходах между родильными секциями. Некоторых из них я время от времени выпугивал из самих клеток, где они кормились в кормушках свиней. В мои обязанности входило не только выявлять свиноматок, у которых начинался опорос, но и разгонять крыс из клеток, не позволяя им забираться в ящики с новорождёнными поросятами. Дело в том, что среди крыс было немало хищниц, которые специализировались на пожирании только, что родившихся поросят. Очевидцы рассказывали, что, едва заслышав родовые визги свиноматки, они мчатся к её клетке и, в случае задержки дежурного, успевали умертвить или сильно покалечить, вырывая и тут же поедая мягкие части тела новорождённого. Наслушавшись этих историй, я с особым усердием отгонял их от клеток, запуская вслед всё, что подвернётся под руку. В такие моменты много раз был свидетелем как зверьки стремительно, подобно белкам, взбегали вверх по шершавым бетонным стенам на высоту до пяти метров к ближайшим выступам карниза. Отсюда они быстро разбегались по бетонным балкам в разные части помещения. Тогда я понял, что таких крыс истребить и победить невозможно!

Электронная газета «Ремез» №94. 2019

Крысы – любительницы долларов

«Граждане! Храните деньги в сберегательной кассе», - эту классическую фразу вора Милославского в момент ограбления квартиры Шпака в кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию» наверняка помнит каждый человек, живший в советские времена. Тогда это считалось шедевром рекламирования Сбербанка. Но затем наступили лихие девяностые, и все программы телевидения заполонила назойливая реклама, призывающая хранить деньги в коммерческих банках, хотя особого доверия им на первых порах не было, особенно после того, как большинство населения лишилось своих многолетних вкладов после распада Советского Союза. С этим и связана эта история.

Произошла она в середине девяностых годов, когда в Алматы в большом количестве расплодилось крысы-пасюки, а в свободном обращении появились доллары. Семья сестры моей жены жила тогда в небольшом двухкомнатном домике в одном из переулков вдоль улицы Баумана. Как и многие горожане, измученные теснотой, они мечтали накопить денег, чтобы приобрести благоустроенную городскую квартиру. Первую партию накоплений из трёх тысяч долларов хозяйка сложила в трёхлитровую стеклянную банку с обычной пластмассовой крышкой и спрятала её в подполе дома, закопав в картошку. Такой способ хранения личных сбережений в кубышках издавна считался наиболее надёжным. Менялись, разве что, эти самые кубышки — раньше предпочитали кувшины и шкатулки, а потом перешли на стеклянные банки.

Когда пришло время добавлять очередную круглую сумму, женщина спустилась в подвал и не поверила своим глазам: заветная банка без крышки валялась в углу среди разрытой картошки, а всё вокруг было усеяно множеством бумажных обрывков. Увиденное повергло её в ужас, отчаяние и истерику со слезами. Оказывается, жившие в подвале крысы обгрызли края пластмассой крышки и, вскрыв таким образом стеклянный «сейф», изгрызли накопленные доллары, превратив их в мелкие кусочки и лишив людей мечты о новой квартире. Срочно вызванный с работы муж оказался благоразумным и, собрав в пакет все, до единого, остатки долларов, поехал с ними в банк. Оказывается, он был не первым в числе пострадавших от крыс, так как подобное уже случалось в городе и даже на более крупные суммы. Пришлось ему многие часы сидеть и кропотливо сортировать этот мусор, выискивая среди них обрывки с номерами и склеивая их на листах бумаги. Таким образом, удалось спасти основную часть уничтоженных накоплений, так как банк вернул доллары за подтвержденные номерами купюры. Когда в семье немного улеглись страсти по поводу потерянных денег, хозяйка позвонила своей подруге и рассказала ей о случившейся беде. Эта новость вдруг вызвала необычайно бурную реакцию подруги: «Боже мой, у меня же тоже баксы лежат в банке и тоже в картошке». Она бросила трубку, но спустя час позвонила, рыдая: «Пять тысяч долла-

ров на квартиру в труху превратили». На следующий день она тоже поехала в банк, но там отказались принимать привезённое на списание. Слишком уж мелким оказался бумажный мусор. Возможно, заморские купюры более крупного номинала показались крысам более вкусными.

Думаете, что после подобных горьких уроков пострадавшие сразу же изменили своей привычке и отправились вкладывать сбережения в коммерческие и государственные банки? Ничего подобного! Наши практичные женщины лишь заменили на стеклянных банках прежние пластмассовые крышки на винтовые металлические. Они, в конце концов, накопили денег на новые квартиры и до сих пор вспоминают, с какими приключениями из-за крыс они их приобрели.

Электронная газета «Ремез» №95. 2020

История старой фотографии

Осенью 2019 года в Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее в Усть-Каменогорске прошла выставка «Тропа длиною в жизнь», посвящённая 80-летию юбилею со дня рождения нашего замечательного земляка, писателя-натуралиста, орнитолога и краеведа Бориса Васильевича Щербакова. На огромных стендах выставочного зала была размещена большая серия фотографий, отражающая различные этапы его жизни, научной, литературной и общественной деятельности. Одна из черно-белых фотографий, на которой Борис Васильевич изображён, стоящим на дороге с большим рюкзаком на спине на фоне алтайских гор, меня особенно заинтересовала. Дело в том, что этот снимок был сделан мной в августе 1972 года во время возвращения из недельного пешего маршрута в горы Рудного Алтая. И было это возвращение связано с историей, о которой мы с ним с тех пор старались не вспоминать, а если уж и делились подробностями, то только в кругу близких друзей. На этот раз, рассматривая старую фотографию и, вспоминая события тех дней, расскажу о них по порядку.

Летом 1972 года Борис Васильевич предложил мне принять участие в пешем походе на Белоубинские озёра для изучения птиц. Третьего августа на рейсовом автобусе мы с ним вдвоём доехали из Лениногорска до посёлка лесорубов Серый Луг у подножия Ивановского хребта, взвалили на себя рюкзаки и двинулись по лесной дороге вглубь гор. На следующий день, поднявшись по тропе вверх по таёжному ущелью Палевой речки, остановились на ночёвку в кедровнике у верхней границы леса. Здесь нашлась подходящая полянка, давно приспособленная для временных стоянок жителями ближайших деревень во время заготовок ими кедровых орехов. На ней я впервые увидел мастерски изготовленные местными умельцами различные орудия таёжного промысла - колотушки для сбивания с веток шишек, имевших различные формы и забавные сибирские названия: байдон, околот и остолоп. Были также ручные шишкорушки, одну из которых именовали тёркой, а другую — рубель. Видели также решето, приспособленное для просеивания орехов. В одном месте на дереве висел объёмистый туесок из бересты. Запомнились малиново-красные щуры, прилетавшие на лужайку. Особое очарование лесу придавали крикливые кедровки и шум реки в ущелье.

Утром мы поднялись на тундровый водораздел хребта и после длительного перехода к вечеру добрались до верхнего Кедрового озера в истоках Белой Убы. Остановились в старой охотничьей избушке с земляным полом, протекающей крышей и нарами из расколотых надвое брёвен. Отсюда каждый день мы совершали экскурсии, проводили учёты птиц, собирали научную коллекцию из наиболее интересных видов. Именно здесь, за столиком этой избушки, освоил я тогда препараторское дело, научившись изготавливать коллекционные тушки птиц. Для меня, тогда юнната, с увлечением начавшего заниматься орнитологией, это было счастливое время ежедневного познания новых птиц. Борис Васильевич, обладавший музыкальным слухом и прекрасно различавший птиц по пению и голосам, учил меня умению определять их не только по внешнему виду, но и на слух. Благодаря ему, я впервые в жизни увидел многих алтайских птиц: тундряную куропатку, хрустана, щура, певчего сверчка, синехвостку, сибирскую

чечевицу, соловья-красношейку, бурюю пеночку. Особенно памятными были экскурсии на Линейский хребет, где среди кедрового леса возвышалось множество скальных останцев самых причудливых форм. В этом лесу среди нагромождений камней водилось множество сеноставок — алтайских пищух, а под навесами скал часто встречались их стожки — запасы сухой травы на зиму. Меня больше всего удивляло, что свои стожки они нередко устраивали у стволов кедров и некоторые из них имели высоту до полутора метров. Их основания были образованы слежавшейся и перегнившей растительной массой, поверх которой зверьки каждый год укладывали свежую траву, наращивая так постройку в высоту. Не менее удивительной была здесь активная землеройная деятельность медведей. В кедровнике жило много бурундуков, известных своей склонностью делать на зиму большие запасы орешков в подземных кладовых. Поэтому хозяева тайги — медведи проводили прямо-таки грабительскую экспроприацию этих накоплений и как землекопы разрывали длинные ходы бурундуков, ведущие в их хранилища. Мы часто встречали следы этих погромов - изрытые вдоль и поперёк лесные поляны, разбросанные в разные стороны землю, корни и камни.

В последний день мы отправились в дальний маршрут к хребту Холзун. Едва перебрали через речку Барсук и стали подниматься на склон, как нас настиг проливной дождь. Добежав до ближайшей группы кедров, укрылись под густой кроной одного из них и, накрывшись плащом, устроили вынужденный отдых и даже успели вздремнуть. Когда перестук дождевых капель прекратился, откинули плащ и замерли от удивления: на нас в упор смотрело, сопело и чуть ли не обнюхивало десятка два рогатых коровьих голов. При этом, стоящие позади, из любопытства старались протиснуться ближе, чтобы тоже взглянуть на нас, отчего пространство между нами временно сужалось настолько, что до ближайших из них можно было дотянуться рукой. Скорее всего, мы заняли любимое место их дневного отстоя и они, спасаясь от дождя, пришли сюда. Поэтому, когда они увидели людей, то были удивлены и напуганы не менее нас. В их взглядах так и читался вопрос: откуда вы взялись? Одицавшие за время вольной жизни на отгоне, они,

похоже, уже давно не видели никого из людей, кроме пастуха, поэтому, перепугавшись, принялись осторожно выяснять, кто мы такие. На наше счастье вместе с ними не пришёл вожак стада — бык-производитель, непременно устроивший бы нам разборки. Но, не заметив в поведении коров агрессивных намерений, мы открыли записные книжки и взялись описывать события дня. Коровы тоже утратили к нам всякий интерес и, разделившись повзводно, дружно разошлись пастись, оставив вокруг множество запашистых «лепёшек». Избавившись от их назойливого надзора, мы отправились вверх по руслу речки Барсук на болото Гульбище, на котором среди зарослей карликовых берёзок решили поискать азиатских бекасов. Куликов в тот день мы так и не встретили, но зато нашли поздний выводок чирков-свистунков с ещё маленькими утятами.

На следующее утро вышли из избушки в обратный путь. Побывав у нижнего Кедрового озера, окружённого дремучим лесом, стали спускаться вниз в теснину ущелья Белой Убы. Так как старых троп мы не нашли, пришлось пробираться по крутому склону напрямик по густому высокотравью, буреломам и осыпям среди пихтово-лиственничного леса. Здесь нам несколько раз посчастливилось наблюдать и слышать поющих самцов синехвосток. Остановившись отдохнуть около лиственницы, мы сразу же обратили внимание на перепархивающих в её ветвях каких-то мелких мухоловок. Пока разглядывали их в бинокли, заметили, что они кормят едва перелетающих короткохвостых птенцов. Чтобы разобраться с их видовой принадлежностью, Щербаков метким выстрелом из ружья добыл одну из них. Когда отыскали и рассмотрели её, он радостно воскликнул: «Сибирская мухоловка-касатка, я никогда ещё не встречал её у нас на Алтае!». Видимо, они недавно расселились сюда из Сибири. Так произошло это важное орнитологическое открытие, дополнившее список гнездящихся птиц Казахстана.

Внизу, у речки, нас застал и промочил до нитки обложной дождь. Пришлось заночевать, натянув между двумя бревнами целлофановый тент. Когда поднялись утром, то немного ниже нашей стоянки на грязи обнаружили медвежьи следы и свежий помёт. Видать рано утром зверь случайно набрёл на ме-

сто нашей ночёвки, но ушёл в сторону, не побеспокоив нас. Весь день занял переход вниз по Белой Убе. Шли через места лесозаготовок 50-х годов. Всюду по склонам лежало множество заготовленного и брошенного леса, заросшего кипреем и малиной. Долина реки постепенно расширилась, на смену хвойной тайге появились березняки и осинники. Дальше идти стало легче, так как мы вышли на старую лесовозную дорогу. К вечеру добрались до села Поперечное, откуда на попутной машине доехали до лесного кордона «Босяково», расположенного на речке Быструха у северного подножия Ивановского хребта. Здесь жил лесник Пётр Босяков с женой Ульяной, в домике которых мы были радушно приняты на ночёвку.

Рано утром 9 августа, поёживаясь от холода, отправились на экскурсию вверх по Медвежьей тропе. Так называется эта конная и пешеходная тропа, которой пользуются местные жители, охотники и туристы для подъёма на вершину Ивановского белка. Отправились мы туда на три часа, чтобы вернуться к моменту, когда из Поперечного в Лениногорск мимо кордона будет проходить рейсовый автобус.

Вначале тропа шла через заболоченный кочковатый лес из берёз, ив, пихт и кедров, где мы провели около часа, наблюдая за выводками серого снегиря и желтоголового короля, в которых родители кормили птенцов. Мой наставник очень обрадовался, так как уже давно искал свидетельства гнездования этих птиц на Алтае и, наконец, получил фактические доказательства. После этого у нас случилась непредвиденная задержка, изменившая наши планы. Среди сухих ветвей поваленной бурей старой лиственницы, лежавшей у тропы, мы увидели большое осиное гнездо величиной с футбольный мяч. Обрадованный Борис Васильевич сразу же увлечённо занялся фотосъёмкой, стараясь запечатлеть его в разных ракурсах. Затем поделился со мной своими соображениями о том, что было бы замечательно сделать снимок с осой, выглядывающей из входного отверстия, да так, чтобы глаза и усики видно было. Помочь ему в этом он попросил меня, и мы обговорили, как действовать дальше. Примостившись сбоку, он навёл на вход объектив «Зенита», тщательно отрегулировал резкость и подал команду. Я ткнул веткой в мягкий бумажный бок гнез-

да, после чего последовал громкий вскрик. Я успел заметить, как Борис Васильевич испуганно закрыл лицо руками, присел и сразу же умчался в кусты. Я же, с перепугу, бросился бежать вверх по тропе, гремя на весь лес кружками, чашками и котелком в рюкзаке. Лишь удалившись на безопасное расстояние, я остановился, отдышался и услышал крики Щербакова, зовущего меня обратно. Миновав опасное место, я увидел его, потирающего место укуса выше переносицы. Отыскав в карманах медный пятак, протянул ему, и он приложил его ко лбу, рассказывая о том, насколько ужасен был этот укус.

- Вылетела как пуля и жиганула с такой силой, что я чуть не упал, - поделился он впечатлениями.

- Скорее всего, это шершни? - предположил я, уже испытавший ранее на себе болезненность их укусов.

- Ага, давай сходим и проверим их видовую принадлежность? — предложил он.

- Боже упаси! — отказался я, хотя понял, что он пошутил.

Из-за этих ос-шершней мы вернулись к кордону на час раньше и решили пройти по дороге пешком в расчёте на то, что автобус нас догонит и подберёт в пути. Так и сделали. Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, взвалили на плечи рюкзаки и отправились к воротам.

- Погодите немного, - остановила нас тётушка Ульяна и принесла из сеней литровую банку простокваши.

- Выпейте на дорожку холоденькой простокиши, она хорошо утоляет жажду, - предложила она.

Я сделал всего лишь два или три глотка и передал банку Борису Васильевичу. Он залпом осушил остальное содержимое и от души похвалил хозяйку за её замечательный напиток. Распрощавшись, мы тронулись в путь. Первый километр прошагали бодро и остановились для передышки у мостика через ручей. Я достал свой фотоаппарат, сделал несколько снимков живописных окрестностей и снял Бориса Васильевича в штормовке, болотных сапогах и с рюкзаком на спине. В правой руке он держал объёмистый целлофановый пакет, в котором мы хранили коллекционные тушки птиц, собранные за время пути.

- Сфотографируй тогда и меня на память моим фотоаппаратом, место уж больно красивое, - показывая на великолепную

панораму Риддерской долины, сказал он, протягивая свой «Зенит», - только так, чтобы лоб с шишкой не видно было.

Он встал на дороге вполоборота, и я сделал исторический кадр, который, спустя 47 лет, увидел на выставке. Вот с этого момента и началось у нас самое интересное, точнее, неприятное. Борис Васильевич вдруг отошёл на обочину, сбросил рюкзак и, вручив мне пакет с тушками птиц, быстро ушёл в густые тальники. Вернулся он совсем невесёлый и сообщил, что у него после простокваши началось страшное расстройство желудка. Так весь день мы вынужденно шли пешком по дороге в город полтора десятка километров, часто останавливаясь у всех придорожных кустов. За это время пропустили два рейсовых автобуса и несколько попутных машин, водители которых притормаживали около нас и сами предлагали подвезти. Когда в сумерках миновали Быструшинское водохранилище и подошли к окраине Лениногорска, расстройство желудка у Щербакова почти прекратилось, но зато бурно началось у меня. Оказывается, даже те два-три небольших глотка простокваши сработали как мина замедленного действия и, как по закону подлости, в самый неподходящий момент. Пришлось нам по этой причине топтать в центр города пешком, время от времени останавливаясь и убегая в ближайшие кусты, благо наступила темнота. В конце концов, почувствовав временное облегчение, на одной из остановок мы забрались в битком набитый людьми городской автобус, едва впихнув в заднюю часть салона свои объёмные рюкзаки.

- С рыбалки, что ли едете? — поинтересовался любопытный мужичок, пристроившийся рядом и подозрительно рассматривающий нас и наше имущество.

- С чего вы так решили? — переспросил Борис Васильевич.

- Динамитом от вас чего-то пахнет, я его за версту чую, взрывником на руднике работал, - ответил он тоном знатока.

На этом наш разговор прервался, так как автобус остановился в микрорайоне как раз напротив нужного дома, в котором тогда жил друг Бориса Васильевича — Юрий Андреевич Котухов, известный алтайский ботаник. Однако наша надежда обрести у него покой оказалась напрасной. Его квартира была полна столичных гостей — у него остановилась экспедиция алма-атинских ботаников, состоящая исключительно из

молодых женщин и девчонок. По известной причине, я сразу же надолго уединился от всех, а Борис Васильевич оказался за столом на кухне в весёлом женском окружении, из которого он долго не мог вырваться. Любознательные ботанички набросились на него с расспросами о нашем походе и увиденном в пути, но он лишь скупо отвечал им односложными фразами или кивком головы. Таким угрюмым я его никогда больше не видел. Наверняка, это были тяжелейшие минуты в его жизни. Обычно компанейский и общительный, в этот раз он сидел мрачный, вцепившись пальцами в края табуретки и страдая от мучительных болей. Когда наступило утро, мы чувствовали себя как побитые собаки и с трудом передвигали ноги. Хуже того, боялись лишней раз чихнуть и кашлянуть, так как это вызывало сильные боли в животе.

На наше счастье ботаники в этот день уезжали на своей машине в Усть-Каменогорск и согласились взять нас с собой. Кузов «ГАЗ-66» с брезентовым тентом был доверху набитый ящиками, рюкзаками, спальниками и гербарными папками. Пристроившись в свободном уголке и вцепившись в края борта, мы с превеликими муками доехали до дома, больше всего боясь, чтобы термоядерная простокваша не начала вновь действовать в пути.

Электронная газета «Ремез» №96. 2020

В феруловых джунглях Тарбагатая

Ферула джунгарская – красивое зонтичное растение, являющееся украшением наших степей и пустынь. В народе она хорошо известна под названиями «омик» и «сасыр», а её смолистые корни используются в качестве лечебного средства при снятии болей во время обострения радикулита и суставных заболеваний. Произрастает она на сухих глинистых равнинах и по каменистым шлейфам гор. В обычные годы ферула растёт отдельными кустами на значительном удалении друг от друга, но бывают годы, когда пустынные равнины вдруг покрываются её сплошными зарослями. С подобным явлением мне пришлось познакомиться весной 2001 года после не-

обычайно многоснежной зимы на востоке и юго-востоке Казахстана, когда Тарбагатай и Алтай завалило двухметровыми снегами, а его последующее таяние привело к половодьям на реках.

В ту весну в очередную экспедицию в Тарбагатай для изучения состояния численности сокола-балобана и других хищных птиц с орнитологом Анатолием Левиным мы выехали 4 мая на старенькой «буханке» - УАЗ-452. Всю зиму она проходила профилактический ремонт у опытных мастеров в городских СТО, после чего появилась надежда, что она выдержит двухмесячную поездку по пустынным и горным дорогам. Однако мы даже предположить себе не могли, какие невзгоды нас ожидают впереди, а виновницей этому станет ферула.

Наш маршрут на первых порах проходил вдоль трассы Алматы — Усть-Каменогорск с заездами во все подходящие ущелья и горные долины Джунгарского Алатау, где мы занимались поиском и обследованием гнёзд хищных птиц. Только 13 мая, обогнув озеро Алаколь, доехали до южного подножия Тарбагатая. Когда миновали мост через реку Эмель, справа потянулись гряды мелких сопочек и поlynных увалов - передовой гряды пустынных гор Аркалы, протянувшихся вдоль государственной границы Казахстана и Китая. Вскоре отыскали нужный свёрток, преодолели небольшой каменистый перевал и спустились в широкую долину, покрытую сплошными желтовато-зелёными зарослями высокой ферулы. Машина буквально нырнула в густой феруловый лес. Нашему удивлению от этой картины не было предела. Ни я, ни мой спутник за многие годы экспедиций ни разу не попадали в подобные феруловые джунгли. Первая мысль, которая постоянно возникала в этот день, была о том, откуда взялось в этих местах такое изобилие ферулы, покрывшей все южные предгорья Тарбагатая, ведь при посещениях в прошлые годы подобного её изобилия видеть здесь не приходилось, а эта долина представляла собой обычную поlynную степь, сильно выбитую скотом. Оказывается, как объяснили нам этот феномен позднее, основная часть семян ферулы, ежегодно попадающих в почву и накапливающихся в ней, находится в состоянии покоя в течение многих лет. Лишь при благоприятном сочетании ко-

личества осадков, влажности и прогрева почвенного покрова они разом всходят и дают богатейший урожай новых семян. В почве они хранятся как стратегический запас и ждут своего часа. Благодаря подобному цикличному и массовому плодоношению ферула поддерживает своё благополучное существование на самых аридных территориях.

Анатолий, сидевший за рулём, первые километры пути находился в постоянном напряжении, так как из-за отсутствия видимости боялся столкнуться со встречной машиной или лошадю. Однако вскоре чувство боязни прошло самой собой — места оказались безлюдными, бывшие совхозные кошары и чабанские зимовки были брошенными, а дороги размытыми. Так что приходилось больше опасаться промоин, в одну из которых мы влетели на скорости и чуть не получили сотрясение мозгов. Другая проблема с дорогами заключалась в том, что почти все они тянулись вдоль гор от одной зимовки к другой, а так как всё вокруг них уже давно заросло бурьяном, трудно бывало отыскать выходную. Чаще всего, чтобы найти продолжение нужной дороги, приходилось объезжать каждую зимовку вокруг по несколько раз, рискуя напороться на гвозди, железяки или намотать на ось проволоку, что случалось с нами не раз.

Так, медленно продвигаясь по бездорожью, мы в течение нескольких дней обогнули Аркалы и с трудом пробились в центр этих гор, представлявших собой замечательное степное плато со скальными грядами, где и посчастливилось нам найти новые гнёзда балобанов. Приятной новостью оказалась также находка следов пребывания архаров — вначале видели два свежих следа, а затем отыскивали лёжку. Но зато совсем не видели людей, пасущегося скота и не обнаружили следов машин. Кругом было господство густой пахучей полыни и ферулы. Удивительно было слышать из феруловых зарослей свист многочисленных сусликов, поневоле оказавшихся в этом году «лесными» жителями. Степные жаворонки — обитатели открытых мест - с трескучим пением парили над феруловыми зарослями. Но особенно много было всюду поющих самцов желчных овсянок, встречавшихся через каждые 50-100 метров. Когда мы покидали эти места я оставил в полевом днев-

нике запись: «Жёлтые феруловые горы Аркалы — настоящее царство желчных овсянок!».

Спустя месяц, 10 июня, на обратном пути из Манрака и Саура, мы вернулись в Аркалы, чтобы проверить найденные гнёзда и окольцевать птенцов соколов. В этих местах уже стояла 40-градусная жара с миражами, раскалёнными на солнце камнями, горьким запахом полыни и пронзительной, почти режущей слух трескотнёй многочисленных кобылок и цикад. А ещё всюду стоял смолистый аромат ферулы, особенно сильный и зловонный во время дневного зноя. Сразу припомнилось, что у нашей джунгарской ферулы есть близкие среднеазиатские родственницы — вонючая из вонючейшей ферулы, не случайно получившие у учёных столь нелестные названия.

Первое, чему мы сильно удивились, когда спустились в широкую долину между горами Малые и Большие Аркалы, были сенокосы и работающие тракторы-стогомёты, загружающие скошенную ферулу в огромные телеги. Когда мы поинтересовались, с какой целью ведётся её заготовка, нам объясняли, что сасыр — так называют ферулу по-казахски — готовят на корм домашнему скоту. Оказывается, её, скошенную в нужное время и добавляемую к сену, охотно едят коровы, благодаря чему они быстро жиреют и набирают вес. Поэтому местные жители особенно ценят это растение и во влажные годы, когда бывают богатые урожаи, заготавливают его в большом количестве. Наверное, многим знаком силос, который раньше готовили из кукурузы и использовали в качестве кормовых добавок для коров на фермах и животноводческих комплексах. Сасыр в этих местах издавна является его аналогом.

Миновав знакомый родник с раскидистыми ивами, выехали на южную гряду гор и стали спускаться вниз в долину реки Эмель, которая была сплошь покрыта феруловым лесом, сменивший к этому времени желтовато-золотистый цвет на коричневый. Перезревшая двухметровая ферула с мощными стволами походила в эту пору на раскидистые деревья, точнее, на миниатюрные баобабы, а окружающая местность стала напоминать саванну. Перезревшая и побуревшая ферула стояла увешанная гроздьями семян. Её толстые зелёные стволы уже приобрели сиреневую окраску, а некоторые начали белеть

— верный признак завершения вегетации и скорого их усыхания. Местами на пологих склонах, над которыми недавно прошли ураганные джунгарские ветры, попадались поваленные и изломанные феруловые кусты. Они во множестве лежали по дороге, заполняя колею, и машина ехала по ним с сильным хрустом как по хворосту. Там, где мы заезжали в густые заросли, упругие стебли ферулы, как нагайкой, с силой хлестали по лобовому стеклу и кабине быстро едущей машины. Настолько сильно, что отлетала краска, и бока машины стали приобретать пятнистый вид. Теперь стало понятным и объяснимым латинское название этого растения *Ferula*, означающее «розга». Оказывается, в старые добрые времена венниками из ферулы в школах наказывали, а точнее, нещадно пороли нерадивых учеников.

Но это были мелочи по сравнению с новым бедствием, с которым мы столкнулись по мере того, как углублялись в горы. Листьями и семенами ферулы стал постоянно забиваться радиатор и вентилятор, а потому двигатель машины начал быстро нагреваться. Всё чаще и чаще приходилось останавливаться, добавлять в радиатор воды, ждать пока движок охладится на ветерке. При этом нужно было заниматься очисткой его от накопившихся листьев и обломков стеблей ферулы, выгребать горстями из всех узлов и агрегатов её семена.

Вскоре обнаружили, что радиатор забит адской смесью - феруловой смолой и пылью, из-за чего машина и стала «задышаться». К этому времени она уже прошла несколько тысяч километров по плохим дорогам и всё чаще начала выходить из строя. В пути приходилось несколько раз задерживаться на СТО для устранения неполадок, замены то одних, то других деталей. Но аркалинская ферула окончательно её добила. Поэтому во второй половине июня пришлось срочно завершать полевые работы и брать курс на Алматы. Перед отъездом мы заехали на артезианскую скважину и долго отмывали машину от пыли и смолы. При этом сняли радиатор и попытались очистить его под струёй воды, с силой бьющей из трубы. Подобная профилактика дала положительный результат — машина первые сотни километров двигалась быстрее.

Возвращение домой пришлось на самую жару. Раскалённая

на солнце «буханка» дышала жаром. Из коробки передач при переключении скоростей всё чаще и чаще стал доноситься подозрительный хруст, свидетельствовавший, что началось разрушение подшипников. Самой трудной была последняя сотня километров после Капчагая, когда начался подъём в сторону гор, и вода в радиаторе закипала чаще обычного. Когда въехали во двор дома, коробка передач издала предсмертный скрежет, рукоятка перестала действовать и наша многострадальная машина навсегда заглохла. Мне она напомнила верную лошадку, из последних сил дотянувшую воз до дома и умершую у самого порога.

Электронная газета «Ремез» №97. 2020

На островах реликтовой чайки

Реликтовая чайка — заветная мечта любого орнитолога. Но чтобы взглянуть на неё, нужно поехать на далёкое озеро Алаколь и побывать на Каменных островах. А чтобы добраться на эти острова, нужно обязательно пройти испытания алакольскими ветрами и штормами. Без этого, как правило, никак не обходится. Правда, с середины девяностых годов, когда начался бум иностранного туризма и сотни приезжающих к нам бёдочеров устремились на Алаколь, местные гиды, чтобы избежать затратных и рискованных поездок на острова, стали практиковать показ чаек с побережья озера в заливах, куда они прилетают кормиться с островов, удалённых до 40-60 км. Это оказалось удачным выходом из сложной ситуации, особенно после того, как в 1998 году был создан Алакольский государственный заповедник и начала осуществляться охрана Каменных островов.

Старшим инспектором островного участка заповедника был назначен Василий Дмитриевич Урмашов, который более восемнадцати лет был егерем в заказнике «Реликтовая чайка» и хорошо знал всю специфику работы в этих местах. Его опыт, приобретённый ещё во времена совместной работы с Эрнром Аузовым в 1970-1980-х годах, был поистине бесценным, и мне в течение пяти первых лет довелось каждое лето выез-

жать с ним на острова для проведения мониторинга популяции реликтовой чайки и других колониальных птиц. Поэтому свой рассказ про Алаколь и живущую на нём реликтовую чайку мне хотелось бы начать с воспоминаний о том, как организовывались и проводились сами поездки на острова. Потому, что за каждой цифрой о числе гнездящихся на Алаколе реликтовых чаек чаще всего стоят события, связанные с огромным риском для жизни людей, осуществляющих эти учётные работы. Всё это обусловлено непредсказуемым и каверзным характером этого штормового озера, который сложно предугадать. Уже задолго до того, как я начал свою работу в Алакольском заповеднике, от своих старших коллег-орнитологов, побывавших ранее на этих островах с целью кольцевания реликтовых чаек, я был наслышан немало историй о буйном нраве Алаколя и о том, сколько страхов натерпелись они, пока ездили туда и обратно. Вскоре в этом я убедился сам и не раз. Для начала расскажу лишь о трёх самых памятных посещениях островов.

Первый раз – не сжимается.

Мой первый выезд с Василием Урмашовым на остров Средний состоялся в июне 1999 года. Известный принцип «Едешь на день — запасайся на неделю» на все сто процентов подходит для Алаколя, поэтому готовиться к выезду мы начали заранее и основательно. Так как озеро солёное и на островах нет пресных источников, взяли с собой запас воды, продуктов и всё необходимое на все случаи жизни. Из усадьбы заповедника в кузове машины перевезли лодку, моторы, канистры с бензином и водой в Заячью губу - один из заливов Алаколя, находящийся в сорока километрах от города Ушарал. В те годы там ещё стоял большой дом охотничьего общества, в котором в одиночестве жил бывший егерь Анатолий Максимович Криволапов, прекрасный знаток Алаколя и давний знакомый всех алматинских орнитологов. У него же на время поездки решили оставить машину. Первое, что обсудили с ним, был вопрос о том, предвидится ли ветер, но Максимыч успокоил: завтра по всем приметам должно быть спокойно — штормы отбуше-

вали здесь накануне. Подтвердил он и другой жизненно важный для нас вопрос о реликтовой чайке, которая в мае не раз появлялась на кормёжке в заливе и, наверняка, загнездилась на острове.

На следующее утро и вправду на озере стоял полнейший штиль, и мы без всяких задержек выехали по озеру вдоль обрывистого берега в сторону посёлка Рыбачьего, недавно переименованного в Камыскалу. Миновали место впадения Урджара и взяли курс на устье речки Катынсу, а затем на Эмель. Северный берег удивил тем, что он представлял собой уткнувшиеся прямо в озеро огромные песчаные барханы среди затопленных тростников. Местами в заливах виднелись рыбацкие хижины, лодки и развешанные на сушилках сети. Спустя час, без задержек, достигли приметной песчаной косы в устье Эмеля и резко взяли курс на юг вглубь озера, где в пятнадцати километрах находились заветные острова. Пока ехали, Василий Дмитриевич пояснил, что это самый короткий и безопасный маршрут на острова, которым ему приходилось пользоваться на протяжении трёх десятилетий. Рассказал и про второй мотор, лежавший наготове рядом с ним. Это совсем не перестраховка, а жизненно важная необходимость и элементарная техника безопасности, уже не раз спасавшая его во время штормов. Поэтому, он всегда выходит на лодке только с исправным запасным мотором.

Поездка этим маршрутом заняла в общей сложности три часа быстрого хода. Вскоре показались острова. Первый из них, похожий на островершинный шатёр, назывался Малым Каменным. Второй — самый маленький и напоминающий каменистую сопку — именовался Средним. Третий и самый крупный остров, вытянувшийся на 8 км, носил название Большой Каменный. Самый птичий и знаменитый из них — Средний. На его пологом южном мысу находилась тысячная колония черноголовых хохотунов, по обрывам и скалам вдоль берегов всюду виднелись многочисленные гнёзда больших бакланов и чаек-хохотуний, а всю каменистую сопку снизу доверху занимали речные и чайконосые крачки. На её вершине мы сразу же увидели четырёх изящных реликтовых чаек, сидевших на камнях. Поднявшись наверх, мы убедились, что там

только два гнезда, в которых было по три насиженных яйца. Василий Дмитриевич показал мне их основное отличие от гнёзд других чаек — все они имели выстилку лотка из перьев птиц. Других подобных гнёзд больше нигде не было, поэтому можно было уверенно говорить, что в этом году здесь гнездилось их всего лишь две пары. Около них мы не стали задерживаться и, как требуют неписанные правила, сразу же ушли, чтобы чайки не бросили кладки. Завершив осмотр острова и пересчитав на нём птиц, мы отправились в обратный путь. На синем озере стояла изумительная тишина. На закате солнца мы вернулись в Заячью губу, загрузили лодку в машину и вечером приехали в Ушарал.

- Не так страшен чёрт, как его малюют, - поделился я тогда впечатлениями с Василием Дмитриевичем.

- Не скажи, - не согласился он, - просто повезло с погодой, такое бывает примерно один раз из десяти ходок на острова. Так что всё самое интересное ждёт тебя впереди.

Забегая вперёд, скажу, что за десятилетний период поездок на Каменные острова этот выезд и вправду был единственным таким спокойным и самым быстрым — всего лишь за день. В последующие годы частота встреч с штормами стала увеличиваться, а их продолжительность растягиваться до недели.

Алакольский Змей Горыныч!

На следующий год мы вновь отправились вместе на острова. На этот раз с нами поехал директор заповедника Серик Амирханович Толганбаев, родившийся в этих краях, но ни разу ещё не бывавший на островах. Приезд в Заячью губу порадовал — на озере был штиль и жарко палящее солнце. Без всяких приключений через несколько часов мы были на острове, осмотрели его, провели учёт птиц. Чтобы понапрасну не беспокоить растревоженных птиц, переехали в один из заливов Большого Каменного острова и остановились для чаепития в его подветренной части, укрывшись от палящего солнца за стеной высокого тростника. Прошёл час, другой, близился вечер, пора уже было ехать дальше, но Василий Дмитриевич,

что называется, начал мудрить и «тянуть резину» с отъездом. Он снял мотор, достал ключи и долго возился с ним. Когда мы начали его поторапливать и напоминать, что пора ехать, он, в конце концов, заявил, что ехать нельзя — скоро будет шторм.

- Какой шторм, - возмутились мы, - на небе ни облачка, вода на озере как зеркало. Да мы за пару часов пронесёмся сорок километров по такой глади до Коктумы и лучше переночуем в посёлке.

- Не успеем, - рассудительно сказал он, - через час с гор ударит «Горняк», тут белого света не будет видно. Вот видите у макушки Кайкана белое облачко, - показал он пальцем на одну из вершин Джунгарского Алатау, - так вот, когда оно появляется там — жди скорого шторма, я это точно знаю. Так что давайте лучше переждём, понаблюдаем, а я пока картофельный супчик приготовлю.

Василий Дмитриевич достал туго набитый солдатский вещевого мешок, поставил на костёр котелок и принялся, не торопясь чистить картошку. Спустя полчаса из-за Кайкана показалась вереница пушистых облачков и подул свежий ветер, а через час по озеру уже гуляли большие волны. Супчик и вправду оказался необычайно вкусным, и пока мы хлебали его из закопчённого котелка, Василий Дмитриевич рассказал нам о местных ветрах. Их здесь четыре, из них «Евгей» и «Сайкан» основные, дующие посменно круглый год. Со склонов Тарбагатай иногда срывается и дует «Тарбагатай». Но больше всего местные рыбаки боятся упомянутого «Горняка». Он вырывается из ущелий Джунгарского Алатау неожиданно и, как смертоносная лавина, проходит над озером, сметая всё на своём пути. Спасения от него на обычных лодках никакого — его напор выдерживают только крупные катера. Это не ветер, а сущий убийца, Змей Горыныч, погубивший немало жизней алакольских рыбаков. Бывали случаи, когда от пляжей у сёл Акши и Коктумы неожиданными порывами подхватывало и уносило отдыхающих на надувных матрацах — спаслись единицы, выброшенные на противоположный северный берег в 50-60 км.

- Но, самое страшное, - заключил инспектор, - это когда в районе островов встречаются сразу два-три ветра. Ад кро-

мешный. Не приведи господи такое увидеть. Вот и сегодня, кажется, такое уже началось.

После этого мы без разговоров стали готовиться к штормовой ночёвке. Разгрузили лодку, затащили её подальше на берег, накрепко привязали к кустам. В затишье под тамарисками устроили лежанку, собрали дров для костра. Как сорвавшийся с цепи, «Горняк» ударил со страшной силой по озеру, и всё вмиг погрузилось во власть урагана. Укрывшись брезентом, мы долго не могли уснуть, слушая его глухие удары о береговые скалы, словно какой-то великан, пытался разбить их гигантским молотом. Василий Дмитриевич в ту ночь рассказал нам немало историй из своей жизни на этих островах в годы егерской службы: о том, как налетавшие ураганы не раз разрушали их лагерь и рвали в клочья палатки, как приходилось попадать в почти безвыходные ситуации и спастись только благодаря выдержке и невероятному везению. Рано утром мы поднялись не выспавшиеся и искусанные комарами. К нашему удивлению на озере стояла удивительная тишь и гладь. С озабоченными криками и, не обращая на нас внимания, пролетали мимо крачки, в разные углы озера разлетались на кормёжку длинные вереницы бакланов.

В предпоследней шторма.

Наступил июль 2001 года. Едва я успел вернуться домой из одной поездки, как меня срочно разыскала турфирма «Азия тур» с интересным предложением отправиться в другую экспедицию. Оказывается, в Алматы приехала исследовательская группа из Словении, и им требовался консультант-орнитолог для месячной поездки с научными целями по озёрам Восточного Казахстана. Организовал её Борот Рубинич, молодой, но уже известный специалист по чайкам из Любляны. Его спутниками и помощниками были студенты Андрей и Маричка. Их интересовали озёра Алаколь, Зайсан и Маркаколь, а главной целью было посещение алакольской колонии реликтовой чайки. Борот прекрасно владел английским, но, чтобы не возникало языковых проблем, за зиму выучил русский язык, поэ-

тому общался с нами достаточно свободно. Для поездки арендовали «Делику», водителем которой был алматинец Василий Дрозденко — человек добрейшей души и мастер на все руки. С первого дня знакомства у нас сразу же сложились дружеские отношения, поэтому поездка прошла на редкость удачно и плодотворно.

Первые 600 км пути по Джунгарскому Алатау мы проехали быстро. Боруту и его спутникам не терпелось поскорее увидеть Алаколь, и когда мы поднялись на перевал из каньона Жаманты, перед нами во всей красе открылось огромное синее озеро, радости и восторгов не было предела. Особенно, когда я показал им среди этой синевы маленький архипелаг из трёх островов, на одном из которых живёт их мечта - реликтовая чайка! Правда, до них ещё предстояло добраться, так как первые проблемы нас уже ожидали в конторе заповедника.

Едва мы приехали в Ушарал, как Василий Дмитриевич оголошал новостью: лодочные моторы после весенних поездок вышли из строя, и требуют ремонта, а заказанные в городе запчасти ему до сих пор не привезли. Борот предложил арендовать лодку или катер, так как в своём проекте он предусмотрительно заложил в смету деньги на аренду водного транспорта.

Весь день ушёл у нас на поиск лодки. Первым делом мы обратились на спасательную станцию МЧС в посёлке Акши, но свободного катера здесь не оказалось. Зато показали Боруту реликтовую чайку, прилетевшую с островов. Она летала в поисках корма под обрывистым берегом вдоль щебнистой полосы пустого пляжа и совершенно не боялась людей, присаживаясь иногда всего лишь в нескольких метрах от нас. Борот сгоряча извёл на неё добрую четверть взятых с собой запасов цветной фотоплёнки и потом долго переживал, что у него может её не хватить на дальнейшую фотосъёмку. К тому же вдоль дороги стали часто попадаться отдыхающие чайки-хохотуни, которые тоже были объектом его исследований, и их также приходилось снимать всех подряд. Дело в том, что, столкнувшись с бесконечными вариациями в окраске их оперения уже после нескольких десятков осмотренных в бинокль хохотуний, Борот в конце концов растерянно развёл руками и признался, что запутался в них окончательно и теперь с ними

придётся разбираться специально, используя накопленный фотоматериал. Я этому ничуть не удивился — с подобной систематической путаницей в голове с Алаколя уезжало уже немало орнитологов.

Объехав на машине в этот день ещё несколько посёлков, с помощью Василия Дмитриевича в Рыбачьем нашли двух молодых рыбаков, Виктора и Диму, согласившихся за умеренную плату съездить на острова на рыбацком пластиковом катере, хотя и тихоходном, но зато с надёжным двигателем. Остатки дня ушли на закупку горючего и подготовку «яхты» к плаванию. На ночёвку расположились в палатках у причала в устье Урджара. Вечер был тихий и тёплый, поэтому спать мы улеглись совершенно уверенные, что и следующий день 12 июля будет таким же. Встали в четыре часа утра, когда было ещё совсем темно. Первое, что всех неприятно удивило, был штормовой гул, доносившийся с озера. Тем не менее, погрузившись в катер, вышли в устье реки, где остановились перед плотной стеной тростников, за которой шумело озеро. Здесь мы встретили две лодки с рыбаками и от них узнали, что штормит уже всю ночь, и они ждут утренней «пересменки» ветров, чтобы успеть снять сети, установленные вдалеке от берега. С надеждой, что шторм на рассвете утихнет, мы вышли на озеро и сразу же попали в большую волну. Медленно продвигаясь вдоль берега, через пару часов доползли до устья Эмели. К этому времени озеро успокоилось и к полудню мы были у желанного острова Средний. При нашем появлении над ним поднялись тысячи крачек, чаек и других птиц. Нас сразу же заинтересовала каменистая вершина сопки, на которой белело пятно плотно сидящих птиц. Когда катер приблизился к берегу, и мы смогли их разглядеть в бинокли, оказалось, что там находилось около 120 птенцов реликтовой чайки. Это был своего рода «детский сад» с молодняком, оберегаемый десятком взрослых птиц. Всего же в этом сезоне здесь загнездились не менее 40 пар этих чаек. Мы не стали их беспокоить и провели за ними необходимые наблюдения с безопасного расстояния.

Завершив подсчёт птиц, счастливые и довольные результатом, в конце дня мы вышли в обратный путь. За это время испортилась погода, и мы поняли, что надвигается шторм. Пока

шли под прикрытием Большого Каменного острова, было сравнительно спокойно, но стоило свернуть от его оконечности в направлении устья Урджара, как через несколько километров наш катер попал в стихию встречных волн. Чем дальше мы уходили, тем круче и сильнее они становились. Когда стемнело, шторм разгулялся в полную силу. Катер медленно шёл вперёд, то рассекая встречные волны, то «зарываясь» в них и окатывая нас веером брызг. Иногда волны захлёстывали нас и перелетали через катер. Тогда все хватались за подвернувшееся под руку ёмкости, принимались вычерпывать воду. Борут со своими спутниками спрятался в трюме - носовом закутке с вещами, чтобы не мокнуть понапрасну и не видеть весь ужас происходящего.

Между тем двигатель начал работать с перебоями. Виною тому был «Горняк», ударивший по озеру со стороны Джунгарского Алатау. Получилось, что один шторм со страшной силой вклинился в другой, отчего началась какая-то адская круговерть встречных и боковых волн. Похоже, мы оказались где-то в эпицентре шторма. Мы уже не шли вперёд, а нас как спичечный коробок швыряло в этой стихии. По закону подлости вдруг заглох двигатель. Мотористы бросились к нему, накрылись плащом и, освещая фонариками, принялись выяснять причину поломки. Запомнились лишь некоторые моменты критической ситуации, когда катер стал совершенно неуправляемым. Кругом темень, где-то на небе из-за разрывов чёрных туч светит луна и мерцают звёзды. Наше судёнышко то и дело взмывает куда-то вверх и очутившись на гребне волны, переваливается через неё, проваливается и улетает вниз в чёрную бездну, а затем стремительно взлетает на встречную волну. При этом катер совершает эти падения и взлёты в самых невероятных для него положениях: то боком, то кормой, то носовой частью. По всем физическим законам его должно было бы давно опрокинуть, но он каким-то невероятным образом продолжал сохранять устойчивость и, как футбольный мяч, держался и крутился на поверхности. Вот тогда я по-настоящему оценил, насколько гениально были рассчитаны советскими инженерами-конструкторами формы и параметры этого чудо-катера, который в народе за тихоходность уже давно прозвали черепахой.

Сколько времени мы тогда болтались по этим гигантским волнам, сказать затрудняюсь, но, благодаря мастерству и выдержке наших ребят, двигатель наконец затарахтел. Причиной его остановки были увлажнившиеся контакты на свечах зажигания, которые пришлось заменять среди этой водяной круговерти. Наконец, катер заработал в полную силу и взял курс вперёд. Постепенно мы вышли из штормовой зоны и власти огромных волн. Вскоре появились островки тростников — верный признак, что берег поблизости и самое страшное позади. Все облегчённо вздохнули, оживились, весело заговорили.

- Давненько я такого не видел. Если бы на дюралевой лодке пошли - верный кирдык случился бы, - подвёл итог бывалый Василий Дмитриевич. — Мне пришлось один раз на «Казанке» уходить от такого шторма. Молил Бога, чтобы волна не нагнала и не захлестнула лодку. Достал я тогда служебный пистолет и решил для себя, что, если заглохнет мотор, лучше застрелюсь, чем тонуть и мучиться. Но мотор не подвёл. Летел я в тот раз с такой скоростью, что прямо на волнах вылетел далеко на берег. Утром гляжу, а лодка валяется метрах в двадцати от озера.

Однако радость после спасения быстро прошла и сменилась чувством неопределённости. Судя по времени, мы уже давно должны были быть у посёлка, но его огней не было видно. Катер продолжал идти среди многочисленных тростниковых купаков, берега не было видно, а потому невозможно было определить и узнать какое-нибудь приметное место, на которое обычно ориентируются рыбаки в дневное время. Особенно мучительные сомнения одолевали рыбацких ребят, родившихся и выросших в этих местах, и знавших здесь каждый куст. Однако темнота обманчиво изменила окружающую местность. Появились даже предположения, что, потеряв ориентацию, мы идём вдоль берега не к устью Урджара, а вообще в противоположную сторону. В конце концов, впереди в темноте замелькал первый огонёк надежды - свет с телевышки у Камыскалы, поэтому рулевой взял курс на него. Прошло ещё немного времени, тростники расступились, и мы с радостью увидели сверкающий огнями рыбацкий посёлок. Было уже два часа ночи, когда катер остановился у причала. Место на-

шей стоянки было освещено светом машины. Василий не спал и не скрывал слёз радости. Причину своего состояния он объяснил нам так:

- Переволновался за вас. Весь день и вечер ждал. А тут ночью на свет проперся местный мужик и начал выяснять, чего я тут один торчу. Объяснил ему, что вас жду. А этот чёрт говорит мне, что некого ждать, езжай домой, в такой шторм с островов ещё никто не приходил. Махнул рукой и ушёл.

Электронная газета «Ремез» №98. 2020

Дождь и голуби

Всю первую половину июля в Алматы стояла тридцатиградусная жара, поэтому новость в сводке погоды про дождь на предстоящий день была долгожданной и приятной неожиданностью. Однако абсолютно ясное небо, палящее солнце и зной на следующее утро принесли очередное разочарование в прогнозе метеорологов. Впрочем, после обеда из-за гор появились вереницы облаков и туч, небо постепенно почернело, а над городом прошёл шквальный ветер, раскачивая тополя и взметая выше домов клубы пыли. Следом ударили хлёсткие волны дождя, сопровождаемые раскатами грома и сверканием молний. Наблюдая за этой картиной с балкона восьмого этажа, я обратил внимание, как из-под карниза соседнего девятиэтажного дома сорвался голубь и, усиленно махая крыльями, стал набирать высоту навстречу порывам дождя. Нет, он не пытался побыстрее умчаться и скрыться от стихии, как это обычно делают напуганные птицы, а упорно летел навстречу, словно состязаясь с ней. Удивлённый подобным поведением голубка, уже скрывшегося за домом, я увидел, что с девятиэтажки слетел другой голубь и тоже взмыл навстречу дождю. Словно играя с порывами ветра и встречными потоками воды, преодолел их, исчезнув за домом. Следом за ним один за другим пролетело ещё два сизаря. Наблюдая за их полётом и удивляясь тому, сколько усилий они вкладывают, чтобы промчатся через дождевую лавину, я понял, что это не просто состязание по её преодолению, а стремление смочить и освежить опере-

ние после дневной жары. Настоящее воздушное купание под дождём!

Электронная газета «Ремез» №99. 2020

О народных названиях птиц в Восточном Казахстане

Для птиц, как и для других животных, имеется официальный систематический список названий, которого придерживаются не только учёные, но и во всех государственных учреждениях. Однако во все времена существовали ещё народные названия, так как жители практически любой местности называли птиц по-своему.

Каждый из нас, вспоминая детские и школьные годы, связанные с первыми увлечениями птицами, обязательно припомнит несколько забавных названий, которыми называли пернатых. Ещё пятьдесят лет назад было их предостаточно. Определителей птиц в те годы в магазинах и библиотеках не было, поэтому названия птиц среди сельских жителей передавались из поколения в поколение. Так, на Алтае в деревнях по Чарышу удода называли «голландским петушком», на Иртыше — «тутолкой», хотя среди мальчишек его чаще всего именовали «вонючкой». А вот маскированную трясогузку чарышские жители звали «синочкой», а на Иртыше — «серой синичкой». Кое-кто из старожиллов именовал её «ледоломкой», связывая первое весеннее появление этой птички с началом ледохода на реке. Также было и с дроздом-рябинником, которого в чарышской части Алтая звали исключительно «трещёткой», в других местах — «рябиновиком». Ласточка-береговушка была известна как «береговой стрижок», любимую всеми касатку звали «домашней ласточкой». При этом «стрижков», живущих колониями в речных обрывах, мальчишки нередко разоряли, но для касаток всегда существовало негласное табу, так как старики с малых лет внушали детям, что если разоришь гнездо ласточки, то в доме непременно случится пожар, а корова будет доиться кровью. И их вправду никто не трогал. Так же,

как и гнёзда трясогузок и скворцов. Большая синица обычно называлась «мясником», оляпка — «водяным воробьём», зимородок — «синим воробьём», кедровка — «ореховкой», мелкие славковые птицы — «пяточками». А вот большую горлицу за особенную манеру исполнения брачной песни со звуками «хухуу» алтайские мужики нередко именовали «матершинником». Пустельгу и других мелких соколов звали «кобчиками», орлов — «карагужами», остальных — «ястребками» или «ястребами». Пожалуй, наибольшую известность и репутацию разбойника среди хищных птиц имел коршун — «цыплятник». Интересно, что жители Маркаколя, хорошо знавшие сокола-сапсана, называли его «грудобитом», то есть бьющим грудью. А скопу чаще всего звали «рыболовом».

Особенно много названий существовало среди охотничьих птиц. В Восточно-Казахстанской области бытовали следующие названия уток: кряква — «косатая утка», шилохвость — «острохвостая утка», серая утка — «серуха» и «серушка», широконосок — «сокун», чирок-свистунок — «царёк», красноголовый нырок — «голубая чернеть», пеганка — «пега утка», большой крохаль — «корхаль». Более всего повезло с названиями огарю. На Алтае, Зайсане и в Тарбагатае русское население чаще всего называет его «варнавкой», в некоторых местах — «красной уткой», «атайкой» и «красным турпаном». У казахов эта утка известна как «сарыалаказ», что означает «рыжий пёстрый гусь». А вот чернозобую гагару на озере Маркаколь за протяжные крики, издаваемые весной, прозвали «кукува», а на озёрах Алаколь и Сасыкколь рыбаки именуют её «погиб». Тетерева повсеместно алтайские жители называют «косачом», серую куропатку — «степным рябчиком». В одном из номеров журнала «Охотник Алтая» за 1924 г. сообщается, что усть-каменогорские охотники называли её «курочкой-голоножкой». Уларов охотники раньше звали «горной индейкой», дрофу — «дудаком», саджу — «копыткой» и «бульдуруком», травника — «красноножкой», чибиса — «пигалицей», кречётку — «степной пигалицей», хотя семипалатинские охотники использовали в основном её казахское имя — «таргак». Всех крупных чаек чаще всего именовали «мартынами».

Большую роль в формировании местных названий птиц сыграли птицеловы — энтузиасты их клеточного содержания, более ста лет заменявшие у нас орнитологов-любителей, так как любительской орнитологии, в отличие от Европы, до начала нынешнего века у нас не существовало. Известно, что в первые десятилетия XX века среди жителей Семипалатинска и Усть-Каменогорска отлов и содержание птиц певчих птиц было весьма популярным занятием. На городских базарах имелись даже целые ряды, где осуществлялась продажа птиц, а также клеток, западков, силков и птичьих кормов. Ловлей птиц с увлечением занимались как люди почтенного возраста, так и многие дети. Клетки с певчими птицами были обычным явлением в квартирах горожан. Модным было содержать на европейский манер канареек, но особенно популярными были щеглы, чижи, чечётки, снегири, урагусы, юрки, зяблики, шуры и сибирские чечевицы. В 1920-1930-х годах среди семипалатинских и усть-каменогорских птицеловов обыкновенных снегирей называли «жуланам», реже — «красными или краснобрюхими снегирями». А вот более редких серых снегирей иногда называли «сибирскими или голубыми снегирями». Урагусов звали «полынниками», дубоносов — «большими райками», коноплянок — «реполовами», вьюрков — «юрами», пуночек — «снегурками», обыкновенных овсянок — «жёлтыми овсянками», князьков — «лазоревками», ополонников — «долгохвостыми синичками», рогатых жаворонков — «рюмами», больших синиц — «мясниками», иногда просто «мясиками». Щеглов разделяли на черноголовых и седоголовых, но для последних бытовало название «бусый щегол» или «бусяк», а гибридов между ними именовали «сероголовыми щеглами». Ценились и чёрные жаворонки, самцов у которых называли «чернышами», а самок — «жёнущками».

Разговорившись однажды с одним из старожилов посёлка Маканчи, я узнал, что среди жителей деревень у южного подножия Тарбагатая раньше существовали свои названия мелких птиц: большая синица — «иванчик», желчная овсянка — «канарейка», туркестанский жулан — «сороконица», варакушка — «птаха, пташка», черноголовый чекан — «рябенькая птичка», розовый скворец — «шпак», сизоворонка — «рак-

ша». А вот жители Ушарала в соседнем Алакольском районе желчную овсянку до сих пор зовут «волосьянкой», туркестанского жулана - «кашкаркой», чёрную ворону — «камышовой вороной», скворца — «чёрным скворцом», а появившуюся недавно майну сразу же прозвали «китайским скворцом».

Случается, что в некоторых селениях существуют шуточные названия птиц, данные местными остроловами. Так, коростеля, более всего известного за свой скрипучий голос под названием «дергач», алтайские жители в шутку называют «рашпилем». В Курчумских горах мне доводилось слышать, как охотники называли кекликов «матросиками» за их полосатые бока. Золотистых щурок за яркую тропическую окраску жители Чёрного Иртыша прозвали «попугайчиками», а алакольские рыбаки кудрявого пеликана иногда в шутку называют «кучерявым». А вот среди охотников в последние годы стало популярным шуточное название «погранцы», которым окрестили селезней кряквы за ярко-зелёную окраску голов. Бывало и такое, что некоторые птицы получали не совсем литературные названия. Так, в первый год работы в Маркакольском заповеднике поручили мне провести инструктаж с егерями по правилам ведения фенологических дневников. Заодно я решил выяснить уровень их знаний фоновых видов птиц. Моё первое собеседование состоялось с самым опытным из егерей - Фёдором Нестеровичем Клиновицким. Разговор начался с того, что я открыл перед ним иллюстрированный определитель «Птицы СССР» на странице с изображениями гагар и поганок.

- Эта птица у нас называется «большая в жопе ноги», - уверенно указав на чомгу, произнес он. - А вот эту маленькую, - тыкая пальцем в изображение красношейной поганки, - зовут «малая в жопе ноги». Потому, что ноги у них растут из этого самого места.

Позднее, поговорив ещё с несколькими старожилками, я убедился в правоте сказанного егерем, но писать о существовании подобного неприличного названия до сих пор не решался. Спустя двадцать лет довелось мне беседовать с инспекторами Алакольского заповедника. Бывшие профессиональные охотники, ранее работавшие в промысловых бригадах в он-

датровом хозяйстве, они хорошо знали охотничьих птиц и их названия. Поэтому сразу же перечислили мне пользующиеся у них известностью имена уток, в большинстве случаев упрощённые и переделанные на местный лад: огарь — «атайка», красноносый нырок — «турпан» и «краснобаш», красноголовый нырок — «красноголовик», белоглазая чернеть — «белоглазик», кряква — «крякаш», шилохвость — «шилка», серая утка — «серяк», широконосок — «сокун». Когда речь дошла до связи, произошла заминка. Посмотрев рисунок в определителе, самые опытные уверенно сказали, что она бывает только на пролёте и появляется осенью, когда начинает лететь северная утка, поэтому между собой они называют её просто сибирской.

- Погодите, я знаю её точное название, - вдруг включился в беседу один из инспекторов, - можете записать, что это сибирская ... белопузая ... серуха, - откровенно выдумывая новое название, произнёс он с расстановкой и осёкся, увидев рассмеявшихся собеседников, услышавших этот словесный каламбур. Этот случай привожу как пример того, как порой выдумываются народные названия.

В тот же вечер мне удалось выяснить, почему чеграву в здешних местах называют «чигравой чайкой», луговую тиркушку — «тирпушкой», чайку-хохотунью — «серебристым хохотуном». Оказалось, что эти названия пошли от В.М. Коробкина и В.Д. Урмашова, работавших в заказнике «Реликтовая чайка» и называвших их так между собой. Позднее эти искажённые названия распространились среди местных егерей, охотников и рыбаков. С удивлением я тогда узнал, что большую и серощёкую поганок здесь зовут «гагарой», а вот малую и черношейную поганок — «нырками». Всех мелких пастушковых здесь именуют просто «болотными курочками», камышницу — «водяной курочкой», большого кроншнепа — «степным кривоносым куликом».

В заключение хотелось бы сказать, что широко бытовавшие 50-100 лет назад названия птиц теперь относятся к категории забытых и вышедших из употребления. Упоминания о них можно отыскать разве, что в старых охотничьих журналах. Профессор Э.И. Гаврилов, изучивший данные о возвратах

8242 колец и опубликовавший результаты в статье «Насколько хорошо знают названия птиц жители Казахстана?» (КОБ, 2007) пришёл к неутешительному выводу: казахстанцы в настоящее время очень плохо знают птиц, даже самых обычных. Об этом свидетельствует тот факт, что только 2226 колец 110 видов были присланы с указанием названия птицы, с которой они были сняты. При этом только в 605 случаях птицы были определены правильно, в 1239 — приблизительно (утка, кулик, чайка и т.п.) и в 382 — ошибочно.

Времена меняются, меняется и интерес людей к птицам и уровень их знаний. В 2005-2010 годах, когда в продаже появились доступные всем цифровые фотоаппараты, среди казахстанцев появилось немало людей, увлечённых фотосъёмкой птиц. Они регулярно выкладывают свои фотографии на личных страницах в интернете и ведут обсуждения с друзьями о том, как они правильно называются. Удивительно, что среди этих «юных натуралистов» чаще всего фигурирует не молодёжь, а люди в возрасте, преимущественно пенсионеры, для которых фотосъёмка стала увлечением в жизни. Среди них немало моих друзей из Восточного Казахстана, достигших в познании птиц поразительных успехов. Но ещё больших результатов достигло сообщество любителей птиц-фотографов, объединённых на сайте «Птицы Казахстана». И хотя число его добровольных участников ежегодно не превышает сотни человек, за последние годы десятки его членов приобрели хорошую подготовку в определении птиц и пополнили ряды орнитологов-любителей. Определённую роль в этом сыграли общественные объединения: АСБК и «Ремез», организующие обучающие мероприятия, в том числе состязания по определению птиц и учёты с участием любителей птиц. Это новое явление радует особенно сейчас, когда количество профессиональных орнитологов катастрофически сократилось до минимума, а в высших учебных заведениях уже давно прекратилась их подготовка.

Электронная газета «Ремез» №100. 2020

Осенние мушкетёры скворцов

Наша очередная экспедиция, занимавшаяся осенью 2003 года подсчётами гусей и казарок на водоёмах Кустанайской области, завершилась в начале октября на Койбагаре — огромном озере с высокими обрывистыми берегами и широкой полосой тростников вдоль уреза воды. Озеро славилось своими многотысячными скоплениями гусей и их массовыми вылетами на кормёжку на окружающие пшеничные поля. Для проведения утренних и вечерних учётов мы остановились среди развалин домов и карагачей на береговой террасе, с которой открывался хороший вид на всё озеро.

В отличие от предыдущих осенних сезонов, когда наши приезды приходились на похолодания со снегами, дождями и ветрами, в этот раз стояла золотая пора «бабьего лета» с тёплой солнечной погодой и проплывающими в воздухе паутинками, которыми были густо увиты придорожные бурьянники и кусты. В ранние утренние часы паутинные нити и ловчие сети пауков серебрились как ожерелья от множества росинок.

В ожидании вечернего перелёта гусей я занимался подсчётом лебедей, лысух и уток на ближайших плёсах и обратил внимание на большие стаи скворцов, перелетающие над обширными массивами тростников, явно выбирая место для ночёвки. Было их здесь много, наверное, десятки тысяч. После заката солнца, когда уже наступили вечерние сумерки, они вдруг дружно поднялись в воздух и объединились в одну огромнейшую стаю, представляющую собой плотный шар, состоящий примерно из ста тысяч особей. Он как неведомое НЛО то увеличивался в размерах, то сужался до эллипсоидной формы, то приобретал чёрный цвет, то, меняя угол, превращался в громадное серое облако. Через некоторое время он взмыл в небо на большую высоту, завис под одной из туч, начал вытягиваться в форме гигантского воздушного змея и, делая спиралевидные витки, стал стремительно с шумом падать вниз. Время от времени от него, как праздничные салюты, «отстреливались» пучками чёрные клубки стай, которые тоже стремительно пикировали вниз и перед землёй, замедляя падение, вдруг раскрывались чёрным куполом «парашю-

та» и вновь превращались в шар. Одновременно можно было видеть по три-пять подобных «салютов» в разные стороны. Когда до земли оставалось с полсотни метров, основной шар сплющился в плоский круг, затем вновь преобразовался в округлый шар и опять взмыл вверх. И всё повторилось снова! Действие продолжалось около двадцати минут, после чего скворцы дружно опустились в тростники в дальнем углу озера. Это было потрясающее и ни с чем не сравнимое феноменальное зрелище, поражающее воображение и не поддающееся описанию. Как могли скворцы при такой скорости и плотности стай совершать подобные изящные фигуры высшего пилотажа, было невозможно себе представить!

Оказывается, это явление уже давно имеет мудрёное название «мурмурация», в переводе с английского языка означающее «пируэты». В одной из энциклопедий приводится следующее объяснение: «Это явление скоординированного полёта огромных стай птиц (скворцов, галок, ворон и т.д.), образующих динамические объёмные фигуры переменной плотности. Так, скворцы, сбиваясь в грандиозные стаи, исполняют «танец скворцов», создавая зрелищные сжимающиеся и разжимающиеся облака с чётко очерченными контурами, движущиеся непредсказуемым образом. Облака эти могут разделяться на части и соединяться; одни облака из птиц пролетают сквозь другие на большой скорости (до 40 км/ч), при этом птицы не сталкиваются».

Электронная газета «Ремез» №101. 2020

Отдай жену!

Один из егерских постов в Маркакольском заповеднике располагался в старой бревенчатой избе на берегу речки Жиреньки. В ней я много раз останавливался во время полевых работ и маршрутов на Курчумский хребет. Одной из примечательных особенностей этого места было наличие солонца, на который всё лето прилетало «посолонцеваться» множество чечевиц, щеглов и овсянок. Он располагался в яме прямо у стены дома, где когда-то хранилась соль для совхозных животных, и земля буквально пропиталась ею.

Однажды утром, когда птичек стало прилетать много, я натянул вдоль завалинки дома паутинную сеть и без особого труда наловил для кольцевания с десятков ярко-малиновых самцов чечевицы. Среди них оказалась самочка седоголового щегла со свежим наседным пятном на брюшке, что свидетельствовало о том, что она уже насиживала яйца. Сопровождавший её самец вырвался из рук во время его выпутывания из сети и теперь, потеряв подругу, с беспокойными криками летал около избы.

Устроившись за небольшим столиком у окна в доме, я принялся за кольцевание пойманных чечевиц. Точнее, вначале производил все необходимые измерения, взвешивания, осматривал оперение на наличие линьки, после чего надевал на ножку алюминиевое колечко, записывал номер в журнал и передавал своему молодому помощнику - лаборанту Сергею Гущину для выпуска на свободу. Едва окольцевали и выпустили первого самца чечевицы, как в распахнутую дверь внутрь влетел тот самый беспокойный самец щегла и, сделав несколько кругов по комнате, уселся на выступ печной трубы.

- Улетай отсюда, а то и тебя закольцуем, - сказал Серёжка, выгнал его наружу и захлопнул дверь.

Однако едва мы уселись за стол и принялись за осмотр второй чечевицы, как щегол появился с наружной стороны окна, вцепился в край рамы, пытаясь заглянуть внутрь. Время от времени он даже клевал от нетерпения стекло и всем своим поведением требовал, чтобы выпустили его подружку.

- Отдай ему жену, - вдруг взмолился Сергей, - сил уже нет смотреть как он убивается.

- Ладно доставай её любимую, - сжалился я и, отложив в сторону очередную чечевицу, прямо в руках Сергея, без всяких предварительных измерений, надел ей на лапку кольцо.

Серёжка радостно выскочил на крыльцо и выпустил её. Самочка упорхнула и села на изгородь, принявшись прихорашиваться и поправлять помятое оперение. Около неё сразу же появился самец, проявивший при её спасении небывалую для таких мелких птиц смелость и настойчивость. Он что-то прощепетал ей и обе птички улетели в сторону соседней берёзовой рощи.

Электронная газета «Ремез» №102. 2020

Сорожки шусточки

Во времена, когда я работал в Маркакольском заповеднике, автобусного сообщения между районным центром Алексеевкой и «столицей» Маркаколя — Урунхайкой не существовало. Домой чаще всего приходилось добираться на попутных машинах, подолгу ожидая их на окраине посёлка. Однажды в октябре возвращался я домой из командировки и в очередной раз стоял на выезде из Алексеевки.

Был холодный осенний день. По улице гулял порывистый ветер, гоняя опавшую листву и поднимая с обочины дороги пыль. Заморосил дождь и, чтобы укрыться от него, я перешёл с вещами на подветренную сторону улицы и присел на лавочку у калитки одного из домов. За высоким забором стояло несколько старых тополей, под раскидистыми ветвями которых можно было хотя бы немного укрыться от дождя. В

густые кусты клёнов в палисаднике прилетела стая седоголовых щеглов, шумно пощebetала и смолкла, как только дождь усилился. Появилось ещё с десяток галок, устроившихся на отдых под вершиной одного из тополей. Две из них вскоре перелетели вниз и уселись на толстой ветке в кроне дерева в нескольких метрах выше меня. Я хорошо видел, как они уселись рядом, прижавшись друг к другу, распушили оперение, вжали головы и затихли. Птицы дремали, лишь изредка приоткрывая глаза, когда мимо с шумом проходила машина. Такая милая идиллия продолжалась около часа. Когда дождь прекратился, с отрывистым стрекотанием прилетела сорока и уселась на мокрый забор. Раскачивая длинным хвостом, она осмотрелась и перепорхнула на ветку, где сидели галки. Прошла по ней, приблизилась к «сладкой» парочке и, наклоня голову то влево, то вправо, с любопытством принялась их рассматривать. Нервное подёргивание кончиков крыльев и хвоста свидетельствовало, что стрекотуха что-то замышляет. Она крадучись сделала несколько шагов и дёрнула крайнюю галку за крыло. Перепуганная птица вскрикнула спросонья, переполошив сидевшую рядом подружку. Галки недовольно погадели, потолкались на месте, осмотрелись и, не обнаружив виновника беспокойства, успокоились и стали вновь устраиваться на отдых. На сидевшую в метре от них сороку они совсем не обратили внимания, так как она, отвернувшись от них, изображала мирно отдыхающую птицу. Прошло немного времени, и галки вновь уснули, засунув клювы под крылья. Зато сразу же оживилась сорока и осторожненько, бочком-бочком, начала приближаться к соседкам. Оказавшись рядом, она так сильно дёрнула одну из них за хвост, что галка с перепугу взлетела и уселась на соседнюю ветку. Следом за ней перепорхнула разбуженная соседка. Сорока, между тем, довольная своей проделкой, оживленно застрекотала и полетела вдоль улицы.

После этого случая я перестал сомневаться, что в игровом поведении у некоторых птиц, особенно у ворон и сорок, существуют развлекательные элементы, которые представляют собой хитроумно задуманные и осуществляемые розыгрыши.

Электронная газета «Ремез» №102. 2020

Метельный грач

Серые вороны, грачи и галки прилетают в наш город на зимовку в первой декаде октября. Занимают один из городских парков и образуют на высоких тополях коллективную ночёвку, в которой может насчитываться до десятка и более тысяч птиц. С этого времени вся их дальнейшая жизнь до весны подчинена размеренному графику: по утрам, до восхода солнца, они разлетаются на городские окраины, а вечером в сумерках возвращаются обратно. Однако ноябрьские и декабрьские холода и снегопады вносят свои коррективы в их жизнь. Часть ворон и грачей в такую пору предпочитает оставаться в городе, пытаясь раздобыть корм около мусорных ящиков.

Так произошло и в этот раз, когда всю ночь и утро валил густой снег, а около мусорных контейнеров нашего микрорайона собралось сотенное скопление голубей, среди которых было два десятка грачей. Многие пожилые люди, приходя с мусором, разбрасывали на заснеженной лужайке приносимый с собой хлеб, на который тотчас слетались голуби и с жадностью поедали его. В этой птичьей толчее кое-что перепало грачам. Более осторожные серые вороны чаще всего, схватив подвернувшийся хлебный кусок, улетали с глаз подальше, чтобы не быть обобранными другими воронами - нахлебниками.

Закончился снегопад, я выглянул в окно и заметил, как со стороны мусорки во дворе появилась ворона с куском хлеба в клюве. Стремительно лавируя между заснеженными деревьями, она взмыла на плоскую крышу соседней девятиэтажки и укрылась в укромном уголке на верхних выступах стены. Осмотревшись и убедившись, что посторонних поблизости нет, она зажала корм в лапах и принялась лакомиться. В течение этого дня я ещё раз видел, как она украдкой прилетала с пищей в свою высотную закусную и, не замеченная другими воронами, спокойно проводила там время за трапезой. Видимо, ей приглянулось это спокойное место, так как на следующее утро я вновь увидел её там. Однако в этот раз на крыше появилась сорока и, усевшись на телевизионную антенну, стала наблюдать за происходящим вокруг. Временами она широко раскрывала хвост и раскачивала им из стороны в сторону.

Чувствовалось, что она с особым интересом посматривала в сторону пирующей вороны. Дальнейшее произошло очень быстро и прямо-таки виртуозно. Сорока пролетела низом над самой крышей и, неожиданно появившись перед вороной, схватила кусок хлеба и исчезла. Ворона даже каркнуть не успела.

Самое интересное случилось на следующий день. Ограбленная сорокой ворона не появилась больше на своём любимом месте, но зато его занял грач. Он прилетел с куриным крылышком в клюве и сразу же начал трапезничать. Увлечённый завтраком он совсем потерял осторожность и не обратил внимания на сороку, сидевшую на антенне и наблюдавшую за ним. Последующий грабёж произошёл по сценарию, уже опробованному на вороне. Сорока буквально вынырнула снизу и, на миг задержавшись перед грачом, выхватила лакомство из-под его носа и попыталась незаметно исчезнуть. Однако грач, возмущённый подобной дерзостью, устремился следом за ней. Я хорошо видел, как ловко лавируя среди металлических конструкций, антенн и проводов он упорно гонялся за ней, пока сорока не выронила украденную косточку. Но грач даже не обратил на неё внимания и изо всех сил пытался настигнуть настырную воровку, чтобы отомстить ей. Он уже «сел ей на хвост», но сорока вдруг взмыла вверх и почти вертикально начала набирать высоту. Грач же продолжал настойчиво следовать за ней. В этот момент я пожалел, что под рукой у меня не оказалось бинокля, чтобы рассмотреть эту необычную погоню. Подобных высотных гонок у сорок я ещё ни разу не видел. Между тем, они, кружась по спирали, поднялись ввысь на сотню метров и сместились далеко в сторону. Вскоре я потерял их из виду. Больше эту сороку на антенне нашего дома я не видел.

Электронная газета «Ремез» №102. 2020

Орнитология осени 2020 года

Каждая осень не похожа одна на другую. Своеобразным выдался и осенний сезон 2020 года. Был он довольно тёплым и сухим, с преобладанием ясной солнечной погоды и редкими дождями, особенно на юге и юго-востоке Казахстана. В сентябре и октябре дневные температуры часто поднимались до +25, а по ночам редко опускались ниже +10 градусов. «Бабье лето» в Семиречье было нынче долгим, радовало хорошим урожаем фруктов и необычайно яркими красками в горных лесах. В Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях первая волна арктических холодов со снегами пришла в конце октября, однако весь ноябрь стояло малоснежье с температурами в отдельные дни до -25 градусов. В Алматы зимние условия с туманами и заморозками до -12 градусов установились с 13 до 23 ноября.

Прилёт зимующих птиц на территории между Алтаем и Тянь-Шанем прошёл в обычные сроки. Так, в городе Алтай (Зыряновск) 16 сентября появились зяблики, 22 сентября - юрки, 25 сентября - чернозобые дрозды и тростниковые овсянки, 29 сентября - поползни, 10 и 14 октября - урагусы и обыкновенные овсянки, 20 октября - серые сорокопуты, 26 и 27 октября - пухляки и обыкновенный снегири, 6 ноября - пищухи, 11 и 13 ноября - дубоносы и ополовники, 20 ноября - серые снегири, 22 ноября - зеленушки и чечётки. В Алматы передовые зяблики были отмечены 24 сентября, чернозобые дрозды - 28 сентября, серые вороны - 2 октября, грачи - 5 октября, галки - 10 октября, юрки - 20 октября, обыкновенные и белошапочные овсянки - 17 октября, чижи и урагусы - 8 ноября. В пойме Иртыша между городами Усть-Каменогорск и Семей особенно много этой осенью было рябинников, урагусов, дубоносов и обыкновенных снегирей, но чечёток наблюдалось поразительно мало. Довольно ранней была подвижка на юг обыкновенного снегиря, отмеченного 22 октября в Алакольской котловине, и урагусов, уже в середине ноября появившихся около Алматы.

Ещё одним орнитологическим сюрпризом этой осени, на которое обратило внимание большинство любителей приро-

ды, было очень раннее появление соек на востоке Казахстана. В Усть-Каменогорске их первый раз видели 22 сентября, в Алтае — 2 октября, в Серебрянске — 6 октября, в Семипалатинском бору — 30 октября. Предположение, что это связано с неурожаем кедров и ранними снегами в алтайской тайге не подтвердилось. Не произошло также дальних вылетов кедровок. Удивило раннее и дружное появление свиристелей: 1 ноября в городе Алтай, 5-10 ноября в Катон-Карагае, 13 ноября в Серебрянске, 19 ноября в Семее. Из Алакольского заповедника сообщили об их появлении в садах города Ушарал 12 ноября накануне снегопадов, а в Алматы они прилетели 14 ноября, сразу после первого снега. В бухтарминские деревни они нагрянули сразу огромными стаями и сняли «сливки» с урожая «дички» - сибирской яблони, не оставив почти ничего остальным зимующим птицам. Остались недовольны прожорливыми гостями и местные жители. Мой катон-карагайский друг, выезжавший в октябре на Бухтарму, предусмотрительно заготовил себе калины. Пришлось ему при этом выслушать нотации местных мужиков, взявшихся поучать его тому, что калину надо брать в конце ноября, когда она созреет и её ягоды прихватит морозом. В итоге после нашествия свиристелей они остались на зиму без запасов лечебных ягод и калиновых пирогов. Рано появились свиристели в северных и западных областях республики. На сайте «Птицы Казахстана» уже появились фотографии свиристелей, встреченных 30 октября в Кустанайской области и 1 ноября — в Актау.

Электронная газета «Ремез» №103. 2020

Тетерева на полях подсолнечника

Многие хорошо помнят времена, когда в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века в сельскохозяйственных угодьях были многочисленны тетерева. С наступлением осени их выводки, сбившиеся в большие стаи, иногда до 400-600 особей, концентрировались на убранных полях, где кормились на жнивье зерном пшеницы и ячменя. Охота на них в таких местах бывала необычайно добычливой, косачей «на хлебах»

добывалось помногу, тем не менее, их численность в районах зернового земледелия оставалась достаточно высокой. В местах же, где поблизости не было полей, они до глубоких снегов держались на кустарниковых склонах гор, переключаясь на питание шиповником. С наступлением зимы косачи обычно перемещались в березняки и до конца марта основу их зимнего питания занимали серёжки, почки и концевые части веток берёз. Там, где берёзовых лесов было мало, их небольшие табунки чаще встречались в вершинах логов, где у истоков ручьёв и ключей обязательно имелись небольшие перелески из берёз, осин, боярышника и черёмухи. В горах же, где берёзы не было вообще, тетерева перекочёвывали в арчовники и кормились на можжевельниках.

В жизни и кормовом поведении тетеревов многое изменилось в конце девяностых годов, вскоре после ликвидации совхозов и колхозов. Уже давно было замечено, что в тех районах, где существовало зерновое земледелие, численность тетеревов была высокой, а там, где прекращалось — низкой. Так произошло и в этот раз, когда пшеницу и ячмень перестали возделывать на обширных площадях, а пашни превратились в заросшие бурьянами пространства. Положение усугубили часто полыхавшие в эти времена степные и лесные пожары, когда выгорели многие березняки, заросли шиповника, калины, боярышника и других ягодных кустарников. Кормовая база тетеревов была надолго подорванной, а их численность сократилась до минимума.

После затяжного кризиса в сельском хозяйстве ситуация начала меняться только в первом десятилетии нового века. В центральных и северных областях республики за восстановление утраченных площадей зерновых культур взялись крупные агрофирмы, а на востоке Казахстана принялись за возделывание масличных культур, так как подсолнечник начал пользоваться спросом на рынке, а производство подсолнечного масла стало доходным делом. Поэтому там, где стали его возделывать, вновь стало возрождаться тетеревиное поголовье. Косачи довольно быстро переключились на осеннее питание семенами подсолнечника. При этом приспособились им питаться, усаживаясь на изгиб ствола, прогибающегося под

тяжестью «шляпы». Другие же ходили по земле или по снегу, склёвывая выпадающие семена, или же выклёвывали их из «корзинок», поваленных на землю после сильных ветров.

Уборка подсолнечника на востоке Казахстана обычно затягивается до начала ноября, поэтому созревающий до кондиции подсолнечник стоит на полях в течение сентября и октября, а тетерева имеют возможность кормиться на нём всю осень.

Хорошо помню годы, когда косачи, впервые увиденные на подсолнечниках, вызвали чувство удивления и восторга. Сейчас это достаточно обычное явление и при разговорах с местными жителями можно услышать примерно такие фразы: «поднимаются такие большие стаи, что становится черно как от воронья!». Некоторые владельцы полей даже вынуждены осуществлять охрану урожая с целью отпугивания тетеревиных стай. Вновь становятся популярными осенние охоты на них. Примечательно, что прилетающие на поля тетерева стали использовать для отдыха провода высоковольтных ЛЭП, чего прежде не наблюдалось. Усаживаясь стаями на проводах, они становятся не доступными для охотников: во-первых, высоко от земли, во-вторых, хороший обзор позволяет им не подпускать близко машины и людей.

Поздние сроки уборки подсолнечника приходится на самое неблагоприятное осеннее время, когда часто бывают дожди и снегопады. По этой причине часть урожая не вызревает и его не успевают убрать и обмолотить до наступления зимы. Некоторые поля в случае ранних снегопадов целиком «уходят под снег». В этих случаях некондиционный подсолнечник, как правило, остаётся не убранным и подлежит списанию. Этому благоприятствует законодательство, позволяющее владельцам таких полей получать компенсацию за убытки, понесённые в результате непогоды. Поэтому остающиеся на полях подсолнечники создают благоприятную кормовую базу для тетеревов и других птиц в зимнее время.

Электронная газета «Ремез» №103. 2020

Ловля косачей: из истории народного промысла

Я родился на Алтае и с малых лет от старых охотников не раз слышал увлекательные рассказы о том, как раньше ловили силками тетеревов. Этот народный промысел во второй половине XX столетия уже ушёл в историю, и связано это было с механизацией зернового хозяйства — появлением комбайнов и зернотоков. Раньше созревшие хлеба жали серпами, вязали в снопы и занимались их обмолотом на гумнах. Убранные поля привлекали множество тетеревов, вылетавших на них кормиться зерном. Птицы питались не только на жнивье, но и охотно усаживались прямо на снопы и клевали зерно из колосков. С этой особенностью в их кормовом поведении и был связан этот способ их промысла, причём на Алтае он был популярен ещё в 1920-1940-е годы и практически прекратился в 1950-х годах. Почти в каждой деревне, около которой были хлебные поля, находились умельцы, занимавшиеся их ловлей своими хитроумными снастями — силками и западнями.

В Бухтарминской долине на поле для западни копалась в земле прямоугольная яма размером 50х60 см и глубиной около метра. Верх закрывался двумя циновками, сплетёнными из стеблей чия или тростника. Наружный их край закреплялся под слоем грунта. Они смыкались над серединой ямы, образуя ловчую «запань». К ней кудельёй прилетались гроздья калины — приманка для косачей. Прилетевший тетерев садился на землю около западенки и шёл к увиденным ягодам. Запань под его весом раздвигалась, он проваливался в яму и оказывался в ловушке, из которой уже не мог вылететь, так как узкое пространство не позволяло взмахнуть крыльями.

Рядом с западенками устанавливались также волосяные силки, свитые из белого волоса, взятого из конского хвоста. Каждая такая нить сплеталась в косичку из 6 таких волосков и с одного конца имела петлю. Силок крепился за прикол — деревянный колышек длиной 30 см и около 1 см диаметром. Его заострённый конец имел зазубрины — «жабры», чтобы невозможно было выдернуть из земли. Некоторые ловцы из-

готовавливали силки из рыболовной лески диаметром 0.4 мм. В местах их установки россыпью разбрасывались ягоды калины, собирая которые тетерева запутывались лапами в силках

«Уже перед самой войной, в 1939 и 1940 годах, - рассказывал мне катон-карагайский житель Фёдор Шершнёв, - мой отец и дед Афанасий работали в колхозе в селе Черемошка и между делами занимались ловлей косачей силками и западенками. Дед Афоня в две западенки до 10 штук бывало за день имал. Батюшка на полевом стане даже ночевать оставался и неподалеку ставил до десятка силков. По его словам, пять-семь штук в удачливые дни ловил. Вся добыча шла на приварок бригаде. Осенние тетерева жирные бывали, поэтому охотничий шулюм наваристый получался. Когда калины не было — бригадир по литровой банке пшеницы для приманки выдавал. Чиевых запаней хватало на весь сезон с начала сентября до снегопадов в октябре. На полевом стане колхозной бригады был свой зерноток, чтобы снопы далеко не возить. Молотили на «локомотиве» в 4 лошадиных силы, работавшем на дровах. Страшно прожорливый был агрегат - куба дров на два дня не хватало. Так вот, мякину после обмолота на нём в стороне в кучу складывали и на неё косачи приваживались. Их тоже силками там ловили - дед Афоня научил. Две отцовские сестры, видевшие как он их ставил, всю войну, когда мужиков на фронт забрали, сами промышляли их силками. Хорошее подспорье семье было».

На озере Маркаколь жители сёл Нижняя и Верхняя Еловка ловили косачей, используя большие плетёные корзины, сверху которых устанавливались опрокидывающиеся крышки на оси, на которые сверху крепились гроздья калины. Привлечённый красной ягодой тетерев усаживался на крышку и проваливался в корзину, становясь добычей охотника.

Меня давно интересовал также вопрос, как ловили тетеревов на хлебных полях в старину и чем самолёвы тех времен отличались от применявшихся в первой половине XX века. Оказывается, в 19 веке наиболее популярными и добычливыми считались сетевые шатры, в которые в удачные охоты ловили до сотни косачей. Подробности этой ловли я прочитал в книге С.Т. Аксакова «Рассказы и воспоминания охотника о разных

охотах», 1855 года издания. Вот как он описывает эту уникальную снасть: «Шатром называется сеть, связанная из суровых посконных и преимущественно конопляных крепких ниток. Эта птицеловная снасть представляет подобие колпака, или воронки, или, всего ближе, островерхой палатки, шатра, отчего и названа очень верно этим последним именем. Квадратные ячейки шатровой тетеревиной сети имеют в поперечнике вверху шара один вершок (1,4 см), а внизу — полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтобы накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самых крыльев; чтоб, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лезла вперёд, а никак не вздумала вынуть голову назад и бежать из шатра. Величина шатра может быть произвольная, но по большей части окружность его, когда шатёр поставлен и растянут, бывает в десять сажень (213 см)». Ловля шатрами начиналась после первых снегов. Первоначально в местах, куда постоянно прилетали тетерева на кормёжку, выкладывалось для их привлечения несколько овсяных или пшеничных снопов, а в стороне куча соломы, для сооружения будущего шалаша для ловцов. После того, как тетерева привыкали к этой обстановке и прилетали на снопы всей стаей, в том месте на шесте устанавливался шатёр, а края сети приподнимались на высоту до двух метров, чтобы птицам издали были видны снопы. В центре устанавливалось несколько чучел косачей. Спустя неделю-другую после того, как посещение прикорма становилось регулярным, происходила заключительная часть охоты — опускание шатра. Двое ловцов на рассвете прятались в копне соломы, переоборудованной накануне в шалаш и, дождавшись, когда тетеревиная стая слетится на кормёжку, дергали за верёвку, роняли шест, и сеть накрывала всех или почти всех птиц. Но ещё более добычливой в Сибири была охота «фальшивыми кладями», представлявших из себя два ряда плотно вбитых в землю кольев высотой до полутора метров. Расстояние между этими рядами не превышало аршина (71 см). С наружной стороны они обкладывались соломой, а сверху уложенными в два горизонтальных ряда снопами, соприкасающимися в середине своими верхушками с колосьями. Косачи, усаживаясь на них, проваливались внутрь и оказывались в ло-

вухке. На Алтае, по свидетельству Г.Н.Потанина, чарышские жители в середине 19 века вырывали ямы, закрытые уложенными подобным образом снопами, в которые проваливались тетерева. При этом бывало даже такое, что азартный охотник усаживался в яму сам и сдёргивал тетеревов внутрь за ноги рукой или крючком.

В целом, промысел тетеревов с использованием хлебных снопов был достаточно популярным занятием крестьян в земледельческих районах России, особенно в сибирских и уральских губерниях. В каждой местности он имел свою специфику и названия самоловов: вентеля (вентеря), коши, тынки, ковши, кузова. Существовали различные ловушки: короба, кувшины (клетушки), сачки, слопцы, давушки, пружки. Использовался ещё один оригинальный способ ловли косачей сетями. С этой целью, выследив вечером место, где косачи устроились на ночёвку, двое охотников несли в руках сеть, растянутую на шестах, а третий шёл с фонарём, привязанным на шесте, и по отверстиям в снегу выслеживал место, где косач устроился на ночёвку. По его сигналу двое других охотников накрывали лунку сетью и ловили спящую птицу. Прочитав это описание, я вспомнил рассказ пожилого лесника из Шибундинского бора, записанный с его слов в конце 1970-х годов в селе Верхние Таинты Уланского района Восточно-Казахстанской области. Он родился в этих местах и в юности отец брал его на подобные охоты. Только вместо сети использовался рыболовный сачок на длинном шесте. Выяснив место, где ночуют косачи, они в полночь выходили к нему на лыжах. Освещая поляны фонарём «Летучая мышь» искали свежую снежную лунку, в которой отец накрывал сачком сидящего в ней косача.

Электронная газета «Ремез» №104. 2021

Косаги на дачах

«На приречных деревьях сидели десятки тетеревов и флегматически оглядывали экипаж и прислушивались к звону колокольчика». А.К.Гейнс. Семипалатинск, 1865 г.

Если бы лет тридцать-сорок назад мне кто-то стал рассказывать про тетеревов, прилетающих кормиться на яблони-дички в сельские сады или на пригородные дачи, я бы не поверил в подобное и счёл бы это за выдумки и фантазии рассказчика. Потому, что косаги в те времена избегали близости населённых пунктов и только в зимнее время после буранов изредка появлялись в березняках на окраинах таёжных деревень. Мне до сих пор вспоминается одна особенно многоснежная зима на Маркаколе в середине восьмидесятых годов, когда дома в Урунхайке занесло под самые окна, а шиферные крыши обваливались от массы выпавшего снега. В такую пору, когда несколько дней подряд не утихал снегопад, на старую берёзу в огороде у моего дома в центральной усадьбе заповедника каждый день прилетали кормиться с десятков косачей. Поэтому, каждое моё утреннее чаепитие происходило за кухонным столом у окна, в которое я мог с близкого расстояния в подробностях наблюдать за кормёжкой этих великолепных птиц. Не знаю, что их привлекло тогда к жилью человека? Может быть хороший урожай семян на берёзе, но скорее всего, тихое место, где можно спокойно покормиться, так как в приозёрных березняках в эту зиму свирепствовал ястреб-тетеревятник, постоянно гонявший эту стаю.

Минули девяностые годы, наступило первое десятилетие нового века. Много изменилось в нашей жизни и в окружающей природе за это время. В сельском хозяйстве, пережившем страшный экономический кризис, сократилось до минимума поголовье скота, уменьшились в размерах посевы пшеницы, которую на востоке Казахстана начали замещать подсолнечником. Лишившиеся излюбленной кормёжки зерном на убранных полях тетерева начали посещать старые придорожные лесополосы, в которых стали кормиться плоды сибирских яблонь-дичек и лоха-жигиды. Это явление было

удивительным на первых порах для жителей Восточно-Казахстанской области, когда во время поездок в Усть-Каменогорск из Самарки, Георгиевки, Таврии, Риддера и Шемонаихи из окон автобуса можно было наблюдать стаи кормящихся косачей в лесопосадках прямо у трассы. Помню телефонные звонки и оживлённые рассказы друзей, сообщавших мне о таких встречах то в одном, то в другом месте, где раньше косачей видеть не приходилось.

Спустя некоторое время, после 2010 года, тетерева стали прилетать кормиться на яблонях в заброшенные колхозные и совхозные сады. Но ещё более удивительными стали случаи их появлений в населённых пунктах. Так, в большой фруктовый сад в селе Малое Карасу много лет подряд в начале каждой зимы из ущелий соседних гор Дельбегетей слетались кормиться на яблонях до 100-150 косачей. Не менее интересными были случаи, когда на улицы в большом посёлке Теректы Курчумского района прилетали кормиться на берёзах и яблонях-дичках десятки косачей. Но ещё больше удивили тетерева, живущие в Семипалатинском ленточном бору. С осени 2015 года, сразу после установления снежного покрова и ночных заморозков, они стали навещать в бывший дачный посёлок «Орлёнок» на правом берегу Иртыша, в 20 км от города Семей. Сейчас в нём осталось около 100 дач, из них примерно в 15-20 домиках продолжают жить и зимовать дачники, а сохранившиеся здания соседнего пионерского лагеря преобразованы в небольшие частные фермы, в которых зимой содержится скот. Оставшиеся в садах сибирские яблони служат кормом и местом концентрации многочисленных пролётных и зимующих птиц: свиристелей, дубоносов, дроздов и снегирей. Облюбовали это место и тетерева, которые стали прилетать сюда кормиться из ближайшего бора с расстояния 2-3 км. В отдельные дни сюда слеталось до сотни и более косачей. Сидящие на берёзах и среди построек косачи и занимающиеся своими делами у домов люди — теперь обыденное зимнее зрелище, уже давно не удивляющее местных жителей. Не боятся птицы и машин, подпуская проезжающие по перелюкам автомобили на несколько десятков метров. Из-за запрета охоты в этих местах они практически не распугиваются

охотниками, хотя иногда заезжие горожане пытаются тайком стрелять в них из пневматических винтовок — «воздушек».

Посещения косачами начинаются вскоре после первых заморозков, когда подмороженные яблочки становятся сладкими на вкус. Чаще всего это происходит в ноябре. В это время ещё не замёрзший Иртыш сильно «парит» по утрам, кругом стоит густой туман, а деревья и кустарники обильно покрыты пушистой изморозью. Прилетают они, как правило, после восьми часов утра раздельными стаями, состоящими из самцов и самок, рассаживаются по вершинам высоких берёз, тополей или на проводах линий электропередачи в безлюдной части посёлка. Некоторое время отдыхают, осматриваются, прислушиваются, после чего начинают слетать на ближайшие яблоньки, усаживаясь на верхние ветки. Некоторые из них, оставаясь на берёзах, пытаются кормиться серёжками, однако вскоре тоже перепархивают на яблони. Уже к десяти часам утра, когда туман рассеивается и начинает проясняться, большинство их активно кормится. Птицы не спеша срывают и заглатывают замёрзшие яблочки. При этом иногда отмечались случаи поглощения достаточно крупных плодов ранеток диаметром до 2 см. Временами некоторые птицы слетают на землю и бродят по снегу под деревьями, собирая упавшие яблочки. Во время кормления самцы и самки нередко перемешиваются.

Если тетеревов не беспокоят, то они насыщаются достаточно быстро, в течение часа, после чего устраиваются на отдых тут же на вершинах деревьев и даже на крышах высоких домов. На шиферной крыше одного пустующего двухэтажного коттеджа, возвышающегося над окружающими постройками и имеющего прекрасный обзор на весь посёлок, до двух десятков отдыхающих тетеревов можно было регулярно наблюдать в течение трёх зимних сезонов. Птицы явно оценили безопасность нахождения в этом месте и охотно слетались сюда на дневную сиесту. При этом можно было видеть, как объевшиеся мороженых яблок и явно слегка захмелевшие косачи устраивались на отдых и лежали вповалку на заснеженной крыше. Подобное явление не раз наблюдал Александр Сергеевич Фельдман - натуралист-фотограф из Семей, специально

приезжавший фотографировать их на дачах. Послеобеденная кормёжка на яблонях происходит между четырьмя и пятью часами дня, после чего птицы в наступающих сумерках разлетаются на ночёвку в соседний бор. Отдельные стаи улетают на иртышские острова, где есть высокоствольные тополевые и ивовые рощи. Отлёт происходит отдельными стаями самцов и самок, но иногда, будучи испугнутыми, черныши и тетёрки улетают все вместе. Посещения садов тетеревами продолжаются со второй половины ноября до конца декабря, пока на яблонях не иссякнут запасы плодов. Зимой 2019/20 и 2020/21 годов прилёты косачей на яблочные пиршества в сады этих дач по каким-то причинам прекратились. Скорее всего местные жители стали охотиться за ними и распугали птиц. Однако подобные появления наблюдаются ещё в других городах Восточно-Казахстанской области. Так, в ноябре-декабре 2017-2020 годов время от времени видели косачей, появляющихся на дачах Усть-Каменогорска и Серебрянска. Не раз их фотографировали здесь, сидящих на яблонях, заборах и даже на коньках крыш дачных домиков. Подобные встречи радуют и восхищают людей, поэтому есть надежда, что процесс урбанизации тетеревов на востоке Казахстана будет продолжаться!

Электронная газета «Ремез» №105. 2020

Кленовые бумеранги

В первых числах марта 2018 года в Алматы установилась тёплая погода. Снег в городе сошёл, почва быстро просохла, а на газонах зазеленела трава. 4 марта я вышел на балкон восьмого этажа и распахнул окно. С юга дул тёплый ветер. Термометр показывал девять градусов тепла. Во дворе пели большие синицы. По давней привычке внимательно осмотрел небо, в надежде увидеть пролетающую птицу или кружащегося хищника. И сразу же мельком заметил, что мимо одна за другой промелькнули несколько мелких рыженьких бабочек. - Неужели проснулись крапивницы, зимующие во взрослом состоянии и пробуждающиеся с первыми оттепелями? — помнится, подумал я тогда. Но тут же засомневался, так как крапивницы

гораздо крупнее увиденных бабочек и, к тому же, полёт у них легкий и порхающий, не такой стремительный, как у только что увиденных. В недоумении и сомнениях, свойственных всем натуралистам, ушёл я тогда в комнату и занялся письменной работой, решив, что нужно внимательнее присматриваться ко всему пролетающему за окном.

Мучиться в догадках долго не пришлось. Спустя неделю, 11 марта, во время очередной оттепели, выйдя на балкон, сразу же увидел, что между домами на уровне восьмого и девятого этажей летает множество бабочек. На этот раз я был в очках и даже достал бинокль и фотоаппарат. Впрочем, они мне не понадобились, так как загадочные существа, изменив по ветру направление движения, одна за другой стали стремительно проноситься мимо моего окна, и я уже мог хорошо их рассмотреть. Каково же было моё удивление, когда я понял, что это вовсе не бабочки. Во-первых, вблизи было хорошо видно, что полёт у них не порхающий, а сами они крутятся вокруг оси как вертолётные пропеллеры. А ещё они напомнили мне запущенные кем-то бумеранги. Разгадка пришла быстро. Один за другим два таких крутящихся миниатюрных бумеранга влетели в распахнутое окно и упали на пол. Когда я взял их в руки, то узнал, что это семенные крылатки клёна. Держа на ладони одну из них, я выпустил её и она, подхваченная воздушным потоком, чудесным образом «завелась», закрутилась и, вертолётиком, легко взмыла ввысь. То же самое повторилось и со второй крылаткой. Наблюдая, как они стремительно проносятся мимо меня, я поражался изумительному аэродинамическому совершенству этих созданий природы. Теперь у меня не возникало сомнений, что, обладая такими лётными качествами, они могут переселяться с воздушными массами на десятки, а может быть, на сотни километров.

Всю осень время от времени я посматривал в небо в надежде увидеть очередного перелёта крылаток, но так и не дождался. Наступила ранняя зима. В середине декабря вдруг пришла неожиданная волна тепла, и в городе началось быстрое снеготаяние. В один из оттепельных дней, 16 декабря, когда подул тёплый ветер, я, наконец, увидел, как между домами летают крылатки. Откуда они взялись, не знаю, возможно, поднявшийся ветер сорвал их с деревьев и, закружив, поднял высоко

ко в небо восходящими потоками воздуха. В следующий раз, в начале февраля 2020 года, вновь по-весеннему потеплело, установились ясные солнечные дни, просохли дороги, заледелый снег остался только с теневой стороны домов. В полдень 6 февраля, когда подул южный ветер, и распелись первые синицы, я увидел летающие крылатки на уровне девятих этажей. На этот раз их было только с десяток, так как ветер стал утихать и их лёт быстро прекратился. Всю прошедшую осень я их не видел, но время от времени находил крылаток на балконе. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежит очередной чудо-бумеранг, залетевший в окно.

Электронная газета «Ремез» №106. 2021

Храбрый воробей

В начале марта в Усть-Каменогорске всю ночь шёл снег, а утром, едва дворники успели расчистить дорожки во дворе между домами старого квартала, опять начал сыпать пушистый снежок. Один из сердобольных жителей, выносивший мусор в контейнер, проходя по тропинке, бросил копошащимся в снегу полевым воробьям горсть семечек. Не успели они распробовать угощение, как с соседних клёнов к ним прилетела пара снегирей. Снегириха, важная и бесцеремонная как купчиха, тотчас попыталась завладеть кучкой семечек и прогнать воробьишек. Однако оказавшийся на её пути воробей, намного уступавший ей в размерах, оказался не из робкого десятка и, что называется, грудью встал на защиту собственности и бросился в драку. Он вспорхнул и, вцепившись лапами в шею соперницы, вмиг опрокинул её на спину в рыхлый снег и, удерживая одной лапой за горло, а другой за крыло, стал наносить сильные клевки по голове. Эту схватку он выиграл с абсолютной победой, продемонстрировав мастерство и технику «рукопашного» боя. Ещё мне показалось, что вся драка случилась вовсе не из-за семечек, а из-за скромно стоявшей рядом воробьихи — её супруг просто не пожелал выглядеть в её глазах слабаком и поступил так, как должен поступить настоящий воробей!

Электронная газета «Ремез» №106. 2021

Мышиная диверсия

Зима 2016/17 гг. в Семипалатинском Прииртышье была необычайно морозной и бурной. Перемерло всё вокруг — никуда не пройдёшь и не проедешь. Дороги превратились в обледенелые снежные коридоры с метровыми бортами. В субботний и воскресный дни 11 и 12 марта, когда наступили первые оттепели с капелью, мой знакомый пасечник Сергей Александрович из Приречного не удержался и откопал вход в омшанник, чтобы поглядеть как перезимовали его любимые пчёлы. Очистил от снега рядом полянку, выставил на солнце первые ульи и с радостью сообщил, что пчёлы уже ожили и даже выбирались из летка погреться на солнышке. Добавил также, что около ульев появились жёлтые синички, и ему даже пришлось заниматься их отпугиванием, чтобы они не пытались ловить сонных пчёл. На следующий день опять забурило, и всю неделю по ночам температура опускалась до минус 20 градусов. Ульи пришлось снова спрятать в омшанник. Спустя неделю, 18 и 19 марта, дождавшись очередной оттепели, Сергей Александрович решил провести ревизию пчелиного хозяйства. Результаты были плачевные. Из 20 ульев в 7 пчёлы были мёртвые, скорее всего, задохнулись от нехватки воздуха — такое во время зимовок бывает почти на всех пасеках. В трёх ульях пчелиные семьи погубили домовые мыши — с подобным он столкнулся впервые. Оказалось, что они проникли внутрь через вентиляционные отверстия, превратив в труху пробки из ваты и поролона. Мышки-норушки устроили внутри ульев тёплые гнездышки и поживали сладкой жизнью, поедая из рамок медовые соты. К моменту осмотра все пчёлы были мёртвыми, содержимое рамок было изгрызено и съедено, зато мышки были упитанные и шустрые. Переловил их всех пасечник - оказалось 11 штук! Содержимое этих ульев он вывалил в кучу на задворках пасеки, а спустя некоторое время обнаружил, что туда слетелись все синицы и устроили пиршество.

Электронная газета «Ремез» №106. 2020

Народное поверье о деревенских ласточках

Среди народных поверий о птицах есть одно особенное о деревенской ласточке — касатке, в которое верят многие люди. Суть его заключается в том, что взрослые ласточки будто бы привязывают птенцов конским волосом за ножки, чтобы они не выпадали из гнёзд. Рассказы о том, что подросшие птенцы ласточек сидят в гнёздах на привязи мне приходилось слышать от деревенских жителей Алтая. Упоминания об этом можно встретить в старых книгах и журналах. Одно из таких описаний прочитал я в книге «Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири», изданную в 1912 году бароном Александром Егоровичем Врангелем. В 1854 году он приехал из Петербурга в Семипалатинск и несколько лет подряд занимал должность прокурора Семипалатинской области. Одним из его любимых увлечений была охота, и он совершил немало поездок вплоть до Балхаша, Зайсана и Алтая. В одну из таких поездок из Семипалатинска в Локтевский завод остановился он в заимке на окраине бора, где жила семья русских староверов. От них он и узнал историю о ласточках, о которой впоследствии рассказал в своих воспоминаниях: «В углу избы, около икон, ласточка свила гнездо. Дабы она могла беспрепятственно влетать и вылетать, хозяин нарочно вынул кусок стекла в оконной раме. Хата была низкая, гнездо было в уровень с моей головою и легко можно было наблюдать всё, что происходит в нём. Детёныши уже подросли и с жадностью бросались на приносимую матерью пищу. Чтобы они не выпали из гнезда, каждая птичка была, так сказать, привязана, у каждой из них одна лапка была обмотана конским волосом или ниткою, а другой конец был вклеен глиною в само гнездо. Когда запирались окна и двери, ласточка садилась на окно и ловила мух и тараканов. Хозяйева, видимо, гордились своей птичкой. Да и действительно, это было чудо ума и сметливости птиц».

В годы работы в Маркакольском заповеднике мне довелось заниматься изучением гнездовой жизни ласточек. В те времена в деревнях на побережье озера Маркаколь касатки были

многочисленны, и мне без труда удалось измерить и описать содержимое более сотни их гнёзд. Однако подтверждений легенде о птенцах на привязи я так и не нашёл. Точнее, встречалось нечто похожее на это. Дело в том, что, построив своё гнездышко где-нибудь на стене дома под потолком, ласточки, после его просыхания, обязательно выстилают конским волосом, а затем перьями птиц, чаще всего куриными. В некоторых гнёздах волоса бывало так много, что подрастающие птенцы иногда запутывались в нём. Мне самому не раз приходилось освобождать их из таких волосяных ловушек. Одни из них запутывались лапками, другие крыльшками, бывало и такое, что на шее у некоторых обнаруживались петли-удавки. Это и породило в народе легенду, что ласточки привязывают своих птенцов.

Электронная газета «Ремез» №107. 2021

Лисы-испрошайки

Лисица давно стала символом хитрости и изворотливости, а образ рыжей кумушки отражён в народном фольклоре: сказках, баснях, поговорках и даже анекдотах. Действительно, любой бывалый охотник подтвердит, насколько сложно бывает добыть её в капканы и во время ходовой охоты с ружьём. Но что-то изменилось в последнее время в поведении лисиц — начали они терять присущую им осторожность. И связано это было на первых порах с дорогами, на которых участились с ними встречи. По всей видимости, привлекали лисиц раздавленные и сбитые машинами мелкие птицы, тушканчики, суслики и мышевидные грызуны. Такие случаи наблюдаются уже давно, с семидесятых-восьмидесятых годов прошлого века. В Маркакольском районе мне несколько раз в вечернее и ночное время приходилось видеть лисиц, бегущих вдоль обочины дороги или в двух-трёх десятках метров от неё, и не обращающих внимание на проезжающие мимо машины и тракторы с включёнными фарами. Почему они перестали бояться машин, было для меня поначалу загадкой. Вскоре я узнал, что некоторые охотники стали охотиться за такими ли-

сами в зимние ночи, объезжая дороги на легковых машинах и мотоциклах. Подобный промысел бывал добычливым и давал хороший доход, так как в те времена женские шапки и воротники из лисьего меха были в моде и ценились высоко. Один из охотников разъяснил мне тогда, что такая охота за ними ведётся только в зимнее время, когда шкура становится «дошлой», а летом и осенью, пока они линяют, их никто не трогает, поэтому лисы на дорогах теряют бдительность, особенно подросший молодняк.

Вместе с тем, уже в те годы участились случаи, когда в местах стоянок машин и автобусов около родников, скважин и у эстакад, где водители останавливаются на отдых или для ремонта автомобилей, стали встречаться прикормленные лисы, посещающие такие места в поисках брошенных людьми остатков пищи. Чаще всего они прибегали к стоянкам сразу же, как отъезжали машины, но бывали случаи, когда некоторые из них крутились поблизости, выжидая момента, когда кто-нибудь из водителей из любопытства начнет подманывать, бросая кусочки хлеба или колбасы. Таких лис в шутку прозвали побирушками.

Бывали и другие случаи. Мои усть-каменогорские друзья Пётр Алексеевич и Анатолий Константинович свой трудовой отпуск проводили в октябре на Чёрном Иртыше. Ставили в укромном уголке пойменного леса палатку, и целыми днями занимались ловлей щук на спиннинг и закидушки. Как-то стали замечать, что на песчаный берег, где они обычно разделявали рыбу, тайком прибегает лисёнок и поедает выброшенные внутренности. Заинтересовавшись этим, стали они оставлять ему мелкую рыбёшку. Спустя некоторое время он перестал их бояться, и уже открыто прибегал к месту, где ему выкладывали угощение. Мало того, видели, как лисёнок поджидал на берегу, когда они вернутся на лодке с рыбалки. Однажды были свидетелями, как он сцепился и подрался с барсуком, который тоже пришёл полакомиться рыбёшкой.

Рыбаки, выезжающие зимой на подлёдный лов на Бухтарминское водохранилище, в последние годы не раз были свидетелями случаев, когда к местам кармака стали прибегать одиночные лисы. Правда, на открытых местах ведут они себя

боязливо, подолгу сидят на безопасном расстоянии, наблюдают за людьми, но самые смелые даже пытаются приблизиться, увидев брошенную в их сторону рыбу. Бывало такое, когда лиса так и не могла насмелиться подойти и взять угощение, рыбаки на время уходили в стоящие в стороне машины и давали лисе возможность утащить оставленную рыбину. Чаще всего появлялись они около лунок после отъезда людей, подбирая остатки еды и брошенную мелкую рыбу.

Известен случай, когда около котлована в Зырянском районе, из которого вывозили гравий на городскую стройку, всю осень жил такой же «приблудный» лисёнок. Место это было достаточно шумное: постоянно работали бульдозеры, тракторы-погрузчики, приезжали и уезжали самосвалы, тем не менее, он постоянно посещал полянку, где отдыхали и обедали водители и трактористы. Лисёнка-ушастика любили, в обиду не давали, еды не жалели, угощая его чем-нибудь вкусненьким прямо со стола.

Так появились прикормленные лисы, прозванные попрошайками. Их можно иногда увидеть сидящими поблизости от дороги и наблюдающими за проезжающими машинами. Они прекрасные психологи и терпеливо выжидают момента, когда мимо проедут любознательные и доброжелательные люди, которых можно легко разыграть «на интерес», устроив им небольшую фотосессию и получив за это угощение.

Обычно долго ждать им не приходится. Из нескольких проезжающих автомобилей водитель одной из них обязательно заметит и притормозит напротив сидящего на полянке во всей красе рыжего лиса, чтобы сфотографировать его. Найдётся среди попутчиков и добрая душа, которая предложит зверю сдобные булочки, печенье или пряники. А если уж лис проявит интерес к брошенному угощению, то отдадут ему весь хлеб, колбасу или сыр, взятые в дорогу. Особенно щедрыми бывают пассажиры с детьми — восторгам ребятишек от увиденного не бывает предела. После таких встреч люди всегда уезжают счастливые, а лис, подобрав всё до крошки, отправляется в укромное место на отдых или устраивается, чтобы дожидаться очередных любителей природы.

Подобное случилось в октябрьский день и с жительницей города Алтай Оксаной Урюмцевой, приехавшей с мужем на машине на Бухтарму поснимать пейзажи поздней осени и увидевшей стоящую на зелёной лужайке у реки лису. Она не только никуда не убежала от остановившегося поблизости автомобиля, но и выдержала несколько минут фотосъёмки из открытого окна. Каково же было удивление людей, когда она стала приближаться к машине, увидев показанное ей яблоко. Остановившись у брошенного ей фрукта, она понюхала его и недовольно отвернулась в сторону. Тогда гости достали пакет с захваченными с собой продуктами и кинули ей половинку буханки хлеба. Лиса подползла и, схватив угощение, унесла в сторону на безопасное расстояние. После этого, отдали взятый на обед увесистый бутерброд. Увидев его, она осмелела и уже без особой боязни приблизилась, обнюхала, съела колбасу, а уж после этого принялась за хлебные ломтики. На этом имеющиеся съедобные припасы закончились, поэтому интерес у лисицы к гостям постепенно угас. Покрасовавшись ещё немного перед объективом фотоаппарата своей рыжей шубой, она скромно ушла в сторонку. Расстались друзьями — люди остались довольны удачной фотосъёмкой, а лиса — сытным завтраком.

Электронная газета «Ремез» №107. 2021

Фронтовые лошади Ивана Сидоркина

Дню Победы посвящается

В начале семидесятых годов, когда я учился в старших классах Берёзовской средней школы, мужскую половину учительского коллектива представляли участники войны. Фронтовиком был директор Николай Андрианович Аверин — интеллигентный мужчина, награждённый орденом «Красной Звезды». Воевал в молодости и учитель истории Василий Евсеевич Слонов — добрейший человек и интересный рассказчик. Запомнился также математик Александр Иванович Сидорчук — суровый и очень требовательный учитель, которого мы в

первые месяцы его преподавания боялись, как огня. Однако отношение к нему у нас изменилось после того, как на празднование Дня Победы он пришёл в костюме, на котором было тесно от боевых орденов и медалей. Тогда мы узнали, что он воевал на Черноморском флоте, был участником морских десантов и имел ранения. Был он приезжим, доработал несколько лет до пенсии в нашей школе и уехал. Но о нём позднее я не раз вспоминал, особенно когда посмотрел документальные фильмы про оборону и освобождение Севастополя и Одессы, отчаянные десантные операции советских моряков на черноморском побережье. И каждый раз, когда в кинохронике показывали морских пехотинцев, идущих в атаку, невольно возникала мысль, что где-то среди них наверняка был и мой школьный учитель Александр Иванович.

Первые годы 9 мая мы отмечали с учителями-фронтовиками, но позднее стало входить в традицию устраивать встречи с участниками войны из числа односельчан. А их у нас в селе было много, как и солдатских вдов. На обелиске в сельском парке значилось 117 фамилий солдат, не вернувшихся домой с войны. На калитках многих домов можно было видеть красные звёздочки, обозначающие, что здесь живёт ветеран Великой Отечественной войны. Каждое утро, проходя по улице в школу, я здоровался с одним из них — инвалидом-фронтовиком Егором Малкиным, сидящим на лавочке. Вместо ног у него были деревянные протезы. Обе ноги он потерял в боях под Берлином.

Одна из встреч запомнилась на всю жизнь. Однажды на День Победы в наш девятый класс учительница вошла с приглашённым фронтовиком. Это был колхозный конюх Иван Сидоркин - рослый, жилистый и ещё крепкий мужик с жёсткой щёткой прокуренных усов и оспинками на обветренном лице. Она представила его нам и, усадив на почётное место за стол, попросила поделиться воспоминаниями о фронтовом пути. Бывалый солдат вначале смущался, мямлил в руках кепку, но постепенно разговорился.

- Трудно ребятки о войне рассказывать, но попробую, - признался он. - Я ведь всю войну рядовым красноармейцем был, в обозах служил, подвигов не совершал, но ранен и контужен

был, а солдатского лиха хватил через край. Невозможно рассказать про ужасы войны человеку, который её не пережил. Вы же насмотрелись фильмов про героев: разведчиков, лётчиков, танкистов и моряков, а в жизни всё было намного страшнее. Про это вспоминать не хочется, расскажу я вам лучше про фронтовых работяг — лошадей. Они наравне с солдатами этого заслужили.

В Красную Армию меня призвали из Берёзовки после окончания школы, как только исполнилось восемнадцать лет, уже в самый разгар войны. Представьте себе, что был я тогда лишь чуток постарше вас — мальчишка совсем. После трёхмесячной подготовки отправили на фронт. Думал, что сразу в окопы попаду, но один раз на станцию, где мы стояли на переформировании, прибыли эшелоны с лошадьми, а разгружать их некому, точнее боялись, что разбегутся. Выстроили тогда нас и приказали сделать шаг вперёд всем, кто умеет обращаться с ездовыми лошадьми, седлать, запрягать и распрягать их. Вышли, конечно же, деревенские ребята, кто с малых лет в колхозах с лошадьми имел дело. Так я попал повозочным, как называли тогда ездовых в обозах. Армия есть армия — где прикажут, там и будешь служить. А что такое обозник на передовой? Это доставка на подводах к местам боёв провианта, амуниции, боеприпасов и обратная вывозка оттуда тяжело раненых в ближайшие лазареты и госпитали. А во время наступления — срочная перевозка грузов на новое место дислокации. В те времена существовали части обозно-вещевого и продовольственного снабжения, а всем этим заведовала интендантская служба Красной Армии. Обеспечение шло как на машинах и тракторах, так и гужевым транспортом.

Вы, наверное, думаете, что перевозки велись на машинах? Ничего подобного, ребятки, на машинах это стали делать ближе к концу войны, когда своей и трофейной техники у нас стало побольше, да по ленд-лизу союзники подбросили. А в первые и самые тяжёлые годы основные перевозки делали на лошадях — с машинами был большой напряг. Они часто выходили из строя, то запчастей, то горючего не хватало. Существовали специальные автобаты по обеспечению тыла и передовой. Весной и осенью, когда начиналась распутица, и

проехать на машинах с боеприпасами к передовой становилось невозможно, тогда нашу пехоту и артиллерию спасали обозники на своих лошадаках. По объездным дорогам в любую погоду добирались мы до передней линии окопов и огневых позиций, и доставляли патроны, снаряды и питание. Сколько вывезли лошади на себе грузов, одному Богу известно и вряд ли смогут когда-нибудь подсчитать, но могу точно сказать, что без их помощи трудно было бы нам победить!

Доставляли их на фронт из тыла поездками, поэтому попадались среди них как хорошие необъезженные лошади, так и уже поработавшие в колхозах. Таких мы называли мобилизованными. Самые лучшие, конечно же, шли в кавалерийские части. В нашем деле было, главное, отобрать себе хорошую ездовую лошадь и обеспечить её всем необходимым. Важно было подогнать по размеру сбрую — у нас были даже свои шорные мастерские, помогавшие нам в этом. Чтобы сделать её мягкой использовали дёготь. Второй задачей любого ездового было обзавестись надёжной повозкой, а попросту телегой, и запасными частями к ней. А так как в повозке приходилось жить неделями, старались запастись брезентом, чтобы иметь тент на случай непогоды.

Конечно же, правдами — не правдами, старались вовремя накормить и напоить своих лошадей, раздобыть фуража, уберечь их от переохлаждения. Потому, что после тяжёлых переездов, особенно в дождь или буран, лошадям нужно было обязательно дать время отстояться и охладиться — их накрывали на время попонами. Лишь после этого можно было поить, кормить и устраивать на отдых в безопасном месте. В общем, хлопотное это дело — обозная лошадь. А их у каждого ездового было в упряжке, как правило, по две.

Нередко бывало, поступает приказ: срочно доставить боеприпасы на позиции, а чтобы выполнить его в срок командирами добавлялось: «Лошадей не жалеть». А это значило гнать их из последних сил. И приходилось гнать. А лошади-то не железные. Некоторые падали замертво — сердце не выдерживало!

Сколько их погибло и было покалечено от пуль и осколков — не сосчитать. Бывало, рванёт рядом мина или бомба, лошадь с перепугу метнётся в сторону, порвёт построшки и бежать,

пока не переломает ноги или посечёт её осколками. Частыми потери были во время миномётных и артиллерийских обстрелов, но особенно страшными бывали налёты авиации, когда в пух и прах разносились хутора, где мы стояли. Случалось, что от личного состава обозов почти никого не оставалось. Только из числа моих ездовых лошадей в первый год было убито восемь — я всех их помню по именам — и вечная им память за верную службу! Но самое тяжелое было видеть раненых и умирающих лошадей. Они ведь как люди и стонут, и плачут перед смертью. Если раненых солдат ещё можно было спасти и отправить в госпиталь, то помочь лошадям ничем нельзя было. А потому ездовые упрашивали кого-нибудь из посторонних пристрелить умирающую, чтобы она не страдала и не мучилась. Сами мы, ездовые, это делать не могли — рука ни у кого не поднималась — они ведь как родные каждому из нас были. Жестоко, конечно, но другого выхода не было. После войны эти лошади снились мне долго, и жена много раз будила меня по ночам от того, что плачу во сне или разговариваю с ними. Такая вот она ребятки память о войне, будь она неладна. Надеюсь, что доживу я всё-таки до дня, когда фронтовым лошадям поставят памятник — они как солдаты заслужили этого!

Электронная газета «Ремез» №108. 2021

Топонимика памяти

Недавно, разговорившись с товарищем про одну из давних поездок, мы так и не смогли вспомнить название ручья, где был устроен наш полевой лагерь. И это не удивительно, так как за годы экспедиционной жизни в памяти накопились сотни названий гор, урочищ, речек, ручьёв и родников, — со счёту собьёшься! Одни из них постепенно забываются и стираются из памяти, другие же, чем-то особенно запомнившиеся, приходят в голову при любом разговоре. Решив после этого случая проверить кладовые памяти, взялся я вспоминать по порядку названия мест на речке Белой, где прошли мои детские годы. И надо же, вспомнил почти все до единого. Хотя их там много, начиная со Страшной дорожки. Была такая тропинка,

пробитая в скалистом склоне горы. Начинаясь она от подвесного моста на стальных тросах, которые назывались лавами. По нему в шестидесятые годы ходил я через реку во время паводков в первые три класса школы. Вспомнились Забока, Верхний брод, старица Перемой, Вятская курейка, Поташкин ключ, Форпост и другие. Это особенные и знаковые места, которых нет ни на одной топографической карте, но они сохраняются в памяти людей и передаются из поколения в поколение. Своего рода топонимический код человека, по которому легко узнать земляка и односельчанина. Я как-то заглянул в «Одноклассники» и на страницах своих сверстников с удивлением увидел фотографии Каменоломни, Егоркина камня и Вострухи — мест, наиболее запомнившихся с детства. Точно такие же фотографии были на страницах их давно взрослых детей и внуков. Люди помнят, любят и боготворят места, где они родились и с которыми у нас всех ассоциируется понятие Малая Родина.

Знакомство с каждой новой местностью, куда приезжаешь во время экспедиций, начинается с изучения по карте названий речек, озёр и окружающих гор. В полевом дневнике я обязательно делал зарисовку гидрологической сети и постоянно дополнял названиями со слов местных жителей. С дельтой Тентека в Алакольском заповеднике, к примеру, пришлось знакомиться с Россыпей. — «К золотым россыпям это место отношения не имеет, - ответил на мой вопрос инспектор, сопровождавший в первой поездке. — В этом месте Тентек рассыпается и растекается в разные стороны по тростникам на несколько протоков, примерно вот так», — пояснил он и показал мне раскрытую ладонь с растопыренным пальцами.

Другим местом, название которого меня также сильно удивило, была Хреновая поляна. Находится она на правом берегу Тентека в местности, именуемой Кокпекты. На зелёном лугу с раскидистыми тополями и вётлами обнаружилась целая плантация зарослей дикого хрена. Мне рассказывали, что появилась она в тридцатые годы, когда местный колхоз посадил здесь деляну с хреном. То ли сорт оказался такой жизнестойкий или почвы и климат здесь благоприятные, но прижился он здесь хорошо. Каждую осень местные жители приезжают

на эту поляну, заготавливают на свои нужды корни хрена, используя его в качестве специй при засолке огурцов, помидоров, капусты и при приготовления знаменитой «хреновины» - острейшей приправы, заменяющей в деревенской кулинарии горчицу. Так из года в год идут заготовки, а количество хрена на поляне волшебным образом не уменьшается. Когда же побывал я в Бургонском заливе Сасыкколя, в его конце повстречалось любопытное местечко, именуемое Чесноками. Оказалось, что здесь растёт дикий чеснок.

Если большинству названий всегда находилось объяснение, то одно из них поставило меня поначалу в тупик. Приехали мы как-то на учёты водоплавающих птиц на Иртуйскую протоку. Она вытекает из западного угла Сасыкколя и течёт в сторону Балхаша на протяжении 60 км, постепенно теряясь в песках. В том месте, где её по мосту пересекает трасса Алматы — Усть-Каменогорск, местность носит название Перешеек. Учёты птиц мы завершили в нескольких километрах ниже этого моста на обширном плёсе протоки, на берегу которой находился старый дом и кошары. В советские времена здесь было отделение совхоза и содержалась большая отара овец. По словам моих спутников, называлось это местечко Брусли. Когда же я поинтересовался, откуда такое необычное название, объяснить никто не смог. Когда попытались уточнить у хозяина дома на Перешейке, он лишь пожал плечами и сказал, что в казахском языке такого слова нет. Спустя год один из жителей Ушарала, в семидесятые годы работавший в совхозе, рассказал, что в Иртуйском отделении работал один мужик, кореец по национальности. В молодости он был спортсменом и в совершенстве владел каратэ. Поэтому местные жители дали ему прозвище Брюс Ли в честь популярнейшего во всём мире киноактёра и мастера боевых искусств. Со временем кличка трансформировалась в Брусли. Все привыкли к ней, и она навсегда закрепилась как название за местечком с домом и кошарой, хотя настоящее имя человека забылось.

Местных названий превеликое множество, и чтобы разобраться в них нужно знать ещё свойственную для каждой местности географическую терминологию. Особенно занимательна, разнообразна и специфична она на Алтае. Так, от-

роги хребтов здесь чаще всего называют «белками», каждый из которых имеет своё наименование. Приведу по памяти лишь некоторые из них — Проходной, Россыпной, Сержинский, Скупой, Линейский. Есть даже Обдерихинский белок, на котором до начала шестидесятых годов существовала деревня Обдериха. Известна мне с детских лет Плач-гора. Под этим названием подразумевается крутой подъём — «тягун» на гору с опасным спуском. Говорят, что подобные названия возникли во времена, когда на телегах вывозили руду с демидовских рудников — «Ох, и наплачешься, пока до вершины доберёшься», - говорили возчики. Недавно я с удивлением узнал, что ещё одна Плач-гора обнаружилась в районе старых рудников в Аюдинском бору. Близкое по смыслу было название и у бухтарминской деревеньки Фыкалка, где разводили маралов. Фыкать — забытое русское словечко, означающее пыхтеть. «Нафыкаешься — напыхтишься, пока по косогорам до дома доберёшься», - говорили когда-то наши предки. Кстати, в далёком детстве приходилось мне слышать похожее словечко «кафыкать», означавшее кашлять. В долине Ульбы у села Топиха есть гора с красивым названием Гуляние, в истоках речки Барсук находится обширная заболоченная долина Гульбище, а одно из урочищ на северном склоне Ивановского белка именуется Заячий базар.

На каждом из белков есть вершина с особенным названием: Синюха, Голуха, Золотуха, Толстуха, Углоуха, Студенуха, Каменуха, Медвежиха, и т.п. Округлые вершины именовали словом «шиш», например, на Южно-Алтайском хребте есть Яманий шиш. На Курчумском хребте у озера Маркаколь возвышается вершина Аксу-Бас, которую прозвали также Самоваром и Чайником. Для жителей деревеньки Урунхайки она давно стала своеобразным метеобюро. Выйдешь утром на крыльцо, глянешь на Самовар, и, если небо чистое над ним — будет хорошая погода, а если клубятся облака или зацепилась за макушку чёрная тучка — жди дождя или снега.

Небольшие перевалы между сёлами именуют «сёдлами» и «седёлками». У больших перевалов свои названия, из них особенно памятливые такие забавные как Малыш и Мураш. Северные склоны гор и хребтов местные жители часто называ-

ют «сиверами», пологие вершины гор - «палатями», скальные теснины у выхода рек из гор - «щёками», а горные проходы в виде сквозных ущелий - «дырами». Так называют и проходы через опасные пороги на горных реках. В среднем течении Убы выше Карагужихи, к примеру, самый страшный проход, слышавший немало проклятий в свой адрес, именуется «Сучьей дырой».

Заливы на Маркаколе и других больших озёрах именуют «губами», далеко вдающиеся мысы — «приторами», а вот непроходимые скальные обрывы вдоль рек, требующие трудоёмкого обхода, называют на Алтае и в Саянах «бомами». Некоторые утёсы в старые времена звали «быками». В каньоне Иртыша выше устья Таловки существовал огромный скальный гребень под названием Петух, а одна из скал на речном обрыве у села Глубокое по сей день называется Петушком. Некоторые гранитные скалы с причудливыми формами зовут «теремками», «сундуками», «амбарами», а самые остроконечные - «шпилями». Большие округлые камни по берегам рек звали «булками», а места, где их было много, «Булошными».

Красивые бирюзовые озёра у верхней границы леса в водораздельных частях хребтов зовут «подбелковыми». В старые времена озёра, отличающиеся зелёным или сине-зелёным цветом воды, именовали Купоросными. Так звали и некоторые места, где реки тоже отличались подобным же цветом. Поэтому до сих пор существуют урочища Купоросные, объяснить, откуда взялись такие названия, могут не все старожилы.

Особенно любят на Алтае ручьи, называемые ключами. При этом ручейки, текущие из родников, чаще именуют ключиками. Со школьных лет вспоминается Святой ключик на речке Орловке у Берёзовки. О нём ходила легенда, что вода обладает чудодейственной силой. Однажды тяжело заболевший односельчанин попросил родных исполнить последнюю его просьбу и привезти воды из Святого ключика. Привезли ему целый бидон, напился он воды и полегчало ему — отпустила болезнь. А вскоре и вовсе выздоровел, прожив ещё немало лет. Из многих ключей пришлось мне испить воды, и до сих пор вспоминаются их прямо-таки поэтические названия: Чистые, Светлые, Пенные, Холодные, Талые, Тёплые. Встречались

и с необычными названиями - Железный, Чайный, Пьяный, Дурной и Блудной ключи. Приходилось бывать на Бандитском и Поганом ключах, хранивших мрачную память о лихих временах гражданской войны. На Ульбинском хребте сохранился Варначий ключ, на котором, как гласит легенда, более 250 лет назад укрывались беглые каторжники, которых тогда побаивались и звали варнаками. А вот названия речек трудно перечислить. Чаще встречаются Кедровки, Пихтовки, Еловки, Берёзовки, Тополёвки, Таловки, Таловочки — одна красивее другой. Есть речки с названием Становая, потому, что на них находилось становище с охотничьей избой. Есть Банные речки, называемые так потому, что зимой они «парят» - над их незамерзающими руслами подолгу клубится пар. Немало мест с названием Солоновка. На Маркаколе есть речка Солонная, впадающая в Урунхайку. Местные жители называют её на свой лад — Сланная и Слонная. С последним вариантом этого названия связана история, когда приехавший в Маркакольский заповедник московский журналист начал выпытывать у местных жителей, почему так называется эта речка. Один из урунхайских мужиков на его вопрос ответил шуткой: «Потому, что раньше слоны там водились». Эта сенсационная новость была напечатана в «Юном натуралисте» (1981, № 3) в статье «Голубой овал на карте».

Электронная газета «Ремез» №110. 2021

История вороньего гнезда

В годы работы в заповеднике каждое лето я приезжал на лодке на несколько дней на южный берег озера Маркаколь и останавливался на егерском кордоне в Матабае. В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов это была совсем заброшенная деревня, жители которой давно разъехались из-за отсутствия дорог, электричества и работы. Осталось лишь четыре семьи, включая нашего егеря, лесника лесхоза и двух пенсионеров с бабками.

Однажды утром отправился я в маршрут в горы по единственной матабайской улочке. Впереди показался домик пен-

сионеров Бедаревых с красивыми голубыми наличниками и ставнями на окнах. В полисаднике росли две высокие берёзы, на вершине одной из них этой весной чёрные вороны устроили гнездо. Это был первый случай гнездования ворон в населённых пунктах Маркаколя, поэтому накануне я завёл на него гнездовую карточку и решил после возвращения с экскурсии забраться на эту берёзу, сделать измерения и описание гнезда, а также окольцевать птенцов, чтобы в дальнейшем проследить их судьбу. Но через несколько минут мне пришлось отказаться от этих планов.

На лавочке у этого дома увидел я знакомых матабайских старожилов — Петра Интареевича и дядю Васю Краснопева. Поздоровавшись с ними, традиционно поинтересовался о здоровье и житье-бытье. Но вместо обычных жалоб на болезни дядя Петя принялся жаловаться на ворон.

— Мы вот тут только, что видели, как ворона стащила на сеновале куриное яйцо. Там курица устроила гнездо, - сообщил он, показав пальцем на дощатый навес на крыше двора, под которым с зимы хранились остатки сена.

- Она как снесётся и выберется наружу, обязательно поухахчет, - уточнил он. - А ворона усвоила это и сразу же появляется у гнезда, хватает яйцо в клюв и улетает с ним за огород. Если не успеваешь забрать вовремя, обязательно сворует. Вот сидим и ждём, прилетит или не прилетит, чтобы вовремя отпугнуть её. - И он продемонстрировал приготовленный в руке камень.

- Слышь, Николай, сделал бы ты доброе дело, стрельнул бы эту воровку как появится, достала она уже меня, - попросил Пётр Интареевич, - Сейчас яйца таскает, потом за цыпушек возьмётся, - предложил он, кивнув на ружьё за моей спиной.

- Вы же знаете, стрельба в населённых пунктах запрещена, - категорично отказался я.

- Дык, тут народу-то кроме нас с бабками никого больше нету, егерь с лесником в отъезде, а уж мы не подведём - ни одна душа не узнает.

- Нельзя стрелять, - решительно отказал я, - к тому же, Матабай в охранной зоне заповедника.

- Ну раз нельзя, так нельзя, слазь тогда на берёзу, достань

воронят, - продолжал уговаривать старик-искуситель. - Я бы сам забрался, но не могу — радикулит замучил совсем.

- И я тоже не могу, руки и ноги больные, - закрихтел и заохал дядя Вася.

Пришлось опять отказываться и объяснить, что в ближайšie дни воронята покинут гнездо, выводок откочует к озеру, и воровать куриные яйца вороны перестанут.

- Вы лучше устройте курице другое гнездо и проблемы с вороной прекратятся, - посоветовал я старикам и отправился в путь.

Так я спас в этот день от разорения это семейство ворон. На следующий год, словно предчувствуя недобрые намерения Петра Интареевича, эта пара ворон переселилась на старые берёзы у дома Краснопеевых. При этом устроили своё гнездо на вершине самой высокой берёзы, до которого при всём желании я не смог бы добраться. Так и на второй год мне опять не удалось окольцевать их птенцов, но зато повезло провести интересные наблюдения за их поведением во время гнездования в населённом пункте.

Электронная газета «Ремез» №111. 2021

Чёрные аисты Маркаколя

(из воспоминаний о В.А.Белялове)

Тёплый вечер в середине июля 1982 года. Центральная усадьба Маркакольского заповедника на окраине деревни Урунхайки. Я только вернулся домой из маршрута и узнал, что меня срочно вызывают в контору. Директор Есен Нургазинович Аубакиров сообщил, что ещё в полдень из Алма-Аты приехала съёмочная группа киностудии «Казахфильм» под руководством Вячеслава Алиевича Белялова и нужно помочь ему в съёмках краснокнижных птиц. Я сразу же отправился по указанному «адресу» - на берег озера у причала. На зелёной лужайке среди берёз и тальников вскоре увидел несколько брезентовых палаток и два «Уазика» с надписями «киносъёмочная». Около них были сгружены вьючные ящики, штати-

вы и прочий характерный скарб бывалых экспедиционщиков. Под брезентовым тентом за складным кухонным столом сидела шумная кампания. Рядом дымил костёр с большим казаном и закопчённым чайником на тагане. Увидев меня, из-за стола поднялся загорелый и уже изрядно поседевший мужчина средних лет с бородой и в очках.

- Слава, - представился он, крепко пожав руку.

- А по отчеству? - попытался уточнить я.

- Просто Слава, - ответил Беялов.

С остальными участниками я был уже заочно знаком — Борис Жуйко и Владислав Якушкин. Вскоре с озера подошла жена Вячеслава - Лариса с сыном Али - черноглазым мальчуганом, восторженно начавшего рассказывать отцу о виденных в речке рыбках.

- Какими судьбами в наши края? — поинтересовался я.

- Приехали чёрного аиста и скопу к тебе снимать. Нужна будет твоя помощь и, надеюсь, что не откажешь.

- А почему на Алтай поехали, разве у вас на Тянь-Шане гнёзд нет? — удивился я.

- Получилось так, что ни одного жилого гнезда в наших краях не оказалось, а в Институте зоологии посоветовали ехать к тебе.

По правде говоря, этой новостью гости меня сильно озадачили. Гнёзд скопы под наблюдением у меня было несколько, поэтому проблем с их съёмкой быть не могло. А вот гнёзд аистов на озере в этом году я ещё не нашёл, а ранее известное гнездо они по какой-то причине бросили. Было ещё одно «на подходе», но его ещё предстояло долго выслеживать и искать, а у столичных гостей это в планы не входило — нужно было побыстрее отснять сюжет и ехать дальше. Было известно мне ещё два жилых гнёзда аистов, но они находились за 300 км от Маркаколя, в соседнем Курчумском районе.

Пока занимались чаепитием, пришлось мне рассказывать про сложности, связанные с поиском их гнёзд. Дело в том, что чёрные аисты, прилетающие кормиться на побережье озера, чаще всего поселяются в 10-15 км от него, где-нибудь в вершинах ущелий или вообще за отрогами ближайших гор. В июне этого года, находясь у истока Кальджира, я безуспешно потра-

тил несколько дней, пытаясь найти гнездо, отслеживая их кормовые перелёты. Дело это оказалась непростым, потому что, покормившись у озера, они улетали к гнезду в горах не напрямую, а зигзагообразно, используя складки местности, как бы маскируя от посторонних глаз свои передвижения. При этом первую пару мне приходилось буквально «тропить», продвигаясь по её маршруту от одной возвышенности к другой. Однако каждый раз выяснялось, что, обогнув очередную горку, аист улетал в сторону следующего увала. Один раз, поздним вечером, удалось проследить, что вернувшаяся с озера птица залетела в лиственничный лесок со скалой под вершиной одной из таких горок. На следующее утро я отправился туда в твёрдой уверенности, что там находится гнездо, но каково было моё удивление, когда его там не оказалось. Терпеливо дождавшись очередного возвращения аиста с кормом, я увидел, что он, пролетая мимо этой скалы, изменил направление и улетел к входу в одно из непроходимых ущелий, заросшего пихтачом, а затем поднялся по нему под самый верх. Попасть в это место можно было только с вершины хребта. Времени и сил на подъём туда и спуск вниз по осыпям и буреломам у меня уже не было, поэтому я переключился на слежение с горы за другой парой, улетавшей после кормёжки вниз по ущелью Кальджира. Но и здесь аисты сразу же начали водить меня «за нос». Срезая изгибы ущелья, они нередко сворачивали в боковые отшелки. Издалека казалось, что птицы залетают к гнезду. Не жалея сил, приходилось продираться, через заросли кустарников и завалы камней до конца этих щелей и, в итоге, ничего там не находить. Как потом оказывалось, аисты, перевалив через седловинку гребня, улетали дальше вниз. Таким образом, они как бы срезали расстояние, но сильно запутывали наблюдателя. В конце концов, с одной из вершин я выследил, что аист залетел с кормом в одну из скальных теснин, где у него наверняка должно было находиться гнездо. Однако занепогодило, пошли дожди, поиск пришлось прекращать, отложив на более благоприятное время в июле.

Утром мы отправились с аппаратурой на ближайший склон хребта Азутау, где на сломанной вершине лиственницы находилось гнездо скопы — рыбацкой хищной птицы, занесён-

ной в Красную книгу. Съёмки прошли быстро и успешно, так как птицы из этого гнезда были «приученными» к постоянному присутствию поблизости людей, потому что с весны до осени каждый год я проводил за ними наблюдения из устроенного выше по склону наблюдательного пункта. Эпизод прилёта скопы в гнездо с рыбой в лапах и процесс кормления птенцов сняли за два часа.

- Достаточно, всё как на картинке, - улыбаясь, сказал Слава, оторвавшись от камеры. - Теперь нам бы ещё чёрного аиста отснять! Как думаешь, сможем ли мы отыскать его гнездо в том месте, где ты его видел последний раз на Кальджире? — спросил он у меня.

- Гарантировать не могу, но попытаться можно, надежда есть, - уклончиво ответил я, уже зная, насколько хитроумно ведут себя тамошние аисты при полётах к гнезду.

- Эх, была не была, давай сегодня съездим, - решительно сказал Белялов, - тем более директор катер и бензин выделил. Заодно Маркаколь посмотрим. Грех такой возможностью не воспользоваться. Не зря же полторы тысячи километров ехали сюда.

К моему удивлению, директором заповедника для поездки в другой конец озера был выделен недавно полученный быстроходный катер «Амур», использовавшийся в основном для приёма гостей. Сами же мы в те годы ездили на испытанных в любую погоду лодках «Казанках». В поездку собрались налегке, намереваясь быстренько осмотреть ущелье и вернуться вечером обратно. Выехали вчетвером: Вячеслав, Владислав, Борис и я. Мотористом был старший егерь Валерий Жуков. Рассекая синюю гладь, катер взял курс в юго-западный угол озера, до которого напрямик было 40 км. Погода была прекрасной, на озере стоял полнейший штиль. Спустя час, когда мы подъезжали к урочищу Чумек — широкой луговой долине у истока Кальджира - мотор вдруг «зачихал», заработал с перебоями и заглох.

- Бензин закончился, - объявил Валерий, перебирая пустые канистры. Выяснилось, что он заправил для катера норму, рассчитанную на круговую поездку на «Вихре», а прожорливый мотор «Амура» съедал в три раза больше.

На приозёрном лугу Чумека мы увидели технику и большой стан. Оказывается, сюда приехали на заготовку сена работники учреждений из районного центра Алексеевки. В те годы каждой районной организации спускался обязательный план по заготовке сена. Валерий сразу же предложил раздобыть у косарей бензин на обратный путь, использовав для этого безотказную «валюту», - захваченную с собой бутылку водки.

Оставив его решать бензиновую проблему и охранять имущество, мы отправились по тропе вниз к ущелью. Вскоре увидели двух чёрных аистов, кормящихся на мелководьях Кальджира. Я предложил дожидаться окончания кормёжки и проследить путь их полёта к гнезду с одной из вершин. Так мы и сделали. Спустившись более километра вниз по ущелью до отщелка, в котором закончились мои недавние поиски гнезда аиста, поднялись на небольшой скальный отрог, с которого хорошо просматривалась кальджирская теснина. Ожидание было недолгим. Едва успели перекусить, как увидели, что вдоль противоположного борта долины летит аист. Мы затаились за камнями, наблюдая за ним в бинокли. Как и в прошлый раз, он долетел до отщелка, свернул в него и, перелетев через гребень, скрылся в соседнем скалистом логоу. Все облегченно вздохнули и радостно заулыбались, делясь друг с другом впечатлениями о том, что так просто и быстро вычислили местоположение гнезда. Оставалось только перебраться через бурный Кальджир по расположенному ниже «бараньему мостику», пройти по щели и осмотреть все подходящие скалы с карнизами. Но радовались мы преждевременно. Аист неожиданно появился у выхода из этой щели и круто развернувшись, полетел дальше вниз.

- Сколько может занять времени дальнейший поиск, - спросил Слава.

- Два-три дня, - ответил я тогда, по опыту зная, что оно может находиться далеко, а этих отщелков ниже по реке бесчисленное множество.

- К сожалению, у нас нет столько времени, - задумчиво ответил он, - есть ли ещё варианты?

- Есть, но для этого нужно ехать в Курчум, там у меня есть

два гнезда, в которых каждое лето я произвожу кольцевание птенцов. Как раз собирался на следующей неделе ехать туда.

- Тогда завтра же выезжаем туда вместе, - принял окончательное решение Слава.

Обратно к истоку Кальджира мы вернулись, когда наступили вечерние сумерки. Погода менялась на глазах и на озере уже гуляли волны. «Тихушка задула», - в таких случаях говорят местные жители, подразумевая сквозной шквальный ветер, дующий от устья речки Тихушки к истоку Кальджира и вызывающий шторм. Я уже не раз испытал на себе его дикий нрав, и мне совсем не хотелось попадать в очевидную штормовую переделку с гостями и подвергать их жизни опасности. От ночного возвращения в Урунхайку через бурный Маркаколь пришлось поневоле отказаться. Валерий, встретивший нас в изрядном подпитии, сообщил, что бензину, которого он раздобыл у косарей, хватит только километров на пятнадцать, как раз до ближайшего посёлка Матабай. Решили ехать туда и переночевать на кордоне у егеря Николая Краснопеева, у которого заодно можно было одолжить бензин на остальной путь. В полной темноте, пробиваясь через волны, промокшие и продрогшие, с трудом доехали до Матабая и выгрузились на берег. Небольшой заброшенный посёлок встретил неприветливо — в деревеньке не светило ни одного огонька, и только временами доносился злобный лай собак.

На следующее утро, заправившись бензином, выехали в Урунхайку. На Маркаколе стояла изумительная тишь и теплынь. Катер, рассекая синюю гладь, стремительно шёл вдоль южного берега. В озере, как в зеркале, отражались зелёные горы, лес и облака. Временами разбегались в разные стороны выводки огарей, крохалей и гоголей. В одном месте с гнезда на вершине вековой лиственницы слетела скопа. Когда проехали устье речки Матабайки, где таёжные склоны хребта Азутау вплотную подступают к озеру, Слава махнул рукой сидевшему за рулём Валерию.

- Стоп, остановись, тут такой изумительный вид, надо бы сделать панорамную съёмку. Как это место называется?

- Большой Маральник, - пояснил я.

- А почему Маральник?

- Здесь в двадцатых годах существовал «сад» - маралов со- держали. Вот этот открытый склон с кустарниками был весь огорожен изгородью. Её остатки до сих пор сохранились.

- А что с ними потом случилось?

- Во времена коллективизации владельцев раскулачили, а маралы по лесам разбрелись, - добавил Валерий, прадед которого был основателем первого русского поселения на Маркаколе.

Завершив панорамную съемку и уложив кинокамеру во вьючный ящик, Слава закурил и долго всматривался в маркакольскую синеву.

- Знаешь, - задумчиво сказал он, - когда я ехал на Маркаколь, то для себя уже решил, что посмотрю озеро, отсниму сюжеты о краснокнижных птицах и всё на этом. Почему-то мне казалось, что после фильмов Толика Лаптева тут снимать больше нечего. А сегодня понял, что главные фильмы об озере ещё не сняты. Лаптевские фильмы, особенно «Озеро студёное и ласковое» и «Старик и озеро», слов нет, хороши и талантливы, но они в большей степени этнографические, о людях, живущих здесь. А вот рассказать о природе Маркаколя, показав жизнь животных, никто ещё не брался. Если бы не эта поездка и ночёвка в Матабае, я никогда бы не решился браться за эту тему. Теперь твердо решил, что обязательно буду делать такой фильм, и уже понял с чего начинать.

Утром 17 июля, закончив погрузку в машину экспедиционный скарб, мы тронулись в дальний путь. Уже вечером добрались до Чердоаякского лесничества в юго-западных отрогах Нарымского хребта, где я познакомил гостей со своим другом — лесником Иваном Степановичем Воробьёвым, прекрасным знатоком природы этого края. Мы навестили одно из известных гнёзд чёрного аиста, наиболее подходящее для съёмки. В отличие от маркакольских аистов, устраивающих свои жилища в горной глухомани, оно находилось среди холмистой степи в нише скалы глубокой балки, заросшей осинами и берёзами. В нём в это время находилось три оперённых птенца. На противоположном берегу в укромном месте мы устроили скрадок, установили на штативе кинокамеру, и Слава в последующие дни снял прекрасные сюжеты о гнездовой жизни этих таинственных птиц. Так состоялось наше знакомство, и

на этом закончилась аистинная эпопея. Тепло попрощавшись, мы расстались. Я уехал на Маркаколь, а он - в Алма-Ату. В последующие годы мы ещё не раз встречались на презентациях его фильмов и он, каждый раз вспоминая о киносъёмках на озере, интересовался о людях, с которыми там познакомился.

Электронная газета «Ремез» №112. 2021

Талисман

Весь июльский день с Иваном Степановичем Воробьёвым мы провели в сёздах, объезжая ущелье речки Женишке в отрогах Южного Алтая, где он помогал мне кольцевать птенцов соколов. Вернулись к нему домой в Сергеевку вечером. К нашему возвращению была протоплена банька и, расседдав коней, мы сразу же отправились мыться. Вскоре распаренные и уставшие сидели в летней кухне и пили чай с мёдом, вспоминая прошедший день. Ещё в предбаннике я мельком обратил внимание на какой-то непонятный коготь, который Иван Степанович носит на груди на шнурке. Поначалу решил, что раз он всю жизнь занимается охотой с беркутами, то коготь этот непременно должен быть беркутиным. Подумалось даже, что может быть, он бережёт его как память об одном из своих любимых ловчих орлов. Вот и в этот раз, разглядывая его, я понял, что коготь этот по форме и величине вовсе не орлиный, а звериный. Когда поинтересовался у него, он как-то хитровато улыбнулся и произнёс:

- Талисман это мой. Память о первом медведе, чуть не ставшем роковым. Вот можешь глянуть, всю жизнь его автографы ношу. - И повернувшись ко мне спиной, он продемонстрировал страшные шрамы на пояснице, какие можно увидеть разве, что у фронтовиков.

- Ужас какой, как же это случилось-то?

- Давненько это уже было, в молодости, с Дусей мы тогда только поженились и первый год жили, - кивнув на хлопотавшую у печки жену, начал свой рассказ Иван Степанович. — Ну, так вот, осенью как-то услышал я от пастухов, что в одном месте медведь порвал тёлку в совхозном табуне. Услышал и

сразу решил — это будет мой первый медведь, кровь из носу, но я его обязательно возьму. Бросил все дела и стал собираться. А утром, когда выезжал на охоту, как назло, занепогодило и дождь начался. Помнится, Дуся всё никак не хотела меня в тот день отпускать, отговаривала, упрашивала, мол, куда в такую мокроту и грязь едешь, со скал ещё сорвёшься. Я ей, правда, про медведя ничего не говорил, чтобы не пугать, сказал лишь, что еду на козлов поохотиться. Короче, сгрёбся я и поехал, азартный шибко был тогда. Когда отъехал от деревни, вижу, собачонка наша, Дружок, за мной увязалась. Была она у нас сторожевой, на цепи обычно сидела, на охоту её я никогда не брал, поэтому сразу шугнул её, чтобы отстала. Проехал километра три, смотрю, продолжает бежать вдалеке сторонкой, втихаря, но из виду меня не отпускает. Делает вид, что по своим делам отправилась куда-то. Доехал я на речку, привязал коня на аркан, оставил пастись, а сам с ружьём отправился вверх к тому месту, где медведь на скот нападал. Место это дикое, речка течёт по глухому логу, по крутым склонам скалы, густой карагайник, а вдоль русла - топольник и тал с калиной и бояркой. Прошёл с километр, сыро, дождь моросит и не единой души вокруг. В одном месте поперёк пути попался толстый ствол упавшего после бури тополя. Ну, я взял да с разбега перемахнул через него. Приземляюсь, а сам пятками и подошвами сапог чую опасность. Как будто током прошибло всего. Оказывается, с другой подветренной стороны ствола медведь дневную лёжку устроил. Да так, что, подходя, я его не видел, а он меня не учуял, так как дождик шёл, а по мокрой листве шагов не слышно. Ну, так вот, приземляюсь я, а он вскочил из-под лесины и хватанул меня за «жамбас», как раз пониже поясницы. Отлетел я в одну сторону, ружьё — в другую. Тут Потапыч навалился и взялся терзать меня. Чую смерть моя наступает, сжался я в комок, одной рукой голову прикрыл, другой ножик из-за голенища сапога выхватил. Пырнул его в бок, но без особого результата — лезвие было тряпкой обмотано, да и в положении моём ударить с силой возможности не было. Тут он меня хватанул пастью за голову, да так, что хрустнула она как арбуз и в глазах сразу помутилось. Выручила шапка, которая в пасти зверя оказалась. Медведь на миг отвлёкся и

начал с рычанием рвать её. Вот тут-то и спасение моё неожиданное появилось, как будто Бог на выручку послал. Через лесину вдруг Дружок перескакивает и с разлёту вцепляется медведю в «штаны». Вьюном вокруг него вьётся, визжит, хватает его за ноги. Закружил он зверя, отвлёк его внимание, всю его злобу на себя взял. А тут и я в себя уже пришёл, про ружьё вспомнил. Откатился в сторону, подполз к нему. Медведь заметил это и опять ко мне рванулся. Но я уже успел ружьё схватить и с колена всадил в него пулю в упор. Рухнул он замертво рядом, чуть не сбив меня. Поднялся я, изодранный и в кровище весь, трясёт от страха так, что кое-как отыскал патроны в карманах.

Когда успокоился малость, сходил к речке, умылся, рубашку с майкой разорвал и поясницу кое-как перебинтовал. Кожа на

голове тоже в нескольких местах была клыками разодрана, но не царапинами, а прямо-таки бороздами, так что кровь прямо за шиворот ватника стекала. Полежал на полянке, пока кровотечение не остановилось. Другка приласкал, поблагодарил за спасение и даже извинения попросил, что прежде обижал. Преданная и отважная собачья душа! Я же сам видел, как он на верную смерть бросался, чтобы защитить меня и живым просто чудом остался. Не всякий мужик на такое способен. А собака может жизнь отдать за человека!

Хотя и плохо мне было совсем, голова кружилась, но, всё же освежевал я тогда добычу, мясо в шкуру завернул, чтобы завтра забрать. Не бросать же такого медведя, да ещё первого. Когда сел на коня, силы меня от потери крови совсем покинули, да ещё раны стали подсыхать — орать на все горы было охота. Как добирался домой, не помню. Из седла уже сам спуститься не мог, Дуся помогла. Она, оказывается, весь день от плохого предчувствия места не находила. Когда увидела меня, сразу в слёзы: «Господи, так и знала, что со скалы сорвёшься!». А когда услышала, что со мной произошло, вообще до утра у кровати проревела. Вот такой была моя первая медвежья охота. Потому этот коготь я и взял себе на память. Ношу как оберег от всяких бед и несчастий.

Электронная газета «Ремез» №113. 2021

«Подвиг» дембелей

Эта история, случившаяся в начале восьмидесятых годов в Катон-Карагайском районе, сейчас уже забылась в этих краях, хотя в своё время она живо обсуждалась среди алтайских жителей. А вспомнилась она мне недавно, когда перелистывал один из маркакольских дневников и нашёл запись об этом происшествии. Узнал я о нём от участников оперативной группы областной охотничьей инспекции, заехавшей к нам в центральную усадьбу заповедника переночевать после расследования. Более подробно о ней поведал за вечерним чаем мой давний знакомый охотовед Василий Афинодеевич Соловьёв, уроженец маркакольской деревни Нижней Еловки.

Всё началось с того, что за несколько дней до этого в Усть-Каме-ногорске начальник охотничьей инспекции с утра собрал своих подчинённых и сообщил, что в Катон-Карагае произошло страшное ЧП — медведь напал на людей. Об этом ему сообщили из районной милиции с просьбой срочно разобраться в этом происшествии. Подробностей не было известно, так как из больницы им сообщили лишь о том, что поступили в тяжёлом состоянии двое парней в солдатской форме, подвергшихся нападению медведя.

Для начала решили созвониться и уточнить информацию, слишком уж непонятная ситуация. Особенно смущало, что пострадавшие были военнослужащими, что придавало этой истории особую интригу. Позвонили в пограничную комендатуру, но там заверили, что у них никаких происшествий среди личного состава застав за последние дни не случилось. В районном военкомате уточнили, что из числа демобилизованных из рядов Советской Армии за последнюю неделю становиться на военный учёт никто ещё не приходил. Главный врач районной больницы оказался более осведомлённым и рассказал, что двое парней-дембелей с большой потерей крови и сильно покусанных медведем, действительно поступили сутки назад в больницу, но их жизни ничего уже не угрожает. Ещё он добавил, что ребята настоящие герои, вступили, мол, в рукопашную схватку с напавшим на них медведем и один из них, спасая друга, убил зверя ножом. Для расследования этого ЧП была создана оперативная группа, срочно выехавшая в Катон-Карагай.

- Вот с такой информацией мы и отправились из Усть-Каме-ногорска, уверенные, что имел место неудачный случай браконьерской охоты на медведя, во время которой оба солдата и пострадали. Подобные истории у нас на Алтае случались нередко при попытках местных жителей свести личные счёты с медведями во время грабежей ими пасек и стойбищ скота в горах. По приезду в Катон-Карагай сразу же отправились в больницу, врач провёл нас в палату, где под капельницами лежали двое перебинтованных пострадавших. Дембелями оказались двадцатилетние парнишки Серик и Берик, щупленькие, невысокого роста — ничего богатырского и героического

внешне. Мы представились, попросили ответить на вопросы. Из расспросов выяснилось следующее. Оба парня — друзья детства. Трое суток назад вернулись домой после службы в армии, но родителей не застали — они со скотом были уже в горах на джайляу. На радостях выпили и решили навестить их. Взяли у родственников мотоцикл «Восход», купили водки и как были в парадной дембельской форме, поехали в горы. При подъёме на перевал встретили на дороге медведя, точнее «балашку» — двухгодовалого медвежонка, недавно отделившегося от матери. Их в народе «муравьишниками» называют. Он сильно перепугался и бросился удирать вверх по дороге. Развеселившись от увиденного, погнались за ним на мотоцикле наперегонки, уверенные, что он сам свернёт в лес. В одном месте, когда стали его обгонять, медвежонок вдруг огрызнулся и попытался укусить за ногу Серика, сидевшего за рулём. По этой причине столкнулись и упали. Медведь первым вскочил и напал на Серика, выбиравшегося из-под мотоцикла. Берик, вспомнивший, что у него есть с собой складной нож, выхватил его и, подбежав сбоку, ударил зверя со всего размаху по затылку. Ручка ножа при этом отломилась, а лезвие осталось в голове. Медведь взревел, замотал головой, сбил с ног Берика, укусил его несколько раз и, отбежав в сторону, замертво упал.

- Ну и чем закончилась эта история? - поинтересовался я.

- Ай, да ничем особенным, - отмахнулся охотовед. — Съездили в горы на стойбище, изъяли шкуру, на ней действительно был след ножевого удара. Нам даже рукоятку этого сломанного ножа показали. А так как факта умышленного убийства зверя не было, протокол о браконьерстве составлять не стали. Главное, парнишки живыми остались.

Разговорившись в тот вечер на эту тему, припомнили другие известные случаи встреч людей с такими молодыми медведями, только начавшими самостоятельную жизнь. Были среди них и трагикомические столкновения.

- Всему виной пьяное ухарство наших мужиков, когда после принятия медовухи или водки их начинает тянуть на самые необдуманные подвиги, - заключил Василий Афинодеевич. — При виде небольшого медвежонка, начинающего удирать, у людей чаще всего теряется чувство страха и появляется азарт

преследования. При этом не все понимают, что настигнутый медвежонок может оказать отчаянное сопротивление и нанести серьёзные увечья. Будь при таком медвежонке мать-медведица, эти же самые героини могли бы натерпеться такого страха и ужаса, о котором стыдно было бы потом вспоминать и хвастать.

Вспомнился нам тогда ещё один из таких случаев, едва не закончившийся трагически. Произошёл он с тремя друзьями в том же Катон-Карагайском районе. Они приезжали к родственнику на пасеку в горах за Бухтармой помочь с сенокосом. Возвращались домой в сильном подпитии, отведав хозяйской медовухи. На одном из спусков к Бухтарме повстречали медвежонок-муравьишника, бросившегося во весь мах удирать вниз по дороге. Друзья расхрабрились и попытались догнать его на конях. Оружия у них никакого не было, если не считать обычных плёток в руках. Размахивая ими, они с криками настигли беглеца. Медвежонок принялся защищаться, пугая лошадей своим рывканьем.

- Сейчас я его как часового на фронте сниму, - выхватив нож, крикнул Ержан, самый отчаянный из друзей. Он ловко спрыгнул с коня рядом со зверем и, изловчившись, ударил его ножом между лопаток. Медведь взревел, вмиг подмял парня под себя, начал его рвать, после чего медленно отошёл в сторону, лёг и затих. Из его спины торчала ручка ножа - удар оказался для зверя смертельным. Друзья перебинтовали раны Ержану, довели его на конях до ближайшей деревни, откуда на машине отправили в районную больницу. После этого случая Ержан остался на всю жизнь инвалидом, но, как всегда, был весёлым и неугомонным мужиком. Рассказывали, что однажды на дне его рождения один из друзей произнёс тост: «Я, не задумываясь, пошёл бы с тобой, Ержан, в разведку, но на пасеку с тобой больше никогда не поеду».

Электронная газета «Ремез» №114. 2021

История про галку, «заговорившую» по-вороньи

Прошедшим летом фотограф-натуралист Александр Фельдман во время поездки по Семипалатинскому бору остановился сфотографировать местную достопримечательность — деревянную мечеть около бывшего села Аккольское. Построенная 120 лет назад из стволов строевых сосен, она совсем обветшала — обвалившаяся крыша, пустые оконные и дверные проёмы, отсутствие полов. На её чердаке держались галки и сизые голуби с вылетевшим молодняком. Во время фотографирования Александр обратил внимание, что среди криков галчат, требующих корм, время от времени из мечети раздавалось настойчивое карканье серой вороны. — «Что она здесь делает?» - подумал он и отправился взглянуть на неё. Ворону внутри помещения он, конечно же, не нашёл, но зато увидел каркающую галку, сидевшую на окне. Удивлению не было предела: галка «говорила» на чистом вороньем языке!

Когда мы обсуждали этот случай, припомнилось мне, что когда-то я уже читал про подобное. Свыше 70 лет назад об этом написал известный казахстанский орнитолог и писатель-натуралист Владимир Николаевич Шнитников в своей книге «Птицы Семиречья»: «Голос галки известен каждому. Но однажды, 24/X 1932 г., я в Копале встретил галку, которая в одиночестве сидела на дереве и каркала, как каркают вороны. Каркала она долго, упорно сидя на одном месте, и не улетела даже тогда, когда я подошёл под самое дерево. Это карканье, как и самое поведение птицы, сидевшей у меня над головой и с карканьем нагибавшейся ко мне, было настолько странным, что галка производила впечатление «ненормальной».

Известно, что способность птиц к заимствованию голосов других видов называется имитацией. Бывает мотивированная и немотивированная имитация. Первая чаще всего существует у птиц, заимствующих голоса других птиц и вставляющих их в свою песню, как бы украшая её дополнительными красивыми звуками. Такое можно часто слышать, к примеру, в пении скворцов и садовых камышевок. При этом нередко самца-

ми воспроизводятся голоса птиц, услышанные где-то в других краях, наверное, во время зимовки или миграции. У попугаев, ворон и майн бывает немотивированная имитация, когда птицы подражают всем подряд услышанным голосам и звукам. При этом встречаются говорливые уникамы, которые воспроизводят целые фразы из человеческой речи и даже фрагменты услышанных мелодий. А вот в случаях с галками случилось прямо-таки непоправимое — свой видовой сигнальный крик они по каким-то причинам заменили на чужой. Не исключено, что галчонок в юном возрасте часто слышал рядом с мечетью голоса каркающих серых ворон, перенял их и стал воспроизводить? Наверняка этой галке, заговорившей на другом «языке», нелегко придётся в дальнейшей жизни, так как другие галки могут перестать воспринимать её как свою!

Электронная газета «Ремез» № 116. 2022 г.

Зимнее купание птиц

Со школьных лет запомнилась мне одна зимняя картина, когда после сильных декабрьских морозов замёрз Иртыш. На середине его русла среди торосистых льдов осталась узкая полоска полыньи, над которой постоянно клубился белый пар. Однажды, когда установился ясный солнечный день, я не усидел дома и отправился на протоку к месту, где в Иртыш впадает речка Берёзовка. Там, оставался небольшой участок не замёрзшего галечникового русла с быстрым течением и приятным журчанием воды. Лёд на протоке, ещё не переметённый метелями, был прозрачным и сквозь него можно было наблюдать за подводной жизнью реки. Особенно интересно было лежать и следить за стайками пескарей, плавающими среди зарослей роголистников - водных растений, похожих на зелёные ёлочки. Иногда можно было увидеть маленькое речное чудище — бычка-подкаменщика или змееподобную миногу.

Однако в этот раз меня заинтересовали две серые вороны, прилетевшие из села и бродившие по мелководью. Я сначала решил, что они хотят отыскать что-нибудь съестное или пой-

мать мелкую рыбёшку, однако, вскоре увидел, что вороны, несмотря на лёгкий морозец, принялись купаться! Распушив оперение и взмахивая крыльями, они присаживались в воду, смачивая оперение брюшка. Водные процедуры продолжались с десятков минут, после чего птицы, взъерошив и отряхнув оперение, перелетели на лёд, осмотрелись и принялись за просушку пера на солнце. Зимнее купание ворон сильно удивило меня, поэтому хотелось понять, что же вынудило их заняться «моржеванием».

Не зная, как объяснить это явление, я поначалу решил, что они занимались очисткой оперения. Однако шли годы, накапливались наблюдения и постепенно я узнал, что зимние водные процедуры у воробьиных птиц далеко не редкое явление. На горных речках и ручьях Алтая в декабре и январе случалось наблюдать также купающихся сорок, дроздов-рябинников, седоголовых щеглов, чижей и белых лазоревок. Птички в одиночку и небольшими группами слетались к воде и по несколько минут сидели на мелководе, погрузив в воду брюшко. После этого они оживлённо трясли крылышками, стряхивая с себя влагу, перепархивали на соседние валуны или ветки деревьев, где подолгу чистили и сушили оперение. Купание происходило обычно в слабо морозные и солнечные дни. С наступлением мартовских оттепелей количество птиц, желающих принять водные процедуры, заметно увеличивается. На городских и деревенских улицах можно увидеть купающихся в лужах голубей, грачей, ворон, галок, домовых и полевых воробьёв, больших синиц. Как выяснилось, зимнее купание птиц вынужденное и связано с блохами, живущими в оперении нижней части тела и доставляющими им беспокойство. Поэтому, пытаясь избавиться от паразитов, они и погружают брюшко в холодную воду. Исключением среди воробьиных птиц, конечно же, являются оляпки, связанные с водой круглый год, даже в самые лютые морозы. Нырание в воду для них жизненная необходимость — нужно добывать пропитание: водяных насекомых, личинок ручейников и даже мелких рыбёшек. А чтобы не намокало оперение, оно обильно смазывается жиром, выделяемым из копчиковой железы.

Электронная газета «Ремез» № 117. 2022 г.

Сороки и домашние животные

Многим из нас, кто жил в сельской местности, наверняка доводилось видеть сорок, висевших в качестве пугал на шестах в скотных дворах и у кошар. Но почему так поступали деревенские жители, знают немногие. Предположение, что так расправлялись с сороками-воровками, таскающими куриные яйца, далеко от истины. Причины совершенно иные и связаны они с привычками у сорок, о которых мне хочется рассказать.

Известно, что зиму сороки переживают около жилья человека. В любом населенном пункте в зимнюю стужу можно встретить десятки и сотни сорок. Даже в небольших деревеньках из 50-100 дворов, приходилось насчитывать до 500 особей. Большинство из них в дневное время кормится на скотных дворах, а по вечерам, на закате солнца, растянувшись длинной лентой, улетают на ночёвку в заросли кустарников в укромные места в горных логах или на речных островах.

Всю зиму сороки тесно контактируют с домашними животными. В загонах для скота их можно видеть сидящими не только на изгородях, но и на спинах коров, лошадей, овец и свиней. Особенно часто они рассаживаются на них, когда в кормушки засыпается комбикорм. В такое время, как правило, начинается невообразимая толчея, а сороки, выжидая момент, когда животные расступятся, слетают в кормушки и торопливо клюют зерно. Нередко они кормятся вместе с голубями прямо между ног животных. Но не только в качестве присад используют они спины животных. Случается, заметив на их теле кровоточащую царапину или старую рану с выделяющейся из-под коросты сукровицей, они принимаются расклёвывать её. При этом вид крови приводит их в необыкновенное возбуждение, примерно такое же неудержимое, какое бывает у котов, учувших валерьянку. С этого времени начинается медленное и мучительное истязание животного, из раны которого сороки выклёвывают кусочки мяса, пытаясь насытиться им. Если хозяева своевременно не успевают заметить этого, то такая рана начинает увеличиваться в размерах с каждым днём и с трудом в дальнейшем поддаётся лечению.

Однажды весной, приехав на учёты птиц на озёра Наурзумского заповедника и поселившись на кордоне у одного из инспекторов, я был удивлён тем, что хозяин занимается разделкой коровы. - Саусканы весь бок тёлке расклевали, вот и пришлось заколоть, - пояснил он и рассказал, что у неё образовалась обширная рана до кости, не поддающаяся лечению. Он показал, мне снятую шкуру, на которой зияло отверстие шириной в ладонь.

Спустя несколько дней, в другой усадьбе мне также пришлось столкнуться ещё с одним случаем, когда в течение марта у коровы после контактов с сороками также появилась на спине незаживающая рана, но после изоляции пострадавшей бурёнки в закрытое помещение её удалось залечить. Хозяева пострадавших животных, имеющие оружие, в таких случаях пытаются свести личные счёты с разбойницами и при любой возможности отстреливают их. А убитых птиц вывешивают на кольях в своих дворах для отпугивания других сорок.

Подобных случаев мне известно множество. Кроме коров страдают от кровожадных сорочьих привычек также лошади и свиньи, у которых стрекотухи выклёвывают кусочки ткани на спинах и боках тела. Чаще всего это происходит во время зимнего стойлового содержания животных. Иногда такое случается в период весенне-летнего выпаса домашних животных. Особенно в апреле-мае, когда во многих местностях они сильно страдают от иксодовых клещей, вызывающих у животных долго не заживающие раны, особенно в области шеи.

Электронная газета «Ремез» № 118. 2022 г.

Сойка-переселенница

Сойка — птица лесная. Величиной она с галку и с хорошо запоминающейся внешностью — рыжеголовая, черноусая, с ярким голубым пятном на крыле и хохолком, который забавно приподнимает в состоянии возбуждения. Принадлежит она к семейству вороновых птиц, унаследовав от них сообразительность и некоторые интеллектуальные способности. Весной и летом, во время размножения и воспитания молодняка, дер-

жаты сойки скрытно, в лесных чащах, но с наступлением осенних холодов, появляются у жилья человека — на кордонах, в лесных домах отдыха, в деревнях, в городских парках, скверах, садах, огородах и на дачах, поедая оставшиеся после уборки урожая дары природы, включая жёлуди, орехи и яблочки. С установлением зимы в поисках съестного навещают скотные дворы и кормушки домашних животных, мусорные кучи и даже помойные ямы. Бывают частыми посетителями таёжных избушек. Охотники их хорошо знают, хотя иногда и поругивают за воровитость и пакостливость. Нахальные гости при любой возможности могут стащить что-нибудь съедобное под навесом или же съесть мясную приваду у капканов на зверя. Бывают, правда, случаи, когда сойка сама гибнет в капканах или в отместку за воровство попадает под выстрел охотника и тоже становится приманкой. «Когда я работал промысловиком в Туве, - вспоминал знакомый охотник, - моё зимовьё стояло прямо на берегу озера. В нём водилось много рыбы, поэтому время от времени я занимался подлёдным ловом хариусов на кармак. Сижу один раз на льду около лунки, рыбачу, первую пойманную рыбу отбросил на снег, за спину. Когда поймал вторую, тоже бросил туда же. Гляжу, а первый хариузок куда-то исчез. Удивился я и думаю, кто же так ловко её стащил и даже следов на снегу не оставил? Вскоре заметил, что с берега прилетела сойка, уселась молчком позади меня, схватила хариуса и улетела с ним в лес. Остальных пойманных хариусов стал я складывать рядом с собой у ног и на этом «рыбалка» у птички закончилась. Эта сойка всю зиму жила около моей избушки, и я подкармливал её. Но в этот раз видать надоело ей ждать угощения, и она его сама потихоньку стащила».

А ещё сойка - замечательная пересмешница. Правда, голос её, который приходится слышать в природе, приятным не назовёшь - трескучее верещание, что-то вроде «крре-крре-крре». Случается, при появлении в лесу зверя или пернатого хищника, сойки могут раскричаться и устроить такой переполох, что чужаку лучше поскорее ретироваться с глаз подальше. Бывает своей крикливостью они сильно досаждают охотникам. Этим они сильно напоминают сорок, поэтому в некоторых местно-

стях их иногда называют «лесными сороками». Не отличается красивым звучанием и весенняя песня — малопонятный поток разнообразных звуков с пощёлкиванием, бульканьем, посвистами и добавлением заимствованных голосов из репертуара других птиц.

Но особенными талантами в звукоподражании отличаются сойки, содержащиеся дома любителями птиц. Тут уж знаменитому галчонку из мультфильма «Каникулы в Простоквашино» с его фразой «Кто там?» далеко до них. Сойки могут запоминать и воспроизводить множество слов, причём с той же самой интонацией, с которой запомнили их. Любят произносить свои имена, иногда повторяя их помногу раз подряд ласковым голосом хозяйки и словно наслаждаясь звучанием. Могут воспроизводить детский смех, хихиканье или плач ребёнка. Одна сойка повторяла кашель хозяина - заядлого курильщика. Особенно мастерски имитируют они механические звуки, которые можно слышать в доме, во дворе или на улице, включая разные стуки, скрипы, настойчивые звонки или стук в дверь, призывной свист человека, предупредительный сигнал машины или звуки милицейской сирены. Одна из соек любила позабавиться и поиздеваться над гостями дома, имитируя трель смартфона и вынуждая их каждый раз торопливо доставать его из кармана и прикладывать к уху. Обожают они передразнивать домашних животных. Одна домашняя сойка время от времени кудахтала курицей и гоготала гусем, другая издавала кукареканье петуха, хрюканье и визг поросёнка.

А уж кошачье мяуканье и собачий лай у соек - излюбленные в их репертуаре. Мне рассказывали про сойку, которая любила дразнить дворовую собаку. Усевшись на ветку над ней, она начинала мяукать или тявкать на пса, доводя того до нервного срыва. Доставалось одному коту, при виде которого сойка начинала на разные лады воспроизводить кошачьи голоса от мурлыканья до их мартовских воплей. У бедного кота от услышанного округлялись глаза, начинал нервно дёргаться кончик хвоста, он вставал и уходил, чтобы не видеть и не слышать болтливую птицу. Известны случаи, когда сойки, издававшие жалобное мяуканье котят, вводили в заблуждение народ, отдыхающий в парках. Сразу же находились сердобольные люди,

отправлявшиеся искать и спасать несчастных животных. Поиски, как правило, заканчивались обнаружением в густых зарослях мяукающей сойки. Такой же случай, наделавший немало переполоха, был с отдыхающими, которые услышали доносившиеся до них из лесной чащи голоса, похожие на плач ребёнка. Случалось, даже бывалого орнитолога сойка однажды ввела в заблуждение, издавая ранней весной, когда кругом ещё лежал снег, флейтовое пение иволги.

Электронная газета «Ремез» № 119. 2022 г.

Говорящие сороки

*«Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей.
Скачет пёстрая сорока
И пророчит мне гостей».*
А.С.Пушкин

Сорока — одна из замечательных наших птиц, которую знают все. Хорошо известен всем и её голос — громкое продолжительное стрекотание, за которое она получила в народе шутивное прозвище «стрекотуха». В начале весны можно услышать её пение, состоящее из приглушённого стрекотания и разнообразных звуков. Имитацией голосов других птиц сороки, живущие в природе, как правило, не занимаются, однако воспитанные в неволе сорочата могут воспроизводить голоса различных животных, слова и даже целые фразы из человеческой речи. В прошлом такие факты были исключительно редки, а истории про говорящих сорок ходили в основном среди любителей, занимавшихся клеточным и вольерным содержанием птиц. Обученные сороки произносили в основном свои имена или ещё несколько словечек. Но об этом в книгах тех времён упоминается чрезвычайно редко, поэтому сорока отсутствовала в большинстве перечней птиц, способных имитировать голоса.

В последние годы появился ряд видеозаписей с говорящими сороками, что позволяет утверждать, что эта птица прекрас-

ный имитатор. Это открытие сделали любители птиц, воспитавшие птенцов сорок, и путём многократного повторения слов, научившие их говорить. Процесс обучения длительный, требующий терпения и настойчивости, так как первые слова сороки начинают произносить лишь спустя месяц. Примечательно, что почти все сорочата любили повторять фразу «Кто там?». Оказалось, что их хозяева начинали обучать их человеческой речи по методу «Матроскина» и большую роль в этом для каждого из них сыграл замечательный мультфильм «Каникулы в Простоквашино». Вспомните эпизод из этого мультфильма, когда хозяйственный кот Матроскин после появления в их доме галчонка рассудил так: «Что это мы его зря кормим! Пусть пользу приносит». И принялся учить галчонка говорить, повторяя ему подолгу одну и ту же фразу: «Кто там? Кто там? Кто там?». Даже пёс Шарик возмутился: «Что, тебе делать нечего? Ты бы его, лучше, песне-какой выучил или стихотворению». Однако кот стоял на своём: «Песни я и сам петь могу. Только от них пользы нету». — «А от твоего «там-тама» какая польза?» - возмутился Шарик. — «А такая, — объяснил Матроскин, — Уйдём мы в лес за дровами, и дома никого не останется. Любой человек может в дом зайти и унести что-нибудь. А так придёт человек, начнёт в дверь стучать, галчонок спросит: «Кто там?». Человек подумает, что дома кто-то есть, и ничего воровать не станет. Ясно тебе?». Настойчивость кота оправдалась, и после длительных упражнений галчонок заговорил, доведя вскоре почтальона Печкина своими вопросами до обморока.

Примерно также проходит в реальной жизни и обучение сорочат. Деревенские жители и дачники нередко из жалости подбирают и выкармливают выпавших из гнёзд птенцов сороки. Некоторые из них, следуя примеру Матроскина, тоже принимаются учить их говорить и добиваются поразительных результатов. Научившись произносить одно слово, некоторые сорочата со временем проявляют таланты, запоминая множество слов, не уступая в способностях к имитации даже самым говорливым попугаям. Приведу лишь несколько примеров. Так, сорочонок по имени Клара мог десятки раз произносить запомнившуюся с детства фразу «Кто там?». Иногда он усаживался на плечо хозяйки Ирины и продолжал задавать ей тот

же самый вопрос. Когда Ирина спрашивала у него: «Хорошая птичка?» сорочонок отвечал «Да», а в некоторых случаях подтверждая это вторым словом: «Хорошая». На вопрос о том, красавица ли Клара, сорочонок утвердительно говорил «да». Иногда произносил также приветствие: «привет». Получался вполне осмысленный разговор, хотя последовательность вопросов и ответов - всего лишь заученный набор слов. А вот другой сорочонок Федя, словарный запас которого включал не более десятка слов и фраз, «разговорившись» с хозяйкой, начинал без умолку повторять их в самых разнообразных вариантах: «Федя, как дела, птичка, да, Федя, птичка моя, Федя моя, кто там...». Особенно любил он произносить своё имя. Репертуар ещё одной сороки включал следующие фразы: «Кто там?», «Кто там говорит?», «Кто, кто?», «Вставай! Поднимайся, вставай, давай», «Давай вставай, я тебе говорю».

Любопытными наблюдениями за ручным сорочонком Яшкой поделился симферопольский любитель птиц Болтоусов: «Яшку учили разговаривать с самого раннего возраста, и, став взрослым, он произносил слова и целые фразы. Приходящего гостя Яшка спрашивал: «Кто там? Кто такой? Чего тебе?», а затем сообщал пришедшему человеку о себе, что он из Симферополя, хороший, и приглашает приходить ещё раз. На международной выставке птиц в Киеве Яшка поражал многочисленных посетителей своим задорным представлением: «Яшка - хороший! Яшка из Симферополя! Яшка из Симферополя!».

Свои первые слова сорочата начинают произносить глухо, но со временем их произношение становится настолько чётким и ясным, что по интонациям голоса можно узнать человека, от которого они услышали его. При этом можно различать слова, произнесённые женским, мужским и детским голосами. Замечено также, что лучше всего сороки усваивают женские и детские голоса с высокой частотностью произношения слов. Тогда как мужские голоса с низким и глухим тембром звучания они практически не запоминают. Поэтому не случайно, что самыми говорливыми бывают сороки, воспитанием которых занимались женщины. В одной из российских деревень у Татьяны Ягодкиной живёт выкормленный людьми сорочонок

Гена. Когда он был птенцом, ему пришлось много общаться с годовалым ребёнком, от которого он перенял восторженный детский смех, чередующийся с отдельными словами «на, на, на» и «ня, ня, ня», которые тот звонко смеясь и хихикая произносил при виде забавного сорочонка. Когда Гена вырос и стал больше времени проводить во дворе усадьбы, он сразу же прилетал на голос зовущей его хозяйки, залетая в квартиру через распахнутое окно. Во время общения с кормилицей он принимался без умолку смеяться и хихикать, воспроизводя всё услышанное когда-то от ребёнка. Поэтому каждая их встреча проходила всегда весело и радостно.

Выговаривать первые слова ручные сороки начинают только после долгих и настойчивых тренировок. В дальнейшем они схватывают их, что называется «на лету», едва услышав. Любители птиц, державшие дома сорок, подметили, что легче всего они запоминают нецензурные слова. Известно, что самыми способными и неисправимыми матерщинниками среди птиц являются попугаи. Одних из них учат мату хозяева, другие запоминают сами, подслушивая разговоры людей. Чем они так притягательны для птиц-имитаторов до сих пор остаётся загадкой. «Однажды Гришка сидел у меня на плече, - рассказала Татьяна, воспитательница сорочонка, - и перебирал мои волосы. Видать от избытка чувств ущипнул он меня за ухо. От неожиданности и боли я дернула плечом и выразилась неприлично. Гришка испугавшись, перепорхнул в сторону и, сев недалеко от меня, склонил на бок голову и совершенно отчетливо повторил это выражение». В репертуаре другой сороки было выражение «Что? Что за хрень?», услышанное от хозяина. Одна из сорок замечательно воспроизводила звуки, которые слышала по радио, чередуя их с гавканьем хозяйской собаки. Другая издавала не только собачий лай, но и рычание. Ещё одна мастерски воспроизводила кукареканье петуха, чирканье воробьёв, звуки сигнализации и клаксона автомобиля, в общем, всё, что можно услышать из окна в деревенской усадьбе.

Это лишь малая толика всего нового, что удалось узнать о говорящих сороках. Уверен, что скоро мы узнаем другие интересные подробности об их способностях и талантах.

Иртышские утёсы

Одним из моих любимых мест на Иртыше в окрестностях Берёзовки, которые я часто посещал в школьные и студенческие годы, были скальные обрывы вдоль реки. Начинались они ниже села Предгорное и на протяжении десятка километров тянулись вниз по правому берегу реки до Берёзовки и далее примерно до уровня села Таврия. Вся правая сторона Иртыша, к которой примыкают холмисто-увалистые предгорья Алтая, представлена высокими скальными обрывами, в промежутках между которыми возвышаются глиняные яры. Противоположная левая сторона реки была низкой, равнинной, с плодородными землями, распаханными под поля. За ними, по волнистой кромке горизонта над степными предгорьями Калбы как египетские пирамиды заманчиво возвышаются горы Монастыри и Донгалы. Большинство скальных обрывов имеют названия. Самыми длинными и недоступными были Предгорненские скалы, отвесной стеной обрывавшиеся прямо в Иртыш. Ниже, напротив Кругленького острова, возвышались любимые мной Поповские скалы. Сразу за Берёзовкой жёлтые глинистые яры переходили в Калиткинские скалы, следом за которыми тянулись береговые утёсы, называвшиеся Трестинскими и Рулёвскими скалами. Ниже их, за крутой излучиной реки, там, где скалы расступались, на широкой луговине правобережья находилось местечко, называемое Побоккой, где находились колхозные огороды, на которых возделывались картофель, свекла, капуста, огурцы, морковь, лук.

Если смотреть на скалы с противоположного берега Иртыша, то создаётся впечатление, что они возвышаются над рекой неприступными крепостными стенами высотой в 10-12 этажей современных зданий. Некоторые из них украшают красивые утёсы и каменистые вершины. Скалы сложены сланцевыми породами, в их расщелинах встречаются кустики кизильника и эфедры. Летом и осенью, когда уровень воды в Иртыше сильно понижался, вдоль подножия некоторых обрывов появлялись узкие проходы. Обычно же утёсы приходилось обходить по горе, спускаясь к реке в нужных местах по лощинам и узким расщелинам. Здесь прошли мои первые уроки скало-

лазания, пригодившиеся позднее в экспедиционной жизни. По правде, скажу, что натерпелся я страху на этих утёсах в те годы не мало, но постепенно научился преодолевать его и забираться до гнёзд в самые недоступные места. Не обошлось и без приключений. Один раз, выбираясь из расщелины на вершину горы, подтянулся на руках как на турнике на верхний уступ, собираясь рывком выбраться наверх. Когда дотянулся до уровня глаз — обмер от ужаса. На уступе, пригревшись на солнышке и, свернувшись в несколько колец, лежал и шипел здоровенный щитомордник, готовый в любой миг нанести укус в лицо. Пальцы моих рук находились всего лишь в сантиметре от него и от увиденного непроизвольно разжались. Я сорвался и с воплем свалился в расщелину, уцепившись рукой за подвернувшийся куст кизильника. Спасибо этому крепкому кустику, выдержавшему мой вес и спасшему меня от падения вниз. Последствием этого были ушибы и содранная в нескольких местах кожа. По всей видимости, испытанные впечатления были настолько яркими, что позднее этот эпизод мне не раз виделся в снах, но в более жутких подробностях: этот змей, раскрыв пасть, больно кусал меня в лицо.

Моё знакомство с утёсами началось с Поповских скал, в которых однажды школьные друзья показали мне гнездо «кобчика» - пустельги; из него я взял одного из птенцов, которого воспитал дома. Впоследствии я стал часто посещать это место, заинтересовавшись большой колонией галок, живущих в трещинах скал. Вскоре я разузнал все потайные уголки и тропинки в скалах. В них был свой таинственный мир, особенно птичий. Основу скальных поселений составляли многочисленные галки, жившие колониями до 50 пар. Они занимали разнообразные пустоты и щели в скалах. Заполняя ветками и корневищами узкие вертикальные трещины, они выстраивали подобие многоэтажных общежитий. Некоторые пары поселялись в крупнообломочных осыпях и нагромождениях каменных глыб у подножия скал. Приходилось находить гнёзда даже на земле под каменными плитами. Почти в каждом скальном обрыве в семидесятые годы жила своя голубиная стая до 20-50 сизарей. Обычно они поселялись особняком, облюбовав высокий утёс. В отличие от галок, голуби жили в скалах круглый

год, не покидая их даже в суровые многоснежные зимы. Кормиться они летали на ближайшие животноводческие фермы, а по вечерам возвращались обратно на свои утёсы. В колониях галок также обитало по одной-две пары пустельг. Их гнёзда располагались всего лишь в одном-двух метрах друг от друга, но птицы всегда мирно уживались по-соседству.

Местами к скалам тяготели скворцы и полевые воробьи, поселявшиеся группами по несколько пар. До десятка пар скворцов каждый год жило вместе с галками в Калиткинских скалах, и здесь мне в весеннюю пору доводилось наблюдать интересный способ их воздушного кормления. Вскоре после ледохода и с началом паводка на Иртыше в массе появлялись веснянки. Когда днём прогревался воздух и начинался их лёт над рекой, птицы устраивали воздушную карусель и ловлю веснянок. В такие моменты вдоль скал над Иртышом можно было видеть десятки парящих в воздухе галок и скворцов, ловящих и поедающих этих насекомых. Иногда к ним присоединялись пустельги. Галки со скворцами не только ловили и поедали веснянок, но и кормили ими птенцов.

По окраинам скальных обрывов, там, где начинаются увалы с разрушенными сланцевыми обнажениями, нередко селились отдельные пары каменок-пleshанок и удонов, дополняющие список птиц скального комплекса. Лишь однажды, в мае 1976 года, на Трестинских скалах поселилась шумная колония розовых скворцов. Гнездование ещё одного вида — деревенской ласточки — осталось не подтверждённым, однако сплавляясь по Иртышу вдоль Предгорненских скал, мне дважды доводилось видеть их летающими парами в одном и том же месте около скального обрыва. Отыскать гнёзда не удалось, но удалённость этого места от жилья человека позволяла предполагать, что они были устроены где-то именно в этих скалах. Впоследствии в нескольких орнитологических работах мне удалось прочитать, что случаи гнездования касаток в скалах у рек не редкость. А вот скалистых голубей, раньше обитавших в утёсах Иртыша, встретить ни разу довелось — они по каким-то причинам исчезли раньше.

Мой интерес к галкам постепенно перерос в изучение их гнездовой жизни. Пронумеровав все доступные гнёзда, я по

несколько раз в месяц обходил их, записывая все происходящие изменения во время насиживания яиц и выкармливания птенцов. Удалось выяснить, что у них достаточно крупные кладки, содержавшие от четырёх до восьми яиц. Вылупление птенцов происходило между 10 и 25 мая, дружный вылет из гнёзд 11-20 июня. Наблюдая за содержимым гнёзд, я вскоре пришёл к неожиданному для себя открытию. Оказалось, что вот уже вторую весну в крупных кладках у галок происходит сокращение количества яиц, точнее, их загадочное исчезновение. Затем я стал замечать, что спустя несколько дней после вылупления птенцов, в расщелинах под гнёздами начинают встречаться полуживые галчата. Словно кто-то перед моим посещением взял и выбросил их. Я подбирал их и возвращал обратно в гнёзда. Каково же было моё удивление, когда, вернувшись через день-другой, вновь обнаруживал их за пределами гнёзд, но уже мёртвыми. Так я столкнулся с трагичным явлением в жизни птиц, когда из-за недостатка кормов они регулировали, а точнее сокращали величину выводков до того количества птенцов, которых могли прокормить. В итоге в некоторых гнёздах, в которых было по 6-8 яиц, оставалось всего лишь по одному-два птенца. Дело в том, что время моих наблюдений пришлось на жаркие сезоны 1973 и 1974 годов и сильную засуху. Впоследствии это явление в жизни галок я описал в одной из своих научных статей. А галки с тех пор остались моими любимыми птицами, и по сей день, услышав в небе их мелодичные голоса, я невольно вспоминаю иртышские утёсы, Поповские скалы и счастливое время, когда началось моё увлечение птицами.

Электронная газета «Ремез» № 121. 2022 г.

Незабываемая фаунистическая находка

Научно-исследовательская деятельность любого заповедника начинается с инвентаризации флоры и фауны. И только спустя многие годы в описаниях животного и растительного мира становится известно, какие в заповеднике произрастают растения, сколько водится зверей, птиц, земноводных, пресмыкающихся, рыб и насекомых. За каждым из этих списков стоит многолетний самоотверженный труд научных специалистов-энтузиастов, кропотливые сборы коллекций, нелёгкие пешие, конные и водные маршруты по заповедной территории. Чтобы найти редкий и загадочный вид растения или животного нередко приходилось заниматься длительными поисками, порой с увлекательными приключениями. Поэтому истории таких открытий особенно интересны и памятны. Одна из них связана с находкой в Маркакольском заповеднике восточноазиатской лесной мыши

Apodemus peninsulae.

Однажды в августе мне предстояло провести учёты птиц вдоль восточного побережья озера Маркаколь. Юрий Зинченко, занимавшийся тогда изучением млекопитающих, охотно согласился поучаствовать в этом маршруте. На следующее утро, взвалив на плечи рюкзаки, отправились пешком из деревушки Урунхайки к Самойловой заимке. Путь лежал таёжным склоном хребта Азутау, примыкающим вплотную к Маркаколю. Первые километры шли по конной тропе, огибающей крутые склоны, затем через лесные чащобы и далее по заброшенной лесовозной дороге, терявшейся среди лугового высокотравья и кустарников. День, как помнится, жаркий был, поэтому отшагав половину пути, мы быстро упарились от тяжести рюкзаков и всё чаще стали спотыкаться о валежины и валуны, невидимые в густой траве. Юрий, заядлый фотограф, всё чаще проклинал при этом «проклятое железо» - тяжеленный объектив МТО-1000 и кучу других принадлежностей к нему. Мне же в очередной раз пришлось констатировать народную маркакольскую примету: раз Зинченко взял с собой

«тысячник», значит на этом маршруте мы не встретим сегодня крупного зверья, включая медведя, марала и лося. Однако Юра упрямо не верил в эти совпадения и продолжал брать во все дальние маршруты свой мощный фотообъектив, убеждая всех, что будет и на его улице праздник. Во второй половине дня дошагали до Самойлова мыса и вскоре увидели знакомую избушку среди высоких зарослей иван-чая и раскидистых лиственниц. Рядом с ней плескалось о каменный берег синее озеро, а в тальниках стоял душистый аромат перезревшей чёрной смородины. Вскоре мы отдохали на широченных нарах в прохладе избушки. Эту приземистую, но достаточно просторную бревенчатую избу с печкой, столом и дощатым полом лет пятнадцать назад построили лесорубы, которые вели здесь заготовки леса. А гораздо раньше, ещё в двадцатых годах, здесь находилась заимка. Самойловых, которые занимались разведением маралов. Следы этого поселения сохранились на прилегающем лугу, густо заросшем высоким бурьяном.

Ближе к вечеру, когда схлынула жара, мы поднялись и, почавничав, отправились на экскурсию в одно из лесистых ущелий Азугтау. Вернулись обратно на закате солнца. Я распахнул дверь, вошёл в избу и замер от удивления. На широком столе среди чашек и кружек сидели две большие рыжие лесные мыши и преспокойно грызли остатки печенья. На моё внезапное появление они никак не прореагировали и вообще вели себя так, как ведут хозяева при виде незваных гостей.

- Здравствуйте, ну что, не ждали, кумушки,- произнёс я сердито и потянулся за метлой, стоявшей в углу.

- Не надо, не трогай их, - вцепился в рукав вошедший следом Юрий и уже успевший их рассмотреть, - это не простые, а азиатские лесные мыши, я их уже давно ищу на Маркаколе. Я их лучше сфотографирую, пока солнце ещё светит. Пришлось уступить ему место, и товарищ начал торопливо готовиться к фотосъёмке, ища удобный ракурс и освещение. Мышки тем временем успели умыться и после первого же щелчка «Зенита» разбежались. Тем не менее, радости у Юрия не было предела. Ещё бы, фаунистическая находка — документально подтверждено пребывание ещё одного вида млекопитающих для заповедника, ранее известного лишь из одной точки побе-

режья Маркаколя по единичным экземплярам в одной из академических коллекций. Из его рассказа я узнал, что азиатская лесная мышь обитает по всей таёжной зоне Сибири от Якутии до Дальнего Востока, Кореи, Монголии и Южного Алтая, где озеро Маркаколь теперь будет считаться одной из южных точек в её распространении. Это одна из крупных мышей весом до 50 граммов. То, что она хорошо отличается от обыкновенной лесной мыши крупными размерами и рыжевато-коричневатой окраской верхней стороны тела, я обратил внимание сразу. Юрий пояснил также, что она отличается ещё хвостом, длина которого почти равна длине тела. Добавил он и про то, что долго искал её в хвойных лесах, а оказалось, что живёт и на приозёрных лугах у брошенного жилья людей и даже в нём, что облегчало ему задачу по предстоящему изучению образа её жизни.

- Хорошо тебе, теперь экологией сможешь заниматься, не выходя из избушки и не слезая с нар, - пошутил я тогда над другом.

После вечернего чаепития, когда стемнело, мы расположились на нарах и, уставшие за день, сразу же уснули. Проснулся я в полночь от подозрительных шорохов в избе. Прислушался, оказалось, что они исходят со стороны стола. Приподнявшись, чиркнул спичкой и в свете огонька сразу же увидел, что на нём сидит толстенькая азиатская мышь и аппетитно грызёт вафли, оставшиеся после вечернего чая. А так как они были упакованы в плотную обёрточную бумагу, то при любых движениях раздавался невероятный хруст. Я запустил в неё спичечный коробок, шорохи и хрумканье тотчас стихли. Едва я задремал, как бумажный хруст опять возобновился. Выведенный из себя, я с силой швырнул в его направлении кедом. Применение тяжёлой «артиллерии» дало свои результаты - шорохи надолго прекратились.

- Кто слопал мои любимые вафли? - был первый вопрос, который произнёс поднявшийся утром Юрий, находившийся в полном неведении о ночном происшествии.

- Твоя прожорливая фаунистическая находка, - пробурчал я спросонья, - их тут, кажется, полный дом. Не пора ли тебе провести учёт численности давилками и мышеловками, иначе

мы останемся без продуктов. Последнее я сказал, не задумываясь о том, как был близок к истине. Спустя два дня, когда мы вернулись из очередного маршрута, я разжёг костёр, повесил котелок с водой на огонь, и попросил Юрия, находившегося в избе, взять из моего рюкзака пакет с суповым концентратом, хорошо известного полевикам тех времён под названием «змеиный супчик». Однако Юрий вместо них притащил весь рюкзак.

- Ты посмотри, что творится в нём с нашими припасами, - сказал он растерянно.

Я раскрыл походный «сидор» и пришёл в изумление. Суповые пакеты, брикеты с рисовой кашей, заварка для чая, сухари и пряники превратились в какую-то невероятную труху. Я вытряхнул их на землю, но тут меня ждало новое потрясение. По бокам моего любимого походного рюкзака зияли две дырищи, прогрызенные мышами для облегчения его посещений.

- У меня осталось только две банки рыбных консервов и несколько баранок, - подвёл итог товарищ, - придётся нам завтра с утра топать обратно домой. Ничего не поделаешь, наука требует жертв. Изучением этой популяции я скоро займусь специально и, тогда все виновные понесут заслуженное наказание.

Летом следующего года Юрий действительно, взяв с собой двух студентов-практикантов, на моторной лодке отправился по озеру на Самойлов мыс. Зверёк, как следовало из научных описаний, принадлежал к числу видов, экология которых была совершенно не изученной. Спустя неделю, когда он вернулся, я поинтересовался у него результатами работы.

- Результаты потрясающие, пойдём, покажу, - мрачно сказал он. Я прошёл следом за ним в ограду дома, где он показал мне на забор, на котором висела его любимая палатка. Та самая польская палатка, в которой накануне его похода на Самойлову заимку мы провели в горах целую неделю и по достоинству оценили её преимущества в дождливую погоду по сравнению с нашей отечественной брезентовой. Была она из прочного синтетического материала с надёжной пропиткой против влаги, с тентом и на застёжках-молниях. В те времена такие палатки были огромнейшим дефицитом и редкостью, поэтому он ею особенно дорожил.

- Смотри, - сказал он, - такого вряд ли когда ещё придётся увидеть. И всё это сотворили азиатские лесные мыши, - ни дна им, ни покрывки!

Палатка и тент, развёрнутые во всю ширину и длину, были сплошь изрешечены дырами, словно в них всадили полную обойму из пулемёта.

- Но откуда такое невероятное количество дыр? - удивился я.

- Всё очень просто. Палатка с тентом была сложена и свёрнута в плотный рулон. Я положил её в дальний угол избушки с глаз подальше, как оказалось, в самое мышиное место. А они проделали в ней несколько сквозных отверстий. Вот и прикинь, сколько слоёв им пришлось прогрызть и какое количество отверстий появилось! Что искали они внутри, ума не приложу?

- Да уж, наука и вправду требует жертв, - с тяжёлым вздохом повторил я любимую присказку Юрия, но он лишь в расстройстве махнул рукой.

Несколько лет назад была опубликована монография Юрия Константиновича Зинченко «Млекопитающие Маркакольской котловины» - итог его многолетних исследований на озере Маркаколь. Не знаю, с каким чувством писал он очерк про восточноазиатскую лесную мышь, но получился он превосходно.

Электронная газета «Ремез» № 123. 2022 г.

Год великой засухи

Лето 1998 года выдалось необычайно засушливое и жаркое. Со второй половины мая и до конца августа в центральных и северных районах Казахстана стояла небывалая для этих краёв жара, сопровождавшаяся температурами до 40 градусов, суховеями, обмелением и высыханием большинства рек и озёр, возникновением многочисленных очагов степных и лесных пожаров. В результате засухи в Казахстане погибла шестая часть площадей, занятых зерновыми культурами, и собрано лишь 6,4 млн. тонн зерна — рекордно низкий урожай в Казахстане со времён начала освоения целины! В историю

мировой метеорологии этот аномальный год вошёл как начало глобального потепления.

Начало этой климатической эпохи запомнилось мне особенно, так как совпала она с проведением большой международной экспедиции по проекту «Поиск гнездовых и мигрирующих популяций тонкоклювого кроншнепа в Казахстане в 1998 г.», осуществлённому университетом Глазго в Великобритании. Основной его целью было посещение мест, где во время миграций в прошлом отмечали редчайшего кулика — тонкоклювого кроншнепа, находящегося на грани вымирания. Была надежда встретить его на казахстанском пролётном пути. Заодно планировалось изучить состояние популяций других глобально угрожаемых видов — савки, белоглазого нырка и кречётки, занесённых в Красные списки МСОП. Экспедиционный отряд набрался большой — 14 человек, в основном англичане, среди которых были также португалец и двое эквадорцев. Из числа казахстанских орнитологов приняли участие автор и Сергей Ерохов. Для поездки было арендовано два «УАЗа», загруженных под завязку. Основная часть сумок, рюкзаков, палаток, ящиков и коробок с провиантом и посудой была размещена в багажниках на крышах машин, укрытых брезентовыми тентами и перетянутых верёвками. После утомительных сборов только 23 июля, в самый разгар жары, выехали из Алматы и взяли курс на Балхаш. Тяжело гружёные «буханки» медленно ползли в потоке транзитных машин по сильно разбитой и не отремонтированной с советских времён карагандинской трассе. По этой причине время от времени вдоль дороги попадались остановившиеся на вынужденный ремонт большегрузные трейлеры с прицепами, водители которых меняли пробитые на колдобинах колёса. Участники экспедиции постепенно начинали обживать в душной тесноте салонов горячих от палящего солнца машин. Пока ехали по асфальтовой трассе через раскрытые окна и форточки они продувались встречным ветром, поэтому все чувствовали себя достаточно сносно. Но стоило свернуть на грейдерную или полевую дорогу как всё наполнялось пылью и дышать становилось трудно. На первой же остановке выбравшиеся наружу пассажиры сразу же принимались вытряхивать из своей одежды накопившуюся пыль.

Выгоревшая на солнце пустынная равнина была уже по-сеннему жёлтой, и лишь зелёные кусты тамарисков немного оживляли унылый пейзаж. На второй день пути на горизонте как призраки стали возникать скалистые заливы Балхаша, хотя озеро находилось ещё очень далеко. Наши спутники сразу оживлялись — большинство из них первый раз в жизни видели миражи. Менялись и придорожные пейзажи. Пока ехали по пустынной Жусандале, на обочинах дороги около аулов встречались самопальные базарчики, на которых шла торговля арбузами и дынями, а когда продвигались вдоль Балхаша их сменили местные жители, предлагающие рыбу — копчёных сазанов, а иногда огромных сомов. Продавцы сидели в тени своих стареньких «Москвичей» и «Жигулей», но чаще попадались небольшие группы загорелых женщин, укрывавшихся от солнца во всевозможных навесах и шалашах, сооружённых из фанеры, картона и тростниковых щитов. Когда трасса свернула от озера на север, в направлении Караганды, продавцы рыбы исчезли и стали попадаться вагончики и сколоченные наспех из досок придорожные «кафешки», а также юрты, в которых торговали кумысом. Начались перебои с водой — обычной для этих мест проблемы. Пришлось заезжать на станции, где продавали привозную воду прямо из огромных цистерн с железнодорожных платформ.

Первую тысячу километров преодолели за пять дней. Миновали Караганду, новую столицу Акмолу и 26 июля прибыли в Кургальджинский заповедник. Большой райцентр Кургальджино, в котором находилась контора заповедника, встретил жарой, разбитыми дорогами на улицах, брошенными двухэтажными домами и унылой картиной того постсоветского времени, когда оставшееся безработным сельское население разъехалось из таких посёлков по городам. Получив разрешение на посещение заповедника, перебрались на кордон Каражар на берегу озера Султанкельды, где сразу же попали в «птичий рай». Несмотря на то, что водоёмы были сильно обмелевшими, водяных птиц здесь оказалось превеликое множество — все озёра были заполнены тысячами куликов, чаек и уток. Особенно поражали воображение утренние и вечерние перелёты многочисленных речных и нырковых уток, гусей,

лебедей и фламинго. Ещё удивляло колоссальное количество береговых ласточек. Ежедневно приходилось видеть сотни тысяч береговушек, кружившихся несметными роями над тростниками озёр и огромнейшими гирляндами, сидевшими на проводах всех электролиний, которые от тяжести сильно провисали. Наверное, после окончания гнездования сюда слетелись ласточки со всего Центрального Казахстана и образовали такие несметные предолётные скопления. Мои попытки оценить хотя бы примерно их количество результата не дали. Посоветовался с коллегами, но они лишь пожимали плечами, предполагая, что береговушек здесь миллионы и, наверное, больше, чем комаров.

В течение нескольких дней с использованием зрительных труб и биноклей мы провели на озёрах обстоятельные учёты птиц. Стали попадаться первые кроншнепы — большие и средние, тщательному определению которых было уделено особое внимание. Но тонкоклювых кроншнепов среди них не оказалось. Редкими в учётах были савки, белоглазые нырки и кречётки. После многолетней депрессии их численность только начинала восстанавливаться.

Затем был ещё один дальний переезд на север — в Кустанайскую область. На смену центрально-казахстанским степям протянулись сельскохозяйственные угодья. Первое, что особенно бросалось в глаза, были обширные пространства брошенных полей, заросших сорняками — следствие кризиса в сельском хозяйстве, вызванного ликвидацией совхозов. Вечером 31 июля доехали до посёлка Семиозёрное, в котором местные жители на вопрос о Наурзуме показали на поднимающиеся в небо огромные клубы солёной пыли. Оказывается, так пылило во время ветра высохшее солёное озеро Жарман в Наурзумском бору, удалённое от нас на 40 км. На следующее утро, 1 августа, наш «караван» прибыл в Караменды, большой посёлок, в котором находилась усадьба Наурзумского заповедника. Его дирекция из-за стоявшей сильной жары находилась в тревожном ожидании пожара и уже объявила готовность № 1. На наше счастье ночью прошёл дождь, поэтому нам, в порядке исключения, разрешили посетить заповедные озёра. Вскоре в сопровождении инспектора мы выехали на Малый Аксуат, на

котором в апреле в течение десяти дней мне довелось проводить учёты птиц. То, что я увидел в этот раз, с трудом поддавалось описанию. Вместо прежнего озера, где весной держались тысячи уток, осталась илистая поверхность обсохшего дна с мелководной лужей в центре, на которой кормилось несколько сотен куличков, три чайки и одинокая пеганка. Высохшим оказалось и соседнее озеро Большой Аксуат. Следующая цепочка озёр Кемель, Каражар и Шошкалы, также обсохших во время июньской жары, представляла собой пустынный коричневатый такыр, окружённый жёлтой стеной тростников. Печальное зрелище имели теперь эти места — мёртвая тишина и ни одной птицы! Далее по полевой дороге проехали берегом речки Карасу, по которой весной поступала вода в озёра. Перегороженная земляными дамбами она превратилась в систему неглубоких плёсов, на которых мы встретили лишь одиночного лебедя-кликуну и два десятка чибисов. Местные жители вынуждены были построить эти запруды для водопоя своего скота, так как других водных источников поблизости не было.

Обсохшим оказалось большинство плёсов огромного озера Сарымойын. Высохли также озёра Большой и Малый Санкебай, Шошкаколь, Байтума, служившие излюбленными местами гнездования и миграционных остановок водно-болотных птиц. Единственным обводнённым местом в заповеднике остался Жарколь и речка Наурзум-Карасу, куда перебралась вся водяная птица с усохших озёр. Вскоре мы приехали на Жарколь, представлявший собой цепочку плёсов, которые имели следующие названия: Солёный, Пресный, Центральный, Милицейский и Северный. Первый из них высох и представлял собой сор - белоснежный солонец, твёрдая поверхность которого была похожей на лёд. Второй имел обрывистые берега с редкими тростниками вдоль уреза воды. На нём мы насчитали до 30 видов птиц, из которых было особенно много уток и арктических куликов, среди которых держались выводки пеганок.

Рядом с этим озером находился большой дом с хозяйственными постройками — кордон заповедника. Подъехав к нему, познакомились со старшим инспектором Валерием Шишкиным, который обстоятельно обрисовал нам ситуацию, сло-

жившуюся на водоёмах. По его совету выбрали место для ночёвки на берегу протоки Наурзум-Карасу, где разгрузили машины и поставили палатки. После этого в сопровождении Валерия съездили на центральный и северный плёсы Жарколя, где провели учёты птиц. На них концентрировались тысячи уток, куликов, чаек, крачек, держалось линное скопление из 36 лебедей-кликунов и выводок серых журавлей. Встречались мелкие группы больших и средних кроншнепов. В конце июля в Наурзуме, по словам инспектора, здесь видели сотенную стаю кречёток, но нам удалось встретить лишь одну стайку из 13 взрослых особей. Немало интересных птиц мы увидели и на протоке, на которой остановились. Особенно часто попадались выводки черношейных поганок, серых уток, шилохвостей и красноголовых нырков. В тростниках время от времени слышались мелодичные голоса усатых синиц. В зрительную трубу выследили и хорошо рассмотрели выбравшегося из зарослей покормиться у воды малого погоньша.

Наступил вечер, погасли последние отсветы закатного солнца. После ужина уставшие участники экспедиции разбрелись по палаткам. Наступившую тишину в полевом лагере нарушило неожиданное появление инспектора Шишкина, сообщившего тревожную весть. Оказывается, во второй половине дня, после проехавшего по полевой дороге между кордоном и бором трактора, от искры из выхлопной трубы загорелась сухая трава. Возникший очаг огня своевременно не заметили, а когда обнаружили, было уже поздно. Подгоняемый вечерним ветром пожар широким фронтом двинулся по заповедной степи в сторону Наурзумского бора. Инспектор предупредил нас, чтобы мы постоянно следили за направлением ветра и, если ночью он подует в нашу сторону, нужно будет срочно эвакуироваться с места стоянки, так как огонь может быстро прийти до нас по тростникам. Дело в том, что мы расположились на обширном солончаке, замкнутом в кольцо тростников, из которого имелся только один выезд на узкой перемычке между плёсами. В случае, если пожар опередит нас, то мы можем оказаться в огненной ловушке.

Оказывается, пока было светло, начало пожара мы не заметили, а теперь, когда наступила темнота и усилился вечер-

ний ветер, вся западная сторона небосклона была закрыта красным заревом, которое время от времени взмывало вверх громадными всполохами. В полночь стало казаться, что огонь стал продвигаться в нашу сторону по цепочке озёр. В тревожном ожидании как рукой сняло усталость и сон. Чтобы выяснить реальную обстановку отправили одну машину на разведку к инспекторскому кордону. Гонцы вскоре вернулись с радостной вестью. Оказывается, ветер на время утих и пожар остановился в степной балке в трёх километрах от кордона и явного движения огня в нашем направлении не наблюдается. Все молча разошлись спать по палаткам. На рассвете в лагере раздались тревожные крики дежурных на русском и английском: «Подъём. Огонь идёт в нашу сторону. Срочно собираемся и уезжаем!». Пока мы спали, ветер усилился и сплошной огненной лавиной двинулся по тростникам жаркольских плёсов в нашу сторону. На тёмном фоне неба стоял свист крыльев многочисленных уток и куликов, панически покидавших охваченные огнём озёра. Со стороны дальнего плёса доносились тревожные голоса улетающих лебедей. В спешке сняв палатки и собрав вещи, закидали их в машины и быстро выехали в степь. Промчавшись десяток километров по дороге до кустанайской трассы, остановились, чтобы упаковать и разложить по местам сваленные в кучу вещи. Вдалеке, где мы ночевали, поднимались клубы дыма и огня, а над восточной кромкой горизонта начинался восход солнца.

С такими приключениями прошла первая часть нашего путешествия до Кустаная. Дальше предстояла ещё не менее интересная дорога по озёрам Северного и Центрального Казахстана, но об этом будет следующий рассказ.

Электронная газета «Ремез» № 124. 2022 г.

Пожар у Коровьей речки

Погода словно с ума сошла. Нынешний год выдался рекордным по количеству погодных катаклизмов и аномалий в мире. С каким-то необъяснимым неистовством природные стихии — ураганы, смерчи, ливни с градом, наводнения, засухи и пожары — одна за другой обрушивались на многие страны Европы и Северной Америки. Особенно на те, где в последние годы слишком увлекались «зелёной» энергетикой, перегородив приморские равнины и горные долины бесчисленным множеством ветровых установок и солнечных батарей. Даже в знаменитых курортных краях Южной Европы, включая Испанию, Италию, Францию, установилась небывалая африканская жара, обмелели реки и всё лето горели леса.

На фоне этих событий у нас в Казахстане это лето было тоже засушливым. Особенно сильная жара стояла в июле. Весь август было сухо и без дождей, а в начале сентября один за другим во многих местах стали возникать огненные очаги. Особенно много их было на Алтае. Только в его бухтарминской части огонь полыхал у сёл Кутиха, Быково, Сенное, а затем у Ново-Берёзовки и Катон-Карагая. Немалый переполох вызвал пожар, возникший у Бобровки на Кара-Кабе. К счастью, начавшиеся после 10 сентября дожди остановили его распространение вглубь труднодоступных ущелий Южно-Алтайского хребта, что и спасло уникальные кедровые леса. А мне эти события напомнили давнюю историю о ещё одном пожаре в тех краях.

В годы работы в Маркакольском заповеднике мне довелось участвовать в тушении трёх пожаров районного масштаба, из них самым запоминающимся был на Кара-Кабе у Коровьей речки.

В полночь с 20 на 21 июля 1978 года меня разбудил настойчивый стук в дверь дома, в котором я жил тогда в деревеньке Урунхайке на берегу озера Маркаколь. Когда я вышел на крыльцо, местный лесничий объявил, что я мобилизован на тушение пожара и через 15 минут обязан явиться к пункту сбора около здания почты. Отметив меня в своём списке и, напомнив, чтобы я не забыл взять с собой паспорт, так как мы

находимся в пограничной зоне, он ушёл. В те времена существовало постановление, согласно которому в случае пожара или другого стихийного бедствия все совершеннолетние жители Маркакольского района в экстренном порядке могли быть привлечены к их ликвидации. Быстро одевшись по-походному и, захватив с собой ватник и полевую сумку, я вскоре был в назначенном месте. Там уже стоял лесхозный «Газ-66» и собралось полтора десятка урунхайских мужиков, выяснявших, куда едем, где пожар и надолго ли эта канитель. Поднятые врасплох среди ночи, они были легко одетыми, без обязательных в таких случаях сумок с продуктами. Наверное, понадеялись, что съездим на место ЧП, быстренько потушим огонь и вернёмся домой к обеду. Такое уже случалось в последнее время, поэтому большинство было уверено, что обойдется и в этот раз.

Вскоре, разместившись в кузове машины, выехали по дороге, ведущей в Бобровку. Спустя час, задолго до рассвета, переехав мост через Кара-Кабу, машина остановилась у выхода реки из ущелья. Под самой высокой вершиной с его левой стороны, виднелись красные всполохи огня. Там горели пихтачи и, судя по зареву, пожар был значительный. Увидев это, мы сразу поняли, что приехали сюда надолго и к тому же предстоит подъём на вершину, чтобы добраться до огненного очага. Нам раздали штыковые лопаты, показали направление движения и скомандовали о начале подъёма, точнее, штурма горы. Тропинок, ведущих вверх, не оказалось, поэтому в полной темноте мы полезли вверх напрямик по крутому склону, заросшему кустарниками и заваленному камнями. Поначалу слышались крепкие выражения мужиков, вскоре сменившиеся всеобщим пыхтением и сопением. Преодолев первый крутяк, выбрались на гребень, по которому подниматься стало легче. На рассвете добрались до вершины, затянутой дымом, и устроились на отдых среди редких лиственниц и скал. Внизу, из теснины ущелья, доносился шум Кара-Кабы. Нам пояснили, что мы находимся как раз немного ниже места, где в неё впадает Коровья речка. А горный отрог, на который мы поднялись, называется Кызыл-Кизень — «Красный перевал». Он тянется от ущелья Арасан-Кабы и ограничивает с севера Кара-Кабинскую впадину.

После выматывающего подъёма сильно хотелось пить и тут выяснилось, что ни воды, ни продуктов у нас нет, так как предполагалось, что всё необходимое забросят вертолётом. Один из бывалых лесников, не раз бывавший на больших пожарах, пояснил, что в таких случаях все участники в обязательном порядке обеспечиваются сухим пайком или котловым питанием, поэтому предложил потерпеть немного, так как лесхозное руководство обязательно позаботится, чтобы забросить нам сюда всё необходимое. А пока нашей пожарной команде поставили задачу заняться локализацией очага пожара. Вооружившись лопатами, мы стали обходить пожарище по периметру, закидывая землей дымящуюся моховую подстилку, тлеющие поваленные деревья и выворотни. На наше счастье, ветер, дувший ночью вниз по ущелью Кара-Кабы, к утру утих и пожар, полыхавший по пихтам, утих и улёгся. Всё кругом было затянуто едким дымом, и мы быстро надышались им до одурения. Из-за отсутствия воды во рту пересохло и неприятно першило в горле. В полдень был объявлен перерыв в работе и все, собравшись в одном месте, повалились отсыпаться на моховой полянке. Вскоре послышалось стрекотание вертолёта. Сделав круг, он завис над нашей стоянкой, распахнулась дверь, и нам выбросили два мешка с продуктами. — «Воды! Воды давайте!», - взревели измученные жаждой мужики, увидев, что вертолёт начал удаляться в сторону Катон-Карагая. В мешках вместо ожидаемых продуктов оказались только буханки хлеба, зато свежие, наверное, взятые прямо из пекарни. Хлеб разделили и раздали каждому по половине булки. Еда всухомятку хотя и утолила немного голод, но усилила желание пить.

А внизу заманчиво шумела Кара-Каба, напоминая постоянно о близости воды. Первым не выдержал урунхайский охотник-промысловик Алексей Ларионов, предложивший сходить вниз к Коровьей речке, чтобы напиться воды. Несмотря на то, что всех мучила жажда, желающих не нашлось. Спускаться вниз по крутому километровому склону ущелья и затем снова карабкаться обратно вверх ни у кого желания не было. Алёш-ку пытались отговорить от этой затеи, так как велика вероятность сорваться и переломать кости. Сожалели, что у нас не

было ни чайника, ни фляжки, в которых он мог бы притащить на обратном пути воды. Алексей ушёл и вернулся вечером совсем обессиленный. Он повалился на землю и, когда отдышался, рассказал о невероятной крутизне склона, на который ему довелось карабкаться на обратном пути. — «Не завидуйте, что был у воды, - успокоил Алексей, - после такого подъёма мне теперь пить хочется ещё сильнее, чем вам».

Наступила ночь. По ущелью подул горный ветер, немного освеживший воздух, но принёсший тревожные вести. Вскоре мы обнаружили, что в нескольких местах на склоне раздуло погасшие очаги пожара. Вооружившись лопатами, сразу отправились на их тушение. В основном это были старые дуплистые пни и колодины, тлевшие весь день внутри. Вновь всё вокруг затянуло дымом. Продвигаясь группами по кромке леса, мы продолжали гасить горящие и тлеющие места. Много сил и времени потратили на их обкапывание. К утру, когда ветер стал утихать, удалось вновь более или менее локализовать пожар. С почерневшими от сажи руками и лицами вернулись мы на рассвете к месту стоянки и повалились спать на моховую «постель». В полдень появился долгожданный вертолёт. Нам выбросили две фляги воды и передали сообщение, что продукты скоро доставят лесники на лошадях. Но всем было уже не до еды. До предела обезвоженные, мы бросились к флягам утолять жажду, напившись «от пуза». Постепенно стал проходить кашель и мучившая всех сухость и горечь во рту.

За время пребывания на пожаре мне лишь урывками удалось понаблюдать за птицами. В первый же день рядом с местом стоянки появилось семейство соек с уже хорошо летающими птенцами. Похоже было, что они покидали сильно задымлённый лес, по которому ночью прошёл огонь и перекочёвывали в безопасную часть гор. Для меня эта встреча была особенно радостной, так как для Южного Алтая до сих пор ещё не было никаких конкретных наблюдений о их гнездовании. Время от времени в бинокль доводилось видеть также белопопых стрижей, стремительно летавших парами над тесниной ущелья Коровьей речки, что свидетельствовало о том, что они гнездились там в утёсах. Ещё недалеко от нашего лагеря в лиственницах держался выводок канюков, в котором молодые целыми днями кричали, выпрашивая у родителей корм.

Третья ночь выдалась для нас самой тяжёлой беспокойной. Ещё с вечера испортилась погода, над горами потянулись вереницы дождевых туч, а затем разбушевался ветер, во время которого запылал весь кустарниковый склон ущелья. Огненный вал, гонимый порывами ветра, стал продвигаться к вершине горы, где находились мы. Весь лесной склон ущелья, который мы две ночи пытались спасти от огня, теперь полыхал, а огненные валы, подгоняемые порывами ветра, перекидывались и расползались в разные стороны. Вскоре, каким-то невероятным образом перекинувшись через глубокую скальную щель, он достиг пихтачей.

Страшное и незабываемое это зрелище - пылающие пихтачи. Вначале начинает гореть лесная подстилка вокруг дерева и нижняя часть ствола. Затем, когда создаётся высокий температурный фон, вспыхивают тонкие ветки с хвоей и с сильным гулом пламя устремляется вверх и взмывает к самой верхушке, обдавая всё вокруг жаром и искрами. Всё это напоминает взлёт боевой ракеты. Я как-то подсчитал, и получалось, что самые высокие пирамидальные пихты сгорали за 12 секунд! А когда огонь охватывал весь пихтач, и горели сразу десятки, а то и сотни деревьев, над пожарищем стоял страшный нарастающий гул, то и дело выстреливающий вверх ярким пламенем и искрами вспыхивающих и моментально сгорающих пихт. В таких местах создаётся очаг необычайно высокой температуры и горит вокруг всё, включая лишайник на камнях. Находиться вблизи стало опасно — любой шквальный порыв ветра мог накрыть огнём людей. Когда загорелось место нашей стоянки, мы спешно собрались и стали уходить к скалам у вершины горы, где ветер был потише.

В эту ночь горело и полыхало всё вокруг до рассвета. А утром нас разыскали приехавшие на лошадях лесники из Сорвёнка. Оказывается, вчера они не смогли прибыть к нам на смену, так как весь день занимались поиском потерявшихся коней. Ребята быстро организовали нам достархан, щедрый, словно, на праздник. У нас, совсем оголодавших за последние дни, от такого количества свежего домашнего хлеба, баурсаков и варёного мяса голова пошла кругом. После сытного завтрака мы попрощались с лесниками и отправились вниз к реке. При-

шло спешить, так как надвигался дождь. Вскоре чёрное от туч небо раскололи яркие всполохи молний и раздались гулкие раскаты грома. Едва мы спустились к подножию горы, как хлынул ливень. Последнюю сотню метров пришлось бежать, чтобы укрыться под мостом через Кара-Кабу. Дождь прошёл по горам мощной лавиной и вмиг потушил все огненные очаги. Спустя час, когда мы ехали домой на лесхозной машине, над обгоревшими вершинами горы у Коровьей речки уже не было видно ни огня, ни дыма.

Электронная газета «Ремез» № 125. 2022 г.

Гусиный «котёл» на озере Койбагар

Осенний учёт гусей в 1998 году на озёрах Кустанайской области совпал с приходом 4 октября в северную половину Казахстана арктического фронта со снегопадами, ветрами и ночными заморозками. Однако наступившие холода нас ничуть не напугали, а, напротив, даже обрадовали, так как по местным охотничьим поверьям считается, что «чем погода хуже, тем лучше». Дело в том, что именно в такую пору здесь появляется основная масса мигрирующей «казары», образуя на озёрах многотысячные скопления — «котлы». Примета полностью подтвердилась, когда на Кулыколе в самый разгул стихии 6 октября мы насчитали свыше 160 тысяч гусей, из них 35 тысяч краснозобых казарок и 5.5 тысяч пискулек. В дальнейшем предстояло обследовать другие крупные озёра Кустанайской области и выявить на них гусиные «котлы». Поэтому наша экспедиция разделилась на две мобильные группы — финскую и казахстанскую. Наша группа, представленная Сергеем Ероховым и мной, ездил на «буханке» - УАЗ-452, водителем которой был Дмитрий Жуков, по-хозяйски оборудовавший машину для дальних осенних поездок и холодных ночёвок.

Дождливым утром 7 октября мы попрощались с участниками проекта и выехали на озеро Койбагар - основное место миграционных остановок гусей в северо-восточной части Кустанайской области. Попутно заехали на озёра Тениз, Бозша-

коль, Мамырколь, Сулуколь, чтобы проверить наличие на них гусиных скоплений. Во время стоянок около них мы каждый раз просили Дмитрия остановиться так, чтобы с подветренной стороны машины можно было установить зрительные трубы. Но как он не разворачивал её боком навстречу дующему ветру, никакого затишья с противоположной стороны не получалось — всюду гулял пронизывающий ветер. Я долго не мог поверить в такое явление и даже ходил вокруг машины, пытаясь отыскать хотя бы один не продуваемый закуток. Так и остаётся для меня до сих пор загадкой этот феномен кустанайских ветров.

А непогода за время двухдневного переезда словно испытывала наше терпение — шквальный ветер сменялся то дождём, то снегом. Всю ночь, во время ночёвки в сосняке у озера Сулуколь, бушевал ураган, ломавший ветки на деревьях и сменившийся утром ледяным ветром со снежной крупой. Вечером 8 октября, миновав бор Аман-Карагай, мы взяли курс на посёлок Карасу, расположенный на берегу Койбагара. Не стихая дул сильный северо-западный ветер с колкой снежной крупой, по асфальту по-зимнему гуляла позёмка, а на полях и пашнях тонким слоем лежал свежевывавший снежок. Миновав с десятков небольших сёл вдоль трассы, у Зеленовки свернули вправо, переехали речку и по накатанной полевой дороге помчались навстречу густой пелене надвигающегося снегопада. Приближение озера почувствовалось по тысячам белолобых и серых гусей, краснозобых казарок, крякв, хохотуний и сизых чаек, кормившихся по полям. Охотников не было, поэтому птицы спокойно расхаживали по заснеженной стерне, разыскивая и склёвывая пшеничное зерно. Кое-где на копнах соломы виднелись канюки-зимняки — первые гости из тундры и предвестники наступления скорой зимы.

Вскоре в снежной пелене показался и сам Койбагар — крупнейшее озеро с обрывистыми берегами, окаймлённое широкой полосой жёлтых тростников. Подъехали к нему в сумерках в разгул снегопада с ветром, точнее, метели. На ночёвку остановились среди развалин небольшого посёлка среди тополей и клёнов. В поисках затишья заехали внутрь большой кирпичной постройки без крыши. Несколько десятилетий на-

зад здесь располагалась опытная животноводческая станция по созданию элитных пород овец. Говорят, что здесь производились эксперименты по казахстанскому архаромериносу – уникальной породы тонкорунных овец, выведенных путём скрещивания диких баранов и домашних овец.

Мои спутники сразу же принялись за приготовление ужина, а я со зрительной трубой отправился к обрывистому берегу на учёт, но пришлось поспешно возвращаться, так как всё вокруг погрузилось в сумрак и снежную круговерть, а со стороны озера стал доноситься страшный гул шторма. Впечатление было такое, что мы приехали сюда не в начале октября, а в конце ноября, в пору ранней зимы. Когда я уходил, в тёмном небе уже слышались голоса краснозобых казарок, возвращающихся с полей на ночёвку к озеру.

В это же время к развалинам подъехало несколько джипов с российскими номерами. Освещая фарами постройки, они выбрали место для стоянки и ночёвки под защитой бетонных стен. Оказалось, что приехали челябинские охотники. Разговорились, и они рассказали, что приезжают сюда на гусиные охоты ежегодно. Для большинства из них такие поездки на протяжении 10-15 лет уже стали традицией. С нетерпением ждут они наступления каждой осени, оформляют в кустанайском охотничьем обществе по всем правилам разрешения на охоту, оплачивают взносы и путёвки и проводят здесь своё отпускное время. Короче, это были мужики из той самой категории, про которых говорят, что для них охота пуще неволи.

Вскоре мы собрались за столиком в салоне машины, на котором в казане источал аромат охотничий шулюм из гуся, мастерски приготовленный Сергеем Николаевичем по всем правилам походной кулинарии. Пока готовился ужин на газовой плите, в машине установилась теплынь и впервые за день мы разделись до рубашек. После сытного ужина долго чаёвничали, заполняли полевые дневники и лишь после этого стали устраиваться на отдых в спальниках. Засыпали под шум ветра и отдалённый гул волн на озере.

Утром 9 октября проснулись в пять часов от того, что кто-то настойчиво скребётся в машину. Оказывается, по крыше под порывами ветра с немилосердным скрипом елозил замёрзший

целлофановый пакет с продуктами, оставленный там на ночь. Несмотря на ранний час из-за выпавшего снега было уже светло. К тому же ярко светила луна, а на стылом небе было много звёзд. После ночного заморозка окна машины заиндевели и покрылись зимними узорами. Термометр показывал минус двенадцать градусов. Пытаясь разобраться, почему у меня всю ночь мёрз один бок, я обнаружил, что меховой спальник, соприкасавшийся с окном, едва не примёрз к стеклу. Дмитрий, услышавший про это, поведал историю о своём двоюродном брате Викторе, который в числе первых первоцелинников прибыл в эти края в феврале, когда ещё стояли лютые морозы, а жить приходилось в больших брезентовых палатках. На вопрос о том, сильно ли пришлось мёрзнуть людям во время ночёвок, Виктор Иванович всегда отвечал уклончиво, мол палатки хорошо отапливались железными печками, около которых по ночам всегда дежурил истопник. а поселенцы имели тёплые спальники. — «Правда, иногда в сильные морозы случалось такое, что волосы примерзали к брезенту», - добавлял он. Увлечённый рассказом Дмитрий надрывно раскашлялся, а мы с Сергеем дружно поддержали его. Оказывается, за прошедшие дни постоянного пребывания на холоде и ветре мы уже успели изрядно простудиться и заработать неизбежный в таких случаях бронхит.

Из-за тесноты в салоне машины одеваться и выбираться наружу приходилось поочередно. Последний выходящий обычно ставил на газовую плиту чайник. Первым выбрался наружу Дмитрий, прошёлся по хрустящему снегу вокруг машины, ударами сапога проверяя состояние колёс. — «Зайцы ночью в гости приходили — весь снег вокруг истоптали», - крикнул он нам. Затем он забрался в кабину и завёл для прогрева двигатель.

После традиционного чаепития оделись теплее и, несмотря на то, что было ещё темно, в семь часов отправились на обрывистый берег озера на учёт. А там, не стихая, дул порывистый северный ветер, а на озере гуляли чёрные волны. Издалека временами доносились голоса проснувшихся гусей. Для своей ночёвки они обычно выбирают самые спокойные плёсы озёр, на которые возвращаются скрытно, поздно вечером, уже в

темноте, а улетают рано утром, задолго до восхода солнца. В тех местах, где местные охотники, не тревожат их на ночёвках, как правило, существуют стабильные осенние скопления гусей. По существующим правилам охота на них с лодок на акватории озёр запрещена, как и стрельба с берегов по летящим гусиным стаям. С этой целью вокруг озёр созданы 500-метровые зоны покоя. Поэтому охота на гусей здесь разрешена только на полях, куда они вылетают кормиться.

Спустя полчаса из дальнего угла Койбагара начали подниматься первые стаи краснозобых казарок, следом за ними пошли многотысячные табуны белолобых гусей, разрисовывая небо немислимими узорами. Они быстро набирали высоту и с гомоном стремительно проходили над обрывистым берегом, удаляясь на соседние поля. Гуси и казарки стремились как можно быстрее и выше пройти над береговой линией, так как для них она является смертельной чертой, с которой могут раздаваться выстрелы охотников, не соблюдающих общепринятых правил. В это утро гусям повезло — все охотники ещё в темноте разъехались по полям, и не прозвучало ни одного выстрела. Порадовали нас в это утро и результаты учёта — на утреннем вылете насчитали до 20 тысяч гусей, хотя несколько лет назад на этом озере учитывалось до 80 тысяч гусей и казарок. Позднее, разговорившись с одним из рыбаков, живущим недалеко в вагончике, мы узнали, что в первых числах октября гусей здесь было в два-три раза больше, но понаехавшие кустанайские охотники распугали их, вопреки всем установленным запретам, выезжая на моторных лодках в места их ночёвок и устраивая по гусям пальбу с берегов во время утренних и вечерних перелётов. Об этом свидетельствовали кучи стреляных гильз, найденные нами среди развалин и под обрывами. Завершили в это утро вылет на поля кряквы и шилохвости, также как гуси, являющиеся большими любительницами зерна пшеницы и ячменя. А на озере осталось много других птиц. На небольших плёсах в широкой полосе тростников, хорошо укрытых от ветра, виднелись семейные группы лебедей-шипунцов с поздним молодняком, большие скопления лысух, среди которых можно было разглядеть также хохлатых чернетей, красноголовых нырков, серых уток, свиязей, чомг,

черношейных поганок и чаек-хохотуний. Часто с одного плёса на другой перелетали табунки гоголей и чирков-свистунков, а над тростниками кружились многочисленные сизые чайки. Из куликов удалось увидеть одиночных бекасов и чибисов. На акватории озера среди больших волн держались стаи морских чернетей, среди которых была ещё одна арктическая гостья - морянка. С характерным «гуканьем» пролетела небольшая группа тундровых лебедей.

Возвращаясь к машине, мы прошли по территории бывшего посёлка, где в заснеженных бурьянниках и кустарниках среди клёнов и тополей встретили ушастую сову, ястреба-перепелятника, зяблика, певчего дрозда, обыкновенного скворца, серого сорокопута, полевого жаворонка и несколько серых ворон. Вскоре началось возвращение гусей на озеро после утренней кормёжки на полях, поэтому мы приступили к очередному их подсчёту. А в полдень, завершив учётные дела, выехали в направлении Тютюгура — очередного озера и гусиного «котла».

Электронная газета «Ремез» № 126. 2022 г.

Малиновые тропы Маркаколя

Июль и август в алтайских горах на озере Маркаколь - самое тёплое и ягодное время года, поэтому оно как-то по-особому оставило в памяти самые яркие впечатления. Может быть, от того, что более богатых ягодами мест мне больше не приходилось встречать в других краях. Особенно много было красной смородины, именуемой среди алтайских жителей «кислицей». Все сивера - северные склоны гор у озера, поросшие лиственничным лесом, были покрыты высокотравьем из иван-чая, чемерицы и вейника, густыми зарослями красной смородины, растущей большими куртинами в сочетании с алтайской жимолостью, малиной, шиповником и таволожником. Такие места с травостоями в рост человека, валежником, поваленными деревьями, выворотнями и валунами нередко превращались в труднопроходимые дебри, поэтому во время учётов птиц мне чаще всего приходилось пользоваться тропами, проложенными

ми лошадьми. Попытки продраться через них напрямик чаще всего превращались в мучительную ходьбу с преодолением всех этих препятствий с бесчисленным множеством ловчих сетей пауков.

В летнюю пору в этих зарослях жило множество разных птиц, из которых особенно многочисленными были садовые камышевки — прекрасные певцы, от песен которых с утра до вечера звенел весь лиственный лес. Считается, что гнёзда камышёвок искать очень сложно. Так мне тоже казалось на первых порах. Однако в первую же осень своей жизни в заповеднике, бродя по кустарниковым склонам гор, я обратил внимание, что большинство старых гнёзд камышевок располагается в густых кустах смородины. Когда наступило лето, я проверил догадку, и она подтвердилась. К тому же выяснилось, что самцы всегда поют в том самом кусту, в котором у них находится гнездо. С тех пор, стоило мне услышать азартно поющего самца этой камышевки, я сворачивал с лесной тропы, шёл к ближайшей смородиновой куртине, из которой доносился его голос, раздвигал руками ветки с южной или восточной стороны и быстро находил искусно свитое гнездышко. Пока занимался его измерениями и описанием, беспокоящемуся рядом самцу нередко говорил: «Извини, братец, но ты мне его сам выдал и показал, так что потерпи теперь немножко». В последующие годы для меня не было ничего проще отыскать гнездо садовой камышевки и в подходящих местах доводилось делать до десятка их описаний за день.

Первой «фенологической» приметой, что кислица начинает созревать, всегда бывало появление на лесных тропах больших куч медвежьего помёта, целиком состоящего из ягод красной смородины. Стоило внимательно присмотреться к ним, можно было сразу увидеть, что добрая половина его содержимого состоит, как правило, из непереваренных в желудке незрелых ягод. Но много всегда было и вполне спелых. Просто медвежий желудок не справлялся с перевариванием таких объёмов съеденного. — «Вся ягода целёхонькая, как на подбор, с ведро, однако, наберётся, - нередко в шутку описывали увиденное местные мужики, - забирай всю, промывай водой и вари варенье». Впрочем, некоторые лесные птицы и вправду

пользовались такой ягодой. Мне не раз доводилось встречать дроздов-деряб, кормящихся на медвежьих «пирогах».

Во второй половине лета медвежьи семьи, как правило, спускаются с гор в нижнюю часть лесного пояса до самого озера, где в основном сосредоточены заросли смородины и малины. В это время они целиком переключаются на ягодное питание. Мне много раз приходилось ходить в лесу по медвежьим тропам и находить места их кормёжки кислицей. И всегда удивляло, с какой бережностью они относились к «дарам природы». Трава вокруг смородиновых кустов всегда была утоптана, но ни одной обломанной веточки не найдешь. Дотянувшись до кисти с ягодами, зверь захватывал её целиком в пасть и сдёргивал все ягоды с неё, даже не отрывая эту кисточку от ветки. Так что после посещения взрослого медведя смородиновые кусты всегда выглядели аккуратно объединенными. Вот уж воистину бережливый «хозяин тайги»! Если уж, когда и встречались помятые кусты, то это были следы баловства медвежат.

После созревания красной смородины и малины на Маркаколе наступает «запасиха» - хлопотная пора заготовок ягод на варенье, когда деревенские жители традиционно отправляются на ближайшие горные склоны или в лога «по кислицу». Обычно ходили семьями, чаще всего женщины с детьми. Обрато в деревню возвращались усталые, раскрасневшиеся от солнца и счастливые, с полными ведрами ягод. Особенно живописно в таких шествиях выглядели женщины в белых платках, несущие ягоду в больших ведрах на коромыслах и плетущие следом ребятишки с лукошками и туесками. Кислицы в окрестностях Урунхайки, где я жил, бывало столько много, что до осени люди не могли собрать и половину урожая ягод. С учётом того, что сюда приезжали жители из многих сёл Маркакольского района. Всё остальное оставалось на пропитание медведям и другим лесным обитателям. Однако основную часть малины людям всё же удавалось собрать.

Заготавливалась также чёрная смородина и алтайская жимолость, называемая «барбарикой» и имевшая не круглые, а удлинённые фиолетово-синие ягоды. Они хотя и имеют горьковатый вкус, но считаются очень полезными для поддержания здоровья, поэтому из них всегда готовилось варенье и

предлагалось попробовать гостям как редкое угощение. Кроме того, летом на горных склонах местные жители готовили на варенье ревень, как правило, по одному-два мешка на семью. На сенокосных лугах собирали клубнику, костянику, ежевику. В сентябре некоторые любители привозили домой с «белков» - водоразделов хребтов — чернику и кедровые шишки. Маркакольские женщины в конце лета — начале осени всегда заготавливали на зиму много различного варенья из местных ягод, таким образом, компенсируя недостаток многих витаминов из-за отсутствия южных фруктов и овощей, потому что такие деликатесы как яблоки, груши, сливы, абрикосы и виноград сюда никогда не завозились. К тому же, многие жители обязательно сушили для лечебного чая зверобой и бадан, плоды красного и чёрного шиповника, корни красного корня — копеечника. На стенах кухонь во многих домах всегда можно было увидеть пучки лекарственных трав - средство от простуд и прочих хворей. Так что, авитаминоз местным жителям никогда не грозил, так как простое на первый взгляд деревенское питание было на самом деле весьма сбалансированным и полезным для организма.

А вспомнились мне ягодные времена не случайно. Дело в том, что ходить по лесным тропам, где справа и слева стоят манящие кусты малины и кислицы, занятие не только приятное и сладкое. Обилие ягод порой сильно мешало при проведении полевых работ. Групповые походы с подъёмом в горы иногда превращались в бесконечные остановки около рясных кустов с потерей спутников в малиновых кущах. А неизбежное переедание ягодами приводило к желанию полежать где-нибудь «в тенёчке» под кустиком. В итоге такое обжорство, как правило, приводило к срыву запланированной экскурсии и предательскому желанию некоторых участников похода вернуться домой. Правда, такие казусы чаще всего случались с приезжими горожанами и студентами-практикантами, которые набрасывались на первый же увиденный куст красной смородины, ягоду которой из-за кисловатого привкуса мы практически не ели, предпочитая малину. Поэтому я выработал для себя железное правило: до прихода в конечную точку лесного маршрута - «ни ягодки в рот». Если же со мной был напарник, со-

блюдать такое же условие требовал и от него. На обратном же пути, когда все запланированные дела были выполнены, мы непременно заворачивали в заветные малинники, где можно было предаться сладкому чревоугодию уже без вреда для дела.

Особенно памятны августовские маршруты по восточному берегу Маркаколя на Самойлов мыс, до которого из Урунхайки было с десяток километров. Первая часть пути проходила по лесной тропе по горному склону, а от Жуковой пасеки начиналась широкая полоса приозёрных лугов с высокотравьем и богатейшими зарослями шиповника и малины. Перезрелая сочная малина гроздьями свисала с кустов по краям тропы, и требовалось немало терпения, чтобы не поддаваться соблазнам. К тому же у бродов через ручьи тропа обязательно заводила в не менее соблазнительные заросли чёрной смородины. Идти с тяжёлыми рюкзаками по жаре и без того было нелегко, а объедание ягодами приводило к неизбежному упадку сил. Мне, занятому учётами птиц, было проще отвлечься от изобилия ягод. Труднее приходилось моему спутнику-сладкожке Юрию. В шутку, а порой и всерьёз, я каждый раз даже брал с него обещание, что пока не доберёмся до избушки, он не будет есть увиденную ягоду. Правда, за время пути все клятвенные заверения непременно нарушались. Как только я переставал слышать его шаги и оборачивался, то каждый раз мне открывалась одна и та же сцена: Юра, уткнувшись в малиновый куст, обеими руками торопливо срывает сочные ягоды и полными горстями отправляет их в рот. Услышав окрик, он растерянно произносит: «Я не виноват, руки сами по себе это делают!» По его взгляду было видно, что он уже не сможет остановиться — настолько соблазнительной была эта колдовская ягода-малина. В конце концов, добравшись до бревенчатой избушки на берегу озера, мы сбрасывали с себя рюкзаки и, не стовариваясь, отправлялись в разные стороны «попасться»: Юра — в ближайший малинник, а я — на берег озера, где под тенистыми кустами тальников стоял одуряющий смородиновый аромат, особенно любимый мной с детства. Здесь были густые заросли чёрной смородины, с которой гроздьями свисали необычайно крупные и сочные ягоды. Я срывал и ел их горстями, чувствуя, как проходит мучившая весь день жажда.

Наевшись «от пуза», мы возвращались в избушку и в блаженной эйфории от усталости и сытости падали на дощатые нары. Изобилие ягод избавляло нас от необходимости заниматься приготовлением ужина. Оставалось только вечером вскипятить чайник и заняться чаепитием с пряниками.

Впереди предстояло несколько дней житья в этой избушке и увлекательные маршруты в горы Азутау по новым малиновым тропам.

Электронная газета «Ремез» № 122. 2022 г.

Запах Алтая

*В солнце – звуки и мечты, ароматы и цветы.
се слились в согласный хор, все сплелись в один узор
А.С. Серебровский*

С возрастом всё чаще и чаще начинает одолевать ностальгическое желание побывать в родных краях, где прошли детство и молодость. Так было и со мной в этот раз. Едва в начале сентября наступил долгожданный день трудового отпуска, я отложил все срочные дела и уговорил своего друга Бориса Павловича съездить на Алтай. Точнее, уговаривать даже не пришлось. Вечером поговорили про алтайских хариусов и поделились впечатлениями о прочитанной недавно статье «Лучение на Курчуме» в журнале «Охотник Алтай», издававшейся в начале двадцатых годов в Усть-Каменогорске. В ней рассказывалось о ночной рыбалке с острогой на тайменя во время сплава на лодке по реке при отсветах огня. Правда, спустя сто лет такой способ его промысла уже давно прекратился, а сам таймень стал краснокнижным видом. Зато хариуса в верхнем течении Курчума осталось ещё достаточно много, а рыбалка на него до сих пор является одним из популярных занятий алтайских жителей.

Ранним утром мы уже ехали из Алматы в восточном направлении по трассе, ведущей в Усть-Каменогорск. Борису - бывалому охотнику, рыбаку и путешественнику даже собираться не пришлось — его машина всегда готова к выезду. Первые

двое суток провели на Чёрном Иртыше, после чего проехали северным берегом Зайсана и взяли курс на синеющие вдаль горы Южного Алтая. Конечной целью этого дня были верховья Курчума у брошенной деревушки Платово, где я уже давно мечтал побывать, наслушавшись от друзей рассказов про Чёрное озеро, полное хариусов. Вскоре по дороге на Маралиху перевалили каменистый увал, спустились в широкую долину Курчума и поехали вдоль обрывистого берега с высоким тополевым лесом. Когда проезжали мимо черёмуховой урёмы, я открыл окно. Сразу напахнуло речной свежестью и я ощутил её дурмящий аромат, особенно любимый мной с детства.

- Алтаем пахнет, - задумчиво сказал я. Услышав это, Борис хмыкнул и удивлённо глянул на меня.

- Алтай не может пахнуть, - произнёс он.

- Может - возразил я. - Алтайские реки имеют особенный аромат, я его никогда и ни с чем не спутаю.

- Вода что ли здесь другая? — переспросил он.

- Дело не в воде. Весь секрет в зарослях черёмухи, калины, краснотала, чёрной смородины, хмеля и лабазника по берегам. Если они растут все вместе, то вокруг образуется такая душистая настойка, что можно захмелеть.

- Лирика это всё и фантазии, ничего особенного здесь не чувствую, - не согласился мой спутник.

- Доказывать не буду, просто мы ещё не доехали до хороших пойменных зарослей.

Дальше ехали молча, каждый думал о своём. Когда проезжали через скальную теснину, Борис съехал на обочину дороги и остановил машину. Внизу шумел на перекатах сильно обмелевший за лето Курчум. Прозрачная вода была светлой как воздух в ясный день. Лишь на повороте в тени у высокого утёса, где образовался глубокий омут с водоворотом, она была синевато-зелёной и таинственной. Борис вышел из машины, прошёл с десятков метров и задумчиво остановился на краю скального обрыва. Затем почесал затылок, протяжно вздохнул, разочарованно махнул рукой и вернулся обратно.

- Запах как запах, так везде речки воняют - сыростью, болотинной и водорослями — недовольно пробурчал он и закурил.

- Ну почему же, речка ещё тайменями и хариусами попахивает.

вает, - отшутился я, - отсюда как раз начинаются самые рыбные места.

Миновав две деревеньки, на закате солнца мы свернули вниз и по хитрой рыбацкой дорожке среди пойменного леса проехали к реке, остановившись на ночёвку на полянке под скалой. Судя по рогатулкам, воткнутым вдоль уреза воды, место было насиженным и «намоленным» рыбаками. Речка была здесь довольно широкой и глубокой — есть где развернуться и забросить блесну на всю длину лески. Поэтому Борису оно сразу приглянулось, и он спешно достал свои снасти, собрал длинную бамбуковую удочку и ушёл по тропинке на соседний плёс. Ниже нас у брода на лошадях появились два загорелых местных мужика со спиннингами за спиной, одетыми как ружья. Увидев, что поляна уже занята, они шумно, чуть ли не вплавь, переправились на другой берег и уехали дальше. Я же, закинув свою удочку в глубокую яму и пристроив её на одну из рогаток, развёл костёр, поставил чайник на огонь и взялся за установку палатки, размышляя про наш недавний разговор с Борисом и его реакцию на мои слова. Наверное, чтобы понять их смысл, ему надо было бы родиться на Алтае. Для меня же понятие Алтай с детства всегда ассоциировалось с ароматами рек и леса. С запахом чёрной смородины и крапивы у ручьёв, черёмухи и хмеля в логах, ароматом сенокосных лугов. В степной части они чаще всего пахнут шалфеем, чабрецом, душицей и полынью. В горах - душистым колоском, матрёшкой и клевером. Ещё мне нравится запах тальника, мокрой листвы и грибной прели! Особенно приятно пахнут грибницы груздей, белых грибов и вешенки. Прелесть, а не запахи!

Электронная газета «Ремез» №109. 2021

Содержание

Рясный дождь	3
Птичьё острова	4
Красная утка - священная птица	9
Страх	15
Самсон	22
Козы на деревьях	24
Игра в прятки	26
Самосуд у сорок	27
Современная собака	28
Сообразительная кошка	29
Волчьи ночи на Тентеке	30
Павлиноглазка, прекрасная и такая страшная	36
На гусиных перелётах Кулыколя	39
Птичья загадка	44
Лягушки и птицы	46
Чаячий рэкет	49
Осеннее путешествие на Южный Алтай	50
На весеннем огороде	55
Альфа-хлоролаза	56
Журка и его друзья	59
На волчьей тропе	64
Морские коровы	66
Гречневая каша	68
Синицы на пасеке	71
Подсолнухи Эрнара	72
Случай у гнезда камышевок	74
Невезучий удод	75
Рядом с выдрами	78
В метельную пору	80
Невероятные куриные истории	83
Сороки, вороны и кухонный стол	86
Кровавая расправа у реки	89
Истории про оляпок	92
Маркакольские этюды о лыжне	95
Вороньи игры	99

Сороки-стенолазы	100
Птичьи истории старого хутора	102
«Свет мой, зеркальце, скажи...»	105
Шершни и орнитологи	107
Вороны-акробатки	112
Лыжный поход на Курчумский хребет	114
Новый год на Курчумском хребте	118
Предчувствие весны	122
Кот-будильник	124
Взгляд	126
История двух стрижат	129
«Поцелуй» близкой родственницы черной вдовы	131
Шошкалы	135
Сказание о чае	138
Баурсачные вороны	142
Птица-дембель	144
Тридцатьчетверка	148
Отчаянный бурундучок	151
Утро в зимовье	153
Животные шутят над нами	157
Гиблые места	160
День весеннего равноденствия	162
История про инвентаризацию, зайца-беляка и белую горячку	166
Галки и суслики	168
Бурундуки - разорители птичьих гнезд	169
Неисправимые характеры	171
Пастухи тетеревиных стай	176
Белка-стенолаз	180
Бухтарминская быль про белую сороку и дух Виткулевчихи	182
Собирательство и kleптомания среди животных	185
Гусиный таран	187
Сизые голуби с красными иероглифами на крыльях	190
Лысый петух	194
Героические ходулочки	196
Ты в ответе за тех, кого приручил	199
Осеннее утро на перевале	202

Медвежья охота бабушки Насти	204
Музыкальная натура	206
Рыбак и ондатры	208
Как орлан проворонил добычу	210
Бухтарминская коррида	213
Месть Дружка	215
Голубиная история	220
Дружба без границ	224
Внутренние часы	228
Взаимовыручка у животных	232
Загадочный компас	235
Чумазаи	239
Чучундра	241
Улукиткан из Катон-Карагая	248
Крысиная напасть	253
Крысы - любительницы долларов	258
История старой фотографии	260
В феруловых джунглях Тарбагатая	267
На островах реликтовой чайки	273
Первый раз - не считается	274
Алакольский Змей Горыныч!	278
В преисподней шторма	278
Дождь и голуби	283
О народных названиях птиц в Восточном Казахстане	284
Осенние мурмурации скворцов	290
Отдай жену!	292
Сорочьи шуточки	294
Мстительный грач	296
Орнитофенология осени 2020 года	298
Тетерева на полях подсолнечника	299
Ловля косачей: из истории народного промысла	302
Косачи на дачах	306
Кленовые бумеранги	310
Храбрый воробей	312
Мышиная диверсия	313
Народное поверье о деревенских ласточках	314
Лисы-попрошайки	315

Фронтвые лошади Ивана Сидоркина	318
Топонимика памяти	323
История вороньего гнезда	328
Черные аисты Маркаколя	330
Талисман	337
«Подвиг» дембелей	340
История про галку, «заговорившую» по-вороньи.	344
Зимнее купание птиц.	345
Сороки и домашние животные.	347
Сойка-пересмешница	348
Говорящие сороки	351
Иртышские утесы.	355
Незабываемая фаунистическая находка	359
Год великой засухи.	363
Пожар у Коровье речки	370
Гусиный «котел» на озере Койбагар.	375
Малиновые тропы Маркаколя	380
Запахи Алтая.	385

Николай Николаевич Березовиков

РЯСНЫЙ ДОЖДЬ

Составители: С.В. Стариков, В.В. Хроков, Е.Н. Березовиков,
Т.Н. Дуйсебаева, М.Т. Баймуканов

Редакторы: М.Т. Баймуканов, С.В. Стариков, Т.Н. Дуйсебаева

На обложке: иллюстрация по фотографии М.Т. Баймуканова

Иллюстрации и верстка Д.С. Складенко

Издательство:

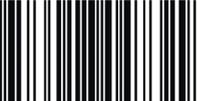
Учреждение «Институт гидробиологии и экологии»

Электронное издание.

Издание некоммерческое, распространяется на бесплатной основе.

© Березовиков Е.Н.

ISBN 978-601-80473-2-9

9 786018 047329